

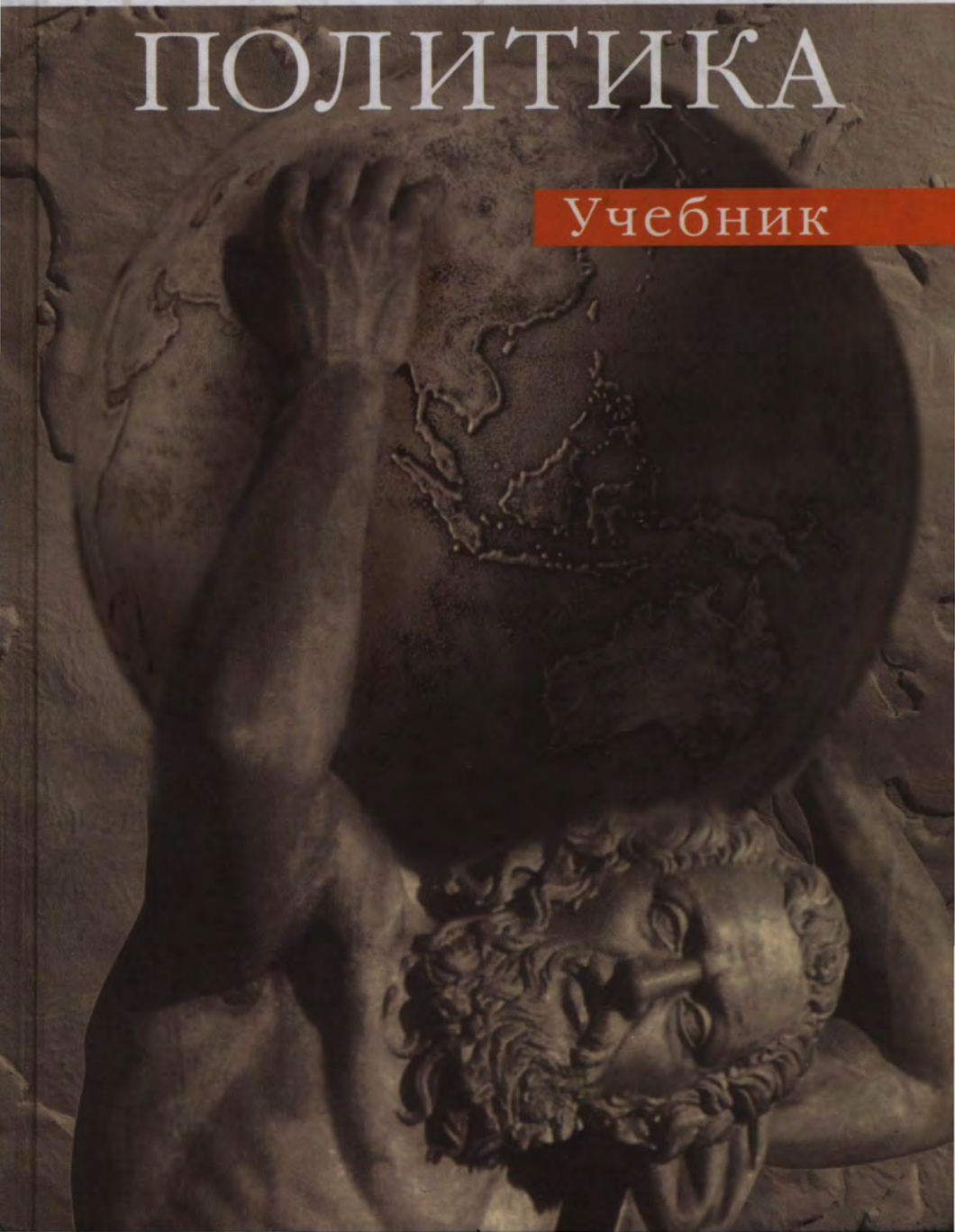
9

633

М. М. Лебедева

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Учебник

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Ю. В. Косов;
доктор исторических наук, профессор В. М. Сергеев;
доктор политических наук, профессор А. И. Соловьев

Л 33

Лебедева М. М.

Мировая политика: Учебник для вузов / М. М. Лебедева. — 2-е изд.,
испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 365 с.
ISBN 978-5-7567-0428-0

Мировая политика — область, которая развивается особенно бурными темпами. Появление новых тенденций требует быстрого отражения в учебном процессе, что особенно актуально в связи с присоединением России к Болонскому процессу в сентябре 2003 г.

Первое издание «Мировой политики» получило высокую оценку со стороны специалистов и было удостоено первой премии Российской Ассоциации Международных Исследований (РАМИ). Изменения, внесенные во второе издание учебника, затронули разделы, касающиеся становления и развития мировой политики, а также теоретических проблем, т.е. в первую очередь тех вопросов, которые не являются «сиюминутными». И это не случайно: факты, новые события можно без труда найти в справочной литературе, в Интернете. Сложнее дело обстоит с пониманием и осмыслением новых реалий. Именно на этом и были сосредоточены усилия автора.

Для студентов вузов, изучающих мировую политику, международные отношения, политологию и др. Учебник может быть полезен всем, кто интересуется проблемами политического развития современного мира.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-0428-0

© ЗАО Издательство «Аспект Пресс»,
2007

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый день средства массовой информации сообщают о произошедших событиях. И, наверное, нет человека, который с той или иной долей внимания не следил бы за выпусками новостей. На информационной ленте в одном ряду представлены встречи и переговоры, террористические акты, конфликты и сотрудничество, войны, крупнейшие финансовые и торговые сделки. Как понять, осмыслить и соотнести все это? Какие закономерности действуют на мировой политической арене?

На первый взгляд, все новости можно разделить на те, что относятся к внутренней политике, и те, что касаются внешней. Кстатисказать, именно по такому принципу программа новостей строилась на телевидении и радио в советский период. Адекватно ли такое деление сегодняшним реалиям? Ответ, наверное, будет отрицательным. В современном мире внешние и внутренние события теснейшим образом связаны между собой, что находит отражение и в том, как подаются новости. Приведем лишь один пример — последовательность и тематику новостей, переданных в эфир одним из крупнейших российских телевизионных каналов, ОРТ, 14 июля 2005 г. в 18.00. День и время передачи новостей выбраны произвольно. Обсуждение прикаспийскими государствами проблем безопасности на Каспийском море; оказание помощи пострадавшим во время пожара в г. Ухте; минута молчание в Лондоне и других городах в память о погибших в терактах 7 июля 2005 г.; объявление Францией об усилении контроля на границах; встреча представителей Совета Федерации во главе с С. М. Мироновым с премьер-министром М. Е. Фрадковым; суд в Нигерии над российскими моряками; нашествие гусениц во Владикавказе; отдых детей из Дагестана в Ярославской области. Первое, что бросается в глаза, это отсутствие четкого деления на события внутри страны и за рубежом. Скорее, новости даются по степени важности и по тем областям, которые в них затрагиваются: собственно политические, политико-экономические и т.п. Примерно так же подавались новости и тремя годами ранее. Все это, вместе взятое, имеет самое непосредственное отношение к мировой политике.

Мировая политика — новая научная область, возникшая только во второй половине XX столетия, но быстро получившая распространение

во многих странах. В фокусе ее внимания — политические процессы, происходящие в мире сегодня, но с перспективой их дальнейшего развития. В этом смысле мировая политика (в отличие, скажем, от истории) ориентирована на сегодняшний и завтрашний дни и самым тесным образом связана с политической практикой. Еще одна особенность мировой политики заключается в том, что она не может быть понята без знаний из смежных областей — истории, экономики, права, социологии, психологии и др.

Предлагаемый общественному вниманию учебник по мировой политике является одним из первых в России, несмотря на то, что курс с аналогичным названием, в той или иной форме, включен в утвержденные Министерством образования государственные стандарты подготовки специалистов в области международных отношений, политологии и регионоведения, а также бакалавров и магистров по названным направлениям. Преподается этот предмет на социологических, исторических, других факультетах и отделениях российских вузов. Существуют в России также кафедры мировой политики. Тем не менее это, как отмечено, совершенно новая для отечественной науки и образования область, не получившая еще должного институционального оформления. В результате под мировой политикой в России совсем недавно нередко понимались лишь глобальные проблемы современности — такие, например, как экология, распространение СПИДа, терроризм и некоторые другие, с их политическими последствиями. Все это, составляя важную часть данной научной дисциплины, но далеко ими не ограничивается. Более того, так называемые глобальные проблемы могут быть осмыслены только в контексте теоретических представлений.

Одним из ограничений для развития отечественной мировой политике было то, что в течение длительного времени мировая арена в Советском Союзе, а затем и в России рассматривалась исключительно как поле взаимодействия государств. Вследствие этого научная дисциплина и учебные курсы включали лишь анализ межгосударственного взаимодействия, оставляя практически без внимания деятельность других участников (транснациональных корпораций, неправительственных организаций, внутригосударственных регионов и т.п.), политические последствия этой деятельности, а также связанные с ней процессы, такие как глобализация, демократизация, регионализация и интеграция современного мира.

В научных публикациях и дискуссиях последних лет исследователи все чаще обращаются к проблемам мировой политики. Появилось немало интересных статей и монографий. Все это, несомненно, способствует развитию мировой политики в России.

Задача предлагаемого учебника заключается в том, чтобы познакомить студентов с особенностями современной политической структуры мира, проблемами мировой политики и подходами к их решению. Предназначен он для тех, кто только еще начинает изучать мировую политику. Поэтому и акцент делается не на подробном изложении отдельных тем (что просто невозможно в рамках одного учебного издания), а на их взаимной увязке. При этом предполагается дальнейшее, в зависимости от направленности вуза и конкретных учебных планов, изучение студентами отдельных курсов по тем или иным разделам мировой политики.

В основу данного учебника положен курс лекций, прочитанный на факультете политологии Московского государственного института международных отношений (Университет) — МГИМО (У) МИД РФ.

Этот учебник создавался в МГИМО (У). И моя огромная благодарность его преподавателям, аспирантам, студентам и конечно же ректору, члену-корреспонденту РАН, д.п.н., проф. А. В. Торкунову за ту атмосферу творчества, которая царит в нашем институте.

К сожалению, нет возможности перечислить именавсех, с кем мне, как автору, приходилось обсуждать наиболее сложные вопросы. Однако хотелось бы назвать первого проректора МГИМО (У) д.п.н., проф. И. Г. Тюлина и проректора, д.ф.н., проф. А. Ю. Мельвиля. Моя глубокая признательность членам кафедры мировых политических процессов, на заседаниях которой обсуждались многие положения учебника: к.э.н., доц. С. А. Афонцеву; д.п.н., проф. О. Н. Барабанову; к.п.н., доц. К. П. Боришполец; к.и.н., проф. А. А. Коновалову; к.и.н., проф. В. М. Кулагину; д.п.н., проф. В. Е. Петровскому; к.п.н., доц. И. А. Сафранчуку; д.п.н., проф. Д. М. Фельдману; к.п.н. А. В. Худайкуловой.

Хочу искренне поблагодарить директора библиотеки МГИМО (У) М. В. Решетникову, а также заместителя проректора по науке Д. Н. Пескова за помощь в подборе литературы и интернет-ресурсов.

Моя благодарность студентам МГИМО (У): С. Адамянц, Р. Большову, Д. Голубенко, Ю. Зиновскому, М. Лебедеву, В. Молчановой, А. Панкратовой, Е. Сафроновой, Н. Сычевой за участие в составлении словаря терминов, а также моему аспиранту Р. И. Снегуру, который возглавил эту работу.

Я очень благодарна академику РАН Е. М. Примакову за предоставленную возможность наблюдать его работу со студентами МГИМО (У) при подготовке ситуационных анализов по проблемам Ирака и КНДР.

Обсуждение вопросов мировой политики с работниками МИД России и других внешнеполитических ведомств способствовало пониманию того, как теоретические представления соотносятся с практикой. Ценны-

ми для меня были беседы с д.ю.н. А. В. Кругских, д.п.н. В. Б. Луковым, В. П. Тереховым, к.ф.-м.н. А. В. Федоровым.

Очень признательна моим коллегам — д.ф.н., проф. Т. А. Алексеевой за комментарии по второй главе; д.п.н., проф. А. Д. Богатурову и д.п.н., проф. М. В. Ильину за обсуждение проблем предметной области мировой политики; д.э.н. проф. О.В. Буториной, к.и.н. Ан. В. Загорскому, к.и.н. доц. Т. В. Юрьевой за дискуссии по европейской проблематике; д.и.н., проф. В. Б. Кувалдину за обсуждение проблем глобализации; д.п.н., проф. А. И. Никитину за дискуссии по проблемам современных конфликтов и миротворчества; к.п.н., доц. М. Г. Миронюку, чьи справочные материалы использовались при написании первой части; д.и.н., проф. М. М. Наринскому и к.и.н., доц. А. Ю. Сидорову за комментарии по первой главе данного учебника; д.ф.н., проф. П. А. Цыганкову за обсуждение вопросов теории международных отношений и мировой политики.

Учебник не мог бы состояться без общения с коллегами из российских университетов, в которых мне приходилось бывать на научных конференциях и семинарах, читать лекции студентам. Хотелось бы в первую очередь назвать факультеты, институты, отделения, кафедры международных отношений и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета; Нижегородского государственного университета; Ивановского государственного университета; Дальневосточного государственного университета; Волжского гуманитарного института; Нижегородского лингвистического университета.

Моя огромная благодарность к.и.н. С. К. Ознобишеву, д.п.н. Д. Б. Малышевой, д.п.н. Т. А. Шаклеиной за рецензии на первое издание данного учебника, которые были очень полезны при подготовке нового издания.

На протяжении ряда лет мне посчастливилось сотрудничать с Парижским институтом политических исследований (*Institut d'Etudes Politiques de Paris, IEP — Sciences Po*) с целью создания и развития первой в России программы магистерской подготовки по международным отношениям. Выражаю искреннюю благодарность моим французским партнерам за эту совместную работу.

Участие в международных научных конвентах, конференциях, семинарах, встречи с зарубежными коллегами позволили мне быть в курсе тех проблем мировой политики, которые обсуждаются в различных странах. Я выражаю свою искреннюю признательность проф. Х. Алкеру, проф. Б. Бади, проф. Дж. Груму, проф. Д. Дракману, проф. Б. Зартману, проф. П. Меертсу, проф. Б. Спектору, проф. Р. Фишеру, проф. Т. Хопманну

и другим зарубежным коллегам, дискуссии с которыми на протяжении ряда лет способствовали пониманию проблем мировой политики.

Хочу поблагодарить Российскую Ассоциацию Международных Исследований (РАМИ) за высокую оценку первого издания учебника и присуждение в 2004 г. первой премии в номинации «Учебно-методический комплекс».

Наконец, справедливости ради, не могу не сказать большое спасибо моему мужу к.и.н. В. В. Лебедеву, с чьей помощью выверялись многие положения этого исследовательского труда, и особенно подробно — проблематика безопасности.

Появление книги невозможно без рецензентов, а также издателей. Моя особая благодарность д.ф.н., проф. Ю. В. Косову, д.и.н., проф. В. М. Сергееву, д.п.н., проф. А. И. Соловьеву и коллективу издательства «Аспект Пресс», с которым мое сотрудничество длится не первый год, Л. Н. Шиповой и ее коллегам, включая верстальщиков, корректоров, литературных и художественных редакторов.

Я выражаю свою признательность всем, кто высказал замечания и предложения по содержанию и «подаче» текста, помогая тем самым не только совершенствованию курса по мировой политике, но и дальнейшему изданию учебной литературы по этому предмету.

С момента первого издания книги прошло три года. Мировая политика — область социальной практики, которая развивается особенно бурными темпами. И дело не только в том, что каждый день — это новые события, новые решения, новые направления развития. Главное — в перестройке самой политической структуры мира, которая происходит сегодня очень быстро и образует новое качество. Последнее позволяет говорить о формировании современной политической системы мира.

Интенсивно идет и осмысление этого процесса. Так, в России за последние годы опубликовано немало интересных книг по международным отношениям и мировой политике, появились новые научные журналы. К последним следует прежде всего отнести такие журналы, как «Космополис», «Россия в глобальной политике», издающийся совместно с «Foreign Affairs», «Международные процессы». За рубежом также вышло много работ, особенно по проблемам терроризма, вызовов и угроз, а также глобального управления, дальнейшей активизации негосударственных участников, политических аспектов миграции, экологии, этнического и религиозного экстремизма, энергоресурсов и т.д. Новые тенденции и осмысление этих явлений должны быть отражены в учебном процессе. Особенно актуальным данное требование выглядит в связи с присоединением России к Болонскому процессу в сентябре 2003 г. и

необходимостью выстраивания российских учебных программ в соответствии с современными нормами и требованиями.

За три года, которые прошли с момента первого издания учебника, я получила множество отзывов от своих коллег из различных городов России. Я очень благодарна всем, кто высказал свои идеи, замечания, предложения.

Наконец, ежедневная работа со студентами, магистрантами, аспирантами дает возможность переосмысливать одни положения, уточнять другие, развить третьи.

Все это в целом и побудило подготовить новое издание учебника по мировой политике, внести соответствующие изменения и добавления. В общем-то, это обычная общемировая практика, когда учебник по социальным наукам переиздается регулярно.

В данном издании изменения коснулись теоретических вопросов, поскольку это те рамки, которые задают понимание мировой политики. Отдельная работа по уточнению и дополнению материалов конкретных вопросов мировой политики еще предстоит.

М. Лебедева

Москва, апрель 2006 г.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Современный политический мир, который изучает мировая политика, сложно и противоречиво складывался на протяжении тысячелетий. Менялись социально-политическая организация человеческого общества, развивались и совершенствовались механизмы взаимодействия между народами. Наследие прошлого так или иначе проявляется и сегодня, поэтому понять происходящее на планете можно только через обращение к историческому развитию. Исторический анализ дает ответ на вопросы, что и почему менялось в политической структуре мира или, напротив, оставалось неизменным; каков общий вектор развития и чего ожидать в будущем.

1.1. Мировая политическая система: предыстория

В течение многих веков люди селились вместе, создавая деревни, города, образовывая страны. Поселения взаимодействовали между собой — торговали и воевали, заключали договоры и даже имели различного рода представительства. Все это было прообразом современных *международных отношений и мировой политики*.

В исторической литературе можно найти множество рассказов о том, как осуществлялось взаимодействие между народами. Одной из первых классических работ, в которой рассматривался конфликт между народами, было описание древнегреческим историком Фукидидом Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.) между союзами греческих полисов — Делосским, возглавляемым Афинами, и Пелопоннесским, во главе со Спартой. Эта работа получила название «Мелосского диалога» Фукидида и служит примером использования силы в качестве главного аргумента при решении международных проблем.

Греческие города-полисы имели относительно небольшое население, и власть их ограничивалась стенами этих городов. Одни из них оказывались сильнее и подчиняли своему влиянию другие, а слабые нередко просили о военной защите. Взаимодействие между городами-полисами осуществлялось в том числе через обмен представителями, которые ставили определенные условия, занимались разрешением спорных вопросов, заключали торговые и мирные соглашения. Предъявлялись довольно строгие требования и к самим представителям, в частности, они должны были обладать хорошей памятью и сильным голосом.

Интересен пример взаимодействия между Древней Грецией и Персией. После того как последней не удалось завоевать Грецию, персы стали снабжать деньгами и кораблями наиболее сильные греческие города и их коалиции, тем самым оказывая на них — как сказали бы мы сейчас — экономическое и политическое воздействие. Хотя в итоге войска Александра Македонского все же разбили персов.

Римская империя также берет начало от города-полиса, расширившего свои владения по Средиземноморью. В нее оказались включенными и греческие города-полисы. Быстрый рост Римской империи привел к сложно-

Это интересно!

Вот небольшой отрывок из «Мелосского диалога», дающий представление о взаимоотношениях народов в Древней Греции.

«Афиняне: ...Мы господствуем по праву, ибо сокрушили персов... по праву дела делаются между людьми, когда силы их равны, а по силе — когда сильнейший стоит на своем, а слабый уступает.

Мелияне: Мы, однако, думаем, что польза (говорим о пользе, ибо вы решили исходить из пользы вместо права) состоит не в том, чтобы вы вовсе отменили общее благо, но в том, чтобы и в опасности человеку всякий раз уделялось, что ему следует.

Афиняне: О конце нашего владычества мысль нас вовсе не смущает... Нам нужна не тягостная власть наша, а взаимовыгодное нам спасение ваше.

Мелияне: Но если владычество полезно для вас, то какое рабство может быть полезно для нас?

Афиняне: Вас бы подчинение охраняло от ужаснейших бедствий, а нам было бы выгодно, чтобы вы не погибли».

Фукидид. Кн. 5. Афины против Мелоса//Историки Греции. Геродот, Фукидид, Ксенофонт. М., 1976. С. 221–222.

стям, связанным с контролем над территориями. Управление ими осуществлялось разными методами — от назначения римских проконсулов до использования местных административных структур. В I и II вв. н.э. Рим предпочитал не прямое управление, оставляя за местными властями вопросы, связанные с организацией повседневной жизни. Поэтому местные традиции не просто не искоренялись, а, напротив, нередко и поддерживались.

Центры цивилизации, как известно, возникали не только в Средиземноморье. Высокого уровня развития достигли в древности культуры Китая, Индии, Японии, Ближнего Востока, Центральной Америки. Так, в Китае примерно в тот период, когда в Древней Греции были города-полисы, сформировались территориальные образования, которые активно использовали военные средства в борьбе за господство. Это нашло отражение в классической работе древнекитайского автора Сунь-цзы «Искусство войны». Китайская цивилизация добилась огромных успехов в области социальной организации, искусства, образования, экономики, опередив по многим параметрам европейцев. Древняя Индия, имея общую религиозную основу — индуизм, оформившийся в I тысячелетии, в политическом плане представляла собой ряд отдельных образований, которые также взаимодействовали между собой.

В целом же в Древнем мире развиваются такие важные элементы международного взаимодействия, как переговорная и договорная практика (ведение переговоров и заключение договоренностей), отправка представителей для обсуждения тех или иных проблем и др.

Примерно в VII–IX вв. (период экспансии, сменившийся распадом Арабского халифата); X–XI вв. (период наивысшего взлета арабо-мусульманской культуры) своего расцвета достигает арабская цивилизация. В XIII–XV вв. ислам оказывается на подъеме. Сложившаяся позднее Османская империя завоевывает Балканы, Месопотамию, север Африки. Отзвуки тех времен дают знать о себе и сегодня, например, в лозунгах панарабизма, предполагающего объединение региона на основе единства религии и языка, в Косовском конфликте и т.д.

В XIV в. Франция и Англия, чьи политические системы оказались наиболее развитыми в Европе, начинают Столетнюю войну. Вообще XIV в. для большинства европейцев оказался тяжелым. Именно в этот период по Европе распространяется чума, получившая название «черной смерти» и унесшая многие жизни. Но одновременно средние века в Европе связаны и с тем, что сегодня можно было бы назвать развитием «новых технологий» для того времени — появлением пороха и компаса, пришедших из Китая.

Развитие китайской цивилизации приводит на Востоке к тому, что под его сильное культурное влияние попадает Япония. Впоследствии (с XVI в.) она изолируется от остального мира, прежде всего от европейской цивилизации, вплоть до середины XIX столетия, когда активно началась ее модернизация и индустриализация.

Что же происходит в других частях земного шара? В Латинской Америке цивилизация майя получает наибольшее развитие в период с III по X в., а ацтеков и инков — к XV в. В экваториальной Африке одно из наиболее ранних королевств образуется в Гане примерно в V в. В XIV в. на севере Африканского континента, в Мали, формируется центр торговли и образования. В регионе идет интенсивный обмен золотом, соли, хлопка, кожи, железа и меди. В целом же африканские государства формируются после X в., но потом, начиная с XVI в., они оказываются в сильной зависимости от европейцев, которые вводят работорговлю и тем самым открывают новую и жестокую страницу африканской истории.

Западная Европа практически в течение 1000 лет (примерно с 500-го по 1500 г.), несмотря на этнические и лингвистические различия населявших ее народов, развивалась на основе единых христианских принципов. Папа Римский во многом выступал в роли арбитра в территориальных и прочих спорах феодалов. Тем временем, к началу XVI в., в ряде стран в очередной раз начинает укрепляться королевская власть, которая становится угрозой для власти Папы. Одновременно зарождается движение, направленное против самой католической церкви. Западная Европа вступает в эпоху Реформации. Начало ей положило выступление М. Лютера в Германии в 1517 г. Сторонники Реформации выступили против католической церкви с ее жесткой иерархической структурой, правом на земельные богатства и т.п. Реформация заложила основы протестантизма.

Европейцы вновь обращаются к классической культуре Древней Греции и Древнего Рима. Итальянские города-государства эпохи Ренессанса заново открывают для себя многие принципы международных взаимоотношений, принятые в Древней Греции, в том числе и принцип силы. Это находит отражение в работах мыслителей того времени (прежде всего Н. Макиавелли) и сказывается на построении международных отношений. В XIV в. в Италии появляются первые внешние представительства, ставшие прообразами дипломатических миссий.

Примерно с XV—XVI вв., с эпохи Ренессанса и Реформации, Европа становится доминирующим регионом в мире. В этот период истории географические открытия, а также общий уровень хозяйственного развития привели к захвату европейскими странами новых территорий. В конце XV в. португальский мореплаватель Васко да Гама достигает Индии, и

Это интересно!

Покровителем дипломатов был выбран бог плодородия, торговли и прибыли Гермес — символ чар, плутовства и хитрости. В греческой мифологии он выступает еще и как покровитель пастухов, путешественников, посланник богов (вестник их воли) и символ красноречия.

Португалия объявляет об открытии морского пути из Европы в Южную Азию. Туда устремляются голландцы, которые впоследствии основывают на юге Африки поселения, чтобы они снабжали водой и продовольствием направляющиеся в Азию корабли. Начинается формирование европейских поселений в районе нынешнего Кейптауна.

После открытия Христофором Колумбом Америки в середине XV в. началось ее освоение. Первоначально лидерами в этом оказываются Португалия и Испания, Франция и Англия им уступают, но затем направляются на Американский континент, выбрав северо-западный маршрут. На завоеванных территориях за пределами Европы распространяются и складывающиеся на Европейском континенте политические институты и процессы.

Большое значение для Европы имело начавшееся формирование капитализма. С его зарождением появляется и новая, индустриальная, эпоха в развитии человечества, которая сделала возможным создание централизованного государства в качестве основы политического устройства мира.

Так, именно в Европе зарождается политическая модель, которая затем, вследствие колонизации европейцами народов на других континентах, станет общемировой. Поэтому иногда говорят о вестернизации политической системы мира при ее развитии.

1.2. Заключение Вестфальского мира и формирование государственно-центристской политической системы мира

К середине XVII в. в раздробленной Европе усиливают свой контроль над отдельными территориями князья, которые добиваются независимости от Папы Римского и власти императора. В Европе ведутся междоусобные войны. Наиболее масштабной оказывается Тридцатилетняя война, в которой участвовала по разным причинам, в том числе рели-

гиозным, династическим, территориальным и др., значительная часть европейских государств. Подписание после ее окончания Вестфальского мира в 1648 г. стало важнейшей в историческом развитии вехой, которая ознаменовала собой формирование новой политической системы. В основу была положена идея национального государства (англ.: *nation-state*).

Эта, возникшая в Европе, модель политического устройства распространилась потом на другие континенты, став действительно мировой. За более чем 350-летнюю историю (что по сравнению с возрастом человечества является небольшим периодом) она получила дальнейшее развитие и сохранилась до наших дней.

Правда, в иных частях земного шара государства оказывались порой «не совсем такими», как в Европе. Они представляли собой зачастую не результат исторического развития, а лишь итог колониальных завоеваний, с произвольно установленными границами, сложным переплетением местных традиций и социальной организации жизни с тем, что было привнесено извне. Все это дало о себе знать в XX столетии.

Вестфальский мир включил в себя два мирных договора, о которых в течение нескольких лет велись переговоры в двух городах — Мюнстере и Оснабрюке (Вестфалия). Они были подписаны в 1648 г., соответственно, между Священной Римской империей германской нации и Францией в Мюнстере, а также между Священной Римской империей германской нации, с одной стороны, и Швецией, протестантскими германскими княжествами — с другой — в Оснабрюке. Вестфальский мир закрепил за Францией, Швецией с их союзниками немалые территориальные приобретения и право вмешательства в дела империи. Голландия и Швейцарская конфедерация получили признание в качестве суверенных государств, а за германскими князьями были признаны права суверенных государств. Таким образом, Священная Римская империя германской нации превратилась в конгломерат почти 300 независимых государств. Вестфальский мир признавал также религиозные права и свободы за лютеранами и кальвинистами. Иногда к нему относят и мирный договор от 30 января 1648 г. между Голландией и Испанией, который завершил их Восьмидесятилетнюю войну (боевые действия между ними с 1625 г. принято рассматривать одновременно как части и Тридцатилетней, и Восьмидесятилетней войны).

Новая политическая система возникла не на пустом месте. Ее подготовило историческое развитие Европы в XV—XVI вв. Поэтому «корнями» она уходит к отношениям между территориями еще со времен Древней Греции, Римской империи, а также к политическим традициям итальянских городов позднего средневековья. Признав в качестве ключевого прин-

цип национального (государственного) суверенитета (англ.: *state sovereignty*), Вестфальский мир положил начало новой системе отношений, которая впоследствии получила название Вестфальской, или государственно-центристской, модели (системы) мира.

Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории, определяет внутреннюю и внешнюю политику. Но не только политикой ограничивалась его власть. Фактически, как заметил английский исследователь П. Дж. Тейлор (*P. J. Taylor*), государство получило также власть в определении экономической, социальной и культурной стратегии. Она оказалась такой же «естественной», как географический ландшафт с его реками, горными хребтами, морями. Данное право власти уважалось другими государствами, которые не вмешивались во внутренние дела соседей. Важен и тот факт, что принцип национального суверенитета не предполагал наличия еще какой-либо высшей власти.

В целом же в основе идеи национального государства, обладающего суверенитетом, были четыре главные характеристики:

- наличие территории;
- наличие населения, проживающего на данной территории;
- легитимное управление населением;
- признание другими национальными государствами.

При отсутствии хотя бы одной из названных характеристик государство перестает существовать или становится резко ограниченным в своих возможностях (например, если оно не признается другими государствами). Признание государств стало особенно актуальным в последнее время. В случае если большинство стран мира отказывается признать то или иное государство, оно в современных условиях неизбежно сталкивается с экономическими и политическими трудностями.

Создатели Вестфальского мира, как отмечает один из современных французских исследователей Жан-Мари Гуэнно (*J.-M. Guehenno*), хорошо понимали, что формируемый ими миропорядок не может строиться на ценностных ориентирах, в частности на религии. Ценности не подлежат обсуждению, и по ним не делают уступок. Именно поэтому, и это было действительно прогрессивным решением, основой государственно-центристской модели мира стали национальные интересы, по которым возможен поиск компромиссных решений. Суверенные национальные государства взаимодействовали между собой, образуя систему международных отношений (взаимодействия и взаимоотношений между государствами — участниками международного общения, охватывающих

Это интересно!

Сегодня территория — один из наиболее очевидных признаков национального государства. Однако в прошлом, до его образования, власти в основном заботились лишь о том, чтобы контролировать население (взимание денег, подавление восстаний и т.п.). Получаемые от населения источники доходов были главными мотивами, побуждающими завоевывать новые территории. При этом власти, как правило, не вмешивались жестко в повседневную жизнь людей, связанную с национальным бытом, образованием и т.п.

различные сферы — политическую, экономическую, правовую, социальную, культурную и т.п.).

Впоследствии стала выстраиваться система внутри- и межгосударственных отношений с присущими ей механизмами и аппаратом управления, политическими и правовыми нормами, а национальное государство превратилось в единицу построения политической системы мира, с четким разделением на внутреннюю и внешнюю политику. Такое разделение политической практики на относящееся к самому государству и к внешней среде характерно не только для Вестфальской системы мира. Так, Дж. Б. Эльстайн видит корни разделения на внешний и внутренний мир в Древней Греции, где четко проходила граница между полисом и «миром-вне-полиса». В результате «между внутренним и внешним миром существовал резкий разрыв. Справедливость была определяющим моментом взаимоотношений между гражданами внутри полиса. Когда же речь шла о взаимоотношениях между афинянами и «другими», в игру вступала сила».

Соответственно, стали складываться и социальные науки. Политология, социология, уголовное право, административное право занимались анализом функционирования государства, в то время как международные отношения, международное право, международные экономические отношения занимались изучением взаимодействия государств на мировой арене.

Внешняя политика, которая представляет собой действия государства и его институтов за пределами своей суверенной территории для реализации национальных интересов, на начальных стадиях развития государственно-центристской модели мира отличалась от того, что мы наблюдаем сегодня. Ее формированием и реализацией занималась лишь ари-

Это интересно!

В качестве языка международного общения в конце XVII в. использовалась латынь. Кстати, и сам Вестфальский договор был написан на этом языке. Позднее, в XVIII в., на смену латыни во внешних делах пришел французский язык.

тократия, нередко имевшая между собой родственные связи. Тем не менее, как и в наши дни, внешняя политика была направлена на регулирование межгосударственных отношений.

Таким образом, созданная в XVII в. государственно-центристская политическая система мира, благодаря монополии на право применять силу на своей территории, положила конец междоусобице внутри государства, но в то же время привела к множеству межгосударственных конфликтов в последующие периоды, в том числе к мировым войнам XX столетия.

Первоначально взаимодействие государств на международной арене отчасти упорядочивалось через их союзы, которые по ряду параметров согласовывали свои внешнеполитические действия. В начале XVIII в. при заключении Утрехтского мира (1713), который положил конец борьбе за испанское наследство, между Францией и Испанией, с одной стороны, и коалицией государств во главе с Великобританией — с другой, впервые появляется термин «*баланс сил*» (англ.: *balance of power*), получивший широкое распространение в политической лексике второй половины XX в.

В конце XVIII — начале XIX в. возрастает роль Великобритании, которая в свое время первой включилась в промышленную революцию. Ее соперником выступила Франция. Одновременно Испания, Швеция, Нидерланды стали терять былую мощь. Зато усиливаются Пруссия и Россия, которые становятся важнейшими участниками международных отношений.

Последовавшие за французской революцией наполеоновские войны закончились поражением Франции. В 1815 г. Венский конгресс подвел итог и восстановил нарушенный принцип национального суверенитета. В рамках Вестфальской модели мира складывается система международных отношений, получившая название «*Европейский концерт*», или *Венская система международных отношений* (англ.: *Concert of Europe*).

В дальнейшем в этих рамках пытаются сотрудничать в целях предотвращения новых войн на континенте ведущие европейские госу-

дарства, хотя конфликты интересов между различными странами сохраняются. Венская система международных отношений основывалась на общем согласии наиболее могущественных европейских монархий (великих держав, включая Россию) относительно территориального и политического статус-кво в Европе; возможности коллективного вмешательства в дела тех государств, которым угрожают революции; требовании дипломатических консультаций по территориальным и прочим проблемам. В целом, как отмечает американский исследователь и политический деятель Г. Киссинджер, в Европе XIX в. именно традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и развал союзов, изменение сфер влияния.

Конец XIX в. характеризуется интенсивным захватом колоний великими державами. Мир фактически оказался поделенным между ведущими европейскими странами. Европейская политическая система распространяется по всему земному шару. В этом смысле государственно-центристская система стала первой и пока единственной мировой политической системой.

В начале XX столетия на мировую арену выходят новые государства. Это прежде всего США (они становятся мировым экономическим лидером), а также Япония, Германия, Италия. С этого момента Европа перестает быть единственным континентом, где формируются новые мировые государства-лидеры.

XX столетие ознаменовалось двумя мировыми войнами. Первая (1914–1918) закончилась поражением Германии и ее союзников. В июне 1919 г. в Версале был подписан мирный договор, зафиксировавший новые территориальные границы Германии. Отдельно заключены мирные договоры и с ее союзниками. Составной частью *Версальского мирного договора* был Устав *Лиги Наций* — *межправительственной организации*, который определил в качестве основных целей развитие сотрудничества между народами, гарантии их мира и безопасности. Первоначально его подписали 44 государства. США не ратифицировали этот договор и не вошли в число членов Лиги Наций. Тогда не вошли в нее СССР, а также Германия.

Одной из ключевых в создании Лиги Наций была идея *коллективной безопасности*. Предполагалось, что государства имеют законное право противостоять агрессору. На практике, как известно, это не удалось сделать, и мир был ввергнут в новую мировую войну. Лига Наций фактически прекратила существование в 1939 г. (с началом Второй мировой войны), хотя формально была распущена в 1946 г. Однако многие элементы структуры и процедуры, а также основные цели Лиги Наций унаследованы *Организацией Объединенных Наций (ООН)*.

Это интересно!

В результате Первой мировой войны Германия потеряла примерно 13,5% своей территории и 10% населения, а также колонии. При этом именно она и ее союзники признаны ответственными за все потери и разрушения, вызванные войной.

Завершение формирования системы международных отношений после окончания Первой мировой войны происходит на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., созванной по инициативе США. Она зафиксировала новую расстановку сил в Тихоокеанском регионе. Сама же система международных отношений, образованная между двумя мировыми войнами, получила название *Версальско-Вашингтонской*, или *межвоенной*. Как и «Европейский концерт», она находилась в рамках Вестфальской модели (политической системы) мира. Тем не менее в XX столетии, по сути впервые, была создана именно система международных отношений, вышедшая за пределы одного континента и охватившая мир в целом.

Версальско-Вашингтонская система международных отношений, сформированная в значительной степени под влиянием политических и военно-стратегических соображений стран-победительниц, игнорировала интересы побежденных, а также вновь образованных стран (в Европе возникло девять новых государств). В результате она оказалась противоречивой и нестабильной. Как следствие, не удалось избежать развязывания Второй мировой войны (1939–1945).

Окончание Второй мировой войны дало начало новой системе международных отношений — *Ялтинско-Потсдамской (послевоенной)*, которая, как и предыдущие, явилась частью Вестфальской модели мира. Ее основу заложили договоренности держав-победительниц во Второй мировой войне, оформленные на Ялтинской (4–11 февраля 1945 г.) и Потсдамской (17 июля — 2 августа 1945 г.) конференциях.

Международные отношения после Второй мировой войны развивались сложно и противоречиво. Положительным моментом было создание ООН, цели которой, как зафиксировано в ее Уставе, следующие.

«1. Поддерживать международный мир и безопасность...

2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов...

3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии...

4. Быть центром для согласования действий наций и достижения этих общих целей».

Фактически создание ООН стало второй попыткой реализовать идею коллективной безопасности.

Важнейшей вехой послевоенного периода явилось подписание в 1975 г. Хельсинкского заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, впоследствии ОБСЕ). Заговорили о разрядке международной напряженности.

Но наряду с сотрудничеством послевоенный период ознаменовался новым типом конфронтации. Мир оказался фактически расколотым на два блока, образованных на основе военно-политического превосходства двух сверхдержав — СССР и США над остальными странами, что определялось, прежде всего, наличием ядерного оружия, гарантировавшего многократное взаимное уничтожение.

Система международных отношений, связанная с противостоянием двух блоков, получила название «биполярной». Гонка вооружений, ее ограничение, проблемы военной безопасности были центральными вопросами международных отношений. В целом же жесткое соперничество двух блоков, которое не раз грозило вылиться в новую мировую войну, получило название холодной войны (англ.: *cold war*). Опаснейшим моментом в истории послевоенного периода был Карибский (Кубинский) кризис 1962 г., когда США и СССР всерьез обсуждали возможность нанесения ядерного удара.

Оба противостоящих блока имели военные союзы — Организацию Североатлантического договора, НАТО (англ.: *North Atlantic Treaty Organisation; NATO*), образованную в 1949 г., и Организацию Варшавского договора (ОВД) — в 1955 г. Понятие «баланс сил» стало одним из ключевых элементов Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Мир оказался «поделенным» на зоны влияния между двумя блоками. За них и велась ожесточенная борьба.

Сам момент возникновения биполярности является дискуссионным. Многие исследователи исходят из того, что она складывается сразу после Второй мировой войны. Один из ведущих специалистов по изучению проблем холодной войны М. М. Наринский пишет, что, хотя истоки холодной войны можно проследить еще в существовании антигитлеров-

ской коалиции, «переход к полномасштабной холодной войне произошел в 1947 г.». А. Д. Богатуров полагает, что тогда «двуполярности», как устойчивой модели международных отношений, еще не было. Для ее структурного оформления понадобилось около 10 лет. Существуют и другие мнения. Так, иногда даже называется 1917 г. и создание Советского государства как исходная точка холодной войны.

Значимым этапом в развитии политической системы мира стало крушение колониализма. В 1960-е годы от колониальной зависимости освободился почти весь Африканский континент, Вестфальская модель достигла своего расцвета: на основе ее принципов и норм (по крайней мере, с формальной точки зрения) строятся вновь образованные государства.

Развивающиеся страны впервые начали оказывать влияние на политическое развитие мира. Они вступали в ООН, а в 1955 г. образовали Движение неприсоединения (англ.: *Nonaligned Movement*), которое по замыслу создателей должно было противостоять двум противоборствующим блокам.

Одновременно эти страны пытались привлечь внимание к своему бедственному экономическому положению, выступая в ООН и связанных с ней организациях с общих позиций. Так, в 1964 г. на 1-й сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) 77 стран, или так называемая «Группа 77», заявили о том, что они совместно, с помощью многосторонней дипломатии, будут добиваться решения наиболее важных международных экономических проблем. К 1990-м годам в эту группу входило уже 130 государств.

Конец 1980 — начало 1990-х годов ознаменовались распадом СССР и военно-стратегического блока ОВД; кардинальными переменами в странах Восточной Европы и государствах бывшего СССР. На этих территориях образовался целый ряд независимых государств. Россия стала правопреемницей СССР в Совете Безопасности ООН. Вместе с этими изменениями мир вступил в новую стадию развития, связанную с окончанием холодной войны.

В целом Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, по оценкам отечественного исследователя А. Д. Богатурова, характеризуется:

- ♦ отсутствием (в отличие, например, от Версальско-Вашингтонской системы) мощной правовой базы, что делало ее весьма уязвимой для критики;

- ♦ биполярностью на основе военно-политического превосходства двух сверхдержав (СССР и США) над остальными странами. Вокруг них происходило формирование блоков. Биполярность не исчерпывалась толь-

ко военно-силовым превосходством двух государств, но охватывала практически все сферы — социально-политическую, экономическую, идеологическую, научно-техническую, культурную и т.д.;

- ♦ конфронтационностью, означавшей, что стороны постоянно противопоставляли свои действия друг другу. Конкуренция, соперничество, а не сотрудничество между блоками были ведущими характеристиками отношений;

- ♦ наличием ядерного оружия, грозившим многократным взаимным уничтожением сверхдержав с их союзниками, что явилось особым фактором в противостоянии сторон. Постепенно (ключевым историческим событием здесь был Кубинский кризис 1962 г.) стороны стали рассматривать ядерное столкновение лишь как самое крайнее средство воздействия на международные отношения;

- ♦ политико-идеологическим противостоянием между Западом и Востоком, привнесшим в международные отношения дополнительную бескомпромиссность при разногласиях и конфликтах;

- ♦ относительно высокой степенью управляемости международных процессов вследствие того, что требовалось согласование позиций фактически только двух сверхдержав.

В то же время следует иметь в виду, что как отмечает М. М. Наринский, «биполярность Ялтинско-Потсдамской системы не была абсолютной, СССР и США не могли контролировать все субъекты и события международной жизни».

Сначала события, связанные с распадом СССР, окончанием холодной войны и т.д., во многих странах, прежде всего западных, были восприняты с воодушевлением и даже романтизмом. В 1989 г. в США появилась статья Фрэнсиса Фукуямы (*F. Fukuyama*) «Конец истории?» (*The End of the History?*). В ней автор предрекал торжество демократии, отсутствие силовых методов разрешения споров в мире, а также вооруженных конфликтов, и в этом смысле — конец истории. Работа Ф. Фукуямы вызвала большой резонанс в мире.

Затем, в начале 1990-х годов, последовал всплеск конфликтов, причем в спокойной, казалось бы, Европе (что вызвало особую озабоченность и европейцев, и американцев). Это породило прямо противоположные настроения. Сэмюэл Хантингтон (*S. Huntington*) в 1993 г. в статье «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilizations*) выступил с противоположных Ф. Фукуяме позиций, предсказывая конфликты на цивилизационной основе. Эта статья также получила широкое обсуждение в различных странах. Затем, когда число вооруженных конфликтов пошло на спад, наметилось прекращение огня и в Европе, идея С. Хантингтона о цивилиза-

Информация к размышлению

«Одна из самых больших бомб, заложенных в Европе, — писал в начале 1990-х годов американский исследователь Дж. Мроз, — это растущая пропасть между процветающим Западом и бедной Центральной Европой, принадлежащей ранее к Восточному блоку, и еще более бедными Балканами и СССР. Весьма вероятно, это будет вести к социальной нестабильности, попыткам выравнивания, что, возможно, выльется в открытые конфликты».

Mroz J. E. Developments in Eastern Europe and their Political Impact on the Rest of the World//Irish Studies in International Affairs. 1991. V. 3. № 3. P. 49.

Вопрос для размышления

Согласны ли вы с этим утверждением (каковы ваши аргументы)?

ционных войнах стала забываться. Однако всплеск жестоких и демонстративных террористических актов в начале 2000-х в различных частях земного шара, за которыми стояла крайне радикальная исламистская организация «Аль-Каида», хулиганских погромов в городах Франции, Бельгии и других стран Европы, предпринятых выходцами из стран Азии, Африки и Ближнего Востока, заставил многих, особенно журналистов, вновь заговорить о конфликте цивилизаций. Развернулись дискуссии относительно причин и особенностей современного терроризма, национализма и экстремизма.

Вообще мир после окончания холодной войны оказался сложным и малопонятным, а система международных отношений, сформированная после окончания холодной войны, не получила общепринятого названия, хотя было предпринято немало попыток выделить ее основу. Например, указывалось на односторонность в действиях США, что особенно обнаружилось при вторжении в Ирак в 2003 г. Появился даже термин, характеризующий внешнюю политику Соединенных Штатов, — *унилатерализм* (англ.: *unilateralism*). Однако ни само явление, ни термин не охватывали всей сложности и основных сущностных параметров происходящих политических процессов.

Итак, мы довольно бегло «очертили» контуры взаимодействия народов мира в разные эпохи его существования. Но можно ли выделить некие этапы в развитии всего спектра разнообразия взаимоотношений в международной сфере? Один из вариантов ответов на этот вопрос дают

Б. Бузан (*B. Buzan*) и Р. Литтл (*R. Little*) в книге «Международные системы в мировой истории» (*International Systems in World History*), которая вызвала много споров и откликов. Авторы выделяют четыре этапа в развитии международных отношений. При этом под системой они понимают не систему межгосударственных отношений, что наиболее распространено (т.е. существовавших в рамках Вестфальской модели мира), а политические системы взаимоотношений, или этапы развития, которые складывались и развивались на протяжении веков между относительно самостоятельными участниками.

Первый этап, названный этими исследователями предмеждународным (англ.: *pre-international*), был характерен для периода первобытно-общинных отношений на Земле. В то время племена взаимодействовали с ближайшими соседями. Впрочем, уже и здесь наблюдается обмен продуктами между народами, находившимися на значительном расстоянии друг от друга. Второй этап — древняя и классическая международные системы (англ.: *ancient and classical international systems*), сформированные цивилизациями Древнего мира, отмечен наличием развитой торговли, постоянными завоеваниями и угрозами нападения, созданием альянсов, проведением переговоров относительно взаимного признания и статуса, распределением природных ресурсов. Третий — период модерна, согласно Б. Бузану и Р. Литтлу, начинается примерно с XVI в. и связан сначала с множественностью участников международного взаимодействия — средневековых городов-государств, монастырей, католической церкви и др. Затем происходит формирование и распространение по земному шару государств-наций.

Дальнейшее развитие этой системы влечет за собой выделение новых «единиц» международного взаимодействия, таких как неправительственные организации, транснациональные корпорации и т.п. Наконец, в конце XX — начале XXI в., возможно, по их мнению, мы становимся свидетелями формирования четвертого периода в развитии международных отношений. Однако, если это действительно так, пишут исследователи, то движущие силы процесса здесь будут иные, нежели ранее, при смене эпох. Сегодня же мы наблюдаем как бы «два мира»: в одном происходят существенные перемены, в то время как другой продолжает сохраняться в прежнем виде. «Первый мир» — это развитые государства, «второй» — развивающиеся. Последние продолжают «жить» в мире, где силовые отношения между государствами еще крайне значимы. Даже в странах Восточной Азии, прошедших период быстрой модернизации, отмечали Б. Бузан и Р. Литтл на «круглом столе» журнала «*International Studies Review*» в 2000 г., государства оказываются крайне хрупкими и прибегают к силе.

И все же при всей неопределенности современного политического мира можно сказать, что четко прослеживается взаимообусловленность и взаимовлияние одних территориальных образований (государств, регионов, мегаполисов и т.п.) на другие, одних проблем (экономических, политических, экологических, военно-политических, культурных и т.п.) на другие, поэтому политическая практика все жестче требует целостного, комплексного подхода. Политические последствия действий на международной арене часто оказываются намного более широкими и глубокими, чем первоначально ожидалось. Следовательно, и анализ мировой политики должен исходить из этой реальности. Поэтому так важно определить основные сущностные характеристики современной политической системы мира и ответить на вопросы: претерпевает ли Вестфальская модель принципиальные изменения?; Если да, то в чем?; Как должны действовать государства, международные организации?; Какова роль неправительственных организаций, ТНК в современных политических процессах?; Что стоит за процессами глобализации и регионализации мира, его демократизацией и распространением терроризма? Эти и многие другие вопросы составляют суть мировой политики как науки, одна из специфических черт которой определяется ее направленностью в будущее, поиском ответов на те вопросы, которые человечеству еще предстоит решить.

Ключевые термины

Международные отношения
Мировая политика
Политическая система мира
Национальное государство
Принцип национального суверенитета
Вестфальская (государственно-центристская) модель, или политическая система мира
Система международных отношений
Внешняя политика
Баланс сил
«Европейский концерт» (Венская система международных отношений)
Версальский мирный договор
Лига Наций
Межправительственная организация

Коллективная безопасность
Организация Объединенных Наций (ООН)
Версальско-Вашингтонская система международных отношений (межвоенная)
Ялтинско-Потсдамская система международных отношений
Разрядка международной напряженности
Биполярная система международных отношений
Холодная война
Организация Североатлантического договора (НАТО)
Организация Варшавского договора (ОВД)
Движение неприсоединения
Унилатерализм

Вопросы для обсуждения

- В чем проявлялись основные этапы и черты политического развития мира до формирования системы национальных государств?
 Как можно охарактеризовать важнейшие параметры Вестфальской модели мира?
 Каковы главные параметры системы международных отношений в Европе, получившей название «Европейского концерта»?
 Что представляют собой основные черты и этапы развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений?
 Какими особенностями характеризуется Ялтинско-Потсдамская система международных отношений (как она изменялась)?
 В чем суть дискуссий по основным проблемам политического развития мира после окончания холодной войны?

Практикум

Заполните предложенную таблицу, используя историческую литературу.

Дата	Страна/регион	Основные принципы политической организации общества	Основные принципы и формы международного взаимодействия

Рекомендуемая литература

- Внешняя политика Российской Федерации. М., 2000.
 Ди Нольфо Э. История Международных отношений 1918—1999: В 2 т. М., 2003.
 История дипломатии: В 3 т. М., 1941—1945.
 Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 г.: В 2 т. М., 1999—2000.
 Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
 Наринский М. М. История международных отношений 1945—1975. М., 2004.
 Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений и внешней политики России. 1648—2000. М., 2001. Ч. 1.
 Системная история международных отношений: В 4 т. 1918—1945/Под ред. д.п.н., проф. А. Д. Богатурова. М., 2000.
 Фукуяма Ф. Конец истории?//Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134—148.
 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций//Полис. 1994. № 1. С. 33—48.

Интернет-ресурсы

Новости:
<http://www.broadcast.com>
<http://www.cnn.com>

<http://www.interfax.ru>
<http://www.megastories.com>
<http://www.newslink.org>
<http://www.reuters.com>
<http://www.rbc.ru>

Сайты министерств иностранных дел разных стран:

<http://www.mid.ru>
<http://people.itu.int/~baldi/mofa.htm>

История холодной войны:

Проект CNN по холодной войне <http://www.cnn.com/specials/cold.war>

Глава 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

События, происходящие на мировой арене, подвергаются теоретическому осмыслению, поскольку сами по себе факты лишь свидетельствуют о случившемся, но не объясняют, почему то или иное событие произошло. Понимание и объяснение событий важно не только для исследователей, но и прежде всего для тех, кто работает в практической сфере, так или иначе связанной с международным взаимодействием, для политиков, дипломатов, бизнесменов, журналистов и т.п. Именно на основе такого объяснения можно давать оценки и делать прогноз относительно тенденций дальнейшего развития: согласно выражению известного психолога К. Левина, нет ничего практичнее хорошей теории. Правда, как иронично было замечено впоследствии, проблемой остается как раз поиск такой теории. Но это — уже задача исследователей.

Теоретические подходы на протяжении истории развивались и изменялись, оказывая влияние друг на друга. Первоначально осмысление международных отношений проходило в рамках различных научных дисциплин, прежде всего — истории.

Насыщенность XX столетия событиями (две мировые войны, создание оружия массового поражения, холодная война, развитие международного терроризма и т.п.) стимулировала развитие теории и в области международных исследований. Кроме того, потенциал самой научной мысли в социальных науках XX столетия способствовал более полному теоретическому пониманию происходящего на мировой арене. По этим

причинам теории международных отношений и мировой политики получают в XX в. бурное развитие, прежде всего в США, что, правда, дало основание известному исследователю Ст. Хоффманну (*St. Hoffmann*), получившему образование в Париже, но затем переехавшему в Америку, с достаточной долей сарказма назвать их «американским обществоведением».

Международные отношения крайне сложны и многоаспектны, поэтому не существует какой-либо единой теории, которая могла бы объяснить все многообразие международной реальности. Принято выделять следующие теоретические подходы в исследованиях международных отношений и мировой политики в качестве основных: *реализм* (в современном варианте он представлен главным образом *неореализмом*), *либерализм* (сегодня это в своей основе — *неолиберализм*), *неомарксизм* и *постмодернизм*. Дискуссии между представителями этих школ дают возможность лучше понять смысл происходящего на мировой арене.

2.1. Реализм и неореализм

Теоретическая школа политического реализма (англ.: *realism*), или просто реализма, восходит своими истоками к работам таких авторов, как Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс и др. Среди ее представителей следует прежде всего назвать Э. Карра (*E. Carr*), Дж. Кеннана (*G. Kennan*), Г. Моргентхау (*H. Morgenthau*), Р. Нибура (*R. Niebuhr*), К. У. Томпсона (*K. W. Thomson*).

Реализм — один из старейших теоретических подходов в международных исследованиях, требующий максимально точно и «реалистично» (отсюда и название подхода) описывать международные отношения, т.е. исследовать то, что есть, а не то, что предпочтительно или возможно появиться в будущем. Возник реализм как теоретическое направление в первой половине XX в. в западной научной традиции первоначально как критика моралистического и утопического подхода в политике, игнорирующего реалии силовых отношений на международной арене. В этом смысле к реалистам, хотя и условно, поскольку речь идет не о национальной государственности, можно отнести таких древнекитайских авторов, как Сунь-цзы с его работой «Искусство войны».

Данное направление исходит из эгоистичной природы человека, которая, согласно представлениям работающих в этой парадигме авторов, остается неизменной. Реалисты рассматривают государства в качестве «единиц» анализа и видят международные отношения как достаточно хаотичное взаимодействие государств на мировой арене, выступающей в

виде «поля» острого противоборства. Согласно метафоре А. Уолферса (*A. Wolfers*), одного из теоретиков реализма, государства, взаимодействуя, сталкиваются, подобно бильярдным шарам. В этом смысле международные отношения представляют собой, по выражению Т. Гоббса, «войну всех против всех». Отсюда эти отношения описываются реалистами как *анархические*.

Критики упрекают реалистов в том, что они не видят возможности упорядочить международные отношения. Однако это не так. Хаотичное взаимодействие, согласно представлениям реалистов, регулируется различными договорными отношениями. И здесь надо отдать должное А. Уолферсу за подробную теоретическую разработку проблем межгосударственного сотрудничества. Тем не менее, сами государства, согласно реалистам, действуют на мировой арене, исходя из трех гоббсовских мотивов: 1) достижения и обеспечения безопасности государства; 2) удовлетворения экономических требований политически значимых слоев населения; 3) повышения престижа государства.

Справедливости ради надо отметить, что такой акцент на государстве как «единице» анализа был характерен не только для исследователей международных отношений. Сама политическая практика в рамках государственно-центричной модели мира предполагала, что за точку отсчета должно быть взято государство. Кроме того, период формирования современных социальных наук — конец XIX — начало XX в. был периодом, как замечает Й. Фергюсону (*Y. Ferguson*), расцвета государства. Поэтому и социология, и политология, и экономика, а также другие дисциплины восприняли так называемую этатистскую установку (*этатизм*), взяв за «точку отсчета» именно государство.

Существование государств и самой системы международных отношений, по мнению реалистов, зависит от четкого следования *национальным интересам* (англ.: *national interest*): это является одним из ключевых понятий в теории реализма. Национальные интересы, как утверждают реалисты, имеют объективный характер, поскольку определяются такими объективными факторами, как традиции, неизменная природа человека, географические условия и т.п. В рамках реализма оказывается проблемой то, как определять эти интересы и чем обусловлены различия в их восприятии со стороны конкретных политиков. Например, какая внешняя политика отвечает национальным интересам России? Очевидно, мнения аналитиков будут различными. То же самое можно сказать о любой другой стране.

Действуя на международной арене и следуя своим интересам, государства должны исходить из оценки своих возможностей. И потому еще

одной важной категорией в реализме выступает «сила», или «могущество» (англ.: *power*).

Другим, не менее важным понятием в реализме является «национальный суверенитет». Это и краеугольный камень международного права, который дает государствам, с одной стороны, свободу поведения, но не освобождая их от ответственности за предпринимаемые действия — с другой.

Реалисты учитывают значимость политического действия с моральной точки зрения, а также неизбежное противоречие между политическим действием и моральным предписанием. Они подчеркивают, что ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель, на определение того, «что хорошо, а что плохо» в моральном отношении. Именно концепция национального интереса предотвращает злоупотребления такого рода.

Самым эффективным средством сохранения мира является, по мнению реалистов, баланс сил, возникающий не только из столкновения национальных интересов, к обеспечению которых стремятся государства, но и из единства культур, взаимного уважения прав друг друга и согласия относительно основных принципов. Не случайно известный французский теоретик, представитель реалистской школы Р. Арон (*R. Aron*) определил международные отношения как «область дипломатов и солдат».

Переехавший в США после прихода нацистов к власти немецкий исследователь Г. Моргентау (*H. Morgenthau*), чьи взгляды в значительной степени сформировались под воздействием историков конца XIX — начала XX в., которые занимались анализом государств и их взаимодействием, выступил со своеобразным манифестом классического реализма, сформулировав шесть его основных принципов. Он писал, что внешняя, как вообще любая, политика является борьбой за власть. И какими бы ни были ее цели, в них всегда присутствует в качестве основного мотива стремление к власти.

Реализм доминировал в 1940–1970-е годы, отражая реалии Второй мировой, а затем и холодной войны. Потом ему на смену пришел неореализм. На первый план в исследованиях того периода выходили взаимодействие и соперничество государств на мировой арене. Все остальное оказывалось вторичным. По этой причине, анализируя межгосударственное взаимодействие, реалисты особое внимание уделяли военной сфере.

В качестве одного из направлений реализма в послевоенный период возникает подход, получивший название реалполитик (нем.: *Realpolitik*), хотя сам термин был введен в оборот немецким публицистом Людвигом фон Рошау еще в XIX в. Данный подход основан на предпосылке, что государства должны готовиться к войне для сохранения мира. В более

Это интересно!

Шесть принципов Ганса Моргентау:

1. Политика управляется объективными законами, истоки которых следует искать в неизменной и несовершенной природе человека.
2. В центре политического реализма находится концепция национального интереса, который определяется через понятие силы.
3. Национальный интерес является объективным понятием. Однако его конкретность определяется политическим и культурным контекстом.
4. Необходимо учитывать значимость политического действия с моральной точки зрения. При этом следует понимать, что существует неизбежное противоречие между моральным предписанием и требованиями политического действия.
5. Концепция национального интереса предотвращает злоупотребления в определении того, «что хорошо, а что плохо», с моральной точки зрения. В результате ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель.
6. Политический реализм исходит из множественного представления о природе человека, которая включает в себя экономическую, политическую, моральную составляющие. Определение национального интереса через понятие «могущество» означает для политика то же, что для экономиста определение интереса в качестве богатства.

«мягком» варианте реалполитик подразумевает принцип политической деятельности, согласно которому особое внимание следует уделять действительным интересам соперника, а не тому, что он декларирует, быть готовым применить даже силу, но только в том случае, когда исчерпаны все прочие варианты воздействия.

Многие процессы, происшедшие в мире, и особенно в Европе, в 1950–1960 гг., плохо поддавались объяснению в рамках классического реализма. Речь прежде всего идет о развитии торговли, сотрудничества, интеграционных процессах. В ответ на требования времени изменяется и сам реализм. К концу 1970-х годов сформировался неореализм (англ.: *neorealism*), или структурный реализм (англ.: *structural realism*). Классиком этого подхода является американский исследователь К. Уолц (*K. Waltz*). Его работа «Теория международной политики» (*Theory of*

International Politics) становится основополагающей на новом этапе развития реалистской парадигмы. В рамках неореализма работают и такие известные исследователи, как Р. Гилпин (*R. Gilpin*), Б. Бузан (*B. Buzan*).

Неореализм сохранил многие положения классического реализма, прежде всего рассмотрение государства в качестве ключевого элемента построения международных отношений. Оставаясь основными и самостоятельными единицами анализа международных отношений, государства стали рассматриваться неореалистами не только сами по себе, но и с учетом тех структур, которые они образуют, в том числе союзов и межправительственных организаций (отсюда и другое название данного направления — структурный реализм). Эта система международных отношений во многом определяет внешнюю политику отдельных государств.

Категория «силы» также сохранилась в неореалистском подходе в качестве ключевой. Однако стала включать в себя не только военное превосходство, хотя это осталось важнейшим. К. Уолтц сравнивал международные отношения с рынком, где государства, подобно фирмам, действуя в

своих интересах, конкурируют с одними и сотрудничают с другими. Но основной акцент в неореализме делается на конфликте и конкуренции. В этом отношении весьма показательно замечание К. Уолтца. Он пишет, что, когда страны сотрудничают и получают некую общую прибыль, они задаются вопросом, как ее разделить. При этом они вынуждены решать не только то, получают ли прибыль вообще, но и кто именно получит больше.

Государства действуют на международной арене, согласно неореалистам, в зависимости от своей мощи. Одновременно сохраняется и понятие «баланс сил», который, по их же мнению, позволяет удерживать участников от применения силы в международных отношениях. Различают простой баланс сил, известный как биполярная система, и сложный баланс сил, предполагающий несколько силовых центров (многополярная, или многополюсная, система).

Неореалисты внесли существенный вклад в понимание взаимодействия государств на мировой арене. Так, известный исследователь Б. Бузан говорит о формировании в современном мире «зрелой анархии», которая поддается регулированию. Роль регулятора, по его мнению, играют западные демократические страны, выступающие гарантами международной безопасности.

Свои научные построения К. Уолтц основывал на методе дедукции, полагая, что необходимо прежнее размышление реалистов превратить в научную теорию. Он исходил из того, что индуктивное построение предшествующих теорий, основанное на систематическом наблюдении, охватывало только видимые связи. К. Уолтц полагает, что систему международных отношений нельзя объяснить, основываясь только на характеристиках, присущих отдельным участникам (акторам) или группе участников. Поэтому значимым шагом в развитии теории неореализма было положение, согласно которому решающее значение в современных международных отношениях оказывает глобальный уровень, т.е. сама система международных отношений. Она и «задает» распределение возможностей (в первую очередь военных) среди государств. Тем не менее К. Уолтц вовсе не отрицает необходимости изучения отдельных стран для понимания международных отношений.

Он сформулировал три основных принципа структуры международных отношений (структурная триада К. Уолтца). Согласно первому, государства в международных отношениях руководствуются мотивом выживания. Исследователь считает, что государства могут иметь бесчисленное множество различных целей. Однако основой для их достижения является выживание. Второй принцип заключается в определении участников международных отношений, которыми для К. Уолтца остаются

Это важно!

Основные положения классического реализма сводятся к следующему:

1. Международные отношения представляют собой взаимодействие государств, которые однородны по своей сути, являются унитарными участниками и, как люди, эгоистичны в своих устремлениях.
2. Взаимодействие государств осуществляется хаотично, так как не существует «надгосударственного властного центра». В результате международные отношения являются «анархическими».
3. Стремление к могуществу, в частности к военному превосходству, которое гарантирует безопасность государств, — главный мотив их деятельности.
4. Государства прежде всего исходят из своих интересов. При этом они могут учитывать моральные соображения, однако ни одно из них не обладает правом на определение того, «что такое хорошо, а что такое плохо». Именно категория «интереса» предохраняет от злоупотреблений спекуляциями на морали.
5. Политическая реальность отличается от экономической: для политики главное — власть, для экономики — богатство.
6. В мире международных отношений, где доминирует силовой фактор, государства всегда должны быть в полной готовности.

только государства. Он отмечает, что негосударственные участники (например, транснациональные корпорации) только тогда будут играть решающую роль в системе международных отношений, когда смогут догнать и перегнать сверхдержавы по наличию полномочий и властных возможностей. Государства подвергаются влиянию и принуждению системы международных отношений, но они наделены правом решать, как будут действовать в этих условиях. Наконец, третий принцип К. Уолтца состоит в том, что государства не однородны, а обладают разными возможностями или потенциалом. Они пытаются увеличить его, что может привести, и приводит, к изменению структуры международных отношений.

Много внимания уделял К. Уолтц анализу баланса сил, рассматривая его в качестве одного из основных понятий в теории международных отношений. Он исходит из того, что ядерное оружие является важнейшим фактором, который обеспечивает баланс сил в мире. При этом его распространение не дестабилизирует систему международных отношений, а, напротив, укрепляет ее, так как обеспечивает гарантии против вооруженных конфликтов в силу эффекта устрашения.

В последние годы внутри реалистской школы появился *неотрадиционный, или неоклассический, реализм* как реакция на структурный реализм. Представители этого течения выступили с идеей возвращения к истокам реализма и необходимости изучения внешней политики государства, которая, как пишет Ф. Закария, скорее может быть объяснена, если анализировать поведение отдельного государства, а не структуру международных отношений в целом. Неоклассический реализм не отвергает того, что было сделано структурными реалистами, — он меняет акценты, возвращаясь вновь к проблеме внешней политики государства и подчеркивая важность учета внутривластных факторов, а также личностных особенностей политических лидеров. Представители этого течения подчеркивают роль активного начала в международных отношениях в противовес неореалистам, у которых структуры оказались самодовлеющими. Неоклассический реализм получает распространение в США в самом конце XX в. — начале XXI в.

Наконец, некоторые авторы выделяют *постклассический реализм*. Вслед за Дж. О'Хаганом (J. O'Hagan) П. А. Цыганков относит к этому направлению С. Хантингтона, выступившего с концепцией столкновения цивилизаций. С реализмом С. Хантингтона сближает то, что он уделяет особое внимание именно конфликту, а не сотрудничеству; подчеркивание стремлений участников мировой политики к властным полномочиям с тем, чтобы лучше реализовывать свои интересы; а также восприятие международной среды как анархичной.

В целом за последние годы реализм в различных своих модификациях получает развитие и продолжает оставаться одним из важнейших теоретических направлений современности.

2.2. Либерализм и неолиберализм

Теоретическая школа либерализма, будучи также одной из старейших в теории международных отношений, по основным позициям противоположна реализму. Исследователи, работающие в рамках данной парадигмы, основывают свои теоретические воззрения на работах Джона Локка, Иммануила Канта, Жан-Жака Руссо, Джона Стюарта Милля, Адама Смита, Давида Рикардо.

Либеральный подход в теории международных отношений дважды за свою историю пережил периоды подъема — в начале и конце XX в. Либерализм во многом связан с именем 28-го президента США Вудро Вильсона, провозгласившего открытость внешнеполитической деятельности и дипломатии, а также ориентацию во внешней политике на демократические принципы, сотрудничество и мораль.

В начале XX столетия в либерализме прослеживается три течения. Первое связано с теми надеждами, которые возлагались на возможности правового регулирования международных отношений. В Гааге прошли две конференции — в 1899 и 1907 гг., по результатам которых был подписан ряд многосторонних соглашений в области законов и обычаев войны. Первая конференция была созвана по инициативе России, и в ее работе приняли участие 27 государств. Здесь приняты три конвенции: о мирном решении международных столкновений; о законах и обычаях сухопутной войны; о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных. В конференции 1907 г. участвовали 44 государства (в том числе все участники первой — 1899 г.). На ней принято 13 конвенций, в частности о мирном решении международных столкновений; об открытии военных действий; о законах и обычаях сухопутной войны и др. Несмотря на то что это не предотвратило начало Первой мировой войны, оптимизм в отношении возможности правового регулирования возродился вновь после ее окончания.

Второе течение либерализма было ориентировано в значительной степени на то, чтобы упорядочить анархию в международных отношениях через международные организации. Реализация идеи коллективной безопасности и создание Лиги Наций были для них приоритетным направлением.

Наконец, представители третьего течения делали акцент на разоружении. Их идеи, в частности, нашли воплощение на Вашингтонской

Это важно!

Основные положения классического либерализма сводятся к следующему:

1. Человек не агрессивен по своей природе. Он нацелен на сотрудничество.
2. Война — это проблема, которую можно решить только совместными усилиями.
3. Международное сообщество должно осознать, что необходимы международные институты, способные предотвратить вооруженный конфликт.
4. Государствам необходимо реформировать свои политические системы, с тем чтобы демократическое правление внутри каждой страны способствовало установлению мира и развитию сотрудничества на планете.
5. На международной арене действуют не только силовые, но и другие факторы, такие как экономика и мораль.

конференции 1921–1922 гг. представителей Бельгии, Великобритании, Голландии, Китая, Португалии, США, Франции и Японии, посвященной ограничению морских вооружений, а также ряду тихоокеанских и дальневосточных вопросов.

В отличие от реалистов у либералов прямо противоположный взгляд на природу человека. Они подчеркивают его стремление к сотрудничеству, миру; ориентацию на справедливость и мораль (по этой причине данный подход называют *идеализмом*). Пожалуй, единственное, в чем совпадают воззрения реалистов и либералов на природу человека, заключается в его рациональности: действуя по тем или иным побуждениям (эгоистическим, согласно реалистам, или общечеловеческим, согласно либералам), человек в любом случае ведет себя разумно. Этот пункт вызвал впоследствии критику представителей других теоретических направлений, которые указывали на возможность импульсивного, иррационального поведения. Кроме того, большинство реалистов (исключение составляют те, кто придерживается неоклассического подхода) и представителей либерализма видят мир целостно, т.е. исходя из позиций *холизма*.

Либералы подчеркивали необходимость развивать ценности, направленные на объединение человечества; формировать антивоенные установки; продвигать идею свободной международной торговли; выступали за «открытость дипломатии». Государства, как они полагали, не ориентируются только на максимизацию краткосрочной прибыли. Большие выгоды дает продолжительное взаимовыгодное сотрудничество.

После окончания холодной войны, во время которой в теоретической области международных отношений господствовали реалисты и неореалисты, вновь наступает эпоха либеральной школы. Это направление, как и реализм, преобразуется в *неолиберализм с учетом новых реалий*. Известные его теоретики Роберт Кохэн (R. Keohane) и Джозеф Най (J. Nye) писали, что между странами существует множество связей и отношений, в которых сила или могущество представляет собой недейственный или несущественный инструмент реализации политики. Поэтому фактор вооруженной мощи, согласно неолиберальному подходу, не столь значим, как полагают неореалисты. Воздействие посредством вооруженных сил на других участников международного общения, считают неолибералы, становится слишком дорогим и в прямом, и в переносном смысле. Более эффективными средствами влияния являются экономические и правовые рычаги. В связи с этим неолибералы особо подчеркивают взаимосвязь политики и экономики, а также уменьшение в конце XX столетия в мировой политике такого фактора, как военная сила.

Государства в неолиберальном подходе, хотя и рассматриваются как главные участники (акторы) на мировой арене, но далеко не единственные. Отмечается, что наряду с ними в современном мире действуют *межправительственные организации* (англ.: *intergovernmental organisations — IGOs*): универсальные (ООН), региональные (в частности, ОБСЕ), организации, специализирующиеся по сферам деятельности (в торговле, например, Генеральное соглашение по торговле и тарифам — ГАТТ, преобразованное затем во Всемирную торговую организацию — ВТО), а также *неправительственные организации* (англ.: *nongovernmental organisations — NGOs*), прежде всего международные (англ.: *INGOs*) — правозащитные, экологические, феминистские и др., не принадлежащие государству и не ориентированные на получение прибыли. Кроме того, активными участниками международного взаимодействия являются *транснациональные корпорации (ТНК) и внутригосударственные регионы* различных стран.

Неолиберализм имеет множество форм и направлений, которые, с одной стороны, в значительной степени пересекаются, с другой — иногда рассматриваются как самостоятельные теоретические школы. К их числу относится концепция *транснациональных отношений* (англ.: *transnational relations*), предложенная американскими исследователями Робертом Кохэном и Джозефом Наем в работе «Власть и взаимозависимость: мировая политика в переходный период» (*Power and Interdependence: World Politics in Transition*), впервые вышедшей в 1977 г. и выдержавшей третье издание в 2000 г. В ней подчеркивается роль негосударственных акторов в современном мире, признается многообразие акторов, видов и каналов взаимодействия между ними, а следовательно, и необходимость отказа от анализа

государства как единственного участника международного взаимодействия. Вместо термина «международные отношения», который подразумевал лишь межгосударственное взаимодействие, исследователи вводят другой, более широкий — «транснациональные». По этой причине данное теоретическое направление получило название «*транснационализма*» (англ.: *transnationalism*).

Поскольку неолибералы особое внимание обращают на множественность участников современных мировых процессов, данное теоретическое направление имеет и другое название — *плюрализм* (англ.: *pluralism*). Активное подключение новых (нетрадиционных) акторов к международным отношениям имеет, согласно неолибералам, ряд следствий. С одной стороны, государства «делятся» частью своих властных полномочий, «передавая» их другим участникам, с другой — они могут приобретать новые функции власти, например, связанные с координацией усилий разных акторов на мировой арене, или разработкой новых правил взаимодействия. Стирается грань между внешней и внутренней политикой. Мир становится все более сложным.

Еще одним направлением в работах Р. Кохэна (*R. Keohane*) и Дж. Ная (*J. Nye*) стало выдвижение концепции *комплексной взаимозависимости* (англ.: *complex interdependence*). В соответствии с ней в мире существует множество каналов связи, на основе которых строится политика, в том числе неформальные отношения между политическими элитами, связи между правительственными и неправительственными структурами и т.п. Причем отдельно называются внутригосударственные структуры (например, внутригосударственные регионы, города и т.п.). Нарушение одних связей и отношений влечет за собой целую цепочку последствий по принципу «эффекта домино» практически для всех участников международного взаимодействия. В исследованиях, проводимых в рамках теории комплексной взаимозависимости, анализируется, например, насколько государства при разработке концепции национальной безопасности учитывают взаимозависимость; какими методами она усиливается и т.п.

Американские авторы Ч. У. Кегли (*Ch. W. Kegley*) и Ю. Р. Уитткопф (*Eu. R. Wittkopf*) проводят сравнение четырех теоретических направлений — реализма, неореализма, либерализма и неолиберализма по одним и тем же параметрам, что является довольно наглядным (табл. 2.1).

Пожалуй, к выделенным следует добавить еще один параметр при сравнении (нео)реализма и (нео)либерализма — время. Если первый подход ориентирован на объяснение исторических и отчасти сегодняшних реалий, то второй направлен скорее на попытки описать будущее и найти его элементы в сегодняшнем.

Таблица 2.1

Вопросы теории: четыре направления

Критерии	Реализм	Неореализм	Либерализм	Неолиберализм
Ключевые единицы анализа	Независимые государства	Структуры международной системы	Институты, сменяющие государства	Индивиды, «обновленные» государства, неправительственные акторы
Основные области исследования	Проблемы вооруженного противостояния и безопасности	Борьба за власть и лидерство в условиях анархической организации международных отношений	Институционализация отношений, способствующих миру	Развивающееся межгосударственное сотрудничество; экономика, социальные и экологические проблемы
Главные проблемы	Баланс сил	Баланс «устрашения», военная готовность, сдерживание	Международное право, международные организации, демократизация	Комплексная взаимозависимость, режимы
Оценка перспектив мирового развития	Пессимизм / Стабильность	Пессимизм	Оптимизм / Прогресс	Ожидание дальнейшего развития сотрудничества, создание глобальной общности
Мотивация акторов	Национальный интерес, конкуренция в терминах «игры с нулевой суммой» (проигрыш одного равен выигрышу другого), власть (мошь)	Мошь, престиж, получаемые преимущества по сравнению с другими государствами	Сотрудничество, взаимопомощь, удовлетворение основных потребностей человека	Глобальные интересы (всеобщая выгода), справедливость, мир и процветание, свобода, мораль
Ключевые понятия	Структурная анархия международных отношений, власть (мошь), национальный интерес, баланс сил, полярность	Структурная анархия международных отношений, рациональный выбор, гонка вооружений	Коллективная безопасность, мировой порядок, право, интеграция, международные организации	Транснациональные отношения, право, свободный рынок, взаимозависимость, интеграция, либераль-

Окончание табл. 2.1

Критерии	Реализм	Неореализм	Либерализм	Неолиберализм
				ное правление, права человека, гендер
	Усиливать национальную мощь, противостоять ограничениям национальной независимости	Сохранять ядерное сдерживание, избегать разоружения и создания наднациональных организаций	Проводить институциональные реформы	Развивать международные режимы, способствовать распространению демократии и международных институтов для координации коллективных усилий при решении глобальных проблем

Источник: Kegley Ch. W., Wittkopf Eu. R. World Politics: Trend and Transformation. Eighth Edition. N.Y.: Bedford/St.Martin's, 2001. P. 46.

2.3. Неомарксизм

Кроме двух названных теоретических школ — реализма и либерализма и современных их вариантов — неореализма и неолиберализма, довольно распространенным является неомарксистский подход (англ.: *neomarxism*), подчеркивающий экономическое неравенство в современном мире и расслоение населения планеты по экономическому параметру, которое, если говорить о сегодняшнем дне, происходит не по линиям границ национальных государств, а главным образом по оси «Север—Юг». В рамках неомарксизма в научный оборот введены понятия «страны третьего мира» (развивающиеся государства) и «страны второго мира» (социалистические).

Как следует из самого названия подхода, концептуальные истоки неомарксизма находятся в работах Карла Маркса. Представителями этой теории являются Иммануил Валлерстайн (*I. Wallerstein*), Андре Гундер Франк (*A. G. Frank*), Роберт У. Кокс (*R. W. Cox*).

Мир-системная теория (англ.: *world-systems theory*) — один из наиболее известных вариантов неомарксизма. Исходит она из следующих положений. Во-первых, мир делится не только на государства, но и на более

важные, как они считают, структурные единицы — классы. Появление же государств было необходимым для перехода к мировой экономической системе (мир-экономике) и ее победы над мир-империями прошлого. Во-вторых, в настоящее время существует только одна мир-экономика — капиталистическая. Развитие капитализма прошло ряд циклов экспансии и стагнации, которые начинаются с его зарождения в Европе. Сначала они охватывали относительно небольшую европейскую территорию, а потом распространились на весь мир. В результате развития капитализма произошло расслоение стран в зависимости от экономических показателей на три части: центр (ядро), периферию, полупериферию (рис. 2.1). Оказавшиеся в центре страны имеют значительно более высокий жизненный уровень и доминируют над остальными.

Представители мир-системной теории исходят из того, что развитие ядра осуществляется за счет остальных стран. Это ведет, по их мнению, к конфликтам. Мир-системная теория, вслед за В. И. Лениным, подчеркивает продолжающуюся борьбу между империалистическими странами (странами ядра), но отмечает, что их общие цели, обусловленные принадлежностью к «одному клубу», доминируют в их отношениях с периферией, где они имеют доступ к дешевым ресурсам, рабочей силе, рынкам сбыта.

При этом периферия и полупериферия пытаются сопротивляться, поднимая различного рода восстания. В изданном в 2000 г. сборнике трудов «Окончание мира, каким мы его знали. Социальная наука XXI века» (*The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*) И. Валлерстайн пишет, что «лидеры Октябрьской революции рассматривали себя как тех, кто организовал первую пролетарскую революцию в современной истории. Это было одно из первых, возможно,

Рис. 2.1. Представления о структуре мира в мир-системной теории

наиболее драматических национально-освободительных восстаний на периферии и полупериферии мир-системы». Вообще, мир-системная теория обращает особое внимание на поляризацию, проходящую сегодня по линии «богатый Север — бедный Юг» и ведущую к потенциальным конфликтам.

Теория зависимости (англ.: *dependency theory*) является несколько иным вариантом неомарксизма. В отличие от мир-системной теория зависимости делает акцент не столько на историческом развитии мира и его циклах, сколько на его современном состоянии. Представители этого теоретического подхода (в частности, А. Франк) вслед за неоллибералами отмечают бурное развитие экономики в мире во второй половине XX столетия. Однако неомарксисты более пессимистичны, поскольку экономически менее развитые страны, согласно их точке зрения, находятся в зависимости от более развитых. Последователи теории зависимости подчеркивают, что экономическая развитость или отсталость не являются естественными этапами развития человечества, которые присущи всем государствам, а возникли в результате неравноправных межгосударственных отношений. В течение долгого времени происходило перераспределение прибавочного продукта от периферии (колоний и полуколоний) в пользу центра — метрополий. В итоге этот процесс привел к «зависимой отсталости» периферии («Юга»), которая могла бы успешно функционировать, будь она ориентирована на собственное развитие.

Сегодня развитые страны продолжают эксплуатировать развивающиеся, но используют не силовое, а экономическое принуждение, что является по сути лишь новой формой колониализма — неоколониализмом. Поэтому в развивающихся странах мы наблюдаем феномен «двухуровневой экономики» (англ.: *dual economy*). Он порождается взаимодействием развитых стран с развивающимися, вследствие чего происходит неравномерное развитие экономики последних: одни отрасли в них становятся суперсовременными, с открытыми границами, процветающими и конкурентоспособными, в то время как другие остаются традиционными с отсталыми способами производства. Все это влечет за собой социальную и политическую нестабильность в развивающихся странах.

Наконец, в рамках неомарксизма получила развитие школа Грамши (или итальянская школа), носящая имя итальянского теоретика марксизма, а также основателя и руководителя итальянской коммунистической партии Антонио Грамши (А. Gramsci). Один из ключевых моментов в ней — положение о «мировой гегемонии». Основывается она сильным государством, которое фактически навязывает другим миро-

вой порядок. К нему примыкают другие, в результате чего образуется «исторический гегемонный блок». По мере роста противоречий внутри блока может произойти его крушение. Примерами лидеров таких блоков служат: во второй половине XIX в. — Великобритания, а во второй половине XX в. — США.

2.4. Постмодернизм и другие теоретические подходы

Постмодернизм (англ.: *postmodernism*) в теории международных отношений возник в 1980-е годы: с одной стороны, как реакция на классические теории (неолиберализм и прежде всего неореализм), с другой — под влиянием неомарксизма в поисках иной теоретической альтернативы. Французский философ Франсуа Лиотар ввел в научный оборот термин «постмодернизм», определив его как скептицизм в отношении концепций, основанных на рационалистических подходах и претендующих на истинное объяснение реальности.

На развитие постмодернизма существенное влияние оказали происшедшие в мире за предыдущее десятилетие процессы, которые сложно было объяснить с традиционных теоретических позиций неореализма и неолиберализма: нефтяной кризис 1970-х годов и деятельность стран — экспортеров нефти, валютные потрясения, расширение пропасти между богатым «Севером» и бедным «Югом». В повестке дня появились и так называемые «конфликты малой интенсивности», которые с трудом вписывались в противостояние двух сверхдержав.

Постмодернизм крайне разнообразен по теоретическим схемам, которые в нем используются, а также по направленности и авторам. Исследователи, работающие в рамках постмодернистской парадигмы: например, Джеймс Дер Дериан (J. Der Derian), Клэр Туренн Сйоландер (C. T. Sjolander) — отмечают, что мир слишком сложен и многомерен, чтобы при анализе его упрощать, как это делают классические теории, являющиеся рационалистическими (исходящими из рационального поведения участников), прежде всего реалистская и либеральная парадигмы. В целом своей задачей постмодернисты считают уменьшение пропасти: с одной стороны, между философскими представлениями, с другой — наблюдениями и данными из социальной практики, с третьей — социальной практикой как таковой. Они пытаются также выйти за пределы противопоставления теории международных отношений и политологии путем обращения к таким более общим философским категориям, как справедливость, ценности и т.п.

Постмодернистский подход, пишет Дж. Дер Дериан, не стремится отразить реальность мировой политики в зеркале интеллектуального анализа. Рационалисты, продолжает он, ждут, когда научный прогресс позволит им найти правильный метод, мечтая о том, чтобы зафиксировать, упростить реальность, свести ее к одному, в то время как любой взгляд на мир, согласно постмодернистам, является ограниченным самой «точкой отсчета». Теория же, как замечает Р. Кокс (R. Cox) вслед за Ю. Хабермасом, всегда существует для кого-то и для каких-либо целей.

Постмодернисты критикуют реалистов, заявляя, что невозможно неким объективным образом выявить государственные интересы. Более того, не существует универсальных интересов. Вообще, они склонны к тому, чтобы рассматривать государство скорее как «фикцию». Они поясняют, что это некое понятие, используемое исследователями для обозначения группы людей, что порой и приводит к заблуждениям. Например, в реалистской концепции Советский Союз рассматривался в качестве целостного участника международных отношений. На самом деле, как подчеркивают постмодернисты, это не так. Именно поэтому реалисты и были так озадачены распадом СССР.

Представители постмодернизма выступают с идеями о «деконструкции» ключевых понятий в международных отношениях (таких как «государство», «международная система» и др.) через анализ текстов и выявление скрытого там содержания.

Критика классических подходов — вообще одно из важнейших направлений в постмодернизме (оно получило название *критической теории* — англ.: *critical theory*), но не исчерпывает его. Некоторые авторы вообще выделяют данное направление в качестве самостоятельного.

Начиная с 1990-х годов, пожалуй, наиболее популярным течением становится социальный *конструктивизм* (англ.: *constructivism*), рассматривающий мировую политику как некий социальный конструкт. Конструктивисты подчеркивают, что мир постоянно меняется и сами люди вызывают эти изменения, создавая новые институты, отношения и т.п. В свою очередь, вновь созданное начинает оказывать влияние на своих создателей и т.д. Конструктивисты призывают особое внимание уделять социальным, этническим, религиозным и др. группам. Изучать, как они определяют свою идентичность, свои интересы и т.д.

Вообще, замечает один из наиболее заметных теоретиков конструктивизма А. Вендт (A. Wendt), конструктивизм нельзя в полном смысле этого слова назвать теорией международных отношений; этот подход стремится лишь к тому, чтобы выявить различия и относительность тех или иных качеств мировой политики. Конструктивизм скорее предлагает

определенным образом взглянуть на предметную область мировой политики.

Несмотря на критику классических школ международных отношений, конструктивисты в какой-то мере попытались преодолеть жесткое противостояние неореализма и неолиберализма путем подчеркивания важности не только реальности, как таковой, но восприятия и понимания этой реальности.

Еще одно важное положение в конструктивизме: его представители в отличие от неореалистов и неолибералов, которые просто рассматривают государства в качестве акторов на международной арене, задаются вопросом, как и почему они таковы. Государства, согласно конструктивистам, являются главными акторами, однако во внешней среде их взаимодействие происходит на основе разработанных ими же правил, что и порождает некий социальный конструкт. В этом проявляется стремление конструктивистов подчеркнуть активное, деятельностное начало в мировой политике.

Некоторые представители конструктивизма сосредоточивали внимание на том, как с помощью языка (понятий) люди конструируют политический мир, в котором живут, и как порождаемые ими же конструкты влияют на их политическое поведение. Необходимо, как отмечают представители этого течения, обращать основное внимание на исследование текстов, скрытый в них смысл.

Другие конструктивисты меньше внимания уделяют собственно языковым конструктам. Их больше интересует, например, как государственные интересы воспринимаются и формируются правительством, различными негосударственными структурами и т.п. Так, если небольшое государство выступает в качестве посредника в конфликте с крупными державами, то это не может не сказываться, согласно конструктивистскому подходу, на его самовосприятии (в частности, как активного действующего участника международного взаимодействия), что в дальнейшем, вероятно, проявится и в других ситуациях.

Критикуя классические школы теории международных отношений, прежде всего реализм, конструктивисты подчеркивают, что ряд внешнеполитических действий в современном мире плохо объясняется ими. Дж. Гольдштейн (J. Goldstein), описывая конструктивизм, задает вопрос: что заставило США в 1990-е годы посылать войска в Сомали — страну, которая в стратегическом плане не представляет для них особого интереса? С точки зрения реализма, данный факт сложно объяснить. Одно из конструктивистских объяснений этих действий связано с попыткой США построить новые правила международного поведения, обеспечивающие гуманитарные гарантии населению.

Конструктивисты подчеркивают двоякую функцию международных институтов: регулятивную и формирующую. Регулятивная функция обеспечивается нормами и процедурами, созидательная — позволяет создавать нечто новое. Для пояснения важности различия этих функций порой прибегают к метафоре шахматной игры, где правила (регулятивная функция) достаточно жесткие, тем не менее есть огромный простор для творчества (созидательная функция).

Наряду с несомненными положительными моментами, которые конструктивизм внес в развитие теории международных отношений, он, как и любой подход, имеет свои ограничения. Конструктивистская картина мировой политики оказывается крайне мозаичной, и трудно определить, как различные ее части соотносятся друг с другом. Впрочем, данный упрек можно отнести к любому постмодернистскому направлению.

Еще один подход, который порой ассоциируется с постмодернизмом, хотя сегодня все чаще рассматривается в качестве самостоятельно го, — *феминизм* в международных исследованиях (англ.: *feminism*).

Феминизм возник во многом изначально как критический подход в международных исследованиях 1960-х годов, выступив с возражениями против классических теорий осмысления международной сферы. Однако в теории международных отношений он примерно до 1980-х годов оставался на периферии, а *гендерные различия* (англ.: *gender differences*), т.е. связанные с социальными аспектами пола, игнорировались. Представители феминизма обратили внимание на то, что все существующие теории международных отношений основаны на видении мира мужчинами и не учитывают восприятие женщин, а также их вклад (статус, роль, систему убеждений, мировосприятие и т.п.) в политическое его развитие. Статья одной из наиболее известных представительниц данного направления Дж. Эн Тикнер (*J. A. Tickner*), опубликованная в журнале «*International Studies Quarterly*» в 1997 г., так и называется «Вы просто не понимаете: сложные взаимоотношения феминизма и других теоретических направлений в международных исследованиях». Взяв в качестве примера проблемы безопасности, Э. Тикнер показывает, что если в реалистской парадигме, которая в наибольшей степени отражает мужскую позицию, безопасность определяется в военно-политических терминах как обеспечение сохранности границ от внешнего вторжения и целостности государства, то в феминизме безопасность понимается гораздо шире — как любое насилие.

Сам феминизм неоднороден и делится на несколько ветвей (течений). Дж. Гольдштейн выделяет три. *Дифференциальный феминизм* (англ.: *difference feminism*) подчеркивает роль женщины в мировой политике

именно в этом, как женщины, качестве. Он исходит из наличия существенных гендерных различий, поэтому женщины и мужчины просто не могут делать одинаково одну и ту же работу. Часть представителей данного течения объясняют гендерные различия биологическими причинами, но большинство — социальными.

Возражая особенно против (нео)реалистской парадигмы, они вслед за либералами указывают на важность взаимозависимости государств, соблюдения прав человека, ограниченности силовых методов. Однако у дифференциального феминизма есть претензии и к (нео)либералам, которых они упрекают в том, что государство как единое образование по-прежнему рассматривается главным актором на мировой арене, тем самым сохраняя принципы андроцентристского мира. Вообще идея множественности акторов, как и другие представления (нео)либералов, не учитывает особенности женщин. Вместе с тем, продолжают представители данного теоретического течения, опросы общественного мнения показывают устойчивые различия в подходах к мировой политике мужчин и женщин. Так, женщины в среднем примерно на 10% менее склонны поддерживать военные акции.

Дифференциальный феминизм подчеркивает, что женщины в политике могут и должны играть особую роль, в частности, быть больше вовлечены в посредничество в конфликтных ситуациях, при принятии решений и т.п.

Вторая ветвь феминизма — *либеральный феминизм* (англ.: *liberal feminism*). Его сторонники скептически относятся к идеям дифференциального феминизма и делают акцент на равноправии мужчин и женщин в политике, отмечая, что различия между полами порождены во многом стереотипами восприятия, а по сути мало отличаются. Когда женщина профессионально занимается международными отношениями, она ведет себя точно так же, как и мужчина, считают либеральные феминисты и приводят исторические примеры. Проблема не в том, что женщины по-другому воспринимают мир, а в том, что они ограничены в своих возможностях быть вовлеченными в мировую политику. И примеров здесь множество. Так, по данным Дж. Сигера, в 1995 г. на Генеральной Ассамблее ООН делегации различных стран мира были представлены 80% мужчин, а руководители делегаций вообще составляли 97% мужчин.

Задача как раз и состоит в том, чтобы вовлечь женщин в мировую политику. Но делать это следует не потому, что у них иное восприятие мира. Просто в противном случае мы лишаемся множества талантливых и инициативных людей. При этом представители данного течения указывают на необходимость исследования социальных ролей женщин:

женщина как политический деятель, как участник международных переговоров и т.п.

Казалось бы, дифференциальный и либеральный феминизм исходят из принципиально разных позиций. Однако это не так. Дж. Гольдштейн объясняет это следующим образом. Предположим, что способность выполнять ту или иную деятельность в среднем у мужчин и женщин действительно различна. Допустим, это один из видов работы, с которой лучше справляются женщины. Однако существуют мужчины, которые способны выполнить ее намного лучше, чем в среднем женщины (рис. 2.2). Иными словами, существование среднегрупповых (в данном случае гендерных) различий вовсе не распространяется на всех индивидов группы. Что касается подходов дифференциальных феминистов и либеральных феминистов, то первых больше интересует, насколько две кривые расходятся, а вторых — насколько они пересекаются.

Наконец, третье течение в феминизме — *постмодернистский феминизм* (англ.: *postmodern feminism*). Его сторонники, соглашаясь с представителями других феминистских течений в отношении критики прежде всего (нео)реализма, возражают им по целому ряду вопросов. Они указывают представителям дифференциального феминизма, что вряд ли следует столь явно прославлять и восхвалять женщин. Они приспосабливаются к миру, выстраиваемому мужчинами, не всегда лучшим с моральной точки зрения образом, но страдают оба пола. Кроме того, вряд ли существует фиксированное биологически или социально обусловленное мужское или женское начало. Скорее, подчеркивают они, речь должна идти о взаимосвязи гендера и властных полномочий. Постмодернисты также

Рис. 2.2. Распределение мужчин и женщин по способности выполнять определенный вид деятельности

Источник: Goldstein J. S. *International Relations*. 6th ed. N.Y., 2005. P. 122.

выступают против попыток либеральных феминистов включить женщин в мировую политику. По их мнению, это означает опять-таки принятие существующего мира.

Большое значение представителями данного течения уделяется вопросам деконструкции текстов. Они отмечают, что ядерные бомбы, сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки, носили мужские имена: «толстяк» и «малыш». В отправленной шифротелеграмме после нанесения ударов говорилось, что это мальчик. Предполагалось, что, если бы ядерная бомба не сработала, сообщили о девочке.

Следует заметить, что феминизм крайне разнороден и нет общепринятой классификации в отношении существующих в нем течений: выделяется, например, радикальный феминизм, постмарксистский феминизм и т.д. Кроме того, феминизм как теоретическое направление в международных отношениях связан с рядом феминистских движений, выступающих за разоружение, права женщин и т.д.

2.5. Частные теории в международных исследованиях и специфика некоторых национальных школ

К частным теориям международных отношений и мировой политики следует отнести те, которые не претендуют на то, чтобы охватить все основные аспекты международной сферы, как пытаются сделать классические теории, или сформулировать исследовательские принципы, как постмодернистские направления. Частные теории ограничиваются анализом какой-либо одной области или типа ситуаций, поэтому их много, и они нередко развиваются исследователями, работающими в различных теоретических парадигмах.

Теория международных режимов (англ.: *international regimes*) нашла отражение в работах Джона Ругги (*J. Ruggie*), Стефана Д. Краснера (*St. D. Krasner*), Роберта Кохэна (*R. Keohane*). Под международными режимами понимаются принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, в отношении которых ожидания участников мирового сообщества в той или иной сфере международных отношений и мировой политики совпадают. Например, в области тарифов и торговли, финансовой политики, использования морского дна, космоса и т.п. Режимы могут охватывать различное число государств, а сами страны присоединяться или, наоборот, выходить из того или иного режима.

Примерами международных режимов служат ВТО, Договор о ядерном нераспространении, запрещение химического оружия и т.д. Режимы могут быть региональными и глобальными, в значительной степени институционализированными, как, например, ВТО, или не иметь соот-

ветствующих институтов и быть достаточно неформальными, но в любом случае они предполагают согласие государств, которые в них участвуют. В связи с тем что режимы ориентированы прежде всего на сотрудничество, в теоретическом плане они особенно привлекают внимание неоллибералов. В то же время неореалистов интересует, какова роль государственной мощи при разработке и продвижении режима.

Теория демократического мира (англ.: *democratic peace*). Она разрабатывается такими авторами, как Майкл У. Дойль (*M. W. Doyle*), Брюс Рассетт (*B. Russett*). Исследователи обращают внимание на то, что современные либерально-демократические государства в силу общих политических принципов не склонны вступать в войну друг с другом для достижения своих целей и выбирают мирные средства для разрешения противоречий.

Теорию демократического мира, как и теорию международных режимов, можно условно отнести к неолиберализму, хотя многие авторы выделяют их в самостоятельные направления. Аргументом здесь является то, что, например, представители демократического мира в значительной степени ориентированы на государственно-центристскую модель, поскольку рассматривают лишь внешнюю политику государств, и это сближает их с неореалистами. Подробнее теория демократического мира рассматривается в главе 7.

Другое направление в теории — геополитика (нем.: *Geopolitik*), напротив, близко к (нео)реализму, особенно по тому, какое значение придается мощи государства. «Традиционная геополитика, — пишет Э. Г. Соловьев, — занималась изучением государств как пространственного феномена... вопрос об определении мощи того или иного государства напрямую связывался с размером и характером территории, которую оно занимает». Главная задача государства, согласно точке зрения геополитиков, заключается в расширении и увеличении территориальных ресурсов. Основоположением геополитики принято считать Фридриха Ратцеля, само же понятие «геополитика» появилось позднее в работах Рудольфа Челлена, а Хэлфорду Маккиндеру принадлежит разработка теории хартленда (хотя не он ввел этот термин), суть которой заключалась в том, что в истории происходит конфронтация морских и континентальных держав, и, как он видел в начале XX столетия, преимущества приобретают последние. И реалисты, и геополитики придают большое значение силовому фактору в политике, а также природным ресурсам.

Одновременно геополитика включает ряд положений, выходящих за рамки, связывающие ее с реализмом. Так, абсолютизация географического фактора, отражающая представления конца XIX — начала XX в., когда за-

рождались геополитика, в более поздний период, т.е. в момент формирования и развития реализма, исчезает в рамках последнего. Мощь государства, национальные интересы понимаются реалистами значительно шире. В реализме нет элементов мистики, которые проявляются в ряде работ геополитиков, а также элементов идеологии, что и дало возможность ее использования в Германии на службе агрессивным целям Третьего рейха.

Все это позволяет рассматривать геополитику как самостоятельное направление теоретической мысли. Чтобы избежать, с одной стороны, идеологического «наполнения» дисциплины и ее ассоциаций с фашистской Германией, с другой — географического детерминизма классической геополитики, ряд исследователей предпочитают использовать термин «политическая география» как более нейтральный. В самом общем виде политическая география определяется как научная дисциплина, которая занимается изучением влияния географического фактора на политику. Существуют и возражения. В частности, указывается, что политическая география — это другая дисциплина, являющаяся областью географической науки. Дискуссии по этому вопросу продолжают.

К частным теория относится большая группа теоретических направлений, связанных с изучением проблем мира (англ.: *peace study*). Вопросы войны и мира всегда волновали человечество. Однако только во второй половине XX столетия стали интенсивно разрабатываться теоретические вопросы данной проблематики, что в немалой степени было обусловлено двумя мировыми войнами, а также холодной войной, которая сопровождалась множеством региональных конфликтов и грозила превратиться в новую мировую.

М. Гриффитс и Т. О'Каллахэн (*M. Griffiths, T. O'Callaghan*) выделяют следующие события, которые стали ключевыми в развитии области:

- ♦ антивоенные движения 1960-х годов, особенно те, что выступали против войны во Вьетнаме;
- ♦ активизация движений за замораживание ядерных арсеналов, а также за разоружения;
- ♦ окончание холодной войны и распад СССР.

Теоретические поиски при изучении проблем мира шли на стыке многих наук — психологии, международных исследований, этнологии, политологии, права, социологии и т.д. Это повлияло на теоретические подходы, которые также порой ориентированы на различные дисциплины. Например, ряд теорий, объясняющих различие в восприятии сторон в конфликте, базировались на психологических подходах. В то же время неоднократно предпринимались попытки разработать междисциплинар-

ную теорию войны и мира. Среди тех, кто одним из первых стал работать в междисциплинарной сфере, был К. Райт (*Q. Wright*). Он придавал большое значение правовому регулированию международных проблем, показывая при этом, как изменяется и развивается международное право с тем, чтобы адаптироваться к меняющимся условиям. Вместе с тем, выступая с реалистских позиций, К. Райт считал, что государство не откажется от применения силы во внешней политике. К. Райт один из первых указал на то, что международный конфликт не однороден во времени. В нем выделяется несколько фаз: 1) осознание различий в целях; 2) возрастание напряженности; 3) оказание давления без применения силы для разрешения конфликта; 4) вооруженное разрешение конфликта. При этом последние две стадии он рассматривает как конфликт в узком смысле этого слова.

Кроме междисциплинарности исследования проблем мира, как правило, характеризуются прикладной направленностью. Многие исследователи сами участвовали в урегулировании конфликтов в качестве экспертов в официальных делегациях, а также на неофициальном уровне организовывали различные рабочие встречи или семинары между противоборствующими сторонами с тем, чтобы сблизить их позиции. Широкую известность приобрели, например, семинары Дж. Бертона (*J. Burton*), Г. Келмана (*H. Kelman*) и других в конце 1960-х — начале 1970-х годов, в основу которых была положена идея необходимости воздействия на конфликт на уровне масс и выявления того, что лежит за внешней стороной конфликта, а затем попытаться выявить возможные пути разрешения противоречий. Это направление получило название «разрешение конфликтов» (англ.: *conflict resolution*). Изначально оно противопоставлялось традиционному урегулированию конфликтов (англ.: *conflict management*), ориентированному лишь на сближение позиций сторон. В дальнейшем большинство авторов стали рассматривать оба подхода не как противостоящие, а как дополняющие друг друга, хотя при этом, как правило, предпочитают одно из них.

Не только исследователи, но и политические деятели, дипломаты нередко активно работают в этой сфере, среди них — бывший президент США Дж. Картер.

В рамках исследований проблем мира разрабатываются и теоретические вопросы, связанные с различными видами насилия. Одну из таких теорий — *структурного насилия* (англ.: *structural violence*) выдвинул норвежский автор Джон Галтунг (*J. Galtung*). Ее суть заключается в том, что в современном мире структура отношений такова, что сильные государства при помощи различных рычагов, прежде всего экономических,

наносят такой ущерб более слабым, что это сравнимо с вооруженными конфликтами.

Существует множество теорий по ведению переговоров, которые отчасти могут быть отнесены к направлению по изучению проблем мира. Это касается переговоров по урегулированию конфликтов. Здесь в рамках нелиберальной позиции формулируется подход на основе *совместного с партнером анализа проблемы* (англ.: *joint problem-solving*). Он исходит из сотрудничества участников переговоров по поиску взаимоприемлемого решения, которое должно удовлетворять интересам обоих участников. Этот подход разрабатывался Г. Райффой (*H. Raiffa*) в сфере бизнеса, Р. Фишера и У. Юри (*R. Fisher, W. Ury*) — в самых широких областях переговорной практики, в том числе и международных отношений.

Большая группа частных теорий разрабатывается в области *принятия внешнеполитических решений*. Как и в исследованиях проблем мира, здесь сам объект изучения предполагает междисциплинарное взаимодействие. В качестве примера частной теории можно привести *теорию рационального выбора* (англ.: *theory of rational choice*), которая в значительной степени базируется на реалистской парадигме. Согласно данной теории, лица, принимающие решения, ведут себя крайне рационально, взвешивая все положительные и отрицательные стороны имеющихся альтернатив. После чего принимается решение, в наибольшей степени отвечающее поставленным целям.

Наконец, ряд частных теорий идет не от предметной области, а от типа или класса ситуаций. Обычно эти теории в значительной степени формализованы и используют математический аппарат. К их числу относится, например, *теория игр* (англ.: *game theory*). В наиболее простом варианте она направлена на анализ взаимодействия двух сторон, у которых существует два варианта поведения: вести себя кооперативно или конкурентно. Участники заранее информируются о том, какие последствия будут в случае конкурентного или кооперативного поведения обеих сторон, а также при выборе одной стороной конкурентного, а другой — кооперативного поведения, тем самым задается *матрица исходов* (англ.: *payoff matrix*). Но участники, делая свой выбор, не знают о выборе другого. Матрица исходов может быть различной: одним из наиболее распространенных вариантов является *дилемма заключенного* (англ.: *Prisoner's Dilemma*). Ее изначальный вариант звучит следующим образом: двое подозреваются в совершении грабежа. Если оба сознаются в преступлении, то получают по минимальному сроку — 2 года, если оба откажутся — то каждому дадут по 4 года тюрьмы. Наконец, если один откажется, а другой при этом сознается, то первый будет выпущен на

свободу, а второй получит 8 лет тюрьмы, Этот вариант игры предполагает только один «ход»: участники ведут себя либо кооперативно и сознаются, либо конкурентно. На рис. 2.3 показана матрица исходов для приведенного примера дилеммы заключенного. Цифра 1 означает минимальное наказание (в данном случае — его отсутствие); цифра 4 — максимальное для каждого участника.

В зависимости от того, как задается матрица исходов, различают игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного участника равен проигрышу другого; игры с ненулевой суммой и игры с отрицательной суммой. В последнем случае в проигрыше оказываются оба.

Модель теории игр лежит в основе целого класса международных ситуаций — гонки вооружения, конфликтного противостояния и т.п. В 1960-х годах американский исследователь Т. Шеллинг (*Th. Schelling*) во многом заложил концептуальные основы изучения поведения с помощью теории игр, а в 2005 г. он совместно с израильским ученым Р. Ауманном (*R. Aumann*), которому принадлежит заслуга в разработке математического аппарата, стал лауреатом Нобелевской премии по экономике.

В дальнейшем было проведено множество экспериментальных исследований сотрудничества и конфликта с помощью теории игр. В частности, в работах Р. Аксельрода (*R. Axelrod*) показано, что при постоянном взаимодействии, которое не ограничено временными рамками, участники начинают вести себя кооперативно, поскольку это оказывается наиболее выгодным. Кстати, одна из книг Р. Аксельрода, выпущенная в 1984 г.,

1-й Подозреваемый

		Кооперативное поведение Конкурентное поведение	
2-й Подозреваемый	Кооперативное поведение	2 1	2 4
	Конкурентное поведение	4 1	3 3

Рис. 2.3. Матрица исходов в дилемме заключенного

называется «Эволюция кооперативного поведения» (*The Evolution of Cooperation*).

Другим примером частных теорий может служить теория «хаоса» (англ.: *chaos theory*), получившая распространение в международных исследованиях в 1990-е годы. Ее сторонников интересовало, какие закономерности действуют в условиях, когда происходят резкие перемены и действует множество различных факторов, т.е. в ситуациях кризиса, резкого распада СССР и т.п. Для этого предпринимались попытки использования математических моделей.

Говоря о теориях в международных исследованиях, следует упомянуть о научных традициях, которые развивались скорее как национальные подходы и в силу тех или иных причин не получили более широкого развития. Здесь надо прежде всего назвать английскую (британскую) школу международных отношений (англ.: *English School of international relations*) и французскую школу социологии международных отношений.

Основателями английской школы международных отношений являются Мартин Уайт (*Martin Wight*) и С. А. В. Маннинг (*C. A. W. Manning*). К этой школе также принадлежит Хедли Булла (*Hedley Bull*) и ряд других авторов. Английская школа международных отношений как теоретическое направление получила развитие в Лондонской школе экономики и политической науки (*London School of Economics and Political Science*) в 1950-е годы — в эпоху холодной войны, когда доминировал (нео)реализм, поэтому изначально она фактически представляла собой разновидность последнего. Как и (нео)реалисты, сторонники английской школы исходили из того, что суверенные государства образуют анархически организованную систему международных отношений. Однако для английской школы важными в этой системе оказываются исторически складывающиеся связи и отношения. Х. Булл довольно четко проводит различие между системой государств (англ.: *system of states*) и сообществом государств (англ.: *society of states*). Если в первом случае предполагается лишь взаимодействие государств, то во втором — страны-участницы хорошо осознают свою историческую общность, что и побуждает их к сотрудничеству и разработке «правил поведения». Все это приводит к некоему новому, более высокому уровню взаимоотношений государств, предполагающему наличие ответственности. В этих условиях возможность применения силы оказывается ограниченной, а наличие единых правил и институтов формирует общие ценности.

За полувековую историю своего существования английская школа получает развитие, в том числе и за пределами Великобритании. Ее приверженцы есть в Австралии, Южной Африке и других странах. В рамках Ассоциации международных исследований (англ.: *International Studies*

Association, ISA) США и Канады, которая фактически является международной и объединяет весь мир, существует отдельная секция по Английской школе международных отношений.

Внимание к проблемам сотрудничества, коммуникации сближает британскую школу с неолиберальным подходом. В то же время продолжением (нео)реалистских традиций в британской школе стали работы Барри Бузана (*Barry Busan*). В этой связи А. П. Цыганков и П. А. Цыганков подчеркивают, что представления, разрабатываемые английской школой, выступили своеобразным мостом от системы международных отношений к мировому сообществу.

Вместе с тем, английская школа международных отношений не выглядит эклектичной. Напротив, она целостна, благодаря чему и может называться школой или подходом. Эта целостность обеспечивается за счет более внимательного анализа международной реальности, что позволяет находить исследовательские ракурсы, которые затем получают в дальнейшем самостоятельное развитие.

Французские международные исследования исходят из историко-социологического подхода, для которого, как пишет И. Г. Тюлин, характерен интерес к структуре общественной жизни и определенный историзм. При этом они оказались подвержены влиянию, с одной стороны, традиции, берущей начало от работ М. Вебера, с другой, направлению, связанному с именем Э. Дюркгейма. В первом случае акцент делается на анализе государства, причинах, побуждающих государство действовать тем или иным образом, т.е. прежде всего на (нео)реалистском подходе, и здесь несомненным классиком выступает Раймонд Арон (*Raymond Aron*), во втором — на идентичности, культуре, ценностях. Второе направление оказалось особенно востребованным в конце XX — начале XXI в., когда внимание исследователей вновь было обращено к этим проблемам.

Таким образом, частные теории крайне разнообразны: они могут преимущественно основываться на той или иной теоретической школе (как, например, теория демократического мира, которая вообще иногда рассматривается как направление неолиберализма), ориентироваться на междисциплинарный анализ, или на методы исследования (теория игр), или акцентировать определенные национальные традиции (например, французская социологическая школа).

Ключевые термины

Реализм
Неореализм
Либерализм

Неолиберализм
Неомарксизм
Постмодернизм

Анархический характер международных отношений
Этатизм
Национальные интересы
Могущество / сила
Национальный суверенитет
Баланс сил
Реалполитик
Структурный реализм
Биполярная система международных отношений
Многополярная, или многополюсная, система международных отношений
Актор
Структурная триада К. Уолтца
Неотрадиционный, или неоклассический, реализм
Постклассический реализм
Политическая география
Коллективная безопасность
Идеализм
Холизм
Межправительственные организации
Неправительственные организации
Плюрализм
Транснациональные отношения
Транснациональные корпорации
Внутригосударственные регионы
Транснационализм
Комплексная взаимозависимость
Мир-системная теория

Теория зависимости
Неоколониализм
Феномен «двухуровневой экономики»
Школа Грамши (итальянская школа)
Постмодернизм
Рационалистические теории
Критическая теория
Конструктивизм
Феминизм
Гендерные различия
Дифференциальный феминизм
Либеральный феминизм
Постмодернистский феминизм
Теория международных режимов
Теория демократического мира
Геополитика
Изучение проблем мира
Разрешение конфликтов
Урегулирование конфликтов
Теория структурного насилия
Совместный с партнером анализ проблемы
Принятие внешнеполитических решений
Теория рационального выбора
Теория игр
Матрица исходов
Дилемма заключенного
Теория хаоса
Английская (британская) школа международных отношений
Французская школа социологии международных отношений

Вопросы для обсуждения

- Каковы основные положения реализма?
- В чем неореализм стал продолжением реализма?
- Какие положения неореализма можно определить как новые по сравнению с реалистской теорией?
- В чем суть либерализма?
- Каковы основные течения в неолиберализме?
- Какие основные положения неомарксизма можно выделить в исследованиях международных отношений?
- Каковы причины появления постмодернизма (назовите его основные направления)?
- Что такое частные теории в международных исследованиях?

Практикум

1. Проанализируйте текст выступления какого-либо политического деятеля по внешнеполитическим вопросам или программные внешнеполитические документы, в частности, политических организаций или партий, с точки зрения того, какие теоретические подходы к международным отношениям находят в нем отражение.

2. Выберите событие, происшедшее в мире после окончания холодной войны (например, террористические акты в США 11 сентября 2001 г.), и проинтерпретируйте его с точки зрения различных теоретических школ. Проведите дискуссию в аудитории между «сторонниками» противоположных школ (например, «неолибералом» и «неореалистом»), объясняющих это явление.

3. Приведите примеры событий, которые лучше объясняются одними школами и хуже другими. Найдите противоположные примеры.

4. Выберите международную ситуацию, которая могла бы описываться дилеммой заключенного и предполагала несколько (8–10) выборов. На ее основе составьте игру и проведите ее, разбившись на команды (лучше сделать параллельно несколько команд). Какие закономерности обнаруживаются?

Рекомендуемая литература

- Алексеева Т. А. Современные политические теории. М., 2000.
 Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.
 Булл Х. Анархическое сообщество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 802–805.
 Васкез Дж. Постпозитивистское течение: реконструирование научного подхода и теории международных отношений в эпоху критики классического реализма // Теории международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002.
 Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
 Международные отношения: теории, конфликты, организации. М., 2004.
 Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: Взгляды американских и французских исследователей / Под ред. М. М. Лебедевой и П. А. Цыганкова. М., 2001.
 Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 501–507.
 Российская наука международных отношений: новые направления // Под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М., 2005.
 Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002.
 Тикнер Дж. Э. Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

- Тюлин И. Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988.
 Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
 Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений. М., 2006.
 Цыганков П. А. Международные отношения. М., 1996.
 Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2002.
 Цыганков П. А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004. С. 16–64.

Интернет-ресурсы

- В. Вильсон <<http://gi.grolier.com/presidents/aae/bios/28pwils.html>>
 Н. Макиавелли <<http://www.sas.upenn.edu/~pgrose/mach>>
 Постмодернизм <http://www.cudenver.edu/~mryder/itc_data>
 Феминизм <<http://csf.colorado.edu/isa/ftgs>>

Глава 3

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ
СОВРЕМЕННОГО МИРА

В мировую политику вовлечены государства, различного рода организации, движения, бизнес-структуры и т.д. Практически каждый человек сегодня так или иначе оказывается причастен к мировой политике, испытывает на себе ее воздействие. Однако среди множества различных участников есть те, кто активно и сознательно формирует мировую политику, выступает со своими проектами развития мира, разрабатывает своеобразные правила политического взаимодействия, определяет тенденции политического развития мира и т.п., т.е. является «делателем» мировой политики, — это *транснациональные акторы* (ТНА), т.е. выходящие за пределы границ своих национальных государств. Именно значимость, активность, масштабность деятельности отличает ТНА от других участников мировой политики.

3.1. Государства в политической системе мира

При образовании Вестфальской системы государство стало основным, т.е. системообразующим, и фактически единственным структурным элементом этой системы. Государства, разумеется, и ранее были в

истории. Однако, начиная с Вестфальского мира, государство, или, точнее, национальное государство, приобретает качественно новые черты — национальный суверенитет и включение в систему взаимоотношений с другими такими же национальными государствами. На основе этого выстраивается социально-политическая практика: согласно международному праву, все государства обладают суверенитетом и равны между собой. Правда, политологи нередко шутят, перефразируя известное выражение Дж. Оруэлла: все государства, безусловно, равны, но некоторые из них «равнее».

Большинство из тех государств, которые в настоящее время существуют в мире, образовано в XX столетии. Особенно интенсивно процесс возникновения новых государств шел в 1960-х годах, как следствие крушения колониальных империй. В конце XX в. новые государства стали образовываться в результате дезинтеграции бывших социалистических стран (СССР, бывшей Югославии, Чехословакии). В 1990-х годах появилось более 20 новых государств. Сейчас в мире существует немало национальных образований, которые лишь стремятся получить статус государств (англ.: *would be nations*), поэтому этот процесс, по-видимому, еще не закончен.

Национальное государство традиционно является объектом изучения политологии, которая рассматривает вопросы политического устройства государства, политических изменений, политической культуры, политических идеологий. За более 350-летний период национальное государство претерпевает существенные изменения: усложняется политическая организация, расширяется ее вариативность.

То, как устроено и как функционирует государство, во многом обуславливает его поведение во вне, во взаимоотношениях с другими. С этим тезисом согласны практически все исследователи. Проблемой является, до какой степени такая связь прослеживается. Теория демократического мира, например, говорит о жесткой предопределенности несиловых методов решения проблем в случае взаимодействия двух демократий.

Это интересно!

Если при создании ООН в 1945 г. ее членами было 51 государство, в 1991 г. — 166, то в 2000 г. их уже насчитывалось 189. Вообще же количество государств с начала XX в. увеличилось более чем в три раза.

Национальные государства крайне разнородны сегодня и различаются по многим параметрам, в том числе — по политическому влиянию, военной мощи, экономическому потенциалу, размерам территории, географическому положению, типу государственного устройства и т.п.

В период холодной войны распространенным было выделение сверхдержав (СССР, США), крупных государств (Франция, Канада и др.), малых (например, Марокко, Лихтенштейн).

После окончания холодной войны подобная классификация стала утрачивать смысл, а экономический фактор, напротив, оказался в значительной степени политикообразующим и поэтому одним из ведущих. *Всемирный банк* (англ.: *World Bank*) выделяет три основные категории государств в зависимости от ВВП на душу населения в год:

- ♦ с низким уровнем доходов (765 долл. США и ниже);
- ♦ средним (от 766 до 9385 долл. США) — эта группа разбивается часто на две подгруппы;
- ♦ высоким уровнем доходов (выше 9386 долл. США).

Примерно 40% государств с населением более 55% от всей численности людей на Земле попадают в первую категорию, в то время как государства с высоким уровнем доходов составляют примерно 15%. Большинство стран с высоким уровнем доходов являются членами международной *Организации экономического сотрудничества и развития* — *ОЭСР* (англ.: *Organisation for Economic Cooperation and Development* — *OECD*), так называемого «клуба богатых». Страны с высоким уровнем доходов во многом через экономические рычаги способны определять направления политического развития.

Некоторые государства, независимо от того, когда они возникли, оказываются крайне слабыми. Для них характерен развал политических институтов, законодательной системы; межобщинные конфликты; проявление национализма. Примерами могут служить Сомали, Афганистан, Руанда и др. В литературе такие государства получили название *несостоявшихся* (англ.: *failed states*). Будучи слабыми, они создают и угрозу стабильности для других, являясь реальными или потенциальными очагами конфликтов, на их территории нередко базируются террористы, наркodelьцы, распространяется незаконная торговля оружием и т.п.

В последние годы интенсивно обсуждаются вопросы, связанные с тем, что делать с такими государствами. Насколько эффективно воздействие на них извне с целью *государствостроительства* (англ.: *state-building*) в этих странах, т.е. организацией выборов, формированием правительства, созданием других институтов власти и т.п.? Особенно остро

проблема встала в связи с ситуациями в Афганистане и Ираке после того, как там были проведены военные операции.

Еще одна группа стран, обычно выделяемая США, — так называемые «государства-изгои» (англ.: *rogue states*). При всей дискуссионности самого термина и того, какие страны администрация США относит к данной группе, проблема заключается в том, что современный мир не исключает возможности существования диктаторских режимов в отдельных странах, которые могут, овладев оружием массового уничтожения, угрожать другим. Разумеется, имеются механизмы и процедуры, прежде всего в рамках ООН, позволяющие воздействовать на такие государства, тем не менее опасность неконтролируемых международным сообществом их действий остается.

Изменения происходят и внутри развитых государств. Многие авторы обращают внимание на то, что современное государство не может в одиночку достаточно эффективно действовать в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экономического роста и в других областях. Наряду с государством этими вопросами активно начинают заниматься межправительственные и неправительственные организации, различного рода движения и т.п. Они играют все более значимую роль и на мировой арене, воздействуя на международную среду, ограничивая и контролируя деятельность государств.

В связи с этим в начале 1990-х некоторые авторы стали говорить об утрате государством ряда своих полномочий, ограничении понятия *суверенитета* и даже об исчезновении государства как такового в том виде, в котором мы привыкли его видеть. Эта точка зрения, например, была выражена Л. Д. Хоуэллом (*L. D. Howell*). И, хотя подобные воззрения не являются абсолютно новыми (об отмирании государства писал В. И. Ленин), в ответ была сформулирована противоположная точка зрения. Согласно этим представлениям, государство продолжает сохраняться, поскольку существуют государственные границы; количество государств становится не меньше, а больше; расширяются их функции в экономической и социальной сферах; увеличиваются возможности воздействовать на своих граждан с помощью электронных средств; государства сами активно создают международные институты и режимы; наконец, нет такого актора, которому могут быть переданы властные полномочия государства. Иными словами, ничего существенного относительно изменений функций государства не происходит. Такая позиция отстаивалась представителями различных реалистских течений. Она также нашла отражение, например, в материалах МВФ, опубликованных в 1997 г.

В дальнейшем крайние точки зрения смягчились. Наличие перемен в целом стало признаваться большинством, но одновременно и иллюзии относительно возможностей замены государства неким «надгосударственным» центром в виде международной организации или «глобального правительства» остались в прошлом. С этим согласны даже те исследователи, которые работают в рамках неолиберальной концепции и особо подчеркивают растущее многообразие участников взаимодействия на международной арене. Так, Й. Фергюсон (*Y. Ferguson*) и Р. Мэнсбах (*R. Mansbach*) пишут, что суверенное государство продолжает существовать, несмотря на все вызовы, которые испытывает именно в силу того, что как политическая структура способно мобилизовать и материальные, и человеческие ресурсы. С момента возникновения Вестфальской модели мира государство способствовало развитию торговли, собирало налоги, обеспечивало безопасность своих граждан. Благодаря своей эффективности, считают исследователи, эта форма политической организации распространилась из Европы на другие континенты, включив существовавшие там нормы политической организации.

В то же время продолжают дискуссии относительно того, что происходит с государством, по каким параметрам оно меняется и насколько это серьезно. Прежде всего и в практическом, и в теоретическом плане обсуждается проблема *государственного суверенитета*. В современном мире государства вынуждены все более считаться, с одной стороны, с международными организациями и институтами (в результате происходит ограничение суверенитета «сверху»), с другой — со своими же внутригосударственными регионами, мегаполисами, которые активно выходят на международную арену, развивая торговые, культурные и другие отношения (ограничение суверенитета «снизу»). Кроме того, государства вынуждены принимать во внимание нужды, интересы других участников международных политических процессов — транснациональных корпораций, неправительственных организаций и т.д.

Ю. А. Борко пишет, что возможности государства в современных условиях оказываются ограниченными «во всех сферах его деятельности»:

- ♦ в обеспечении национальной безопасности в традиционном понимании данного термина;
- ♦ в создании условий для экономической безопасности и устойчивого развития экономики;
- ♦ в поддержании внутреннего порядка, подрываемого преступностью и терроризмом, коррупцией, нелегальной иммиграцией и т.п.;
- ♦ в гарантировании гражданских свобод и прав человека;
- ♦ в защите окружающей среды ради экологической безопасности.

Этот список может быть продолжен за счет других сфер, которые также традиционно были в «ведении» государства, в том числе здравоохранение, образование и т.д.

Американский исследователь С. Д. Краснер (*St. D. Krasner*) предложил говорить не просто об изменении суверенитета, а об изменении так называемого *вестфальского суверенитета* (или суверенитета в его классическом понимании), т.е. политической организации, которая основана на том, что внешние акторы вообще не могут воздействовать на внутреннюю политику. Впрочем, эти процессы начались не сегодня. Анализируя итоги Первой мировой войны, известный английский дипломат и ученый Г. Никольсон (*H. Nicolson*) писал, что еще в тот период «изменилось содержание суверенитета (понятие суверенной власти)».

Размывание вестфальского суверенитета в современном мире означает не исчезновение его как такового, а фактический переход части функций, ранее принадлежавших исключительно государству, к другим акторам. В то же время государство приобрело ряд возможностей, которые не имело в прошлом. Например, используя современные технологии (пластиковые карты, сотовые телефоны и т.п.), государство способно довольно легко отслеживать передвижение граждан.

Вслед за изменением содержания суверенитета оказываются размытыми нормы и принципы международного права — одного из компонентов, призванного стабилизировать мировое развитие. На практике эти нормы и принципы все с большей очевидностью вступают в противоречие друг с другом. Например, права наций на самоопределение, с одной стороны, и сохранение целостности государства — с другой; принцип невмешательства во внутренние дела и оказание гуманитарной помощи; соблюдение прав человека и силовое вмешательство в конфликт с целью сохранения мира (Устав ООН, глава VII), а также проблема характера этого вмешательства (наличие санкций ООН, возможности использования ВВС, ВМС, таких действий, как «вытеснение» вооруженных группировок, «превентивная самооборона», обеспечение доставки гуманитарных грузов, «принуждение к миру» и т.п.). Наиболее яркие примеры проявления этих и других противоречий — силовое вмешательство во внутренние конфликты в конце XX столетия, прежде всего в Косове; проведение военной операции в Ираке.

Изменения в национальном суверенитете повлекли за собой сложности не только правового, но и психологического характера — возникла проблема национально-государственной *идентичности*. Румынский исследователь М. Малица (*M. Malitza*) заметил, что мир, заключенный в

Европе после Тридцатилетней войны и положивший начало системе национальных государств, привнес в жизнь нечто новое, а именно — чувство принадлежности к той или иной стране. В эпоху безраздельного господства национального государства идентификация основывалась во многом на осознании принадлежности к тому или иному государству. В конце XX в. произошло размывание государственной идентичности. Английская исследовательница Сьюзен Стрэндж (*S. Strange*) отмечала, что государство уже не может требовать к себе большей лояльности граждан, чем та, которая у них есть в отношении к семье, фирме и т.п. Ее точку зрения разделяют французские исследователи А. Дьекхофф (*A. Dieckhoff*) и К. Жаффрело (*Ch. Jaffrelot*), говоря об уменьшении связей гражданина с его государством.

Ослабление национально-государственной идентичности нередко сопровождается формированием другой идентичности — часто религиозной или национальной. Как следствие, появляются ксенофобии, создаются националистические организации и движения, следующим шагом являются открытые формы конфликтов на этнической почве. Не случайно многие конфликты, возникшие в 1990-х годах, получили название *конфликтов идентичности*. В наиболее ярком виде конфликт идентичности, где основанием для идентификации является принадлежность к той или иной цивилизации, описан в гипотетическом сценарии С. Хантингтона (*S. Huntington*).

В других случаях происходит «потеря» идентичности, появляется «расщепленная» идентичность, что на психологическом уровне ведет к неуверенности, сомнениям. Американский автор А. Франк (*A. Frank*) пишет в связи с этим, что «наша психика и даже наше тело, похоже, все больше и больше основываются на расколотой и мозаичной самоидентификации. В нашей душе борются разные пласты лояльности: к семье, к этнической группе, к нации, к... церкви, к транснациональной корпорации, к той или иной организации, вероятно даже к институтам, опирающимся на общечеловеческих идеалах гуманизма».

Тем не менее, в такой множественной идентичности есть свои положительные моменты. На них обращает внимание, в частности, директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, говоря, что выбор оснований самоидентификации ситуативен. В результате один и тот же человек оказывается сразу в нескольких «пересекающихся» общностях, которым из-за своей «размытости» сложно конфликтовать друг с другом, по крайней мере в открытой форме, главное, правда, чтобы сохранилась целостность мировосприятия. В конечном же счете «множественная» идентичность может вести к идентификации более высокого

уровня, куда входят все эти общности, к некоей глобальной или космополитической самоидентификации.

Однако на сегодняшний день космополитическая идентичность, т.е. ощущение принадлежности к человечеству вообще, не является распространенной. Самый большой процент людей, которые ощущают себя «гражданами Земли», по данным социологических опросов В. О. Руковишниковой, Л. Халмана и П. Эстера, в США составляет всего 15,4%.

Сталкиваясь с проблемой «размывания» государственной идентичности, ослаблением в каких-то сферах государственного суверенитета, власти стремятся противодействовать этим процессам, пытаются отвечать на вызовы и искать новые средства и методы для сохранения своих властных полномочий, поскольку с точки зрения любого государства размывание национальных границ, утрата, пусть и частичная, национального суверенитета крайне нежелательны. В таких условиях порой возникает искушение противиться ослаблению суверенитета через диктатуру. В результате возможно возникновение крайне коррумпированных режимов и квазигосударств, которые, используя предоставляемые им суверенитетом правовые гарантии, стремятся к поддержанию власти любым путем, создают тем самым очаги терроризма и нестабильности.

Таким образом, в начале XXI в. государство остается основной формой политической организации общества, главным актором на мировой арене. Но одновременно оно изменяется и развивается, адаптируется к новым условиям и приспосабливает их к себе. Не исчезает, а лишь видоизменяется и наполнение понятия «национально-государственный суверенитет». Очевидно, что эти процессы идут сложно. В результате мир сталкивается, с одной стороны, с различными государственными, или квазигосударственными, образованиями, в силу тех или иных причин плохо включенными в международные отношения, с другой — государство как таковое испытывает на себе новые вызовы, обусловленные тем, что в современных условиях его функции меняются, и оно вынуждено взаимодействовать на международной арене с другими транснациональными акторами, в том числе негосударственными.

3.2. Межправительственные организации в политической системе мира

Национальное государство было, по сути, единственным актором международного общения на протяжении XVII—XVIII вв. Но уже в XIX столетии появляются первые *межправительственные организации* — МПО

(англ.: *intergovernmental organisations, IGO's*), которые нередко еще называют *надгосударственными образованиями*. Межправительственные организации создаются государствами на основе международных договоров (именно поэтому межправительственные организации нередко рассматриваются в справочной литературе в разделах международного права) для реализации общих целей и действуют согласно уставным документам. Одновременно МПО являются источником развития международного права через создание правовых норм и процедур взаимодействия на мировой арене. Межправительственные организации предполагают институционализацию (в том числе наличие штаб-квартиры, аппарата и т.п.) и создание механизмов реализации своих целей. Членами межправительственных организаций являются государства, которые входят в них на добровольной основе.

Первоначально межправительственные организации возникли в Европе для осуществления сотрудничества в экономической сфере. После победы над Наполеоном создается Постоянная комиссия по судоходству на Рейне, затем возникают и другие, в том числе Международный Телеграфный Союз, Всемирный Почтовый Союз и т.п. Однако действительный расцвет международных организаций приходится на XX столетие, особенно на вторую его половину, когда количество межправительственных организаций, число членов в них, сферы и активность их деятельности резко возросли, охватив весь мир и весь спектр международной проблематики. Если брать историческую перспективу, то политический «вес» межправительственных организаций и образований также значительно возрастает в XX столетии.

Сегодня межправительственные организации являются важнейшим актором современной мировой политики, во многом определяют основные тенденции политического развития мира.

Это интересно!

В 1900 г. было всего 30 межправительственных организаций. С 1945 по 1985 г. число МПО практически увеличилось втрое, достигнув 378. Окончание холодной войны сопровождалось и распадом ряда межправительственных организаций (в частности, ОВД, Совета Экономической Взаимопомощи и ряда других). К 1997 г. количество МПО снизилось до 258, а в 2003 г. их было около 250.

Стремительное развитие международных организаций во второй половине XX столетия обусловлено рядом причин. Среди основных можно назвать следующие.

- ♦ Вторая мировая война привела к осознанию опасности конфликтов и необходимости создания системы, способствующей их предотвращению. Один из путей — создание международной организации, которая занималась бы этими вопросами. Сохранение мира и предотвращение войн были главными целями при создании ООН.

- ♦ Мировое разделение труда, усиление и развитие контактов требовали формирования на международном уровне организаций, которые обеспечивали бы сотрудничество и служили его проводниками. В этой связи появилось множество соответствующих МПО на глобальном и региональном уровнях.

- ♦ Возникновение глобальных проблем (экологических, голода и т.п.), которые не могли и не могут быть решены в рамках одной страны или группы стран, поставило вопрос о координации усилий.

- ♦ Для ряда государств, особенно образованных вновь после крушения колониальной системы, совместная деятельность в международных организациях позволяла ставить и решать волнующие их вопросы, тем самым усиливая свое влияние на развитие мировых политических процессов.

Это важно!

В структуре ООН шесть главных органов: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по опеке, Секретариат, Международный Суд. Штаб-квартира ООН находится в Нью-Йорке.

Существуют различные классификации межправительственных организаций. Обычно они различаются в зависимости от целей и членства. Выделяют универсальные МПО. Их членом в принципе может стать любое государство мира, а цели ориентированы на широкий спектр международной проблематики, включая политические, экономические, военные, социальные и другие вопросы. Примерами универсальных организаций служат Лига Наций и ООН.

Другой тип международных организаций также предполагает множественность целей, но членство в них достаточно жестко ограничено

тем или иным параметром, часто географическим положением. К ним относятся, например, Африканский союз (АС), Организация американских государств (ОАГ). Однако географический фактор не является единственным параметром для формирования межправительственной организации с множественными целями, но ограниченным членством. Так, Содружество (англ.: *Commonwealth*) объединяет большинство государств, ранее входивших в состав Британской империи, а Группа восьми (англ.: *Group 8, G-8*) — наиболее экономически и политически влиятельные страны мира.

Как отмечает М. Амсуц, МПО с множественными целями в большей степени вовлечены в мировую политику в качестве акторов. Впрочем, и здесь существуют исключения. Один из наиболее очевидных примеров — НАТО.

Межправительственные организации, которые создаются для решения конкретных вопросов в той или иной области, т.е. имеют специальные цели, иногда называются функциональными межправительственными организациями. Многие из них созданы ООН и являются ее специализированными учреждениями. Например, Международная организация труда (МОТ), возникшая в 1919 г. еще при Лиге Наций; Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и др. Часть функциональных организаций действуют на основе межправительственных соглашений вне рамок ООН: Международная организация уголовной полиции (Интерпол) и др.

Одни МПО имеют неограниченное членство, другие — ограниченное (в частности, региональная экономическая организация, объединяющая часть стран Латинской Америки, МЕРКОСУР). В целом же большинство МПО имеют специальные цели и ограниченное число участников. По оценкам Ч. Кегли и Ю. Уитткофа, количество таких организаций составляет 72% от всех МПО.

В табл. 3.1 приводится классификация МПО в зависимости от целей и членства, а также примеры того или иного вида организаций.

Таблица 3.1

Классификация МПО

Цели	Универсальное членство	Ограниченное членство
Множественные	Лига Наций, ООН	ОАГ, АС, Содружество, G-8
Специальные	МВФ, ВОЗ, МОТ	МЕРКОСУР

Следует отметить, что подобная классификация все же относительна (на этот факт обращают внимание многие исследователи), так как по мере функционирования межправительственной организации ее цели могут меняться. Например, *Европейский союз* (ЕС) первоначально возник в целях экономического сотрудничества ряда европейских стран и даже имел другие названия. Однако впоследствии цели данной организации стали расширяться и включать в том числе координацию внешнеполитических действий. В результате ЕС фактически преобразовывается в организацию с множественностью целей.

Некоторые исследователи выделяют в рамках МПО политические движения группы стран. В таком качестве выступают *Движение неприсоединения*, *«Группа-77»*. Первое возникло в 1950-е годы по инициативе коалиции стран, в большинстве своем развивающихся, которые объединились с тем, чтобы отстаивать общие интересы, в том числе связанные с национальным прогрессом, и избежать втягивания в конкурирующие блоки сверхдержав. «Группа-77» тоже была сформирована в основном представителями развивающихся государств. Это движение возникло в середине 1970-х годов, когда подобные страны объединились и предложили проведение экономических реформ ради преодоления разрыва между отсталыми и передовыми государствами.

При зарождении межправительственных организаций и даже в середине XX столетия, когда отмечался стремительный рост их численности, большинство политиков и исследователей предполагали, что МПО станут своеобразными «проводниками» политики государств, которые их создавали. Однако постепенно становилось очевидным, что интересы межправительственных организаций порой перестают быть тождественными интересам государств-учредителей и даже могут расходиться друг с другом. В результате эти организации начинают играть вполне самостоятельную роль и уже сами оказывают значительное влияние как на мировую политику в целом, так и на своих создателей. Причины могут быть разными. Например, по мере расширения состава членов МПО интересы государств-создателей «размываются» интересами новых членов. Или, в другом случае, в результате усиления влияния одного из членов организации, МПО все в большей степени начинает реализовывать его интересы в ущерб интересам других своих членов.

В то же время, поскольку количество МПО в мире значительно возросло (для сравнения: в современном мире насчитывается около 200 государств, а межправительственных организаций — порядка 250), увеличивается их активность и они становятся все более политически влиятельными, членство в них повышает авторитет государства.

Тот факт, что международные организации, с одной стороны, создаются государствами, с другой — играют достаточно самостоятельную роль на мировой арене, делает вопрос об их отнесении к государственным акторам неоднозначным. Ч. Кегли и Ю. Уитткопф без каких-либо оговорок рассматривают их как государственных акторов, другие авторы считают, что их следует отнести к негосударственным. Аргументы последних, согласно Кливу Арчеру (*C. Archer*), сводятся к следующему:

- ♦ Ряд МПО допускают участие в качестве членов территории, которые не являются суверенными государствами. К таким организациям относятся, например, Международный телекоммуникационный союз (ITU), Всемирная метеорологическая организация;

- ♦ Некоторые МПО имеют структуры, совместные с неправительственными организациями;

- ♦ МПО образуются на основе решений исполнительной власти государства. Другие же ветви власти государства в этом процессе не участвуют.

В принципе, наверное, не столь важно, относить или нет МПО к государственным акторам, более существенным является то, каковы их функции. Р. Кохэн (*R. Keohane*) и Ст. Хоффманн (*St. Hoffmann*) выделяют шесть основных функций, которые выполняют или могут выполнять современные межправительственные организации.

- ♦ Через МПО государство осуществляет политическое влияние на международные процессы.

- ♦ МПО служат местом согласования интересов различных государств путем переговоров.

- ♦ Одни международные организации используются для ослабления других или взаимодействия с ними (например, Франция стремится к усилению ЕС в области безопасности и снижению в этой сфере роли НАТО).

- ♦ МПО используются государствами для информирования других о своих намерениях и целях.

- ♦ Документы, принимаемые МПО, служат некими ориентирами для государств, которые входят в них, для выработки собственной политики.

- ♦ В определенных условиях МПО формируют и базисные принципы, из которых исходят государства в дальнейшем (например, после окончания холодной войны вновь образованные государства восприняли идеи и принципы демократии, в том числе и через МПО).

Необходимо отметить, что МПО, как и другие акторы международного взаимодействия, развиваются и видоизменяются. Особенно интенсивно это происходит со второй половины XX столетия в связи с процессами трансформации, которые претерпевает мир. Деятельность межправительственных организаций в период холодной войны отражала ее реалии

и во многом была ориентирована на решение проблем, связанных с обеспечением безопасности, поддержанием мира между государствами, сотрудничеством в экономической и социальной областях, гуманитарной помощью, правами человека и т.п. При этом одной из основных заслуг международных организаций, и прежде всего ООН, было то, что они совместно с другими участниками международных отношений не допустили третьей мировой войны.

Вслед за крушением биполярной системы из повестки дня многих межправительственных организаций было исключено идеологическое противостояние между Востоком и Западом. Вместе с тем МПО столкнулись с новыми реалиями. Они обусловлены как новыми международными реалиями, так и проблемами развития самих международных организаций. К ним относятся вопросы, связанные с угрозой террористических актов (после 11 сентября 2001 г. и 23–26 октября 2002 г. это особенно актуально); новыми измерениями безопасности и подходами к урегулированию конфликтов; равномерностью экономического развития и уменьшением пропасти между развитыми и развивающимися странами (кстати, многие МПО, созданные в 1990-е годы, имели экономическую ориентацию); экологией; демократизацией и др. Существенной проблемой остается передача части полномочий от государства к МПО. При этом оказывается необходимым согласовывать интересы всех государств-участников той или иной МПО между собой, с одной стороны, и между различными МПО — с другой. В связи с последним активно обсуждается вопрос о необходимости избавиться от дублирования функций, которое наблюдается в деятельности ряда МПО.

Сегодня международные организации сталкиваются также с тем, что происходящие в мире перемены требуют изменения в самих организациях. Нередко ставится вопрос, может быть, и в слишком заостренной форме, о том, насколько адекватно МПО, созданные в период холодной войны и действующие на основе относящихся к тому периоду документов, могут реагировать на новую ситуацию в мире. Например, окончание холодной войны, изменения на мировой арене вынуждают ряд стран думать о необходимости реорганизации ряда международных организаций. Так, экономическое усиление таких стран, как Германия, Япония, побуждает их ставить вопрос о реформировании ООН с изменением их статуса в ней. В то же время, например, включение Германии и Японии в качестве постоянных членов СБ порождает проблему, связанную с усилением Европейского континента в мировой политике. При этом Африка и Латинская Америка, где находится множество стран, не представлены в таком качестве.

Следующая проблема заключается в том, что развитие МПО, как и любой организации, нередко сопровождается умножением кадров, бюрократизацией, дублированием функций, иногда даже конкурированием как внутри МПО, так и между ними. Аппарат оказывается неспособным оперативно решать задачи, стоящие перед организацией. В результате МПО становится малоэффективной. Кроме того, решения межправительственных организаций далеко не всегда хорошо исполняются, а то и вовсе игнорируются. Подобное может случиться, например, когда ряд государств не участвует в работе МПО или исключается из нее. Иллюстрацией данному тезису является опыт Лиги Наций, в работе которой не принимали участие США, а СССР и Германия были ее членами непродолжительное время, потом были исключены (СССР), или вышли (Германия).

На работе МПО сказывается также неоднородность ее членов. Одни государства обладают большими политическими или финансовыми возможностями, другие — меньшими. Отчасти проблема решается путем создания коалиций государств для согласованных действий в целях усиления своего влияния.

3.3. Международные неправительственные организации, транснациональный бизнес и другие ТНА

Кроме государств и межправительственных организаций на мировой арене активно действуют и формируют мировую политику международные неправительственные организации (МНПО), бизнес, внутригосударственные регионы. Среди этих участников называются также различные движения, СМИ и др. Обычно все они описываются как неправительственные, негосударственные, или новые, акторы. Однако это весьма условно. Во-первых, они не всегда и не полностью являются негосударственными. Есть бизнес, который выходит на международный уровень со значительной долей государственного капитала, а то и целиком принадлежащим государству. К. Зегберс (*K. Segbers*) описывает такое сращивание государственных и негосударственных структур как гибридные образования. Они действуют в различных областях: в бизнесе, где транснациональная компания имеет смешанный (государственный и частный) капитал. Существуют гибридные образования и в СМИ.

Что касается новизны этих акторов, то, разумеется, большинство из них возникли давно, еще до образования Вестфальской системы мира. При этом бизнес всегда стремился выйти за пределы каких-либо географических границ — государства, региона и т.д. Внешняя активность городов хорошо известна из истории Древней Греции и Средневековья. Они

образовывали различного рода союзы, достаточно вспомнить союзы древнегреческих городов, или Ганзейский союз. Однако, как заметил германский исследователь Т. Риссе, «сама концепция транснациональных отношений предполагает, что мировая система состоит из национальных государств (*nation-state*) и акторов внутри этих государств. Это делает практически бессмысленным рассуждения о транснациональных акторах в исторические периоды, связанные с расцветом империй, или периодом средневековья».

Во-вторых, все эти участники крайне разнообразны, для них трудно найти единый общий признак. Ряд исследователей обращают внимание на то, что даже в названии отражается не содержательная сторона деятельности неправительственных организаций, а то, чем эти организации не являются.

В-третьих, возникает проблема того, какие структурные образования могут быть признаны в качестве актора на мировой арене, а какие — нет. Если международные неправительственные организации и крупный бизнес обычно не вызывают сомнений в качестве акторов на мировой арене, то отнесение к этой категории, например СМИ, порождает дискуссии. Но даже среди неправительственных организаций и бизнеса все оказывается не так просто, когда речь заходит о конкретных организациях или корпорациях.

Наконец, правомерен вопрос и о том, насколько долговечен тот или иной актор. Например, «Аль-Каида», о которой мир узнал в 2001 г., завтра может исчезнуть с политической арены. Достаточно ли десятилетия, чтобы то или иное образование можно было рассматривать в качестве актора мировой политики? Наверное, на этот вопрос можно ответить только по прошествии определенного периода времени.

Тем не менее, масштабы влияния негосударственных акторов на мировую политику становятся все существеннее, а значит, эти акторы требуют изучения.

Международные неправительственные организации, МНПО (англ.: *International nongovernmental organisations, INGO's*) или часто просто неправительственные организации, НПО (англ.: *nongovernmental organisations, NGO's*) весьма активны и влиятельны в современном мире. К ним относят организации, которые не учреждены на основании межправительственных соглашений и действуют не только в рамках одного государства (поэтому их иногда называют еще *транснациональными*). Это могут быть профессиональные организации (например, Международная ассоциация политических наук, Международная организация журналистов); спортивные (Международный Олимпийский комитет, Междуна-

родная теннисная федерация); религиозные (Всемирный совет церквей); экологические (Гринпис); гуманитарные (Международный Красный Крест) и др. Членами МНПО могут быть как национальные неправительственные организации или ассоциации, так и частные лица. Действуют МНПО по своим учредительным документам. При этом их деятельность не направлена на извлечение прибыли.

Большое разнообразие неправительственных организаций, их различия в численном составе, принципах организации, целях и т.д. затрудняет исследование. Так, к данной группе по формальным признакам можно отнести прямо противоположные организации, например, террористические и пацифистские. Разумеется, террористические образования никто не относит к категории неправительственных организаций, однако данный пример показывает, сколь сложным является определение неправительственных организаций.

Возникнув в XIX в., неправительственные организации получают интенсивное развитие в XX столетии, особенно во второй половине. Возрастает их численность, а также количество людей, вовлеченных в работу НПО; деятельность неправительственных организаций становится более разнообразной в географическом и предметном планах; они оказывают существенное влияние на общественное мнение. Благодаря своей работе непосредственно на местах, НПО получают информацию из «первых рук» и часто очень хорошо знают факты и детали. Их деятельность способствует созданию новых *международных режимов*, разработке новой повестки для решения глобальных проблем и демократизации мира.

Современные международные неправительственные организации являются значимой политической силой, выступая против ядерных испытаний, захоронения ядовитых отходов (например, Гринпис), за сохранение мира и прекращение гонки вооружений (Пагуошское движение), защиту прав женщин (феминистские движения) и т.п.

Многие неправительственные организации пользуются значительной поддержкой населения, что позволяет им действовать весьма эффек-

Это интересно!

В 1900 г. насчитывалось 69 международных неправительственных организаций, на рубеже XX и XXI вв. — по разным оценкам от 6 до почти 30 тыс.

тивно. Так, В. Катин приводит данные, согласно которым во Франции неправительственным организациям доверяют в пять раз больше людей, чем правительству, и в девять раз больше по сравнению со средствами массовой информации. Половина опрошенных граждан в США, Великобритании, Германии и Австралии сказали, что больше склонны доверять неправительственным организациям, нежели своим властям.

Одна из важнейших заслуг неправительственных организаций на международной арене состояла в том, что при подготовке Устава ООН в 1945 г. «Rotary Club» и Международный Красный Крест добились включения в него статьи 71, в которой сказано, что Экономический и Социальный Совет ООН уполномочивается консультироваться с неправительственными организациями.

Это важно!

Для международных неправительственных организаций конца XX — начала XXI в. характерно:

- ♦ резкое увеличение их количества и числа людей, вовлеченных в эту деятельность;
- ♦ расширение географии деятельности;
- ♦ усиление политического влияния;
- ♦ расширение спектра вопросов, которыми они занимаются.

В 1990-х годах неправительственные организации внесли большой вклад в разработку и подписание Конвенции о запрете противопехотных мин («Оттавский договор»). Инициаторами этой кампании выступили неправительственные организации, в частности Handicap International, Human Rights Watch, Medico International, Международный Красный Крест и другие. Начиная с 1992 г. они координированно стали выступать за жесткие меры в отношении использования противопехотных мин, от которых страдает мирное население, и прежде всего дети. В 1996 г. в Оттаве по инициативе Канады была созвана конференция с целью полного запрета противопехотных мин. На нее была приглашена Международная кампания за запрет противопехотных мин. Это первый случай участия НПО в международных переговорах по разоружению. В 1997 г. Международная кампания за запрет противопехотных мин и ее координатор Дж. Вильямс получили Нобелевскую премию мира.

Вместе с тем, вследствие крайней разнородности, деятельность МНПО иногда может быть весьма противоречива. Обладая конкретной

информацией, они порой не видят ситуации в целом. НПО могут вступать в отношения конкуренции как между собой, так с государственными структурами. Автономные действия неправительственных организаций могут способствовать даже развитию конфликтных отношений. Так, американский исследователь А. С. Натсиос приводит пример распространения гуманитарной помощи в двух соседних африканских деревнях, где действовали разные неправительственные организации. В одной из них данная помощь распределялась только среди тех, кто участвовал в проекте, ориентированном на снижение напряженности, в другой — выдавалась всем нуждающимся. В результате возник конфликт между жителями этих двух поселений.

В связи с развитием информационных и коммуникационных технологий структура неправительственных организаций нередко становится все более аморфной. В своем крайнем выражении она начинает напоминать, как показал А. Н. Михеев, активность участников «флэшмоба», заключающуюся в том, что в Интернете появляется объявление о проводимой акции, в которой участвуют все желающие. В следующий раз аналогичная акция иницируется другими. В результате, во-первых, нивелируются функции лидера организации. С одной стороны, практически каждый может попробовать себя в этой роли, с другой — для «внешнего мира» становится абсолютно непонятным, с кем вести переговоры, кто отвечает за те или иные действия и т.п. Во-вторых, организация именно как организация фактически перестает существовать, приобретая крайне аморфную и постоянно меняющуюся структуру. Все это значительно отличается от того, что было в момент зарождения международных неправительственных организаций в XIX в.

Следующий значимый актор мировой политики — транснациональные корпорации, ТНК (англ.: *transnational corporations*, *TNC*) или многонациональные корпорации (МНК). Они представляют собой бизнес-структуры, деятельность которых в значительной степени распространяется на несколько стран. В отличие от международных организаций (правительственных и неправительственных) цель ТНК — извлечение прибыли.

При анализе ТНК возникает вопрос: насколько они являются самостоятельными акторами мировой политики или же связаны с государством, в котором возникли? Некоторые авторы считают, что такая связь есть, по крайней мере, у части корпораций. Аргументом здесь часто служит то, что подавляющее число этих корпораций базируется в северном полушарии и является частью капиталистической системы, частью западного образа жизни. Наличие национальной специфики у такой корпорации, действующей по всему миру, или ее отсутствие, полагает О. Арин,

должно быть отражено терминологически. Правда, одни исследователи исходят из того, что ТНК обладают национальной спецификой, в то время как у МНК она отсутствует, другие — наоборот. В данном случае, чтобы не усложнять анализ, понятия «ТНК» и «МНК» используются как тождественные, тем более что из наличия национальной специфики не следует, как эти корпорации будут вести себя на мировой арене. Например, германский исследователь У. Бек (*U. Beck*) язвительно заметил: «...что хорошо для “Дойче-банк”, давно уже нехорошо для Германии», полагая, что интересы крупного бизнеса не могут совпадать с интересами большинства населения.

Несколько иная позиция, хотя также отрицающая жесткую связь государства и ТНК, заключается в том, что транснациональные корпорации выходят за пределы национально-государственных рамок и де-факто «расторгают договор о лояльности с институтами национального государства». Обосновывая эту точку зрения, Ч. У. Кегли и Ю. Р. Уитткопф приводят примеры того, что на «Sony» работает менее 50% японцев; более половины своих доходов IBM, Procter and Gamble и многие другие компании получают за пределами США.

Значительный количественный рост транснациональных корпораций, как и других акторов мировой политики, приходится на вторую половину XX в. По оценкам ООН, в конце прошлого столетия в мире насчитывалось более 33 тыс. транснациональных корпораций. Около 90% всех ТНК базируются в развитых странах северного полушария. Только на сотни ведущих ТНК мира в середине 1990-х годов работали более 12 млн человек. Согласно данным американских исследователей Дж. Т. Роурке (*J. T. Rourke*) и М. А. Бойера (*M. A. Boyer*), одна из самых больших транснациональных корпораций, «Дженерал Моторс», в 1998 г. произвела продукции на 161,3 млрд долларов, что больше валового национального продукта ряда стран. Для сравнения: ВВП Греции составил 137,4; Израиля — 96,7; Ирландии — 59,9; Словении — 19,5; Никарагуа — 9,3 млрд долларов. Конечно, напрямую сравнивать ВВП с капиталом ТНК не совсем правомерно. В данном случае важно подчеркнуть, каким огромным капиталом обладают крупнейшие ТНК.

Рост ТНК стимулируется развитием транснациональных банков — ТНБ (англ.: *transnational bank, TNB*), которые осуществляют финансовые операции повсюду. На начало 1999 г., как отмечают Ч. Кегли и Ю. Уитткопф, 20 крупнейших транснациональных банков имели в своем активе сумму, превышающую 425 трлн долларов. ТНБ делают капитал крайне мобильным, предоставляя возможность быстрого развития транснациональных корпораций. Если к тому же принять во внимание крупнейшие финан-

совые биржи, то в целом можно говорить о финансовых институтах в современном мире как акторах мировой политики.

Очевидно, что, владея таким финансовым, кадровым и прочим потенциалом, а также действуя по всему миру, ТНК и ТНБ не могут не оказывать существенного влияния на политические процессы. Транснациональные корпорации активно вовлекаются во внутриполитические процессы стран, в которых действуют, и в международную деятельность в целом. Так, когда на предприятии филиала «Форда» в одной из латиноамериканских стран начиналась забастовка рабочих, представители государственных структур обратились к руководству с просьбой об увольнении зачинщиков, чтобы предотвратить беспорядки в будущем. Предприятие не сделало этого, решив, что в его интересах провести переговоры с рабочими. Для этих целей оно выступило инициатором создания первого в стране автомобилестроительного профсоюза, который стал основой формирования политической партии.

Финансовые рычаги, которыми располагают транснациональные корпорации, позволяют им порой действовать весьма эффективно и на международной арене: инвестиции в экономические проекты дают возможность в ряде случаев предотвратить развитие конфликта. Известна и своеобразная посредническая деятельность ТНК. Например, в 1970-х годах, когда в мире разразился топливно-энергетический кризис, правительства стран ОПЕК получили финансовую поддержку от ряда ТНК, что способствовало более гибкой их позиции на переговорах со странами Запада.

Однако деятельность ТНК имеет и обратную сторону. Широко известна роль компании *International Telephone and Telegraph* (ИТТ) в событиях в Чили в начале 1970-х годов. Желая сохранить свои интересы на рынке телекоммуникационных услуг в Чили, ИТТ пыталась предотвратить избрание марксистски ориентированного С. Альенде в качестве президента путем финансирования его оппонентов. Затем, когда он все же был избран, ИТТ стала оказывать давление на правительство США с целью подрыва чилийской экономики. В итоге президент С. Альенде был свергнут в результате военного переворота.

Стремясь к максимальной прибыли, ТНК усиливают расслоение мира по линии «богатый Север — бедный Юг» за счет сохранения дешевой, хотя и малоквалифицированной, рабочей силы в странах «Юга».

Самостоятельные шаги на мировой арене предпринимают также *внутригосударственные регионы* (административно-территориальные образования государства — кантоны, федеральные земли, штаты и т.п.). Они используют возможности того, что на небольшой территории происхо-

Информация к размышлению

Ниже приводятся некоторые положительные и отрицательные последствия деятельности ТНК как актора на мировой арене.

Положительные последствия:

- ♦ развитие мировой торговли;
- ♦ инвестирование в экономику развивающихся стран;
- ♦ создание рабочих мест в развивающихся странах;
- ♦ способствование демократизации за счет развития рыночных отношений;
- ♦ подготовка национальных кадров;
- ♦ интерес в мирном разрешении спорных и конфликтных ситуаций.

Отрицательные последствия:

- ♦ подрыв национального суверенитета;
- ♦ усиление разрыва между развитыми и развивающимися странами;
- ♦ готовность ради собственной стабильности не только поддерживать репрессивные режимы, но и сотрудничать с ними;
- ♦ интерес к сохранению дешевой рабочей силы в развивающихся странах;
- ♦ размывание национальных особенностей путем внедрения своих технологий и продукции;
- ♦ договоренности с другими ТНК по разделу рынков и снижению конкуренции.

Вопрос для размышления

Можете ли вы продолжить список позитивных и негативных последствий деятельности ТНК на мировой арене (приведите примеры)?

дит концентрация образовательных, научных, финансовых и т.п. ресурсов и структур, в результате чего, по образному замечанию О. Е. Андерссона и Д. Е. Андерссона формируются «межсетевые узлы», открывающие для них новые возможности и являющиеся своеобразными «воротами» в глобальную экономику. Такими территориями стали, например, Нью-Йорк, Лондон, Токио, Вашингтон и его окрестности, Южная Калифорния, Майами, Ванкувер и др. Однако это происходит только в том слу-

чае, если регион определяет для себя ту область или несколько областей, в которых он оказывается значимым в мировом масштабе. Менее масштабные проекты позволяют выходить на уровень международных регионов (например, Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и т.д.).

Интенсивно развивается трансграничное сотрудничество. В современных условиях инфраструктура нередко складывается так, что связи близлежащих регионов и мегаполисов соседних стран оказываются более тесными, чем региональные внутри государства. Например, северные области Италии интенсивнее сотрудничают с прилегающими кантонами Швейцарии, чем с южными областями своей страны.

Все это ведет к развитию экономической регионализации, а это, в свою очередь, оказывает влияние на политику. Регионы, обладая рычагами (прежде всего экономическими), претендуют на самостоятельность в мировой политике. Например, Шотландия заявляла о своем стремлении войти в структуры ЕС. Этот процесс является довольно значимым фактором европейского строительства, что привело даже к появлению такого понятия, как «Европа регионов».

Наряду с регионами политическую роль начинают играть и мегаполисы. Именно в мегаполисах, особенно столичных, можно обнаружить все феномены и тенденции мировой политики: здесь происходит выработка политического курса, работают государственные учреждения, в том числе парламент, правительство, министерства; в мегаполисах находятся штаб-квартиры межправительственных организаций, регистрируются и функционируют межправительственные организации, базируются ТНК. Именно мегаполис оказывается в центре крупнейших политических событий и процессов. Мегаполис, а не малый город или сельская местность наиболее подвержен атакам террористов. В отношении столичного мегаполиса выстраивается, прежде всего, щит противоздушной обороны. Практически любой мегаполис сталкивается с проблемами экологии, чего не всегда можно сказать о сельской местности (здесь есть, конечно, свои «проблемные зоны», например, Арал, Байкал и т.п.); именно в нем особенно остры вопросы национализма, миграции; мегаполис подвержен атакам, в первую очередь, в конфликтах и войнах. В мегаполисе проходят наиболее политически значимые демонстрации. Лишь изредка события, происходящие в малых городах и небольших населенных пунктах (обычно чрезвычайные — землетрясения, техногенные катастрофы, значимые политические убийства), становятся в центре общепланетарного внимания. Наконец, в мегаполисе сосредоточены финансовые, экономические структуры, расположены научные, исследовательские учреждения, а также уни-

верситеты, театры, библиотеки. Находящиеся на территории крупного города ресурсы, накладываясь один на другой, усиливаются.

В результате мегаполис оказывается тем местом, где образуются узлы между различными сферами деятельности («межсетевые узлы»), которые становятся для мегаполиса своеобразными «воротами» в глобальный мир «пост-Вестфальской» эпохи. Наблюдается не только регионализация, но и своеобразная мегаполизация мировой политики. Более того, М. Кастельс (*M. Castells*) обращает внимание на то, что благодаря современным коммуникационным и информационным технологиям мегаполисы начинают образовывать сетевые структуры. Он основывается на книге С. Сассен (*S. Sassen*) «Глобальный город», в которой показано, как, например, три города — Токио, Лондон, Нью-Йорк, расположенные в различных часовых поясах, дополняют друг друга и определяют финансовые рынки. В то же время другие города — Чикаго и Сингапур — занимаются фьючерсными операциями, третьи — Цюрих, Париж, Амстердам и др. — специализируются на финансовых услугах. Однако все эти города вместе представляют собой единый комплекс. Аналогичные процессы наблюдаются и в других сферах.

В автономизации внутригосударственных регионов и мегаполисов существуют свои «подводные камни». Неконтролируемая регионализация ослабляет центральные власти, создает опасность неравномерного развития государства, ведет к развитию конфликтных ситуаций. Чечня, Косово — лишь наиболее драматические примеры.

В последнее время обращается внимание и на то, что деятельность внутригосударственных регионов на мировой арене может вести к парадоксальному, на первый взгляд, процессу — ослаблению демократии в стране. Дело в том, что регионы тех или иных стран могут управляться коррумпированными, авторитарными властями. Тогда их «уход» из-под контроля центральных властей ведет к усилению негативных процессов на местном уровне.

С правовой точки зрения, ни мегаполисы, ни внутригосударственные регионы не могут вести самостоятельную внешнеполитическую деятельность, а ограничивают свою внешнюю деятельность областями экономики, торговли, культуры, науки и т.п. Данное положение закреплено в международном праве, отражено в конституциях различных стран, политических документах. Так, в Концепции внешней политики РФ сказано, что «субъекты Российской Федерации развивают свои международные и внешнеэкономические связи в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом “О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации” от 2 декабря 1998 г. и другими законодательными актами.

МИД России и другие федеральные органы исполнительной власти оказывают содействие субъектам Российской Федерации в осуществлении ими международного сотрудничества при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации».

И, тем не менее, объективные процессы развития мира приводят к тому, что относительно небольшие территориальные образования, какими являются внутригосударственные регионы и мегаполисы, оказываются политически влиятельными.

Этнические и религиозные движения также активно выходят на мировую арену в качестве самостоятельных акторов. Они очень разнообразны и по целям, и по методам, и по численности. Этнические движения, например, часто образуются группами коренного населения, которое проживало на той или иной территории задолго до образования государства. Этих людей объединяет также общность культуры, языка, принадлежности к одному этносу. Обычно они создают движение для борьбы за свои права вплоть до формирования собственного государства. Методы, используемые этническими движениями, могут быть различны, начиная от парламентских методов борьбы, заканчивая вооруженными и террористическими действиями.

Религиозные движения как политический актор на мировой арене представляют собой объединение людей в группы на религиозной основе для реализации политических целей. Они могут достигать своих целей за счет политического влияния, а могут использовать насильственные методы, смыкаясь тем самым с террористическими организациями. Один из примеров такой радикальной религиозной организации — «Аум Синрикё», применившая нервно-паралитический газ в токийском метро в 1995 г.

«Аль-Каида», совершившая масштабные террористические акты в Нью-Йорке, Вашингтоне, Мадриде, Лондоне, других городах, также заявила о себе как акторе мировой политики, выступив не столько против конкретного государства (хотя США называются главным врагом), сколько против Вестфальской политической системы мира в целом, в том числе государства в его современном виде, международных организаций и т.д. «Аль-Каида» тем самым заявила о своих претензиях на иной социально-политический проект организации и развития мира, в котором используется определенная, крайне радикальная интерпретация ряда положений ислама, но первейшей задачей выступает разрушение существующей политической системы мира, а терроризм взят «Аль-Каидой» в качестве метода реализации этой цели.

Кроме названных, ряд исследователей выделяют в качестве самостоятельных акторов отдельных людей (например, лидера «Аль-Каиды»

У. бен Ладена), а также СМИ (такие как CNN, «Аль-Джазира», ставшей известной в результате действий террористов и др.), которые оказывают сильнейшее влияние на сознание людей и формируют отношение к политическим событиям. Современные технические средства позволяют им делать это довольно быстро и часто в режиме реального времени, охватывать различные страны и континенты. Финансовые возможности СМИ фактически делают их сопоставимыми с ТНК, а возможность оказывать влияние на массовое сознание по самому широкому спектру проблем сближает СМИ с государствами.

В целом же следует признать, что процесс становления акторов мировой политики продолжается. Незаконченность данного процесса и порождает трудности однозначного ответа, какие именно участники мировой политики являются ее акторами.

Ключевые термины

Транснациональные акторы (ТНА)
Всемирный банк
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)
Несостоявшиеся государства
Государства-изгой
Государствостроительство
Национальный (государственный) суверенитет
Идентичность
Конфликт идентичности
Вестфальский суверенитет
Межправительственные организации (МПО)
Надгосударственные образования
Универсальные международные организации
Африканский союз (АС)

Организация американских государств
Группа восьми (G-8)
Функциональные межправительственные организации
Европейский союз (ЕС)
Неправительственные, негосударственные акторы
Международные неправительственные организации (МНПО), неправительственные организации (НПО)
Международные режимы
Транснациональные (многонациональные) корпорации
Транснациональные банки (ТНБ)
«Богатый Север — бедный Юг»
Внутригосударственные регионы
Мегаполисы
Этнические и религиозные движения

Вопросы для обсуждения

Что характеризует современные государства как участников международного взаимодействия в мире?
В чем состоит проблема национального суверенитета?
Какова роль межправительственных организаций как международного актора?
Как проявляется противоречивость в деятельности ТНК на международной арене?

Какова роль международных неправительственных организаций и внутригосударственных регионов на мировой арене?

Что понимается под международной деятельностью внутригосударственных регионов и мегаполисов?

Практикум

1. Проанализируйте, как ваш регион выступает на международной арене. Какие сферы затрагивает его активность (торговую, научную, культурную и т.п.)? Какие тенденции здесь наблюдаются? Какой вид внешней деятельности является основным в регионе? Каковы тенденции в изменении характера деятельности? Заполните предлагаемую таблицу.

Регион _____

Год	Характер деятельности (экономическая, спортивная, культурная и т.п.)	В чем проявляется (основные мероприятия)

2. Если есть возможность, сравните полученные данные с другими российскими регионами.

Рекомендуемая литература

- Барановский В. Г. Международные организации как механизмы регулирования международных отношений // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 220–259.
- Бусыгина И. М. Российские регионы в международном сотрудничестве // Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. С. 963–968.
- Ворота в глобальную экономику / Под ред. О. Е. Андерссона и Д. Е. Андерссона / Пер. с англ. под. ред. В. М. Сергеева. М.: Фазис, 2001.
- Лебедева М. М., Сергеев В. М. Мегаполис как актор мировой политики / Космополис, 2004/2005 (Зима), № 4 (10). С. 193–200.
- Ломагин Н. А. Международные организации: теория и практика деятельности. СПб., 1999.
- Сергеев В. М. Государственный суверенитет и эволюция системы международных отношений // Космополис. Альманах. 1999. С. 27–31.
- Фукуяма Ф. Строительство государств: пособие для начинающих // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 3 (май—июнь).
- Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2002.

Интернет-ресурсы

МИД Российской Федерации: МИД России: <http://www.mid.ru>
 Межправительственные организации:
 ООН: <http://www.un.org>
 Европейский союз: <http://europa/index.htm>
 НАТО: <http://www.nato.int>
 Международный Суд: <http://www.icj-cij.org/>
 Совет Европы: <http://www.coe.int>
 Информационный центр Совета Европы в России: <http://www.coe.ru>
 Неправительственные и межправительственные организации:
 Международная амнистия (Amnesty International):
<http://www.organic.com/Non.profits/Amnesty/index.html>
 Другие организации:
<http://www.sustainable.doe.gov>
<http://www.envirolink.org>

Глава 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

4.1. Современная система международных отношений

Во второй половине XX столетия, несмотря на активность и множественность ТНА, усложнение их взаимодействия, *система международных (межгосударственных) отношений* (МО) по-прежнему остается наиболее значимым структурным элементом в современной политической системе мира, что определяется ключевой ролью самих государств. Но и в этой области в конце XX столетия происходят важные перемены. С окончанием холодной войны закончилась эпоха *биполярного* мира, разделявшая мир на два лагеря. Но что пришло на смену этой системе МО? В 1990-х годах развернулась дискуссия о характере новой системы МО. Споры, главным образом исследователей, работавших в реалистской традиции, шли вокруг двух основных точек зрения на новую систему международных отношений:

- ♦ мир стал *монополярным* (*однополярным/однополюсным, или униполярным*);
- ♦ мир стал *многополярным* (*многополюсным*), где выделяется несколько центров силы.

В начале 1990-х годов, во время войны в Персидском заливе, тогдашний президент США Дж. Буш заявил, что в связи с распадом Советского Союза исчез один из «полюсов». Эта идея была подхвачена. Зб. Бжезинский в книге *«Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы»* отмечал, что «в результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении: они стали первой и единственной мировой державой». Далее он указывает, что «даже когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США».

Эта точка зрения получила поддержку ряда исследователей и практиков, главным образом в США, с теми или иными нюансами, оговорками и пояснениями. Стали говорить о формировании Pax Americana — однополюсного мира во главе с США, хотя были исследования, в которых утверждалось, что однополярность мира вовсе не означает непременно полюс в виде США. Он может быть гораздо более сложным. Например, ряд авторов считают, что этот полюс стал складываться еще в период холодной войны и представляет собой некие согласованные действия по управлению миром группой из семи ведущих государств, превратившихся впоследствии в «Большую восьмерку» (G-8). Эту точку зрения представляют, в частности, работы отечественного автора М. А. Хрусталева.

Тем не менее, основная масса работ, особенно конца 1990-х — начала 2000-х годов, посвящена обсуждению не только однополярности и лидерства США в постбиполярном мире, но и так называемой *политики односторонности, или унилатерализма* (англ.: *unilateralism*), предполагающей, что внешнеполитические решения принимаются даже без учета позиций близких союзников, как, например, решение о военной операции в отношении Ирака в 2003 г.

В начале 2000-х началось интенсивное обсуждение того, насколько обоснована политика односторонности США. По мнению С. Хантингтона (*S. Huntington*), лидерство США оправдано тем, что эта страна является наиболее свободной и либеральной. К. Уолтц (*K. Waltz*) в работе «Намеки многополярности» (*Intimations of Multipolarities*), опубликованной в 2000 г., сближает понятия «однополярности» и «односторонности». Он связывает однополярность с отсутствием серьезных угроз для США со стороны какого-либо другого государства, а следовательно, и возможностью действовать исходя из собственных соображений. В то же время ряд авторов подчеркивали ответственность США за происходящее в мире, именно в силу их лидирующей позиции.

Идея однополярности, и особенно политика односторонности, вызвала критику как внутри США, так и за их пределами. Сомнению подверга-

лась целесообразность для самих Соединенных Штатов принимать на себя всю тяжесть такого лидерства, а также необходимость играть роль «международного полицейского». При аргументации требования более сдержанного поведения США на международной арене приводились, например, высказывания Джорджа Вашингтона относительно того, что Америка должна избегать вовлеченности в реализацию чуждых для нее целей. Кстати, Зб. Бжезинский, отмечая лидерство США после окончания холодной войны, указывает и на ограничения, связанные с его реализацией. Он видит их в самом американском обществе, поскольку, согласно результатам опросов общественного мнения, проведенного в 1996 г., подавляющее большинство американцев (74%) предпочитает, «чтобы США в равной мере с другими государствами решали международные проблемы».

Следует заметить, что понятия «односторонности» и «однополярности» нередко отождествляются, хотя очевидно, что политика односторонности может реализовываться при любой системе международных отношений, а сильное государство может согласовывать свои действия с другими, учитывать интересы других стран и т.д., т.е. ориентироваться на многосторонность в решении международных проблем.

Тем не менее, критика политики односторонности часто сопровождалась указаниями именно на многополюсность современного мира, где наряду с США существуют и другие центры, подобно тому, как это было в Европе, например во время «Европейского концерта». О данном факте напоминает Г. Киссинджер. Он пишет, что «международная система, просуществовавшая самый длительный срок без большой войны, была та, что возникла на Венском конгрессе».

Кстати, модель многополярной системы международных отношений обсуждалась в западной науке еще в период холодной войны в связи с предполагаемым тогда спадом мощи США и появлением в мире новых центров силы. В Советском Союзе тогда эта идея не получила поддержки.

В 1990-е годы представления о многополюсности мира нашли отклик у большинства российских политиков и исследователей. Особенно популярной эта концепция становится в России в конце 1990-х годов, что во многом связано с именем Е. М. Примакова — академика АН России, возглавившего тогда Министерство иностранных дел РФ. После окончания холодной войны, считает он, ослабли центростремительные силы как вокруг России, так, хотя и в меньшей степени, вокруг США. Одновременно произошло формирование новых центров, или полюсов, в частности, ими стали Китай, Западная Европа. При этом многополюсность в работах Е. М. Примакова выступала не столько как сложившаяся данность после крушения биполярного мира, сколько как система, к кото-

Информация к размышлению

«Окончание холодной войны... — писал С. Хантингтон, — не означает окончание борьбы за власть и влияние... Возможно, это будет означать конец длительного мира».

Huntington S. P. No Exit: The Errors of Endism // The National Interest. 1989. V. 17. No 3 (Fall). P. 6.

Вопрос для размышления

Действительно ли мир периода холодной войны был более стабильным и в этом смысле более безопасным? Какие необходимо предпринять шаги для формирования более стабильной структуры международных отношений?

рой следует стремиться, используя сложившиеся условия и направив все внешнеполитические и дипломатические усилия.

Идея многополярности мира в качестве ориентира официального внешнеполитического курса получила развитие в конце 1990-х годов не только в России, но и в ряде других стран, например в Китае, что нашло отражение в ряде официальных документов.

В то же время в России высказывалась и другая точка зрения, довольно четко сформулированная А. Д. Богатуровым в статье, опубликованной в журнале «Международная жизнь» в 1993 г. Он писал, что «при всей эмоциональной привлекательности идеи воссоздания контуров многополярного мира — процесса, обманчиво соответствующего телепредставлениям о демократизации международных отношений, — почти двухвековая история мировой системы, начиная с Венских основоположений 1815 г., однозначно свидетельствует: многополюсное балансирование с абсолютной неизбежностью результировалось в мировые войны. Международное сообщество имело шанс понять это в 1914–1918 годах».

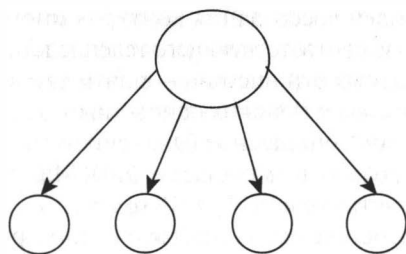
Несмотря на то что аргументация, основанная на исторических примерах, является уязвимой (в этом отношении смена систем в истории международных отношений происходила через войны и вооруженные конфликты, в том числе и крах биполярности эпохи холодной войны, ознаменовавшей собой рост вооруженных конфликтов, а пример «Европейского концерта» приводится как в поддержку идеи стабильности многополюсного мира, так и против нее), нельзя не принять во внимание попытку А. Д. Богатурсова перенести основной акцент в дискуссии из моральной плоскости, где эта проблема в значительной степени находи-

лась и находится до сих пор, в прагматическую путем введения такого измерения, как *стабильность*. Если рассматривать стабильность как некое «равновесие», то, пожалуй, биполярная система в наибольшей степени отвечает этим требованиям. Результаты взаимодействия государств в биполярном мире, как правило, относительно прогнозируемы. Как утверждает А. Д. Богатуров, биполярный порядок отличался «высокой степенью управляемости международных процессов... он строился на согласовании мнений всего двух держав». Кроме того, здесь следует согласиться с аргументацией Э. Я. Баталова, который пишет, что «полюса — это полярные, т.е. ...одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга..., симметричные, соизмеримые по жизненному потенциалу (военному, экономическому, политическому, научно-техническому) центры силы...».

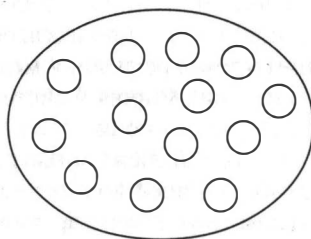
Правда, далее Э. Я. Баталов делает важное замечание, что «в рамках одной системы могут существовать только два противоположных силовых центра, только два полюса». В этом смысле понятия «многополюсность» и «однполюсность» бессмысленны. Речь должна, скорее, идти о центрах, а не о полюсах. Однако термины «полюсности» или «полярности» широко используются не только в журналистике, но и в научной литературе. Дж. Т. Рурке (*J. T. Rourke*) обобщил исследования, проведенные в этой области, представив различные варианты систем международных отношений графически.

1. Однополярная система

Гегемония одного государства

Мировая федеральная система

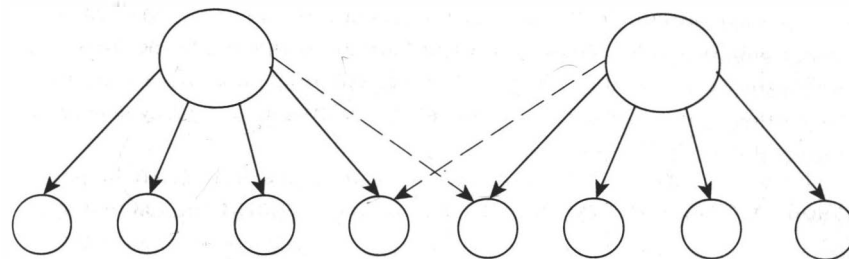

Характеристики однополярного мира:

- ♦ центральная (основная) власть устанавливает «правила игры» и доминирует, используя военные и экономические рычаги;
- ♦ центральная власть разрешает споры между «подчиненными»;
- ♦ центральная власть препятствует «подчиненным» в их стремлении обрести независимость.

Под однополярностью в литературе обычно предлагается понимать такое положение на мировой арене, когда одна держава по военным, политическим, экономическим и иным показателям находится в явном отрыве от других стран. Гипотетический вариант мировой федеральной системы при дискуссиях об однполюсности рассматривается значительно реже.

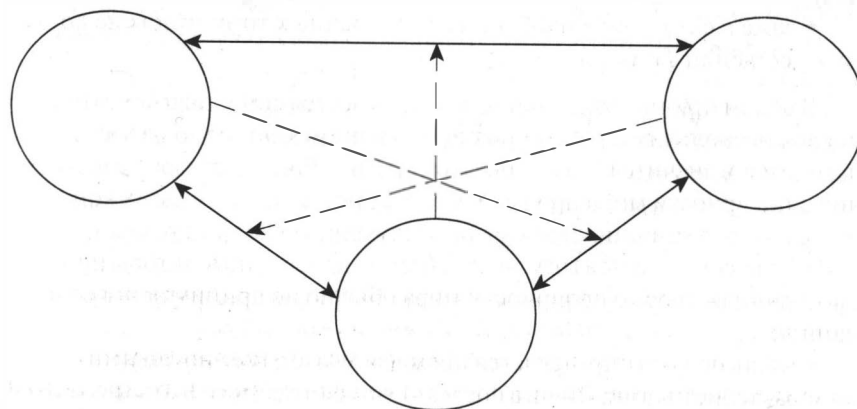
2. Биполярная система

Характеристики биполярного мира:

- ♦ достаточно враждебные отношения между двумя полюсами;
- ♦ попытка уменьшить влияние противоположного блока;
- ♦ усиление мощи по отношению к другому блоку за счет привлечения новых членов.

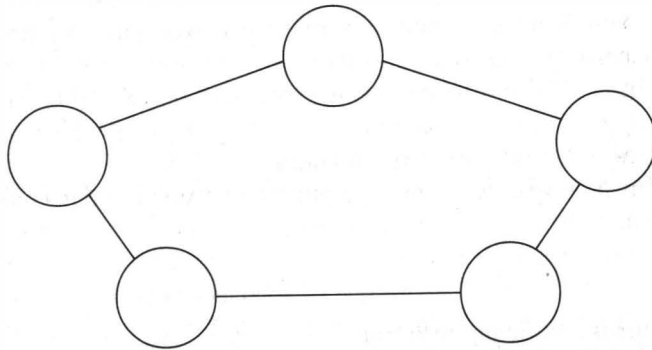
3. Трехполюсная система

Характеристики трехполюсного мира:

- ♦ стремление к сохранению хороших отношений с двумя другими участниками или, по крайней мере, к тому, чтобы избежать враждебных отношений с ними;
- ♦ стремление не допустить улучшения отношений между двумя другими участниками процесса.

4. Многополюсная система

Характеристики многополюсного мира:

- ♦ противодействие любому другому участнику, который стремится быть лидером;
- ♦ стремление к усилению собственной позиции или, по крайней мере, недопущение ее ослабления (осуществляется путем переговорных процедур, но, если необходимо, и силовыми методами);
- ♦ даже в случае противоборства стремление к тому, чтобы не допустить дестабилизации системы.

В целом при многополярности мира имеется сопоставимость потенциалов нескольких стран, а при однополярном мире одно из государств находится в значительном отрыве от других. Таким образом, рассуждения о полярности мира при всей вариативности предлагаемых конкретных схем традиционно строятся на следующих исходных тезисах:

- ♦ полюсом является государство (негосударственные акторы при рассмотрении вопроса о полярности мира обычно не принимаются во внимание);
- ♦ мощь полюса определяется прежде всего его военно-политическими характеристиками. Лишь в последние годы стал учитываться и экономический фактор;

- ♦ обычно при рассмотрении полюсов выделяются три группы государств: *сверхдержавы, средние государства и малые страны*;
- ♦ идеи полярности мира в классическом варианте ориентированы главным образом на концепцию реализма и неореализма.

Если во времена расцвета государственно-центристской модели мира экономический и военно-политический потенциалы государства совпадали, то в конце XX столетия экономический фактор стал относительно самостоятельным. Это проявилось, например, во время энергетического кризиса 1970-х годов, когда страны Запада, обладающие значительно большим военно-политическим потенциалом, оказались вынужденными вести переговоры со странами ОПЕК. И сегодня многие исследователи отмечают роль экономического фактора, называя Японию в качестве одного из полюсов, несмотря на то, что эта страна не располагает мощным военно-политическим потенциалом.

Будет ли экономический фактор определять мощь «полюсов» XXI в., сказать трудно. Возможно, появятся иные показатели, в частности уровни развития и использования новых технологий, водный и энергетический потенциал, а также образование; политическая активность на мировой арене и другие. Например, С. Стрэндж (*S. Stange*) полагает, что будущее определяют не армии или ресурсы, а то, насколько участник международного взаимодействия окажется влиятельным при определении новых «правил игры», т.е. тех норм и принципов, на основе которых будет строиться взаимодействие.

Если говорить о сегодняшнем дне, то, как показывает Дж. Най (*J. Nye*) в вышедшей в 2002 г. книге «Парадокс американской силы: почему единственная в мире сверхдержава не может действовать в одиночку» (*The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*), полюсность оказывается многомерной. Он выделяет три уровня. Первый — относится к военно-политической сфере, и здесь США доминируют. Второй — к экономической. На этом уровне существуют три основных центра: США, Западная Европа и Япония. Наконец, третий — уровень транснациональных отношений, где сложно однозначно указать лидерство. Ошибкой, считает Дж. Най, является то, что некоторые политики видят только первый уровень, не обращая внимание на существование остальных.

Выявление транснационального уровня приводит к важному выводу о несводимости политической системы мира только к межгосударственным отношениям.

4.2. Множественность политических акторов как фактор изменения политической системы мира

Изначально Вестфальская система мира строилась на том, что государство является единицей международного взаимодействия. Оно выступает на международной арене самостоятельно или образует с другими государствами коалиции, блоки, союзы и т.п. Иными словами, система межгосударственных отношений одновременно является политической системой мира. Деятельность иных ТНА не была значимой.

Логическое завершение Вестфальская система получила во второй половине XX столетия, когда рухнула колониальная система, и мир фактически полностью стал состоять из совокупности независимых государств. Однако именно в это же время в недрах государственно-центристской системы начали происходить существенные изменения: на мировую арену, кроме государств, активно вышли другие акторы — межправительственные организации, международные неправительственные организации и движения, ТНК, внутригосударственные регионы и мегаполисы и т.д.

Конечно, многие из названных акторов действовали и ранее на мировой арене. Так, первые МПО и НПО появляются еще до начала XX столетия; деятельность английской Ост-Индийской компании можно привести в качестве примера роли транснационального бизнеса, а политическая активность городов известна еще до формирования Вестфальской системы, достаточно вспомнить древнегреческие города-полисы. Поэтому называть большинство современных транснациональных акторов новыми можно лишь условно. Все это повлекло за собой структурные изменения политической системы мира.

Новым во второй половине XX столетия явилось резкое увеличение количества ТНА, причем по всем категориям, включая государства (рис. 4.1), а также то, что их взаимодействие стало намного сложнее.

На произошедшие во второй половине XX в. изменения в политической системе мира одними из первых обратили внимание исследователи, прежде всего, работавшие в рамках неолиберальной традиции. В конце 1960-х Дж. Розенау (*J. Rosenau*) замечает, что в результате деятельности ТНА внешняя и внутренняя политика начинает представлять собой во многом единую реальность. Отталкиваясь от этой идеи, Р. Кохэн (*R. Keohane*) и Дж. Най (*J. Nye*) в 1972 г. во введении к книге «Транснациональные отношения и мировая политика» (*Transnational Relations and World Politics*) показали, что взаимосвязи как во внешней среде, так и на внутригосударственном уровне не ограничиваются лишь межгосудар-

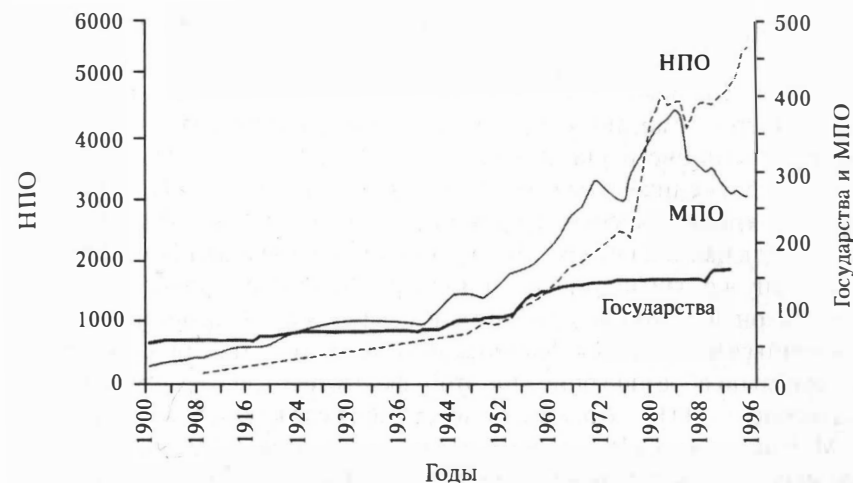

Рис. 4.1. Рост участников международного взаимодействия в XX столетии

Источник: Russett B., Starr H., Kinsella D. *World Politics: The Menu for Choice*. Sixth edition. Boston; N.Y., 2000. P. 59.

ственным взаимодействием, проиллюстрировав это графически. В рамках классической Вестфальской системы мира международные отношения представляли собой фактически межгосударственные отношения. Государство, будучи, по сути, единственным актором (остальные исполняли роль скорее участников, но не акторов) мировой политики, также оказывало влияние на свои внутриполитические институты и процессы и в значительной степени контролировало их (рис. 4.2). В современном

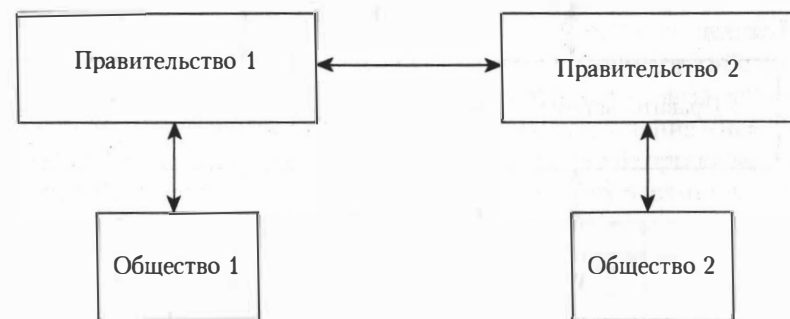

Рис. 4.2. Схема взаимодействия в рамках классической государственно-центристской системы мира (составлена на основе: Keohane R. O., Nye J. S. Introduction // *Transnational Relations and World Politics* / Ed. by R. O. Keohane and J. S. Nye. Cambridge, 1972).

мире государства, оставаясь ключевыми акторами, стали вступать в сложные отношения не только между собой, как было ранее, но и с другими транснациональными акторами, которые, в свою очередь, также стали интенсивно взаимодействовать между собой и различными внутригосударственными институтами (рис. 4.3).

К обнаруженным в начале 1970-х гг. изменениям по прошествии более тридцати лет добавились принципиально новые масштабы деятельности транснациональных акторов, что стало возможным благодаря новому этапу в развитии информационных и коммуникативных технологий. Наконец, число акторов и взаимосвязей между ними продолжает усложняться и множиться. Английский исследователь Дж. Грума (*J. Groom*) дал довольно образное описание этого феномена — как «растущая множественность» ТНА. Это, в свою очередь, привело к феномену, названному М. Николсоном (*M. Nicholson*) *парадоксом участия*. Суть его в том, что чем меньше участников на мировой арене и чем более они однородны, тем более предсказуемы их действия и последствия этих действий.

Создатели Вестфальской политической системы, столкнувшись с аналогичной ситуацией, только в меньших масштабах, и оказавшись перед необходимостью выработки правил взаимодействия, нашли выход в том, что ограничили число акторов государствами, а для последних определили некий «общий знаменатель» (если воспользоваться метафорой из математики) — национальный суверенитет. Это социальное изобре-

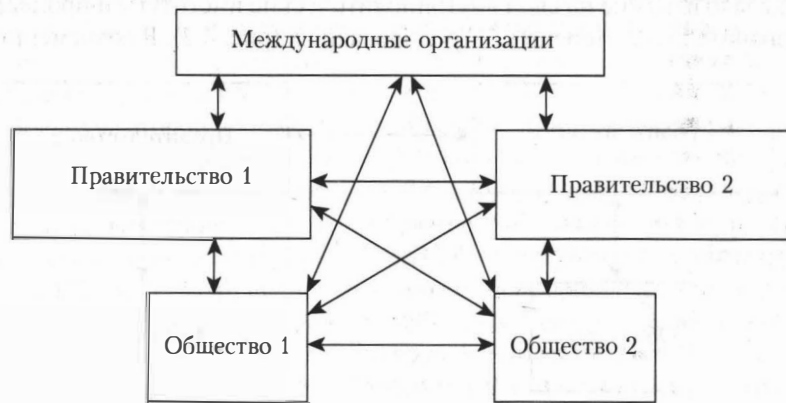

Рис. 4.3. Схема взаимодействия в современном мире (составлена на основе: Keohane R. O., Nye J. S. Introduction // *Transnational Relations and World Politics* / Ed. by R. O. Keohane and J. S. Nye. Cambridge, 1972).

ние было действительно великим. Оно дало возможность выстроить жизнеспособную политическую систему мира.

Однако развитие государственно-центристской системы, как это всегда и происходит, привело к качественным изменениям самой системы и появлению многих других акторов. Они стали вступать друг с другом во множество отношений и взаимодействий. С учетом интенсификации политических процессов современного мира, появления феномена «сжатия времени» (быстроты разворачивания событий) в современных условиях мировые политические процессы стали не только сложно прогнозируемыми или просчитываемыми, но иногда и с трудом отслеживаемыми. Наконец, проблема усложняется и тем, что транснациональных акторов не просто много, но они оказываются крайне разнородными по множеству различных параметров, в частности по ресурсам влияния, основным целям и задачам, внутренней структурной организации.

Например, государства для оказания влияния часто опираются на свой политический ресурс, хотя также имеют и используют экономический, военный и другие ресурсы. Экономический ресурс оказывается наиболее значимым для ТНК, ТНБ. В то же время НПО, не обладая серьезными экономическими или финансовыми возможностями, не говоря уже о военном ресурсе, способны оказывать влияние за счет того, что имеют нужную и точную информацию «с мест», так как с ними сотрудничает множество волонтеров, они пользуются доверием населения и т.п. В свою очередь, внутригосударственные регионы и мегаполисы прибегают к возможностям, которые открываются за счет того, что на небольшой территории происходит «завязывание» межсетевых узлов. В результате различные ресурсы не просто суммируются, но и усиливают друг друга.

Транснациональные акторы очень разнообразны по своим целям. Их деятельность может быть направлена как на создание какого-либо продукта (причем этот продукт также весьма разнообразен — товар, услуги, знания, новые связи и отношения и т.д.), так и на разрушение имеющегося (ряд антиглобалистских движений, террористические организации).

Цели ТНА различаются, кроме того, по временному параметру. Если государства обычно действуют исходя из того, что они «существуют вечно» (т.е. для них нет ограничения по времени), то другие акторы могут изначально ставить себе «пределы существования». В связи с этим встает вопрос об ответственности (политической, правовой, моральной) негосударственных акторов за свою деятельность. Некоторые исследователи, в частности И. И. Кузнецов, подчеркивают, что негосударственные акторы не всегда осознают эту ответственность в полной мере, выступая на мировой арене как участники с ограниченной ответственностью. С таки-

ми участниками сложно строить длительные отношения, поскольку не очевидно, что принятые обязательства будут выполнены. И в то же время краткосрочное взаимодействие с ними может быть очень привлекательным.

Структурная организация транснациональных акторов важна для понимания того, как принимаются политические решения и как этот актор ведет себя при взаимодействии с другими. Существует два типа социальных связей: сетевые (горизонтальные, или демократические) и иерархические (вертикальные, или авторитарные). Отсутствие организации представляет собой хаотическое взаимодействие. Очевидно, что говорить о сетевой, иерархической, или хаотической, структуре ТНА можно лишь условно, как доминирование определенного типа связей, поскольку та же «вертикаль государственной власти» может выстраиваться крайне жестко, и тогда мы сталкиваемся с авторитарными режимами, или менее жестко с множеством согласований, горизонтальных связей и т.п., что характерно для демократических государств.

По преимущественно иерархическому типу построены, например, многие ТНК, а по преимущественно сетевому — значительное количество НПО. Оба типа связей имеют свои издержки и преимущества. Сетевые отношения позволяют учитывать мнения отдельных людей, небольших групп и т.п. Так, наличие слишком большого количества необходимых обсуждений и согласований ведет к тому, что решения «пробуксовывают», а то и вообще не принимаются. Процедурные вопросы оказываются способными затмить суть решений. С подобной угрозой, по ряду оценок, сталкивается, например, сегодня ЕС. Другая проблема с сетевой организацией состоит в том, что сетевые организации, как показали исследования в области терроризма и Интернета, могут достигать так называемой SPIN-структуры (сегментированная, полицентричная, основанная на единых идеологических принципах), представляющей собой, как отмечают авторы коллективной монографии, изданной «ПИР-центром» под редакцией А. В. Федорова, ячеичную структуру во главе с множеством различных лидеров. Опасность таких сетевых организаций, подчеркивает Д. Н. Песков, заключается в возможности их распада на целый ряд корпоративных групп, закрытых для других.

В то же время излишняя иерархичность, жесткая «вертикаль власти», в итоге означает, что решения не учитывают всего спектра интересов, а следовательно, и не удовлетворяют интересы определенных групп.

Вместе с увеличением и усложнением транснациональных акторов усложнилось и их взаимодействие на мировой арене. Очевидно, что сегодня оно не может быть описано метафорой А. Уолферса о столкновении

ях на мировой арене подобно бильярдным шарам на столе. Впрочем, и ранее взаимодействие государств, о котором говорил А. Уолферс, не было простым и случайным, как это может представляться, если в буквальном смысле понимать. Государства всегда образовывали коалиции, союзы, блоки и т.п. и тем самым упорядочивали свои взаимоотношения. Еще сложнее стало в современных условиях, когда последствия действий на мировой арене становятся на несколько порядков менее очевидными. Поэтому, если и использовать данную метафору, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что действия акторов влекут за собой целую цепь последствий, просчитать конечный итог которых практически невозможно. В результате, как заметил президент Чехии Вацлав Гавел, в мире все оказывается возможным и почти ничего не является точно установленным.

Деятельность современных транснациональных акторов явилась серьезным вызовом государствам и государственно-центристской системе мира. Однако отношения, которые складываются между различными акторами на мировой арене, могут быть описаны, как и раньше, в терминах сотрудничества, конфликта и нейтральных отношений.

Часто можно наблюдать сотрудничество государств и других транснациональных акторов. Например, при урегулировании внутривнутриполитических конфликтов привлекаются международные неправительственные организации, бизнес-структуры. Здесь интересы многих участников нередко совпадают. Так, государства могут быть заинтересованы в снижении напряженности в конфликтной точке, поскольку конфликт угрожает перекинуться и на их территорию. В свою очередь, для бизнеса конфликтная область — препятствие для ведения дел, зона нарушения транспортных коммуникаций, повышение политических рисков на близлежащих территориях. Для ряда НПО — урегулирование конфликта отвечает их уставным документам. В результате конфликт урегулируется не только на многосторонней, но и на многоуровневой основе.

Разумеется, одновременно могут существовать бизнес-структуры, группы интересов в государстве и т.д., для которых развитие конфликта, напротив, является выгодным. Тем не менее, при доминировании сторон, заинтересованных в урегулировании конфликта, сотрудничество во многом строится на том, что разные акторы обладают различными преимуществами.

Не менее очевидны и различные варианты конфронтации ТНА. Например, интересы ТНК, работающих в сфере химического производства, могут вступать в противоречие с интересами экологических НПО. Кстати, экология — эта сфера, на примере которой особенно четко прослеживается переплетение интересов различных акторов — тех или иных госу-

дарств (в том числе групп интересов внутри государства), разных корпораций, НПО и т.п. Нетрудно представить и случаи параллельной деятельности различных ТНА, когда они действуют одновременно, но их интересы не пересекаются.

Очевидно, что конкретных видов и типов взаимодействия на мировой арене государств между собой, с ТНА, одних транснациональных акторов с другими — множество. При этом, как отмечает Т. Риссе, неправительственные организации хорошо адаптируются к национальным условиям, поэтому, например, Honda в США отличается от своей материнской японской компании, но она одновременно отличается и от американских автоконцернов, таких как Ford и General Motors. Что позволяет этим акторам так легко приспосабливаться? Или другой вопрос: допустима ли своеобразная проекция теории демократического мира на взаимодействие других акторов? Иными словами, будут ли два транснациональных актора, построенных преимущественно по горизонтальному принципу (демократический тип организации), при взаимодействии друг с другом вести себя миролюбиво и стараться разрешать противоречия переговорным путем? Пример взаимодействия США (демократическое государство) и «Аль-Каиды» (организации, построенной по сетевому принципу) дает отрицательный ответ на этот вопрос. Значит, принципов организации актора недостаточно. Необходима, наверное, единая система ценностей.

Все эти и множество других вопросов представляют собой поле, которое еще ждет своих исследователей. Фактически — это транснациональный уровень, о котором писал Дж. Най (J. Nye), анализируя полюсы или центры современного мира.

4.3. Контуры новой политической системы мира и сценарии перехода к ней

Изменения в политической системе мира пока не привели к ее смене. Вестфальская модель продолжает существовать, и трудно даже предположить, что может прийти ей на смену. В настоящее время наблюдается лишь процесс качественных изменений, меняющих характер системы как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического устройства мира. Подобный переход по глубине трансформаций можно сравнить с процессом формирования Вестфальской системы мира. Кстати сказать, в этом плане интересную параллель между серединой XVII в., когда сформировалась Вестфальская модель мира, и концом XX — началом XXI столетия проводят некоторые исследователи. К. Холсти (K. Holsti) замечает,

например, что в первом случае Европа, будучи единой по культурным, цивилизационным параметрам (после разрешения конфликта между протестантами и католиками), оказалась политически разделенной. А во втором, при крайнем усилении экономической интеграции, мир в политическом отношении представляют более чем 180 отдельных государств. Если, сопоставляя эти два исторических процесса, принять во внимание, что сейчас идет речь о создании политической структуры мира не только на одном континенте, как было тогда, а действительно во всемирном масштабе, то становится очевидным, что сам переход оказывается куда более значительным и сложным.

Еще большую степень сходства обнаруживают Ч. Кегли (Ch. Kegley) и Г. Раймонд (G. Raymond) в книге «Изгнание призрака Вестфалии» (*Exorcising the Ghost of Westphalia*), вышедшей в 2002 г. Они определяют середину XVII и конец XX в. как поворотные точки в истории, когда одни модели международного взаимодействия сменяются другими. Для обоих периодов характерны изменения в политической жизни, появление многих новых проблем. Для того и другого периодов типичны и «столкновение цивилизаций», и столкновение моральных ценностей, и столкновение взглядов. И тогда и сейчас наблюдается также распад больших национальных образований на более мелкие и т.д.

Процесс «глобального перехода» в различной степени и по-разному охватывает страны и регионы. При этом где-то в большей степени осознаются объективные процессы, протекающие в современном мире, где-то — в меньшей. Этот период крайне противоречив, что выражается в явлении, которое можно назвать парадоксом переходности. С одной стороны, продолжают действовать старые закономерности и нормы, с другой — одновременно появляются новые. В современных условиях пара-

Информация к размышлению

Некоторые исследователи видят много общего между ситуацией, сложившейся в Европе в середине XVII в., и ситуацией в мире в конце XX — начале XXI в., а именно: дезинтеграция, столкновение взглядов, ценностей и т.п.

Вопрос для размышления

Какие еще вы можете назвать параллели между этими периодами? Чем они принципиально отличаются?

докс переходности имеет две составляющие — Вестфальскую и Ялтинско-Потсдамскую (как часть Вестфальской, связанную с взаимодействием на мировой арене).

Вестфальская составляющая парадокса проявляется в противоречиях процесса изменения государственного суверенитета (утраты одних и появления новых функций), роли неправительственных акторов, а также растущей взаимозависимости. Прозрачность границ и обусловленная этим взаимозависимость побуждают государства все активнее реагировать на происходящие в других странах события, особенно если они связаны с конфликтами. Одновременно вмешательство во внутренние дела, ограничение суверенитета извне (в этом отношении примечателен кризис в Косово и его разрешение НАТО с помощью силовых методов) вынуждает другие государства (в том числе и те, в отношении которых не было применено насилие) любыми способами его «охранять». Это может принимать самые разнообразные и весьма опасные формы. Например, побуждать неядерные государства к развитию программ по разработке и производству собственного ядерного оружия. В более «дешевом» варианте они могут ориентироваться на использование химического оружия.

Ялтинско-Потсдамская составляющая парадокса переходности связана с изменениями в межгосударственном взаимодействии после окончания холодной войны. Прежде всего речь идет о биполярности, которая сформировалась после Второй мировой войны и стала неким «стержнем» послевоенной системы международных отношений. В то же время с исчезновением биполярности остались многие элементы прежней системы, в том числе закрепленные международными договорами, что является стабилизирующим фактором современных международных отношений. В этом смысле Ялтинско-Потсдамская система шире биполярного миропорядка.

Более сложная проблема в другом. Прежде все крупнейшие войны завершались переговорами о новом международном устройстве мира (так были образованы «Европейский концерт», Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская системы международных отношений). В конце XX в. этого не произошло. По результатам холодной войны переговоров не было. Причина — в сложности определения того, какими эти переговоры должны быть; с какой повесткой; кто участники; в какой форме и как учитывать интересы негосударственных акторов, обладающих значительным экономическим и политическим весом и т.п. Иными словами, совпадении во времени «двух транзитов»: системы международных отношений и политической системы мира.

Процесс «глобального транзита» описывается по-разному: как эпоха неопределенности, переломности, переходности. Дж. Розенау (*J. Rosenau*),

используя метафору из физики, называет современный этап периодом турбулентности и особо выделяет «точку бифуркации», т.е. тот момент, после которого развитие может идти в различных направлениях.

Согласно Дж. Розенау, сегодня само понятие «международные отношения» утрачивает прежний смысл, когда оно фактически отождествляется с межгосударственным взаимодействием, поскольку наряду с системами, в которых активно действуют негосударственные и надгосударственные акторы, образующие *полицентричный мир* (т.е. такой, где множество различных по своему характеру центров увязаны в сеть), существует и государственно-центричный мир. Для описания нового феномена он предлагает термин «*постмеждународные отношения*» (англ.: *postinternational relations*), подобно тому, как приставка «пост» используется в таких словах и словосочетаниях, как «постиндустриальная эра», «постидеологическое общество», «постмодернизм», «постбиполярный мир» и т.п., когда трудно определить характер формирующегося нового качества.

Идея полицентричного мира, где ТНА создают различные *транснациональные центры* (ТНЦ), связанные друг с другом сетевыми отношениями, интенсивно развивается и другими авторами, например О. Е. Андерссоном (*A. E. Andersson*) и его коллегами в книге «Ворота в глобальную экономику». Их анализ, правда, относится в большей степени к экономической сфере, хотя сама идея, лежащая в ее основе, гораздо шире. Суть ее заключается в том, что происходит рассредоточение производственных, образовательных, научных, финансовых и других структур по земному шару с одновременным их «пересечением» на небольших территориях. Именно здесь образуются *межсетевые узлы*, которые являются «воротами» (англ.: *gateway*) в глобальный мир. В результате разные географические образования (города и небольшие территории) по-разному «вписываются» в мир «пост-Вестфальской» эпохи. Одни из них, в том числе Нью-Йорк, Лондон, Токио, Большой Вашингтон, Южная Калифорния, Франкфурт, Милан, Майами, Ванкувер, Сингапур и др., оказываются на «передовом крае» глобализации и нового мироустройства. При всем разнообразии и специфике названных территорий их объединяет то, что как раз в них и происходит «завязывание», пересечение межсетевых узлов — финансовых, научных, культурных и ряда других, связанных с коммуникациями, информацией, знаниями, образованием, т.е. атрибутами постиндустриального мира.

Межсетевые узлы могут быть и национального, и регионального масштабов. Например, Париж, по мнению Т. П. Лакшманана, Д. Е. Андерсона, К. Сааки, не попадает, по крайней мере на сегодняшний день, в число «городов-ворот» в глобальный мир, оставаясь пока на националь-

ном уровне. Они пишут, что «Париж, несомненно, процветающий город, связанный с глобальной экономикой лучше всех других французских регионов, но это все же, скорее, ворота Франции в Европу, чем европейские ворота в мир».

«Территории-ворота» задают новые стандарты постиндустриальной эпохи, которым, по мере своих возможностей, вынуждены следовать остальные территориальные образования. Одновременно они предъявляют крайне высокие требования к человеку, требуют от него высочайшего напряжения со всеми последствиями. При этом индустриальная система не исчезает вообще и не растворяется полностью в последующей экономической системе. «Она, — замечают российские авторы А. Е. Кузич и В. В. Петров во вступительной статье к российскому переводу книги «*Ворота в глобальную экономику*», — функционирует, как и ранее, но уже будучи менее финансово привлекательной и, главное, менее стационарной в географическом распределении».

Модель «территорий-ворот» позволяет провести некую аналогию с той ролью, которую играли города-полисы в Древнем мире и итальянские города в Средневековье как своеобразные «единицы» взаимодействия. Одновременно модель «ворот-территорий» является неким антиподом геополитики, хотя и в том, и в другом случае большое значение придается именно территориальному фактору. Однако в рамках геополитики во главу угла ставится как раз целостная территория именно национальных государств. Тем самым геополитическая модель в отличие от модели «ворот в глобальный мир» остается в рамках Вестфальской системы мира.

Кроме вопроса, что может прийти на смену Вестфальской модели мира и соответственно послевоенной системе международных отношений, возникает вопрос о том, как это будет происходить.

Выделяются три главных сценария дальнейшего процесса перехода к формированию новой политической структуры мира и новой системы международных отношений.

Первый связан с относительно легким и плавным процессом перехода. Интересно, что этого сценария придерживаются как представители неореалистской школы, так и радикальные неоллибералы. Для первых отсутствие качественных изменений в современном политическом мире означает эволюционное развитие без каких-либо «скачков». Для вторых, а наиболее ярким представителем здесь является Ф. Фукуяма, торжество либеральных ценностей в мире является гарантией от крупных столкновений.

Этот сценарий не раз подвергался критике. С одной стороны, возражения радикальным неоллибералам следовали в связи с тем, что это не

согласуется с реальным развитием политических событий; после окончания холодной войны вовсе не исчезли войны; с другой — внимание обращалось на качественные изменения в мире, обусловленные активным выходом на мировую арену новых акторов. Впрочем, данный сценарий, согласно неоллиберальной позиции, в большей степени отражает конечный результат перехода, а не ближайшие этапы данного процесса, на что обращает внимание в последних работах и Ф. Фукуяма.

Прямо противоположный прогноз относительно переходного периода, а также возможной в дальнейшем политической структуры мира дают исследователи, которые говорят о расколе. Причем основания для этого у разных исследователей различны. Например, западная, латиноамериканская, африканская, исламская, конфуцианская, хинди, православная, буддийская, японская цивилизации — у С. Хантингтона; цивилизации, но иного рода (сельскохозяйственная, индустриальная и постиндустриальная) — у А. Тоффлера; уровни профессионализма — у В. Л. Иноземцева; социально-экономического развития мировых регионов (высокий, средний и низкий, на основе чего, соответственно, выделяются центр, полупериферия, периферия) — у И. Валлерстайна; шесть пространственно-экономических зон (североатлантическая, тихоокеанская, евразийская, «южная», расположенная преимущественно в районах индоокеанской дуги, а также два транснациональных пространства, выходящих за рамки привычной географической картографии) — у отечественного автора А. И. Неклесса. В этих, а также других аналогичных подходах, подчеркивающих дифференциацию мира, особо указывается на реальные или потенциальные конфликты.

Информация к размышлению

Английский исследователь К. Бус писал: «Новый век... возможно, будет больше похож на пестрое и беспокойное средневековье, чем на статичный двадцатый век, но учтет уроки, извлеченные из того и другого».

Бус Кен. Вызов незнанию: Теория МО перед лицом будущего // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998. С. 324.

Вопрос для размышления

Как вы думаете, возможно ли вновь наступление «эпохи средневековья»?

Этот вид сценария также подвергается критике. Одно из главных возражений: оснований для раскола выделяется несколько, причем явно «пересекающихся». Иными словами, один и тот же человек оказывается включенным сразу в несколько групп (например, профессиональную, буддийскую и т.п.), что влечет за собой снижение конфликтности. Другой аргумент против теорий раскола основан на том, что человечество обладает неким чувством самосохранения и не допустит по каким бы то ни было причинам глобального конфликта, чреватого уничтожением любой цивилизации.

Наконец, в рамках третьего сценария «глобального перехода» делаются попытки учесть тенденции, с одной стороны, к объединению мира, с другой — к его расколу, противоречивости, фрагментации, обособление отдельных частей и областей. Одним из первых, кто обратил внимание на одновременное действие обеих тенденций, был Б. Р. Барбер (B. R. Barber). Еще в начале 1990-х годов он заметил, что по всему миру в различных сферах распространяются единые образцы типа MTV, Макинтоша, Макдоналдса, представляющие некий глобальный мир — «McWorld» (по первым буквам названных символов глобального мира). Одновременно действует противоположная тенденция, которая проявляется в сепаратистских движениях, этнических и конфессиональных конфликтах. Эту тенденцию исследователь назвал «джихадом». В отличие от С. Хантингтона, который писал о «столкновении» цивилизаций, Б. Р. Барбер говорит о столкновении «джихада» с глобализующимся миром. Его работа так и называется: «Джихад против глобального мира» (*Jihad vs. McWorld*). И еще одно различие в точках зрения авторов. Если для первого этот процесс носит как бы глобальный характер, то для второго подобные явления, скорее, локальны, охватывают отдельные части земного шара.

Вслед за Б. Р. Барбером указывать на одновременное действие двух тенденций стали другие ученые. Так, директор Стокгольмского международного института исследований проблем мира, СИПРИ (англ.: *Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI*) А. Д. Ротфельд (A. D. Rotfeld) пишет, что отношения в современном мире определяются не только центробежными, но и центростремительными процессами. А Дж. Розенау (J. Rosenau) в связи с этим предложил даже специальный термин «фрагментация» (англ.: *fragmentation*, как одновременное действие фрагментации — «fragmentation» и интеграции — «integration»). Аналогично образован и другой термин «глокализация» (англ.: *glocalization*), описывающий данное явление и получивший широкое распространение. Его ввел в научный оборот Р. Робертсон (R. Robertson), который в 1995 г. опубликовал статью с аналогичным заголовком. В глокализации нашли отражение

процессы глобализации и одновременной локализации, т.е. обособление отдельных регионов, культур и тому подобного в современном мире.

Ключевые слова

Система международных (межгосударственных) отношений	Сверхдержавы
Политическая система мира	Средние государства
Биполярный мир	Малые страны
Монополярный (однополярный/однополюсный, или униполярный) мир	Парадокс участия
Многополярный (многополюсный) мир	Полицентричный мир
Односторонность (унилатерализм)	Постмеждународные отношения
Многосторонность	Транснациональные центры (ТНЦ)
Стабильность	Межсетевые узлы
	Фрагментация
	Глокализация

Вопросы для обсуждения

- Что понимается под политической системой мира и системой международных отношений?
- В чем суть дискуссий относительно полярности мира?
- В чем проявляется ограниченность рассуждений о полярности мира начала XXI в.?
- Что означает множественность транснациональных акторов современного мира?
- Каковы основные параметры, по которым возможны сравнения ТНА?
- Что выделяется в качестве особенностей современной политической системы мира?
- Какие существуют сценарии формирования новой политической структуры мира?

Практикум

- Проанализируйте три системы международных отношений: «Европейский конферт», Версальско-Вашингтонскую, Ялтинско-Потсдамскую — и ответьте на следующие вопросы:
- Сколько лет просуществовала каждая из них?
- Что послужило причиной смены систем международных отношений?
- Какие факторы обеспечивали стабильность / дестабилизацию каждой?
- Насколько значимо, по вашему мнению, воздействие этих факторов в современных условиях?

Рекомендуемая литература

- Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: К методологии анализа // Полис. 2003. С. 25–37.

- Богатуров А. Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40.
- Ворота в глобальную экономику / Под ред. О. Е. Андерссона / Пер. с англ. М., 2001.
- Гаджиев К. С. Геополитика. М., 1998.
- Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- Кулагин В. М. Формирование новой системы международных отношений // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 38–69.
- Лебедева М. М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. М. М. Лебедевой. М., 2000.
- Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.
- Рогов С. М. Россия и США в многополярном мире // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 10. С. 3–14.
- Хрусталева М. А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // Космополис. Альманах. 1999. С. 48–51.

Интернет-ресурсы

- The Governance World Watch (новости и аналитические обзоры более чем 100 национальных и международных СМИ по глобализации, экономической политике, инновациям и т.п.) <http://www.unpan.org>
- World Citizen Web (обсуждение вопросов возможного будущего политического устройства мира) <http://www.worldcitizen.org>
- World Future Society (неправительственная образовательная и научная организация, которая занимается вопросами того, как социальное и технологическое развитие влияет на будущее мира) <http://www.wfs.org>

Глава 5

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Мировая политика (англ.: *world politics*), как любая научная дисциплина, имеет историю своего становления и развития. Ее изучение позволяет лучше понять ту предметную область, в которой работают исследователи; выяснить, как она соприкасается с областями других близких к мировой политике научных дисциплин, наконец, в каких направлениях

сейчас ведутся научные поиски и где можно ожидать новых открытий и какая проблематика представляется наиболее перспективной.

Наука невозможна без определения методов исследования. В мировой политике проходят острые дискуссии относительно того, как следует изучать богатую политическую реальность современного мира.

5.1. Формирование мировой политики как науки и ее взаимосвязь с другими дисциплинами

Мировая политика — относительно новая научная дисциплина, находящаяся в процессе становления. Новизна, отсутствие устоявшегося понимания того, что собой представляет мировая политика, приводят к тому, что в этот термин часто вкладывается различный смысл. Мировая политика в одних работах выступает как некая внешняя среда, в других — как совокупная политическая деятельность и система отношений транснациональных акторов, в третьих — как внешняя политика сверхдержав (сверхдержавы), а для английского исследователя П. Кальвокорресси, автора двухтомника «Мировая политика после 1945 года», переведенного на русский язык, мировая политика фактически означает историю международных отношений.

Путаницу вносит и тот факт, что реальность и научная дисциплина обозначаются одним понятием — «мировая политика», в отличие, например, от политологии (науки) и политики (некой реальности).

Возникнув на стыке различных подходов и научных дисциплин, мировая политика наиболее тесно связана с международными отношениями и политологией. Первой исторически сформировалась политология, которая стала заниматься внутривнутриполитическими проблемами.

Международные отношения (англ.: *international relations*) как научная дисциплина возникла после окончания Первой мировой войны. Английский исследователь Дж. Грум (*J. Groom*) пишет, что изначально в качестве главных вопросов рассматривались тесно связанные проблемы: изучение «причин войны» и «условий мира». «Целью новой академиче-

Это интересно!

Первая кафедра международных отношений образована в Великобритании в 1919 г. Эту дату принято считать началом формирования новой научной дисциплины.

ской дисциплины, — продолжает Дж. Грум, — стало выяснение сущности процессов, которые привели европейскую цивилизацию к катастрофе Первой мировой войны». Вопросы войны и мира, а в более широком плане — вопросы взаимодействия государств стали основными в исследованиях по международным отношениям.

В последующие годы круг вопросов, которыми стали заниматься международные отношения, расширился. После Второй мировой войны внимание к международным отношениям значительно усилилось, и дисциплина получила интенсивное развитие.

Четкое разделение сфер внешней и внутренней политики в рамках Вестфальской системы мира привело к тому, что изучение политики также оказалось «разделенной», и обе научные дисциплины развивались самостоятельно, т.е. без интенсивного взаимодействия друг с другом, хотя их представители нередко работали на одном факультете. В результате формировались отдельные профессиональные сообщества, как на национальном уровне, так и на международном: *International Political Science Association, IPSA* — у политологов и *International Studies Association, ISA* (формально Североамериканская ассоциация, но, по сути, международная) — у «международников», со своими профильными журналами, конференциями и т.д.

В конце 1960-х Дж. Розенау (*J. Rosenau*) обращает внимание на то, что в результате деятельности ТНА внешняя и внутренняя политика начинают представлять собой во многом единую реальность. Отталкиваясь от этой идеи, Р. Кохэн (*R. Keohane*) и Дж. Най (*J. Nye*) в 1972 г. во введении к книге «Транснациональные отношения и мировая политика» (*Transnational Relations and World Politics*) показали, что взаимосвязи как во внешней среде, так и на внутригосударственном уровне оказываются весьма сложными и не ограничиваются лишь межгосударственным взаимодействием. Более того, меняется сама государственно-центристская политическая система мира. Данная работа стала одним из важнейших этапов формирования мировой политики как науки.

Создание мировой политики нельзя считать заслугой одних неолибералов. Во-первых, сам термин использовался давно, а начиная с 1940-х годов в США выходит журнал «Мировая политика» (*World Politics*). Во-вторых, что особенно важно, другие классические теории международных отношений — неореализм и неомарксизм — также внесли свой вклад. Неореалисты, прежде всего К. Уолтц (*K. Waltz*) в работе «Человек, государство, война», одними из первых в 1950-е годы стали внимательно относиться к вопросам структуры и заговорили о целостности политической системы мира. При этом К. Уолтц использовал термин *международ-*

ная политика (англ.: *international politics*). Впрочем, понятие «мировая политика» также распространено среди неореалистов, например, оно внесено в заглавие книги Х. Булла (*The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*).

Неомарксисты, в частности И. Валлерстайн (*I. Wallerstein*) и его сторонники, подчеркивают целостность политического мира на глобальном уровне, описывая его как мир-система, хотя сам термин «мировая политика» для них не характерен. В исследованиях марксистского, а затем и неомарксистского направления прослеживается идея, которая затем получила развитие в мировой политике, — это представления о единстве внешней и внутренней политики.

Таким образом, все три классические теории международных отношений исходили из целостности политической системы мира. Однако для неореалистов политическая система представлена межгосударственными отношениями, для неолибералов — межгосударственными отношениями и отношениями других транснациональных акторов, для неомарксистов — классовыми отношениями и разделением государств мира по политико-экономическому уровню развития на тех, кто составляет ядро, полупериферию и периферию. При таком различии в понимании того, что собой представляют структурные единицы политической системы мира, построить единую научную дисциплину очень сложно.

Становление мировой политики как научной дисциплины во многом связано с журналом «Международная организация» (*International Organization*), который появился в конце 1940-х. Он собрал вокруг себя авторов, занимавшихся такими, достаточно традиционными, вопросами, как деятельность транснациональных корпораций, финансы, торговля в мире и т.п. Развитие этих исследований привело к необходимости изучения международной системы в целом, взаимосвязи экономических и политических процессов, взаимодействию внутренней политики с международной экономической средой.

Все эти исследования проходили в годы холодной войны, когда большинство западных специалистов в области международных отношений уделяли мало внимания изучению политических аспектов экономических процессов. Видя в коммунизме основную угрозу, они сосредоточились на исследовании вопросов обеспечения безопасности или так называемой *политике высокого уровня* (англ.: *high politics*). Проблемы экономики в тот период уходили на второй план, получив название *политики низкого уровня* (англ.: *low politics*). Кстати сказать, аналогичные исследовательские приоритеты были и в советской науке.

Тем временем экономический фактор становился все более значимым. Произошло возрождение экономик ряда европейских стран, а также Японии, разрушенных в период Второй мировой войны. Обострилась проблема растущей экономической пропасти между развитыми и развивающимися странами и т.п. Одним из наиболее ощутимых признаков роста экономической составляющей для определения положения государства в мире стал энергетический кризис 1973–1974 гг. Тогда *Организация стран—экспортеров нефти* (ОПЕК, англ.: *Organisation of Petroleum Exporting Countries, OPEC*) ограничила ее добычу. Огромный военно-политический потенциал США оказался бессильным что-либо сделать. Понадобились переговоры со странами ОПЕК, чтобы путем взаимных уступок урегулировать проблему.

Одновременно в 1970-е годы ряд исследователей, которые занимались изучением международных отношений, обратили внимание на возрастание роли экономического фактора в мире. В последующие годы в этой области активно проводятся исследования, развивается научная область, получившая название «*международная политическая экономия*», МПЭ (англ.: *international political economy, IPE*). Анализ всех этих явлений дал основу для формирования научной области, получившей название *международной политической экономии*, МПЭ (англ.: *international political economy, IPE*).

Другим важным направлением, как отмечают американские исследователи П. Катценштейн (*P. Katzenstein*), Р. Кохэн (*R. Keohane*) и С. Краснер (*St. Krasner*) в статье, посвященной 50-летию журнала «*Международная организация*», стали проводимые политологами исследования по выявлению взаимосвязи между внутренней политикой разных стран и международной политической экономией. Вопросы, которые изучались, были ориентированы на определение детерминант внешней экономической политики государств и стратегий различных корпораций. Большинство работ были эмпирически ориентированы. В них анализировались конкретные случаи, которые имели место в странах Латинской Америки и других регионах. Данные исследования показали, что внутриполитическая организация государства оказывает существенное влияние на экономическое поведение как на национальном, так и наднациональном уровне. Изучение взаимодействия между внешними и внутренними факторами сыграло очень важную роль в формировании мировой политики как научной дисциплины.

В дальнейшем исследователи стали уделять особое внимание тому, как внутренняя политика влияет на внешнюю и как международная система воздействует на внутренние политические структуры и процессы.

По мере того как границы между внешней и внутренней политикой и, соответственно, их исследованиями становятся все более прозрачными, происходит сближение международных отношений и политологии, особенно *сравнительной политологии* (англ.: *comparative politics*), при изучении таких проблем, как демократизация, конфликты и т.п. Возможно, в будущем, с учетом общемировых тенденций развития, свое внимание сравнительные политологи сосредоточат не только на сравнительном анализе политических систем различных стран, но также и на сравнительном изучении регионов, городов, международных организаций и т.п., создав своего рода «пост-Вестфальскую сравнительную политологию». Не случайно английский исследователь К. Бус не без пафоса заметил, что «политическая наука может быть серьезно изучена только как ветвь осмысления политики на глобальном уровне», считая, что именно мировая политика — дом политической науки, а не наоборот.

В рамках политологии был выявлен и ряд других важных закономерностей. Например, публичная политика стала рассматриваться как результат столкновения групп, имеющих различные интересы. Для того чтобы реализовывать их, группы формируют коалиции. Причем они не постоянны, а меняются в зависимости от конкретных обстоятельств. Большое значение для развития исследований в этой области имела появившаяся в 1971 г. работа американского исследователя Г. Аллисона (*G. Allison*) «*Сущность принятия решения: анализ Кубинского кризиса*» (*Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*). В ней автор показал, что государство не является столь однородным, как представлялось ранее. Его политика может быть понята, если рассматривать ее как взаимодействие и конкуренцию различных структур внутри государства. В этом смысле национальный интерес формируется посредством компромиссных решений различных групп, а не бывает изначально заданным и однородным.

Существенный вклад в понимание взаимодействия внешне- и внутриполитических факторов внес другой американский автор — Р. Патнэм (*R. Putnam*), который разработал двухуровневую модель принятия внешнеполитических решений и показал, что международные договоры, которые заключает государство, служат своеобразным «двойным компромиссом»: во-первых, между государствами, подписывающими договор, и, во-вторых, внутри каждого из них. Поэтому для выработки позиции на переговорах необходимы согласования, например, между различными ведомствами, ведущими политическими партиями на подготовительных этапах определения позиции и после подписания договора, особенно если он требует ратификации. Практический вывод, к которому прихо-

дит Р. Патнэм, заключается в том, что позиция государства на международных переговорах может быть значительно усилена, если оно убедит противоположную сторону в том, что диапазон «внутреннего» компромисса не может быть слишком большим.

Еще одним направлением исследований, оказавшим огромное влияние на формирование мировой политики как научной дисциплины, было изучение международных институтов. После окончания Второй мировой войны наблюдался резкий рост международных организаций, которые становились объектом анализа политологов, экономистов, специалистов в области международных отношений. В 1960-х годах выходят ставшие вызовом реализму работы по европейской интеграции. В них делались попытки не только описать деятельность международных организаций, но и провести их сравнительный анализ. Особое внимание уделялось ООН, ее миротворческим операциям. Обсуждались проблемы адаптации деятельности ООН к реалиям холодной войны и соперничеству сверхдержав.

В исследованиях Карла У. Дойча (*K. W. Deutsch*), который изучал проблемы коллективной безопасности, было показано, что в основе безопасности лежат компромиссы и интенсификация межгосударственных связей. Проблема межгосударственного сотрудничества, интеграции становится одной из важнейших. В дальнейшем в фокусе внимания ряда исследователей, например Э. Хааса (*E. Haas*), стали причины, по которым существовавшее тогда Европейское экономическое сообщество и другие международные организации стремились к расширению своих функций, но не сумели этого сделать. Они показали, что произошло это потому, что организации были ограничены своими же уставами. Между тем некоторые цели, во имя которых создавались международные организации первоначально, требовали, по мере развития их деятельности, расширения функций.

Наконец, весомый вклад в формирование мировой политики внесли теоретические исследования, связанные с выявлением транснациональных отношений; констатацией факта множественности акторов, роль которых по целому ряду проблем была сопоставима с государственной; анализом феномена взаимозависимости; исследованием международных режимов и т.п.

Таким образом, мировая политика возникла на стыке:

- теоретических исследований в области международных отношений, постулирующих целостность политической системы мира, при значительном вкладе неолиберальной традиции в понимание кардинальных изменений в связи с деятельностью ТНА;

- представлений о взаимосвязи внешней и внутренней политики;
- международной политической экономии;
- анализа международных организаций;
- политологии, где особенно важны были исследования по сравнительной политологии.

Казалось бы, новая дисциплина легко должна получить свое оформление. Однако возникает целый ряд трудностей. Прежде всего, они связаны с разногласиями представителей различных теоретических направлений в международных исследованиях. Споры продолжаются относительно того, что же в политической системе современного мира является особенно важным — структура межгосударственных образований, активность негосударственных акторов и их взаимодействие с государствами или разделение мира по классовому принципу, определившему и разницу в доходах. В результате совокупность теоретических подходов в международных исследованиях представляет собой довольно мозаичный конгломерат.

Если согласиться с реалистской традицией (и различными ее модификациями), что политическая система мира постепенно эволюционирует, но при этом не претерпевает кардинальных перемен, а государство как было, так и остается фактически единственным важным элементом политической системы мира по той простой причине, что иные акторы не могут с ним выступать на равных, то в этом случае нет необходимости заменять сложившуюся в течение XX столетия дисциплину «международные отношения», призванную изучать межгосударственное взаимодействие, какой-либо иной. Достаточно внести лишь некоторые коррективы и учитывать при необходимости влияние других транснациональных акторов. К числу этих несущественных модификаций следует отнести также и то, что Вестфальская политическая система из региональной стала мировой, поскольку, по сути, ничего не изменилось. Соответственно, в этом случае «мировая политика» выступает синонимом более привычной научной дисциплины — «международные отношения». Правда, тогда оказывается неочевидной необходимость введения нового термина — мировая политика.

Примерно такую же логику рассуждений можно построить при рассмотрении подхода неомарксистов: поскольку капиталистическая мир-система продолжает существовать, нет необходимости в смене названий научных дисциплин, изучающих ее. Впрочем, как отмечалось, неомарксисты обычно и не говорят о такой научной дисциплине, как мировая политика.

Если же признать принципиальный характер современных мирополитических изменений, которые связаны прежде всего с деятельностью транснациональных акторов, что подчеркивается неолибералами, то вариантов оказывается три. Первый состоит в том, чтобы под мировой политикой понимать современные международные отношения. Оба понятия — «мировая политика» и «международные отношения» опять-таки выступают в качестве синонимов, только к традиционному термину «международные отношения» обычно добавляется прилагательное «современные», что указывает на их особый характер в настоящее время. Таких представлений придерживается, например, американский автор Дж. Гольдштейн (*J. S. Goldstein*), французская исследовательница М.-К. Смутс (*M.-C. Smuts*) и ряд других. Логика сохранения старого названия дисциплины в этом случае отчасти ясна: необходимо продолжить научные традиции, показать историческую канву развития науки. Но одновременно такая позиция вносит неопределенность, а иногда и путаницу в исследование.

Второй вариант предполагает, что за международными отношениями сохраняется традиционная область исследований, связанная с межгосударственными отношениями, которые составляют ключевую часть современной политической системы мира. Мировая политика как научная дисциплина призвана изучать политическую систему мира (макрополитический уровень) и включать в себя как классические международные отношения (т.е. межгосударственные), так и деятельность других транснациональных акторов. Это точка зрения нашла отражение и в американском словаре по международным отношениям Г. Эванса (*G. Evans*) и Дж. Ньюхэма (*J. Newnham*). Авторы пишут, что «в отличие от международных отношений или международной политики этот термин (мировая политика. — *М. Л.*) не относится исключительно к межгосударственным отношениям». В этом смысле показателен учебник «Мировая политика» (*World Politics*) одного из основоположников идей новой дисциплины Дж. Розенау (*J. Rosenau*), вышедший в 1976 г. в соавторстве с двумя другими исследователями — К. Томпсоном (*K. Thomson*) и Г. Бойдом (*G. Boyd*). Он состоит из четырех частей. Первые три посвящены анализу внешней политики государств и межгосударственному взаимодействию и лишь последняя, четвертая — обсуждению общих тенденций развития мира. По прошествии 30 лет структура американских учебников по мировой политике изменилась: анализу собственно межгосударственного взаимодействия стали отводить меньше места, но она обязательно присутствует в текстах.

В последнее время и в отечественной литературе все чаще проводится аналогичное западному подходу разделение смежных научных и обра-

зовательных дисциплин на мировую политику и международные отношения. Так, Н. А. Косолапов пишет, что английское понятие «международные отношения» (англ.: *international relations*) подразумевает отношения не между народами и нациями, как в русском языке, а скорее между государствами, сложившимися «в Европе параллельно со становлением капитализма...». Говоря об исследованиях, П. А. Цыганков отмечает, что если «международные отношения в значительной степени связываются с анализом межгосударственных взаимодействий, то мировая политика смещает акцент на ту, все более заметную, роль, которую играют в формировании международной среды нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международного общения». Близкую точку зрения высказывают А. Е. Бовин и В. П. Лукин, которые под международными отношениями понимают взаимодействие государств на мировой арене, а под мировой политикой — систему связей между государствами и негосударственными участниками как результат такого взаимодействия. В этом смысле мировая политика выступает в качестве среды, которая не просто влияет на международные отношения, а изменяет их.

Наконец, предлагается и третий вариант, когда за международными отношениями остается изучение межгосударственных взаимосвязей и взаимодействий, а за мировой политикой — весь пласт политических аспектов деятельности других транснациональных акторов. Однако этот вариант вряд ли возможен, по крайней мере, в ближайшем будущем, поскольку если межгосударственные отношения можно пока рассматривать, до определенной степени абстрагируясь от деятельности других акторов (традиционная сфера изучения международных отношений), то исследование политической активности последних на мировой арене без соотнесения ее с межгосударственным взаимодействием практически лишено смысла. Деятельность ТНК, внутригосударственных регионов, неправительственных организаций (НПО) и т.п. вплетена в сложившуюся после подписания Вестфальского мира и получившую развитие в дальнейшем политическую систему мира. Кроме того, слишком большая пестрота этих акторов резко ограничивает возможности сравнения международной деятельности, например ТНК и НПО. Поэтому нецелесообразно вычленять их «совокупную мирополитическую деятельность» в качестве самостоятельной сферы.

Таким образом, принятие тезиса о кардинальной трансформации политической системы современного мира делает необходимым различение двух научных дисциплин: международных отношений, которые занимаются изучением межгосударственных отношений, остающихся

сегодня ключевыми, и мировой политики. Последняя охватывает международные отношения, а также анализ иных транснациональных отношений, которые являются результатом деятельности различных транснациональных акторов. Иными словами, мировая политика оказывается шире международных отношений.

Еще один критерий различия между международными отношениями и мировой политикой лежит в исследовательском фокусе. Само название «мировая политика» предполагает, что в фокусе оказываются прежде всего политические аспекты. Все остальные вопросы — культурные, экономические, правовые и т.п. — анализируются в той мере, в какой они нужны для понимания политики. Правда, одновременно возникает проблема соотношения мировой политики, с одной стороны, с политологией, с другой — с международными отношениями.

Международные отношения, в основном в рамках, в которых развивалась мировая политика, с самого начала использовали данные и подходы таких дисциплин, как право, история, экономика. В зависимости от конкретных условий, в том числе национальных, акцент делался на одной из дисциплин. Затем, по мере развития науки, стали подчеркивать *междисциплинарный* (англ.: *interdisciplinary*) характер международных отношений, включающих в себя исторические, экономические, юридические знания. После Второй мировой войны круг дисциплин значительно расширился. К названным научным областям добавились политология, психология, социология, демография, экология и другие, хотя отчасти и ранее научные результаты этих дисциплин использовались в международных отношениях.

Принцип междисциплинарности, несомненно, сыграл позитивную роль, дав возможность учитывать влияние различных факторов на международную сферу, особенно тем, кто занят практической работой. Следование этому принципу очень важно и при подготовке кадров, поэтому большинство университетов, где ведется преподавание международных отношений, ориентированы на междисциплинарность. Однако здесь существует опасность потери политической составляющей, ее «растворения» в других аспектах.

В то же время более тесное сближение мировой политики с политологией сдерживается исторически сложившейся традицией разделения внешней и внутренней политики и изучающих их наук. Поэтому возникает проблема создания единого понятийного аппарата, новых теоретических разработок, а также изменение институциональных основ науки (формирование новых профессиональных ассоциаций, создание новых журналов и т.д.) со всеми вытекающими отсюда организационными сложностями.

Все это, несомненно, оказывает влияние на развитие мировой политики как науки. Слишком значимые и масштабные последствия, связанные с возможной перестройкой научных дисциплин, ведут к тому, что многие авторы, в том числе американские, как справедливо отмечает А. Д. Богатуров, предпочитают не проводить жесткого различия между мировой политикой и международными отношениями.

Имеются и национальные традиции, которые следует принимать во внимание. Так, мировая политика получила развитие в США, в Европе, например, сложилась «социология международных отношений». Сам термин хорошо фокусирует внимание на структурных характеристиках политической системы мира, что является очень важным, хотя при этом опять-таки теряется политическая составляющая.

В иных случаях трудно определить закономерности использования терминов. Так, ряд авторов, например, Дж. Т. Рурке (*J. T. Rourke*), Р. Дж. Арт и Р. Джервис (*R. J. Art and R. Jervis*) вслед за К. Уолтцем пишут о международной политике, хотя реалистская ориентация таких работ не всегда очевидна. Другие, в частности, Р. У. Мэнсбах и Э. Дж. Родс (*R. W. Mansbach and Ed. J. Rhodes*), предпочитают термин *глобальная политика* (англ.: *global politics*), хотя обычно это понятие используется при анализе глобальных проблем. Кроме того, локальные процессы могут составлять часть мировых (т.е. быть частью политической системы мира), но при этом не носить глобального характера.

В научной литературе, если говорят именно об исследованиях, часто прибегают к относительно нейтральному понятию — *международные исследования* (англ.: *international studies*).

В целом же и в научной, и в практической областях сегодня наблюдается терминологическая избыточность. Поэтому крайне важен контекст, в котором дается то или иное понятие, а также методологические основания, из которых исходит автор.

5.2. Развитие мировой политики в конце 1990 — начале 2000-х годов и ее современное состояние

События последнего десятилетия XX в. — начала XXI в. оказали огромное влияние на социальные науки, в том числе и мировую политику. Это и третья волна демократизации, и дезинтеграция, проходившая часто весьма болезненно через конфликты и кризисы, которые поразили даже относительно спокойную после Второй мировой войны Европу, а порой и весьма спокойно (так называемый «бархатный развод» в Чехословакии). Наряду с дезинтеграцией зримо прослеживалось дальнейшее

развитие интеграционных процессов, прежде всего в Европе, где произошли значительные по своим масштабам расширения НАТО и ЕС. Активность одних международных организаций (в частности, НАТО в Косовском конфликте) прослеживалась на фоне недостаточного влияния других, прежде всего ООН, при решении той же проблемы.

Одновременно мир столкнулся с выступлениями антиглобалистов, беспорядками в наиболее бедных кварталах европейских городов, населенных преимущественно иммигрантами из Азии и Африки, вызовом *транснационального терроризма* (англ.: *transnational terrorism*), выступившего не только против конкретного государства или государств, а против политической системы мира в целом.

Сложности возникли и с выстраиванием новой системы международных отношений. Унилатерализм США во многом не приняли даже их ближайшие союзники, а военная операция в Ираке породила вопросов больше, чем решила. Обострилась проблема ядерного нераспространения: ядерные технологии стали доступнее и в научном, и в технологическом отношениях, причем особую озабоченность данная проблема вызвала в связи с возможным доступом террористических организаций к оружию массового уничтожения. Финансовые кризисы 1997–1998 гг., разразившиеся в Азии, Латинской Америке и затем в России, продемонстрировали взаимозависимость и хрупкость финансовых систем различных стран. Война в Ираке, сложности с Ираном в связи с его ядерной программой, нестабильность в Нигерии обострили проблему поставок нефти на мировой рынок. Перечень событий, которые «потрясли мир» на стыке тысячелетий, можно без труда продолжить.

В конце 1980 — начале 1990-х годов осмысление политических реалий мира не успевало за развитием самих процессов. На этот факт обращали внимание многие авторы, в том числе И. Валлерстайн (*I. Wallerstein*), Р. Кохэн (*R. Keohane*), Й. Фергюсон (*Y. Ferguson*), Р. Мэнсбах (*R. Mansbach*) и др. Так, в начале 1990-х годов американские исследователи Й. Фергюсон и Р. Мэнсбах с горечью отмечали, что различные теоретические подходы слишком много соперничают друг с другом и мало сотрудничают. В результате наука переживает парадигмальный спор, и никто не может предложить достаточно адекватного объяснения происходящему в мире.

Еще более резко высказался американский историк Дж. Гэддис (*J. Gaddis*) в яркой и полемичной статье «Теория международных отношений и конец холодной войны» (*International Relations Theory and the End of the Cold War*), опубликованной в журнале «*International Security*» в 1992 г. Он упрекал исследователей международных отношений, а также политологов в том, что они не смогли предсказать ни распад СССР, ни

разрушение биполярной структуры. Удивление никогда не покидает нас, считал он, и «внезапное окончание холодной войны, неожиданная война в Персидском заливе, внезапный распад Советского Союза поразили буквально всех — правительственные круги, научное сообщество, средства массовой информации, политических аналитиков. Хотя во всех этих событиях и не было чего-либо особо невероятного: холодная война когда-то должна была закончиться, на Ближнем Востоке всегда были вооруженные столкновения, а грядущее поражение коммунизма было очевидно уже в течение ряда лет. Тем не менее, сам факт, что это случилось столь неожиданно, показывает, что средства, которыми современные политики и их пророки пытаются определить политическое будущее мира, неадекватны».

Упрек Дж. Гэддиса вряд ли справедлив во всей его полноте. И дело не только в том, что, с одной стороны, понимание мировой политики и международных отношений и прогноз их развития, с другой, как заметил Р. Кохэн, не тождественны. Но еще и в том, что в критической точке, точке «перелома», в которой, по сути, находится мир на рубеже XX–XXI вв., направление дальнейшего развития оказывается крайне неопределенным: слишком много факторов влияет на этот процесс, и по этой причине он может идти в совершенно противоположных направлениях. Поэтому в переходный период и становятся особенно сложными политические прогнозы.

Следует иметь в виду и еще один момент. Откровенное недоумение и растерянность наблюдались прежде всего у тех политологов и исследователей в области международных отношений, которые жестко ориентировались на государственно-центристскую модель развития и склонны были делать акцент на силовом взаимодействии государств. В эпоху крупных политических потрясений они, как пишут Й. Фергюсон и Р. Мэнсбах, обычно не видят многое: они не поняли в свое время французскую революцию и взрыв национализма, который сопровождал ее; не оценили они значения и русской революции 1917 г.

В 1990-е годы прошли бурные дискуссии относительно теоретического осмысления политического развития мира конца XX столетия. Основная борьба развернулась между теми, кто придерживался представлений об изменении государственно-центристской системы мира, и теми, кто исходил из несущественного, непринципиального характера таких изменений. Это был так называемый «третий великий спор», или дискуссия в теории международных исследований.

Первая дискуссия прошла между идеалистами и реалистами. «Вторая великая дискуссия» состоялась в 1960-х годах между теми, кто ис-

пользовал традиционные методы анализа международных отношений (*традиционалисты*), и теми, кто полагал, что их исследование должно быть построено по принципу естественных наук (*сциентистская ориентация в международных отношениях*, или *сциентизм*), когда доминируют методы, способные дать точную оценку явлениям (*модернизм*).

В результате «третьего великого спора» основные параметры, по которым расходятся теоретические подходы, в принципе сохранились. В то же время произошло сближение различных школ и направлений. Р. Кохэн и Дж. Най в третьем издании книги «Власть и взаимозависимость» (*Power and Interdependence, 2001*) особо подчеркивают необходимость соединения усилий сторонников реализма и либерализма.

П. А. Цыганков выделяет следующие положения, разделяемые в настоящее время большинством исследователей, независимо от того, в рамках какой школы они работают.

- Несмотря на то что анархия в международных отношениях продолжает сохраняться, существуют возможности их регулирования.

- Число акторов международного взаимодействия постоянно растет и включает в себя, кроме государств, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, различные фирмы и ассоциации и даже отдельных индивидов.

- Вызовы и проблемы, с которыми сталкивается сегодня мир, имеют всеобщий характер, т.е. не могут быть решены одной или группой стран.

Важнейшим моментом, по которому оценки большинства исследователей совпали, стало также признание, что государства остаются главными акторами на мировой арене. Кроме того, сегодня мало кто настаивает на том, что и государства, и сама система международных отношений не претерпели изменений за более чем 350-летний период.

Для мировой политики события конца XX — начала XXI вв., а также теоретическая дискуссия 1990-х годов значили очень многое. С одной стороны, стала очевидной сложность современной политической системы мира, ее несводимость к межгосударственным отношениям. Это подтвердило основные исходные положения авторов, которые давно работали в рамках мировой политики, хотя и потребовало некоторых уточнений: например, что внешняя политика сверхдержавы может не только определять систему международных отношений, но и на каком-то этапе задавать многие параметры системы мировой политики. С другой стороны, обнаружилось, что при всей взаимозависимости и целостности мировой политической системы она состоит из крайне «разнородного материала». Отсюда возникают многие сложности и даже провалы в политической практике. Так, для того, чтобы построить жизнеспособное

государство, недостаточно свергнуть диктатора и провести всеобщие выборы, надо еще учитывать исторический опыт, культурные традиции государства или уважение к традициям, религии могут значить не меньше, а то и больше, чем экономическое благополучие. В результате внимание ученых, занимающихся мировой политикой, стали привлекать вопросы, которые ранее были в значительной степени на периферии международных исследований (ими не занимались классические теории — реализм, либерализм, марксизм), — это особенности различных культур, восприятие мира разными акторами и т.п., т.е. то, о чем часто говорили постмодернисты. Таким образом, один из важнейших уроков 1990-х годов для мировой политики можно определить как изучение взаимосвязи локального и глобального, общего и особенного.

Большое распространение получил конструктивизм, ставший одним из наиболее популярных подходов. Его сила оказалась в созидательном начале. Воспользовавшись идеями конструктивизма, можно сказать, что политическая система мира не выстраивается сама по себе, а создается усилиями всех акторов, которые, трансформируя ее (неважно — сознательно или нет), меняются сами. Здесь встает вопрос об ответственности тех, кто оказывается в роли творца. Все это породило ряд новых сюжетов в исследованиях мировой политики. Кроме того, сложность социального мира современности, усиление политического фактора в различных сферах породили более тесное взаимодействие с теми дисциплинами, предметные области которых так или иначе связаны с политикой. Начали развиваться процессы, которые М. Доган (*M. Dogan*) назвал «гибридизацией» науки, т.е. «творческий обмен информацией, причем в основном в периферийных областях исследований». В связи с этим можно предположить, что наиболее интересные результаты следует ожидать скорее на стыке различных наук. Если вести речь о международных отношениях, где в центре внимания государственные акторы, и мировой политике, изучающей в том числе и негосударственных участников, то таким «стыком» предметных областей является проблема взаимодействия в рамках сотрудничества и противостояния государственных и негосударственных акторов. Например, их сотрудничество при урегулировании конфликтов, противостояние террористических организаций и государственных структур и т.п.

Наконец, одним из важнейших итогов конца прошлого века стало постепенное осознание того, что по отдельности ни политологи, ни специалисты в области международных отношений не смогут адекватно проанализировать и понять суть происходящего, а тем более спрогнозировать серьезные политические сдвиги в будущем. В лучшем случае это означает выслушивать очередные упреки подобно тем, что прозвучали в

начале 1990-х из уст Дж. Гэддиса, в худшем — цена непрофессионализма может оказаться куда более высокой.

Понимание этого побуждает исследователей говорить о необходимости создания единой политической науки. Следует подчеркнуть, что конкретных работ, которые выполнены на пересечении внутри- и внешнеполитической проблематики, т.е. политологии и международных отношений (мировой политики), множество. В данном случае речь идет именно о построении единой научной дисциплины, с единым научным аппаратом, в которой предметной областью является политика. Именно об этом говорили, в частности, Е. Милнер (*H. Milner*) и особенно интенсивно Б. де Мескита (*B. de Mesquita*), когда в 2000 г. он стал Президентом Ассоциации международных исследований (*International Studies Association, ISA*). Поднималась эта проблема и в отечественных публикациях. Однако пока сделаны только первые шаги.

Сегодня мировая политика — интенсивно развивающаяся научная дисциплина, изучающая совокупность политической деятельности, политические отношения различных транснациональных акторов и формируемых ими политических институтов и процессов. Она охватывает весь спектр мирополитической проблематики.

Мировая политика как научная дисциплина предполагает анализ политической системы мира; ее акторов, деятельности и взаимодействия этих акторов; выявление основных тенденций современного политического развития мира (таких как глобализация, регионализация, локализация, демократизация, развитие авторитарных в тех или иных государствах; интеграция, дезинтеграция), изучение возможности и ограничения воздействия на политическую систему мира и направления ее развития; теоретическое осмысление всех этих вопросов и т.п.

Отдельные проблемы изучаются мировой политикой с учетом изменений, происходящих на уровне политической системы в целом, и общего контекста мирового политического развития. В этой связи важна не только сама проблема, например безопасность, но и то, как она связана с другими вопросами (в том числе с международной политической экономией, миграцией, экологией и т.д.); как все эти проблемы влияют друг на друга и на процесс общемирового политического развития, а также какое воздействие, в свою очередь, это общемировое развитие оказывает на конкретные международные проблемы; каковы интересы различных транснациональных акторов в отношении этого вопроса, что они предпринимают для реализации своих интересов и т.д.

В мировой политике теоретические подходы не являются чем-то сугубо академичным делом. Политические деятели всегда исходят из неких положений, соотносимых с теоретическими воззрениями. Правда,

Это важно!

Мировая политика

1. Как научное направление возникло во второй половине XX столетия, главным образом в рамках неолиберальной теоретической традиции.
2. Ее истоки уходят в исследования международных организаций, международных политико-экономических процессов, политологии (в первую очередь сравнительной), теоретических исследований международных отношений.
3. Занимается проблемами современного состояния, а также тенденциями развития мировой политической системы.
4. В качестве участников международного взаимодействия рассматривает не только государства (которые признает в качестве главных акторов) и межправительственные организации, но и негосударственных акторов (неправительственные организации, ТНК, внутригосударственные регионы и т.п.).
5. Рассматривает международные проблемы во взаимосвязи друг с другом и в едином общемировом контексте.
6. Не делает резкого противопоставления между внутренней и внешней политикой.

вряд ли кто из них основывается на том или ином теоретическом подходе в его «чистом виде». Обычно на практике происходит совмещение положений различных теорий. Так, согласно Дж. Гольдштейну, наиболее консервативные политические деятели США разделяют либеральные взгляды на экономические вопросы, но при этом считают важнейшим национальным интересом укрепление военной мощи государства, а некоторые европейские социал-демократы сочетают либеральные положения о свободе с фактически неомарксистским пониманием справедливости.

5.3. Особенности отечественных исследований по международным отношениям и мировой политике

Мировая политика подобно другим научным областям, а также направлениям в развитии культуры, техническим инновациям и т.п. принадлежит, разумеется, человечеству. В этом смысле не может быть «особого» российского пути и не существует «русской мировой политики». Другое дело — вопрос о специфике развития национальных исследований по мировой политике и их вкладе в общемировую науку.

Как и в Западной Европе, отечественные исследования по международным отношениям оформились в самостоятельную научную дисциплину в первой половине XX столетия. В 1920-е годы в Москве был создан Институт мирового хозяйства и мировой политики, который долгое время возглавлял академик Е. С. Варга. В то же время международные исследования в России, как и в любом государстве, обладают целым рядом специфических особенностей, обусловленных историческим и политическим развитием страны.

Прежде всего зарождение и развитие отечественных работ по международным отношениям в рамках отдельной научной дисциплины относится к советскому периоду, для которого была характерна лишь одна теоретико-методологическая база, в качестве которой выступил не просто марксизм-ленинизм, как обычно принято считать, а своеобразный симбиоз марксизма-ленинизма, предполагающий наличие транснациональных отношений на классовом уровне (что было сформулировано в виде принципа пролетарского интернационализма) и реализма. Несмотря на явную марксистско-ленинскую риторику всех отечественных исследований в области международных отношений советского периода, по мере строительства государства, включения его в политическую систему мира, а затем и превращения в сверхдержаву, реализм все отчетливее проявлялся в работах отечественных авторов, особенно тех, которые были направлены на изучение отношений с США и с Западной Европой. При этом сами исследователи практически не отдавали себе отчет, что исходят из реалистской парадигмы.

Это своеобразное соединение марксизма-ленинизма и реализма было весьма противоречивым. Одним из первых проявлений данного противоречия стало закрытие в конце 1940-х годов Института мирового хозяйства и мировой политики во главе с Е. С. Варгой, который, с одной стороны, будучи венгерским коммунистом и активным деятелем Коммунистического Интернационала, видел в первую очередь транснациональные отношения пролетариата на мировой арене, а затем уже национальные интересы отдельного государства (об этом свидетельствуют его письма, опубликованные после смерти в журнале «Полис»), с другой — в исследованиях мировой экономики после Второй мировой войны пришел к выводу о ее существенной трансформации (за что и был обвинен в «буржуазно-реформистском уклоне»). В дальнейшем это противоречие прослеживается и в международной практике, и в международных исследованиях.

Другой особенностью отечественных исследований по международным отношениям стала в большей степени, чем западных, ориентация

на историческое знание. Позднее в международные отношения, кроме истории, начали включать экономические, правовые и другие связи и аспекты. Значительным стимулом к этому послужила дискуссия, развернутая в 1969 г. на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения».

Тем не менее, международные отношения на протяжении всего периода рассматривались, скорее, как *многодисциплинарная* (англ.: *multidisciplinary*), чем междисциплинарная (англ.: *interdisciplinary*), область, или как «сумма» различного рода, прежде всего межгосударственных, отношений. Это нашло отражение в определении самого понятия. Так, в трехтомном издании «Дипломатического словаря», вышедшего в свет в 1984—1986 гг., понятие международных отношений дается в качестве совокупности «экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных и других связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, экономическими, политическими силами, организациями и движениями, действующими на международной арене».

В целом в течение многих десятилетий в работах отечественных авторов в области международных отношений основной акцент делался на исследования стран и регионов, хотя появлялись исследования, выходящие за пределы страноведческой проблематики. Например, изучались интеграционные процессы; международные переговоры; конфликты и другие вопросы.

Начиная примерно с конца 1960-х — начала 1970-х годов, интерес вызывают теоретические исследования, хотя в общем количестве проводимых работ их процент незначителен. Тем не менее, в их рамках получили развитие представления о несводимости международных отношений к сумме политик, проводимых различными государствами. Кроме того, высказывались идеи о необходимости рассматривать международные отношения как целостную систему, а не сводить их к сумме связей и явлений. Велась работа и в области методов исследования применительно к международным отношениям, в частности, еще в 1970-е годы предпринимались попытки по использованию математических методов, компьютерных технологий и других инноваций в международных исследованиях на примере ведения переговоров и анализа конфликтов.

Наконец, специфическая черта развития отечественных международных исследований состояла в их элитарном характере. Круг лиц, занятых анализом международных отношений, был крайне ограничен как в количественном отношении, так и географическом. Фактически только в Москве велась подготовка кадров по международным отношениям, ра-

ботали институты Академии наук, издавались журналы по международным отношениям. Небольшая группа исследователей и преподавателей находилась в Киеве, отдельные исследователи были в других городах.

Начиная с 1990-х годов международные исследования в России стали развиваться бурными темпами. В связи с активным выходом на мировую арену российских регионов и бизнеса резко возросла потребность в квалифицированных специалистах не только в центре, где ранее были сосредоточены фактически все исследования по международным отношениям, но и регионах.

Развитие отечественных международных исследований в этот период сопровождалось разработкой новых направлений и аспектов, в том числе по мировой политике; созданием новых кафедр и факультетов, аналитических центров в различных городах России; созданием новых профессиональных журналов, где центральными вопросами стали проблемы мировой политики («Космополис», «Россия в глобальной политике», «Международные процессы»), чтением курсов по мировой политике, включением их в образовательный стандарт, выходом в свет научной, учебной и учебно-методической литературы; появлением профессионального сообщества (Российской ассоциации международных исследований); проведением конференций, семинаров; дискуссиями относительно предметной области мировой политики (такая дискуссия прошла на страницах журнала «Международные процессы» и «Космополис») и т.п.

Непосредственно для развития мировой политики важной вехой стало проведение международной конференции, посвященной 350-летию Вестфальского мира, которая прошла в МГИМО в 1998 г. Бурные дискуссии велись относительно судьбы Вестфальской модели мира, ее влияния на различные сферы (безопасность, конфликты, процессы интеграции и демократизации и т.д.), проблем национального суверенитета. Они нашли отражение в специальном выпуске журналов «Космополис. Альманах», а затем в различной форме продолжались на страницах других жур-

Это интересно!

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) образована в декабре 1999 г. Ее первая конференция (Конвент) прошла в апреле 2001 г. Информацию о деятельности РАМИ можно получить на сайте <<http://www.rami.ru>>.

налов, в частности, «Полиса», «Pro et Contra», «Мировой экономики и международных отношений».

5.4. Уровни анализа и методы исследования в мировой политике

Мировая политика охватывает очень широкий круг проблем и участников международного общения и взаимодействия. Перед исследователем всегда стоит вопрос: как объяснить то или иное явление, обусловленное целым рядом факторов, имеющее к тому же множество аспектов? Воспользуемся примером Б. Бузана, который пишет, что причины начала Второй мировой войны можно искать и в стремлении к реваншу Германии, и в слабости Франции, и в личностных особенностях Сталина или Гитлера, и в нестабильности системы международных отношений конца 1930-х годов в целом. Иными словами, объяснение любому событию в международной жизни может быть найдено на уровне и отдельных политических деятелей, и государств, и всей мировой системы. В связи с этим возникает методологический вопрос о том, как выявлять причинно-следственные связи.

Сама идея различения уровней анализа возникла в конце 1950-х годов под влиянием сциентизма в международных исследованиях. Сциентистская ориентация требовала более четкого осознания исследователями взаимоотношений между отдельными элементами и системой как таковой. Термин «уровни анализа» (англ.: *levels of analysis*) стал широко использоваться благодаря статье американского исследователя Дж. Д. Сингера (J. D. Singer) «Проблема уровней анализа в международных отношениях» (*The Level-of-Analysis Problem in International Relations*), опубликованной в 1961 г. Он выделил два уровня — международную систему в целом и уровень отдельного государства. Однако основной вклад в разработку проблемы системы и отдельных ее элементов еще раньше, в 1954 г., внес работой «Человек, государство и война» (*Man, the State and War*) К. Уолтца (K. Waltz). Правда, он говорил не об уровнях анализа, а об образах, которыми оперирует исследователь.

В настоящее время их, как правило, различают в мировой политике три:

- ♦ уровень индивида (англ.: *individual level of analysis*);
- ♦ уровень отдельного государства (англ.: *state level of analysis*);
- ♦ глобальный уровень (англ.: *global level of analysis*).

Первый предполагает анализ индивидуальных особенностей людей, вовлеченных в политический процесс на мировой арене. Большинство

исследований в этой области ведется в рамках *политической психологии*, где нередко выделяются два подуровня: политической элиты и масс.

При изучении подуровня политической элиты большое внимание уделяется личности политических деятелей. Для этого при описании психологических портретов используются исторические, психоаналитические и другие методы. Другое направление исследований политической элиты состоит в анализе процесса *принятия решения*. Так, американский исследователь О. Холсти (*O. Holsti*) замечает, что на развитие событий 1914 г., приведших к Первой мировой войне, сильнейшее влияние оказал такой фактор, как стресс.

В рамках этого направления изучаются также проблемы, связанные с адекватностью восприятия, — работы Р. Джервис (*R. Jervis*), Р. Смоука (*R. Smoke*) и У. Юри (*W. Ury*); личностными особенностями лиц, принимающих решения. Например, в исследовании Р. Германа (*R. Hermann*) и М. Германн (*M. Hermann*) анализировалось, насколько значимыми в принятии решений политическими деятелями кануна Первой мировой войны оказались их личностные особенности. Проведя игровые эксперименты, имитирующие события, в которых на основе психологических тестов подбирались близкие к реальным политическим деятелям той эпохи участники, они показали, что личностный фактор играл существенную, если не основную, роль в реальном историческом процессе.

На уровне политических масс исследуются такие вопросы, как восприятие других народов, установки, ценности, представления, существующие в обществе и касающиеся международной сферы. Большое внимание в этих работах обращается на формирование восприятия в условиях конфликта, в том числе и стремление к упрощению информации, которое ведет к тому, что все многообразие действительности укладывается в рамки полярных понятий по типу: «победа или смерть», «свой — чужой», «мы — они», «хороший — плохой» и т.п. При этом у людей формируются так называемые «зеркальные» образы, суть которых сводится к тому, что стороны в конфликте начинают оценивать одни и те же факты настолько различным образом, что это приобретает зеркальный, т.е. диаметрально противоположный, характер с ярко выраженной отрицательной эмоциональной оценкой противоположной стороны. Возникает также феномен, получивший название «приписывающее искажение», согласно которому любые поступки противоположной стороны объясняются злым умыслом. Этот феномен довольно образно описан американским психологом Р. Уайтом (*R. White*), назвавшим его *дьявольским образом врага*. В соответствии с ним «дьявол» всегда оказывается на противоположной стороне, а собственное поведение воспринимается как исключительно праведное.

На уровне анализа отдельных государств исследуются, например, процессы принятия политических решений, но уже с точки зрения не психологических особенностей, а того, каков в той или иной стране механизм принятия решений. Так, в исследованиях американского автора Р. Н. Лебоу (*R. N. Lebow*) обнаружено, что давление внутреннего фактора может заставлять политических деятелей основывать свое видение внешней политики на предположениях и ожиданиях, которые далеки от действительности. Как показали другие исследования, важным также оказывается то, какую роль в принятии решения играют военные и гражданские лица, какова структура правительства и т.п. Кроме того, данный уровень анализа предполагает рассмотрение экономических, военных, внутривластных и других вопросов, обуславливающих формирование внешнеполитического курса и влияющих на общемировые процессы. Большое значение для исследования уровня отдельных государств имеют сравнительно-политологические работы.

Глобальный уровень анализа является, пожалуй, наиболее сложным. Он предполагает изучение взаимодействия как государств, так и негосударственных участников мировой политической системы. При этом последняя рассматривается как некая целостность. Выявляется роль отдельных структурных элементов в формировании и функционировании этой системы, рассматриваются вопросы сотрудничества и конкуренции различных акторов, определяются тенденции развития самой системы.

Уровни анализа: индивидуальный, отдельного государства и глобальный — иллюстрируются схемой (рис. 5.1).

Выделение уровней анализа в современной мировой политике достаточно традиционно. Тем не менее, ведутся дискуссии относительно того, что именно под ними понимать. У. Моул (*W. Moult*) еще в начале

Рис. 5.1. Уровни анализа в мировой политике

1970-х годов обратил внимание на различия в определении уровней анализа. Одни авторы понимают под ними элементы, из которых строятся международные отношения, в то время как другие видят в уровнях анализа некие объяснительные принципы. По мнению Б. Бузана, оба подхода к определению уровней анализа не исключают друг друга, а накладываются один на другой, образуя матрицу. В принципе, полагает Б. Бузан, само выделение уровней анализа оказалось продуктивным, так как заставило ученых с большим вниманием отнестись к существующим в международных исследованиях методологическим проблемам. Однако для более точного понимания самих международных отношений и осознания методологических основ их изучения необходимы дальнейшие исследования.

Другие важные для международных исследований компоненты — данные и выбор метода. Мировая политика использует всевозможные данные получения информации и самый широкий набор методов исследования.

Принято различать *первичные и вторичные данные*. К первичным обычно относят такие, как заявления и выступления политических деятелей, официальные документы и прочие источники информации: статистические данные, исторические факты и т.п. К вторичным принадлежат материалы, основанные на первичных данных и отраженные в научных публикациях.

Методы исследования в мировой политике, а также международных отношениях нередко подразделяют на две группы: *качественные и количественные*. Первые предполагают использование аналитических процедур для изучения тех или иных фактов, процессов и т.п. При этом исследователи, использующие качественные методы анализа (традиционалисты), основываются на разных методологических и теоретических подходах. Ранее эти методы часто назывались *историко-описательными*, предполагающими обращение к историческому знанию, а также *интуитивно-логическими*, т.е. ориентированными на научный труд в виде эссе. Тем не менее, и сегодня они довольно широко используются в мировой политике и международных отношениях.

Количественные методы появились в международных исследованиях позднее качественных (по этой причине ученых, которые пользовались ими, называли модернистами) и предназначались для выявления тех или иных числовых параметров. Их применение было особенно популярно в 1960-е годы. В то время к исследованию общественных науки международных отношений, в частности, было привлечено много математиков: тогда казалось, что такой подход позволит избежать субъективизма в исследовании.

Особое внимание исследователи, которые используют количественные методы, обращают на такой критерий, как *валидность*, т.е. определение того, действительно ли метод позволяет получить ту информацию, которая необходима. Еще одним значимым параметром при выборе метода является его *надежность*. Она предполагает, что при использовании этого метода другим исследователем будут получены аналогичные результаты.

Наиболее распространен среди количественных методов исследования *контент-анализ* (анализ содержания), а также *ивент-анализ* (анализ событий). Первый, введенный американским политологом Г. Лассуэллом (*H. Lasswell*), представляет собой изучение текста с точки зрения частоты появления в нем тех или иных ключевых слов и словосочетаний. Проанализировав таким образом статьи, опубликованные в одной из газет, Г. Лассуэлл показал ее профашистскую ориентацию, что послужило поводом для судебного разбирательства вопроса о закрытии газеты.

При использовании контент-анализа важен правильный выбор ключевых слов. Ограничение на использование контент-анализа накладывает проблема контекста. Если статья, выступление, документ и тому подобные тексты написаны так называемым эзоповым языком, где значимы не столько сами слова, сколько контекст, то они сложно поддаются исследованию с помощью контент-анализа.

Ивент-анализ ориентирован на выявление частоты появления определенных событий. Как и в случае с контент-анализом, первоначально определяют критерии, по которым учитываются и классифицируются события. Иными словами, выявляются некие аналоги «ключевых слов», характеризующие частоту, интенсивность, продолжительность события (например, конфликтных отношений). Далее определяют динамику развития процесса. Используя ивент-анализ, можно, в частности, проследить динамику уступок на переговорах, определить, с какой скоростью они делаются, кто из участников первым идет на компромиссные решения и т.п. Метод ивент-анализа получил развитие в работах Э. Азара (*E. Azar*), Л. Блумфильда (*L. Bloomfield*), а также некоторых других авторов и предполагает создание довольно большого банка событийных данных.

Менее распространено, по сравнению с предыдущими методами, *когнитивное картирование*. Этот метод использовался в работах О. Холсти (*O. Holsti*), Р. Аксельрода (*R. Axelrod*) и др. В его основе лежат представления когнитивных психологов, согласно которым для понимания поведения крайне важно знать, как человек воспринимает и организует полученную информацию. В международных исследованиях данный метод ориентирован на изучение так называемой «естественной логики», прежде всего политических деятелей. Суть заключается в том, что на

основании текстов выступлений выявляются ключевые категории, которые использует тот или иной политик, и между ними определяются причинно-следственные связи. Так, американские исследователи М. Бонэм (*M. Bonham*) и М. Шапиро (*M. Shapiro*), проанализировав тексты выступлений политических деятелей, сделали прогноз относительно их поведения в ближневосточном конфликте.

Целое направление в международных исследованиях построено на применении математической *теории игр*. Оно было разработано в США в конце 1950-х — начале 1960-х гг. для изучения советско-американских отношений. Суть данного направления заключается в том, что в качестве исходной посылки берется предположение, что участники ведут себя рационально и, оценивая альтернативы, выбирают наиболее выгодную для себя стратегию поведения. Все многообразие вариантов поведения участников, согласно теории игр, фактически может быть сведено к двум типам — сотрудничеству или соперничеству. В результате итогов простейшего взаимодействия в теории игр представляет собой так называемую матрицу исходов для двух участников, у каждого из которых есть два варианта поведения — сотрудничество и конкуренция, а их сочетание дает четыре возможных варианта (исхода). Важно, что в игре исходы задаются участникам взаимодействия заранее и выражены в числовой форме, например, в зависимости от приоритетности. Используя матричные игры, изучали различные международные ситуации: Кубинский кризис 1962 г., возможное ядерное столкновение Пакистана и Индии и т.п. Критика данного метода шла в основном в отношении того, что в реальности исходы для участников далеко не столь очевидны как в игровой ситуации, да и ведут они себя не обязательно рационально. Тем не менее, с помощью теории игр было получено немало интересных результатов. В частности, Р. Аксельрод (*R. Axelrod*) показал, что при практически неограниченном во времени взаимодействии (а фактически так взаимодействуют государства на мировой арене) стороны приходят к выводу о целесообразности кооперативного поведения, которое более выгодно.

Существуют и другие количественные методы анализа. В целом же они довольно трудоемки. Это с самого начала ограничивало их применение. Внимание к количественным методам вновь было привлечено в связи с широким внедрением компьютерной техники, позволяющей до определенной степени решить проблему трудоемкости работ и дать быструю количественную оценку. Например, компьютерная обработка текста позволяет оперативно проводить контент-анализ. Одновременно исследователи стали больше внимания обращать на проблему интерпретации полученных данных.

Тем временем в русле качественных методов стали внедряться процедуры, предусматривающие некие формализованные моменты, но с точки зрения не столько количественных оценок, сколько организации исследования. При его проведении в ряде случаев стали учитываться требования, предъявляемые к организации работы, формулированию, обоснованию гипотезы, что типично для естественных наук.

Развитие получили *ситуационные анализы*, представляющие собой семинары экспертов, на которых проводится анализ ситуации, выявляются ключевые моменты, а также составляются прогнозы относительно возможных сценариев дальнейшего развития. Ситуационные анализы нашли широкое распространение, особенно в научно-практических организациях и учреждениях.

Ситуационные анализы, по сути, представляют частный случай такой процедуры, как *анализ конкретных ситуаций* (англ.: *case study*), предусматривающий применение теоретических положений при исследовании конкретных событий на мировой арене. Анализ конкретной ситуации может проводиться одним или несколькими исследователями для изучения, например, того, как посредничество способствовало (или не способствовало) урегулированию конфликта), скажем, в Косово. Если ситуационный анализ ориентирован на прогноз, то при анализе конкретных ситуаций обычно возможные сценарные варианты развития событий не рассматриваются.

В настоящее время в международных исследованиях широко применяются методы смежных научных дисциплин — социологии, политологии, психологии и др. Так, довольно распространенным в Западной Европе и США является метод *интервью*, идущий от социологических исследований, но адаптированный к международным исследованиям. Он предполагает беседу с экспертом по заранее запланированному сценарию. Характер интервью может быть жестко ограничен заранее подготовленными вопросами, но чаще оно проводится в достаточно свободной форме.

В арсенале качественных методов остаются и такие традиционные методы, как изучение документов, свидетельств, статистических данных, аналитических материалов.

Сближение двух групп методов — количественных и качественных сделало разделение «логико-описательного» и «историко-интуитивного» подходов устаревшими. В настоящее время дихотомия методов «количественные — качественные» в целом в международных исследованиях снята. Соответственно, и разделение исследователей на модернистов и традиционалистов также осталось в прошлом. На данный факт обращают внимание многие авторы, в том числе российские. Например, П. А. Цыганков

справедливо указывает на неправомерность противопоставления количественных и качественных методов, которые не только не исключают, а, напротив, дополняют друг друга.

Одновременно с развитием конструктивизма в конце XX в. популярность стали завоевывать методы, которые не связаны с позитивистской традицией. Речь прежде всего идет о «построении» социальной реальности, когда исследователь (он же практик) включается в разработку процедур, механизмов, институтов и т.п. для решения той или иной международной проблемы и тем самым изучает ее. Надо сказать, что такой подход не является абсолютно новым. Идеи «международной инженерии» прослеживаются, например, в деятельности В. Вильсона, его попытках сформировать единую общность людей на основе Лиги Наций. Другое дело, что этот метод нуждается еще в довольно серьезном методологическом обосновании. Кроме того, возникает и этический вопрос, который может быть сформулирован словами, обычно относящимися к медицине: «Не навреди!».

Ключевые термины

Мировая политика
Международные отношения
Международная политика
Политика высокого уровня
Политика низкого уровня
Организация стран—экспортеров нефти (ОПЕК)
Международная политическая экономия (МРЭ)
Сравнительная политология
Междисциплинарный характер международных отношений
Социология международных отношений
Глобальная политика
Международные исследования
Традиционалисты
Сциентизм
Модернизм

Многодисциплинарность
Уровни анализа
Политическая психология
Принятие решений
Первичные и вторичные данные
Качественные и количественные методы исследования
Историко-описательный подход
Интуитивно-логический подход
Валидность метода исследования
Надежность метода исследования
Контент-анализ
Ивент-анализ
Метод когнитивного картирования
Теория игр
Ситуационный анализ
Анализ конкретных ситуаций
Интервью

Вопросы для обсуждения

Какие основные научные дисциплины внесли вклад в формирование мировой политики (в чем он состоял)?
Каково соотношение предметных областей мировой политики, сравнительной политологии и международных отношений?

Какие основные характеристики определяют мировую политику как научную дисциплину?

Как происходил процесс развития российских международных исследований? На основе чего в мировой политике выделяются уровни анализа (какие здесь существуют подходы)?

В чем состоит проблема метода в международных исследованиях?

Что понимается под количественными и качественными методами в мировой политике и международных отношениях (почему говорят об условности их различения)?

Практикум

Проанализируйте статьи международной проблематики в двух-трех газетах различной направленности с помощью контент-анализа. Определите специфику каждой газеты.

Рекомендуемая литература

- Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004 (январь—апрель). Т. 2. № 1 (4). С. 16—33.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Борисов К.П. Методы политических исследований. М., 2005.
- Кеохейн Р. О. (Keohane R. O.). Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 438—452.
- Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004 (май—август). Т. 2. № 2 (5). С. 84—96.
- Лебедева М. М., Мельвил А. Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4. С. 130—140.
- Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования / Пер. с англ. М., 1999.
- Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: Взгляды американских и французских исследователей / Под ред. М. М. Лебедевой и П. А. Цыганкова. М., 2001.
- Мировая политика: повестка дня на завтра (виртуальный «круглый стол») / Полис. 2005. № 4.
- Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. А. А. Кокошина и А. Д. Богатунова. М.: КомКнига, 2005.
- Полис. Дискуссия. 2004. № 5. С. 106—130.
- Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М.: Пер Се. 2005.
- Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002.

- Тюлин И. Г. Исследование международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // Космополис. Альманах. 1997. С. 18–28.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений. М., 2006.
- Цыганков П. А. Политология и наука о международных отношениях: проблема разграничения предметных областей // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 57–65.
- Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2002.
- Цыганков П. А., Цыганков П. А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. С. 16–47.

Интернет-ресурсы

- Статьи по мировой политике в научных журналах:
- Международные процессы: <http://www.intertrends.ru>
- Россия в глобальной политике: <http://www.globalaffairs.ru>
- Foreign Affairs: <http://www.foreignaffairs.org>
- Internationale Politik: <http://www.germany.org.ru> (на русском и немецком языках)
- The Economist: <http://economist.com>
- World Politics: http://http://muse.uq.edu.au/journals/world_politics
- Профессиональные ассоциации:
- Российская ассоциация международных исследований : <http://www.rami.ru>
- The International Studies Association (ISA): <http://www.isanet.org>
- The Central and East European International Studies Association (CEEISA): <http://ian.vse.cz/ceeisa>
- The European Consortium for Political Research (ECPR): <http://www.essex.ac.uk/ecpr>
- The Standing Group on International Relations of the ECPR: <http://www.sgir.org>

Часть вторая

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Перестройка основ мировой политической системы связана с макрополитическими тенденциями современного мира — глобализацией, локализацией, интеграцией и дезинтеграцией, демократизацией и сохранением авторитарных форм государственной власти. Все это влечет за собой множество следствий.

Появились новые проблемы и вызовы, которых не было ранее или которые не стояли столь остро (например, вопросы экологии). По-новому и в ином контексте зазвучали старые проблемы (в частности, безопасности, бедности, конфликтов). Но при этом в политической повестке остались и прежние вопросы, прежде всего разоружения, контроля над вооружениями.

На смену уходящей индустриальной эпохе Вестфальского мира, далеко не без противоречий, приходит новая эра, контуры которой «прочерчиваются» пока только в самом общем виде. Все с большей отчетливостью проявляются новые аспекты и измерения международных отношений — экономическое, правовое, экологическое, а также направление, связанное с развитием человеческого ресурса. Наконец, возникает потребность управления сложным, вновь формирующимся миром, в котором необходимо находить пути и механизмы согласования интересов и устремлений.

Тенденции мирового развития, как и вызовы современного мира, его новые измерения и проблемы регулирования на мировой арене различных акторов находятся в центре внимания мировой политики как науки и отражены в соответствующих разделах данного учебника.

Раздел I

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО МИРА

Глава 6

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРА

6.1. Подходы к проблеме глобализации

Глобализация — одно из наиболее обсуждаемых в последние годы явлений в современном развитии мира и в то же время, пожалуй, из наименее строго определяемых. Сам термин в широкий научный оборот вошел в 1990-х годах, во многом почти вытеснив понятие «постмодернизм», которое широко использовалось для описания сложности и разнообразия современного политического мира. При этом еще в конце 1980-х годов слово «глобализация» почти не встречалось в научной лексике. Американский социолог Р. Робертсон (*P. Robertson*) одним из первых обратился к исследованию проблем глобализации, используя слово «глобальность» в названии своей работы «Обсуждая глобальность» (*Interpreting Globality*). Впрочем, в области экологии и технологических дисциплин заговорили о глобализации раньше — еще в 1960-х годах, хотя и в иных терминах.

Сегодня для описания процессов, связанных с глобализацией, нередко используются и другие понятия — *постиндустриальная эпоха*, *век информационной революции*, *техноглобализм* и т.п. Все они отражают те важнейшие изменения, которые она несет.

Существуют различные точки зрения относительно сути глобализации. В одних исследованиях акцент делается на экономических ее аспектах, в других — на формировании единого информационного пространства, в третьих — на развитии общих стандартов. Последнее относится прежде всего к организации производства, быта, социальной жизни и т.п. В связи с этим как метафора используется выражение *макдоналдизация мира* (от названия сети быстрого питания *McDonald's*), под которым понимается некая стандартизация и «конвейерность» процессов при организации экономической и социальной жизни. Из универсальных бло-

ков, как из кубиков «lego», складываются различные виды продукции, имеющие в конечном виде огромную вариативность. Ярким примером такой «макдоналдизации» является мебель, предлагаемая шведской компанией «ИКЕА»: из стандартных блоков собирается фактически бесчисленное множество вариантов обстановки квартиры, в зависимости от площади, вкусов, нужд человека.

Есть, хотя их относительно немного, и скептические оценки процессов, получивших название «глобализация». Так, М. Весес (*M. Veseth*) исходит из того, что глобализация — вовсе не новое явление. На самом деле процессы, получившие это название, связаны лишь с усложнением мира, которое существовало всегда. Однако, по его мнению, глобализация привлекает столь пристальное внимание, поскольку с ее помощью либо пытаются доказать существование новых угроз, либо, напротив, предрекают процветание человечества. Сходных позиций придерживается и отечественный исследователь А. Уткин, который пишет, что глобализация является политически востребованной концепцией.

Понимание глобализации различается в зависимости от теоретических позиций авторов. Реалисты, признавая наличие существенных изменений в современном мире, рассматривают глобализацию, скорее, как процесс эволюционного развития мира, а не как качественный скачок в его преобразовании. Неомарксисты видят в современных процессах заключительную стадию развития капитализма, порождающую все большую поляризацию мира по экономическому параметру, а как следствие — и политическую нестабильность. Для большинства исследователей, придерживающихся неолиберальной традиции, глобализация — это качественно новый этап развития политической структуры и мира, а также человеческой цивилизации в целом.

Существует и еще один срез в восприятии процесса глобализации, связанный с политической практикой и оценочной характеристикой изменений в рамках дихотомии «хорошо — плохо». Это относится в большей степени к политической практике и порождает, с одной стороны, множество движений, условно объединенных понятием «антиглобалисты» (они часто выступают с крайне радикальных позиций против развития глобализационных процессов, а также институтов, которые наиболее тесно с ними связаны, — в частности, МВФ, ВТО). С другой стороны, это, хотя и в менее выраженном виде, движения сторонников глобализационных процессов, например пользователей Интернета и т.п. Такое разнообразие мнений и позиций относительно глобализации обусловлено сложностью, комплексностью процессов, широтой охвата сфер человеческой деятельности и взаимоотношений.

Возвращаясь к научному осмыслению такого явления, как глобализация, остановимся на трех ее измерениях, которые выделяет французский исследователь Б. Бади (*B. Badie*):

- постоянно идущий исторический процесс;
- гомогенизация и универсализация мира;
- «размывание» национальных границ.

Если взять первое из названных измерений, можно заметить, что в истории развития человечества действительно наблюдается тенденция все большего расширения пространства, на котором происходит интенсивное взаимодействие: от отдельных деревень, городов, княжеств к государствам, регионам и, наконец, через эпоху Великих географических открытий к миру в целом.

Тем не менее процесс глобализации сложный и неоднозначный. В историческом развитии он шел нелинейно и вовсе не предполагал присоединения новых периферийных территорий к некоему неизменному центру. Так, Дж. Модельски (*G. Modelski*) на примере развития городов Древнего мира показывает «пульсирующий» характер этого процесса. Он выделяет две фазы, каждая протяженностью в тысячелетие: централизации, когда формируются центральные зоны мировой системы, и децентрализации, если периферия становится главенствующей. В результате происходит смена мест в системе «центр—периферия». В принципе близкие к идее «пульсации» представления содержатся и в работе Пола Кеннеди (*P. Kennedy*), когда он говорит о расцвете и закате великих держав.

Если экстраполировать результаты Дж. Модельски на дальнейшее историческое развитие, то можно предположить, что подобная «пульсация» проходит не только по территориальному основанию, но, что особенно важно, и по тому, на основе какого содержательного аспекта формируются центр и периферия. В истории таким содержательным основанием были, в частности, религия, идеология, экономическое развитие.

Значительно более спорным является второе измерение процесса глобализации, которое выделяет Б. Бади: универсализация и гомогенизация мира в крайнем своем виде. В рамках этого подхода строились различные предположения относительно создания *глобальной деревни* (англ.: *global village*) — универсальной общности всех живущих на Земле людей или *всемирного правительства* (англ.: *global government*), которое регулировало бы весь комплекс взаимоотношений между странами и народами. Иными словами, предполагалось формирование некой всемирной конфедерации.

Эти образы, идеи и гипотезы широко используются в журналистике и популярной литературе, отражая представление о том, что все люди на Земле объединены единой судьбой, и это стало возможным благодаря

распространению универсальных культурных образцов, развитию технологий — в первую очередь транспортных, информационных и коммуникационных, мировой торговой и финансовой систем, объединяющих всех людей во взаимосвязанное и взаимозависимое сообщество.

Универсализация и гомогенизация мира рассматриваются порой и как его *вестернизация*. В этом случае имеется в виду, что все большее распространение получают характерные для западной цивилизации ценности и нормы поведения. Действительно, многие типы поведения, производства, потребления, возникшие на Западе, потом становятся привычными для других стран и культур. Более того, в этих странах они нередко воспринимаются как присущие именно им. В связи с этим забавный пример приводит ведущий обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман (*Th. Friedman*) в книге «Лексус и оливковое дерево» (*The Lexus and the Olive Tree*). Маленькая японская девочка, впервые попав в США, воскликнула: «Мама, смотри, у них тоже есть *McDonald's*».

Подобных фактов можно привести множество. Однако необходимо учитывать, что за внешней универсализацией скрываются более сложные процессы.

Во-первых, каждая культура по-своему воспринимает и усваивает нормы, присущие другим культурам. На этот факт обращают внимание многие исследователи, занимающиеся анализом влияния культур. Образцы поведения западной цивилизации в различных регионах мира (в том числе в сфере потребления), будучи включенными в другой культурный контекст, имеют порой совсем иной смысл, иногда противоположный исходному. За внешним тождеством следования западным типам поведения могут скрываться совершенно разные вещи: например, стремление быть «как все» в США или казаться инакомыслящим, скажем, в ряде арабских стран. Вообще внешние формы всегда имеют свое наполнение в культурах вследствие весьма сложных переплетений того, что привнесено извне, с имеющимися традициями и нормами. Подчеркивая специфику каждой культуры, французский исследователь Тьерри де Монбраль (*Th. de Montbrial*) считает, что, говоря о глобализации, мы вовсе «не подразумеваем унификацию и стандартизацию. Ведь и конструкторы автомобиля не стремятся создать универсальную “мировую” машину, способную удовлетворять всем вкусам. Это нереально. К примеру, продукция одной и той же французской фирмы *Danone* рассчитана на вкусы парижан, в Санкт-Петербурге — на петербуржцев, а в Шанхае — на китайцев... Различия во вкусах, как и в менталитете, никогда никуда не исчезнут». Другое дело, что модификации модели автомобилей или, скажем, йогурта, ориентированные на разных потребителей, «собираются» из набора единых структурных компонентов.

Во-вторых, сама западная цивилизация неоднородна. В этом смысле универсализации мира по типу *плавильного котла* (англ.: *melting pot*), о котором довольно много говорили в отношении американской культуры, не происходит. Кстати сказать, сегодня и в США все чаще используют метафору «салата», подчеркивая тем самым сохранение самобытности каждого народа.

В-третьих, необходимо иметь в виду, что далеко не всегда распространяются именно западные культурные формы. Существует и обратный процесс, который проявляется в интересе Запада к восточным религиям, африканской культуре и т.п. Поэтому вряд ли правомерно говорить о глобализации как о вестернизации мира.

Сказанное, однако, не исключает процессов, связанных с объединением человечества в единое целое, т.е. того, что отечественный исследователь В. Б. Кувалдин называет *мегаобществом*. «Речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие ныне национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц». Однако при этом не исчезают различия междусоставными частями этого нового образования. Более того, по каким-то параметрам дифференциация может усиливаться.

Наконец, последний из названных Б. Бади аспектов (или измерений) глобализации — «размывание» государственных границ, пожалуй, в наибольшей степени ее отражает. Это проявляется в интенсификации и увеличении объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, причем во всех областях. Как следствие, один из наиболее важных результатов — формирование мирового рынка товаров и услуг, финансовой системы, мировой сети коммуникации. В связи с этим иногда употребляется понятие *трансграничное взаимодействие*, или *трансграничные процессы*.

Если говорить о сферах развития трансграничных процессов, то сначала границы национальных государств оказались наиболее прозрачными в области экономики на Европейском континенте, когда восстановление экономик различных государств, разрушенных Второй мировой войной, потребовало тесного сотрудничества. Затем этот процесс перекинулся на социальные, политические, культурные, иные отношения, а также другие регионы.

Вопросы: насколько прозрачны границы; какие в первую очередь страны включены в этот процесс; какие последствия он имеет и прочие — остаются дискуссионными. Тем не менее ряд исследователей, в частности П. Катценштейн (*P. Katzenstein*), Р. Кохэйн (*R. Keohane*) и С. Краснер (*St. Krasner*), видят в процессе все большей транспарентности границ суть самой глобализации. Эту точку зрения разделяют многие авторы.

Прозрачность межгосударственных границ сделала мир взаимозависимым. Именно по этой причине некоторые ученые, особенно работающие в рамках неолиберализма, связывают глобализацию со взаимозависимостью, когда, по определению Дж. Ная (*J. Nye*), участники или события в различных частях системы воздействуют друг на друга. Близкое понимание содержится в работах Э. Гидденса (*A. Giddens*), который говорит об интенсификации социальных отношений, связывающих удаленные друг от друга точки так, что происходящее в одном месте обуславливается событиями совсем в другой части и наоборот. Отечественный исследователь К. С. Гаджиев считает, что происходит «расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все более растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара, а с другой стороны, действия местных общин могут иметь важные глобальные последствия». Сходной точки зрения придерживается Г. Г. Дилигенский, отмечая, что «именно взаимозависимость различных обществ, ее возрастание, а вовсе не нивелировка мира на всех «этажах» общественной действительности образуют суть глобализации».

Прозрачность, или транспарентность, межгосударственных границ, вызванная глобализацией, «перевернула» прежние представления о безопасности; конфликтах, их урегулировании; дипломатии и других базовых проблемах классических исследований по международным отношениям. Но главное, везде она стерла существовавшие ранее жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой. Так, в области безопасности непосредственная угроза одного или группы государств в отношении другого или других стала уходить на второй план, уступая место проблемам терроризма, сепаратизма, национализма и т.п. То же можно сказать и о конфликтах, которые из межгосударственных превратились во внутригосударственные. Новые конфликты требуют иных подходов к их анализу и урегулированию.

Открыв межгосударственные границы, глобализация облегчила и деятельность новых, негосударственных акторов на мировой арене: ТНК, внутригосударственных регионов, неправительственных организаций, тем самым стимулируя их активность и количественный рост. Но здесь есть обратное влияние: сами негосударственные акторы стимулируют развитие глобализации и прозрачность границ.

Глобализация затрагивает все сферы жизни. Т. Фридман (*Th. Friedman*) отмечает, что глобальная международная система в целом формирует как внутреннюю политику, так и международные отношения, охватывая рынки, национальные государства, технологии в тех масштабах, которых не было

никогда ранее. В то же время глобализация не отрицает существования национальных государств. Тот же Э. Гидденс (*A. Giddens*) подчеркивает, что одним из выделяемых им измерений глобализации является система национальных государств.

6.2. Проявления глобализации

В общественных науках первыми о глобализации широко стали писать экономисты, которые обратили внимание на факт формирования фактически единого мирового рынка. Согласно Международному валютному фонду, глобализация как раз и представляет собой возрастающую интеграцию рынка товаров и услуг, а также капитала. Глобальная экономика, считает профессор американского университета в Беркли М. Кастеллс (*M. Castells*), — «это экономика, в которой национальные экономики зависят от деятельности глобализационного ядра. Последнее включает в себя финансовые рынки, международную торговлю, транснациональное производство, в определенной степени определить глобальную экономику как экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать в качестве целостности в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе».

Американский исследователь Т. Маккьюэн (*T. McKeown*) отмечает, что в первые 15–20 лет после Второй мировой войны основные показатели международной торговли были примерно как в 1930–1940-х годах, однако не достигали уровня 1914 г. Ситуация резко изменилась в начале 1970-х годов. Если импорт развитых капиталистических стран в период с 1880 по 1972 г. составлял от 10 до 16% ВВП, то в течение 1973–1987 гг. этот показатель достиг 22%. По оценкам российских исследователей Института мировой экономики и международных отношений РАН, в период до 2015 г. среднегодовые темпы мирового экспорта увеличатся до 7%. Особенно велика при этом будет роль экспорта прямых инвестиций,

Это интересно!

В 1996 г. мировой импорт в целом осуществлялся на сумму примерно 5,2 трлн долларов, что более чем на 2 трлн больше, чем в 1986 г.

который, по данным того же института, возрастет к этому времени приблизительно в 3 раза.

Транснациональные корпорации и банки во многом являются проводниками глобализации. Еще в 1878 г., отмечает отечественный исследователь В. М. Кулагин, «американская фирма по производству швейных машинок “Зингер” открыла завод-филиал в Шотландии. Сегодня корпорация “Кока-Кола” имеет производственные мощности в десятках стран всех регионов мира. Это, что называется, простая “интернационализация” производства. Но все более широкий круг составляют корпорации глобального транснационального “гражданства”, капитал которых привлечен от вкладчиков из разных стран; заводы и фабрики разбросаны по многим государствам и нередко меняют свое местоположение в зависимости от мировой конъюнктуры; сбытовая сеть охватывает различные континенты, а менеджмент по существу космополитичен. “Глобальные фабрики” производят все большее число “глобальных товаров” — от компьютеров до зубной пасты, национальную принадлежность которых невозможно определить».

Глобализация финансовой сферы означает резкое возрастание роли и централизацию финансовых рынков путем интеграции денежных потоков. Они с легкостью перемешаются по миру с помощью компьютерных сетей. Ежедневный объем транзакций составляет около триллиона долларов. В связи с этим, как образно заметил Р. О’Брайен (*R. O’Brien*), для финансиста глобализация означает «конец географии». Ключевую роль начинают играть такие финансовые центры, как Лондон, Нью-Йорк, Токио. Они способствуют усилению централизации в области финансов. При этом финансовые рынки навязывают свои правила поведения как государствам, так и отдельным политическим деятелям.

Чем объясняются все эти процессы в области финансов? Исследователи, согласно Ч. Кегли (*Ch. Kegley*) и Ю. Уитткопфу (*Eu. Wittkopf*), выделяют три ключевых фактора, способствующих глобализации финансов. Первый связан с нефтяным кризисом 1973–1974 гг., за которым последовало резкое увеличение финансовых потоков, что стимулировало значительное увеличение инвестиций и введение новых управленческих процедур в финансовый менеджмент. Второй фактор — внедрение в сознание и практику в 1970–1980-х годах идеи так называемой «дерегуляции рынка», согласно которой его эффективность возрастает, если в него не вмешивается правительство. Наконец, третий фактор, повлиявший на глобализацию финансов, — повсеместное внедрение компьютерных технологий в эту область, что позволило резко увеличить финансовые транзакции (взаимодействие) и контакты за пределами национальных границ.

Одновременно с глобализацией торговли и финансов глоболируется рынок труда. Здесь вновь огромную роль играют ТНК. Так, в период 1985—1995 гг., по оценкам Всемирного банка, транснациональными корпорациями было создано более 8 млн рабочих мест, из них 5 млн — в развивающихся странах. При этом все более отчетливо, начиная с 1970-х годов, прослеживается тенденция к разделению труда во всемирном масштабе. Известный американский экономист Л. Туроу на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения» приводит характерный пример существующих глобальных производственных связей. «Товары могут создаваться в любом месте мира, в зависимости от того, где их производство обойдется дешевле, и сбываться там, где их удастся продать по наивысшей цене. Производственные цепочки могут приобретать глобальный масштаб. Например, акселерометр (миниатюрный полупроводниковый чип, используемый в качестве сенсора в автомобильных подушках безопасности) может быть разработан в Бостоне, собран и испытан на Филиппинах, упакован на Тайване и вмонтирован в автомобиль фирмы «БМВ» в Германии для того, чтобы эта машина была успешно продана в Бразилии».

Разделение труда сопровождается жесткой конкуренцией, что заставляет производителей постоянно искать новые резервы для того, чтобы их продукция оставалась на рынке. Значительно возросла миграция рабочей силы. Например, число иммигрантов в Европе в начале 1990-х годов было около 5%, в Германии — около 7%. Правда, к середине 1990-х в странах «Севера» потребность в неквалифицированных рабочих упала на 20%. Этому способствовала и политика ряда европейских стран, которые были обеспокоены порождаемыми приезжими проблемами, в том числе криминализацией ситуации в районах, где компактно проживают неквалифицированные иностранные рабочие, и ростом националистических настроений в европейских странах.

Глобальное развитие экономики не могло не сказаться на других — социальной и даже психологической — сферах. В связи с этим интересны приводимые американскими авторами Дж. Т. Роурке (*J. T. Rourke*) и М. А. Бойером (*M. A. Boyer*) данные. Например, в 1997 г. Япония 84% своего экспорта направляла в западные страны и получала от них 71% импорта. В то же время проведенный в Японии социологический опрос, в процессе которого респондентов просили ответить на вопрос, считают ли они свою страну частью «западного мира» или «группы азиатских государств», показал следующее. Частью «западного мира» считают свою страну 40,1% опрошенных, а частью «группы азиатских государств» — 33,7%. Не дали четкого ответа 26,2% опрошенных. Иными словами, экономические связи влекут за собой и соответствующую идентификацию.

Глобализация способствует развитию в мире демократических процессов. Открывая границы, она предоставляет людям широкие возможности для выражения своего мнения и общения друг с другом, тем самым прямо или косвенно влияя на политику. Так, информационный обмен в глобальной сети Интернет в целом ряде случаев оказывается сам по себе ценным. В результате, например, начали формироваться своеобразные «глобальные клубы по интересам», нередко весьма влиятельные, в том числе и в политической сфере. Одновременно бурное развитие рынка в эпоху глобализации способствует распространению демократических ценностей и институтов.

Развитие средств массовой информации также факт проявления глобализации. События, на которых делают акцент, формируют общественное мнение фактически по всему миру. Это в свою очередь ведет к тому, что национальные правительства и международные организации оказываются вынужденными реагировать на освещаемые в СМИ события. Данный феномен получил название *эффекта CNN* (англ.: *CNN effect*), по имени телекомпании, которая осуществляет передачу новостей 24 часа в сутки во многих странах мира. На эти новости нередко ссылаются национальные телевизионные компании. Так, бомбардировки Ирака в 1991 г. мир наблюдал «с картинки» CNN.

Все большее распространение имеет MTV — канал, ориентированный на молодежь. В целом же несомненно, что обладающая почти 800 млрд долларов всемирная телекоммуникационная индустрия является проводником идей, информации и воздействует на сознание в планетарном масштабе.

Глобализация проявляется и в других сферах. В качестве примера можно привести эпизоотию ящура в начале 2001 г. Вспыхнув в Великобритании, она перекинулась на другие страны. Только Аргентина, где были зарегистрированы лишь отдельные случаи ящура, потеряла, по сообщениям средств массовой информации, около $\frac{2}{3}$ своего импорта мяса.

Глобальные проблемы (борьба с терроризмом и голодом, с болезнями, экологические, разоруженческие и многие другие) вызывают к необходимости совместных усилий по их решению. В координации деятельности, поиске решений возникающих перед человечеством новых проблем и вызовов, их реализации также проявляется глобализация современного мира. Все это дало основание Генеральному секретарю ООН Кофи Аннуну в выступлении на саммите в апреле 2000 г. в Нью-Йорке заявить, что в 1945 г. основатели ООН создали открытую и базирующуюся на сотрудничестве систему международного мира. Она «работала и сделала возможным появление глобализации. В результате этого мы сейчас жи-

вом в глобальном мире. Реагирование на этот сдвиг — вот центральная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами».

6.3. Развитие новых технологий — ведущий фактор процесса глобализации

Политическое развитие мира так или иначе, но всегда было связано с научно-техническим прогрессом, который на протяжении истории не только обеспечивал экономический и социальный рост, но и фактически формировал политическую систему мира. Ф. Фукуяма (*F. Fukuyama*) в статье «Повторные размышления лоббиста» (*Second Thoughts: The Last Man in a Bottle*), опубликованной в 1999 г., писал, что индустриальная эпоха — эпоха паровоза, железных дорог, заводов — сделала возможным веберовское централизованное государство.

Научно-техническое развитие конца XX столетия резко изменило облик привычной государственно-центристской модели мира. На смену индустриальной эре, с ее заводами, паровозами и ориентацией на естественные ресурсы (газ, нефть, зерно, лес и т.п.), пришла другая эпоха, в которой доминирующими становятся, с одной стороны, высокие технологии и связанные с ними информационные, коммуникационные отрасли; с другой — биотехнологии; центральным же ресурсом — знания. Л. К. Туроу все это в целом назвал «искусственными интеллектуальными отраслями» (англ.: *man-made brain-power industries*), а Дж. Розенау (*J. Rosenau*) не без пафоса заметил, что именно высокие технологии «спустили с поводка» процессы глобализации.

Как следствие таких изменений, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) более 50% ВВП создается именно в наукоемких областях. В связи с этим в США появился даже термин *новая экономика*, обозначающий отрасли, ориентированные на наукоемкие, высокотехнологичные отрасли производства.

В новых технологиях выделяют следующие составляющие:

- ♦ информационно-коммуникационные технологии;
- ♦ биотехнологии.

Информационно-коммуникационные технологии открывают широкие возможности для взаимодействия между отдельными людьми, профессиональными группами, союзами, объединениями путем интенсификации общения. По данным журнала «Economist», 100 млн новых абонентов ежегодно подключаются к сети мобильных телефонов. Отечественный исследователь В. Г. Хорос приводит цифры, относящиеся к развитию обычной телефонной сети. Если «четверть века назад система спутнико-

Информация к размышлению

Похоже, что новые технологии не только формируют новый мир, но и меняют представления о нем. Так, если ранее мир описывался метафорами, взятыми из классической механики, физики и химии, где ядро и периферия были главными структурными элементами, то для формирующейся его структуры более подходят образы уже из сферы новых технологий — мир выступает как сложная паутина сети по типу Интернета.

Вопрос для размышления

Сравните метафоры о структуре мира, например, мир-системной теории, получившей свое развитие еще до активного внедрения в жизнь новых технологий, и представления о будущем устройстве мира Джеймса Розенау.

вой связи принимала 240 одновременных разговоров через Атлантику, то сегодня — 120 тыс., причем стоимость разговора уменьшилась в 10 раз». Резко увеличилась и скорость передачи сообщения. В ежегодном докладе Программы развития ООН — ПРООН (англ.: *United Nations Development Programme — UNDP*) в 1999 г. приводятся такие данные: документ доходит из Мадагаскара до Кот-д'Ивуар почтой за 5 дней (стоимость \$75), по факсу — за 30 мин (стоимость \$45), по электронной почте — за 2 мин (стоимость \$0,2).

Интенсификация общения при все большей прозрачности межгосударственных границ ведет к ограничению возможностей создания и функционирования авторитарных режимов, что способствует в целом демократизации, а также децентрализации мира, так как сеть не предполагает некоего единого управляющего центра. Но одновременно усиливается и взаимозависимость мира. В результате утрачивают прежний смысл такие ключевые понятия государственно-центристской модели мира, как территория и расстояние. С одной стороны, территория расширяется за пределы национальных границ, открывая возможности быстрой связи и взаимодействия для людей из разных стран, с другой — сужается, охватывая через Интернет отдельные корпоративные или иные группы. Возникают новые общности и формы идентичности, которые далеко не всегда совпадают с национальными или иными географическими границами. Эти группы все активнее становятся участниками современных междуна-

Это интересно!

Интернет получил развитие в конце 1960-х годов по инициативе Министерства обороны США. Предполагалось, что ученые и работающие по военным контрактам инженеры смогут обмениваться идеями, данными и т.д. К середине 1980-х годов он распространяется среди академического сообщества. Затем появились два принципиальных новшества, которые и привели к популярности этой сети. Первое связано с изобретением «гипертекста», позволившего связывать различные документы, второе — с появлением программного обеспечения, известного как «Mosaic» (разработанного в основном студентом Марком Андресеном), которое дало возможность свободного доступа в Сеть.

родных отношений, ставя под сомнение гипотезу С. Хантингтона (*S. Huntington*) о столкновении цивилизаций, которые при всем многообразии выделяемых им характеристик (подробно рассмотрены в статье «Запад — уникален, а не универсален» (*The West Unique, Not Universal*), опубликованной в журнале «International Affairs» в 1996 г. и последовавшей за знаменитой работой «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilization*) все же предполагают географическую территорию.

В современном мире возникают даже виртуальные государства. Й. Фергюсон (*Y. Ferguson*) и Р. Мэнсбах (*R. Mansbach*) приводят пример «Свободной бирманской коалиции» (*Free Burma Coalition*), которая находится лишь в киберпространстве и предлагает свою поддержку, трудно достижимую географически.

Высокие технологии воздвигают преграды на пути изоляционизма. Все труднее становится изолировать государство от информации «извне», хотя некоторые страны это и пытаются делать, ограничивая доступ в Интернет за счет контроля над провайдером. Тем не менее, такая политика становится все дороже и в прямом, и переносном смысле.

Информационные и коммуникационные технологии с огромной скоростью завоевывают мир. Так, по оценкам официальных источников США, в 1998 г. число пользователей Интернета удваивалось каждые 100 дней, в результате 100 млн человек были подключены к сети, в то время как в 1994 г. — только 3 млн. Для сравнения: радио потребовалось 38 лет, чтобы охватить 50 млн человек, а телевидению — 13. Как следствие, новые технологии открывают возможности для достижения богатства в масштабах, которых не было ранее. Например, США, по оценкам Л. Туроу, даже с учетом инфля-

ции, никогда ранее не создавали такого количества миллиардеров за такой короткий срок, как в последние десять лет.

Благодаря информационным и коммуникационным технологиям перестраиваются различные сферы человеческой деятельности, которые все в большей степени оказываются «завязанными» на компьютеры, Интернет, телекоммуникацию: торговля, финансовая деятельность, образование, медицина и даже быт. Информационные и коммуникационные технологии внесли решающий вклад в становление современной глобальной хозяйственной системы, сделав возможным разделение труда действительно в планетарном масштабе. Посредством этих технологий координируется деятельность по производству, комплектации и реализации различных товаров и услуг в буквальном смысле по всему земному шару. За последние годы эти технологии стали интенсивно внедряться в повседневную жизнь фактически каждого человека. Более того, телекоммуникационные и информационные технологии интегрируются, образуя так называемые «информационные супермагистраль» (англ.: *information superways*).

Быстрыми темпами развивается электронная торговля. Так, фирма *Ernst & Young* в 1999 г. оценивала покупателей по Интернету в Европе цифрой около 9 млн человек. Наибольшее число покупателей по электронной сети в США на начало XXI в. — до 10%. Отечественный исследователь Л. А. Зубченко пишет, что «развитие электронной торговли с помощью сети Интернет вносит существенные изменения в организацию торговли фирм, производящих товары и услуги. Традиционное управление издержками, основывающееся на анализе используемых средств, все чаще уступает место управлению отношениями с клиентами. В этих условиях предприниматели — поставщики товаров и услуг концентрируют свои усилия на сохранении доверия клиентов, предлагая им дополнительные услуги, и в то же время стремятся лучше приспособиться к исчезновению границ».

Становясь обыденным явлением, высокие технологии начинают приобретать и правовое оформление. Например, в ряде штатов США вводится признание юридической силы электронной подписи. Аналогичные вопросы, а также в целом проблемы, связанные с регламентирующими электронную торговлю правовыми аспектами, обсуждаются в таких международных организациях, как Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития, Конференции ООН по торговле и развитию (англ.: *United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*), Международная торговая палата (англ.: *International Chamber of Commerce, ICC*) и др.

Информация к размышлению

Один из ведущих американских журналистов, обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман обращает внимание на то, что символами биполярного мира были стена, разъединяющая миры, а также «горячая линия» между Москвой и Вашингтоном, позволявшая сверхдержавам, по крайней мере до определенной степени, контролировать развитие этого «разъединенного» мира. Символом конца XX столетия, как он считает, стал Интернет, при помощи которого все участники мирового сообщества «управляют» миром и вместе с тем никто не имеет всеобщего контроля над ним. Поэтому если в эпоху холодной войны традиционный вопрос о могуществе сводился к тому, сколько и каких боеголовок имеет вы и ваш противник, то сегодня этот же вопрос звучит по-другому: насколько быстро работает ваш модем?

Friedman Th. L. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. N.Y., 1999.

Вопрос для размышления

Как вы думаете, что может стать символом будущего?

Влияние биотехнологий на политические процессы в настоящее время, пожалуй, менее заметно. То, что делается в этой области, пока воспринимается скорее как любопытные опыты ученых, типа овечки Долли или борьбы против производства генетически измененных продуктов. Тем не менее, биотехнологии обещают решить многие проблемы здравоохранения, открывают принципиально иные возможности борьбы с голодом, создания новых видов продукции, увеличения продолжительности жизни и т.п. Но одновременно они провоцируют и новые вызовы, в частности, связанные с тем, насколько безопасными для здоровья являются продукты, полученные в результате применения биотехнологий; не столкнется ли человечество с отдаленными последствиями их использования; каковы моральные и этические пределы вмешательства в биологическое развитие; как скажется экономически производство генетически измененных продуктов на тех, кто ориентирован на выпуск и потребление естественных продуктов; не будут ли открытия в области биотехнологий использоваться для контроля за поведением людей тоталитарными государствами, а также преступными группами. Последняя проблема, с политической точки зрения, особенно остра. Последствия развития биотехнологий, их влияние на политические структуры мира могут оказаться более

Это интересно!

В 2000 г. в США более 50% населения было пользователями Интернета, всего же в мире их насчитывалось около 332 млн человек (из них только чуть больше 2 млн — в России). По оценкам на начало 2002 г. число пользователей Интернета должно было увеличиться более чем в 2 раза.

значимыми, чем последствия высоких технологий. Об этом, в частности, пишет Ф. Фукуяма в статье «Повторные размышления лоббиста» (*Second Thoughts: The Last Man in a Bottle*).

Проблема новых технологий, в силу ее крайней важности для политического развития мира, все чаще привлекает внимание ведущих политических деятелей. Она была в центре внимания на саммите «Большой восьмерки» на Окинаве в 2000 г., на юбилейном праздновании 55-летней годовщины образования ООН («Ассамблеи тысячелетия») также в 2000 г., где Генеральной секретарь ООН Кофи Аннан заметил, что последствия взаимного развития информационных технологий, Интернета, электронной торговли могут быть столь же значимыми, как результаты индустриальной революции.

6.4. Неоднозначность и неравномерность процессов глобализации

Глобализация — довольно противоречивый процесс, имеющий множество различных последствий. В феномене современной глобализации наряду с позитивными моментами обнаруживается целый ряд отрицательных. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан обращает внимание на то, что «выгоды глобализации очевидны: более быстрый экономический рост, более высокий уровень жизни, новые возможности. Однако уже сейчас началась отрицательная реакция, поскольку эти выгоды распределяются крайне неравномерно».

Два параметра: неравномерность глобализации и ее плохая управляемость — вызывают наибольшее беспокойство. Первый в значительной степени связан с происходящими в мире объективными процессами и определенным этапом мирового социально-экономического развития. Второй параметр определяется во многом субъективными факторами. От того, насколько человечество сможет взять под свой контроль глобализационные процессы, зависит его будущее развитие.

Глобализация проявляет себя далеко не во всех странах и регионах одинаково и не по всем аспектам сразу. В одних странах и на одних территориях глобализация в большей мере охватывает, скажем, экономическую сферу, в других более быстрыми темпами идет внедрение новых технологий. Так, в Южной Африке изначально широкое распространение получили система банкоматов, а также сотовые телефонные сети. При этом уровень жизни африканского населения оставался крайне низким. Большинство коренных жителей не пользовались не только современными средствами связи, но и обычным телефоном.

В связи с географической неравномерностью процессов глобализации шведский исследователь О. Е. Андерссон (*A. E. Andersson*) предложил идею «ворот глобализации». Суть заключается в том, что различные регионы и города в разной степени готовы и стремятся войти в процесс глобализации. Так, канадский Ванкувер является многофункциональным центром Североамериканского региона, соединяющим три континента, а Гонконг — региональным стратегическим узлом транснациональных промышленных компаний.

Многие страны вообще, в силу тех или иных причин (например, политической изоляции или самоизоляции, технологических и экономических возможностей и т.п.), оказываются на периферии глобальных процессов. Более того, в результате крайне высоких темпов современной глобализации, обусловленных прежде всего технологическими возможностями, разрыв между странами и отдельными регионами, оказавшимися в авангарде современной глобализации, и остальными с каждым годом становится все ощутимее. Происходит расслоение населения земного шара на тех, кто пользуется плодами глобализации, и тех, кому они недоступны. Как следствие, наблюдается формирование нового типа поляризации в современном мире. С одной стороны, образуются новые центры, где сосредоточиваются интеллектуальные силы, развиваются новые «интеллектуальные отрасли», к которым «притягивается» и финансовый капитал. С другой — складываются криминализированные области с низкими уровнями образования и жизни, которые оказываются вне процессов современной коммуникации и глобализации в целом.

С территориальной точки зрения, эти разные «миры» имеют довольно причудливые переплетения. В общемировом масштабе формируется развитый «Север» и развивающийся «Юг» (на этот раскол мирового сообщества особенно активно указывают исследователи, работающие в мир-системной парадигме). Однако внутри относительно развитого «Севера» образуются свои «элитные пятна» в виде отдельных мегаполисов (например, Силиконовая долина), полисов и даже городских кварталов. Но одновременно возникают и «островки» изгоев, формируемые в основном

из иммигрантов, которые приезжают сюда в поисках работы. В свою очередь развитые страны пытаются как-то обезопасить себя, ставя барьеры на пути притока населения из стран «третьего мира». В связи с этим французский автор О. Дольфюс пишет, что глобализация — это не только открытие границ, но и закрытие их ради того, «чтобы “вся нищета мира” не перелилась в страны, которые считают себя более богатыми или привилегированными».

Поляризация как внутри отдельных стран, так и по линии «Север—Юг» постоянно усиливается. В США, по данным отечественного исследователя В. Г. Хороса, пятая часть семей концентрирует 80% национального богатства. Но особенно отчетливо поляризация видна в развивающихся государствах. Например, доходы 10% наиболее богатых семей в Нигерии в 80 раз превышают доходы 10% наиболее бедных. В результате такие страны сталкиваются с нестабильностью, развитием внутренних конфликтов, плохой управляемостью и дальнейшим отставанием от стран развитого «Севера».

Не менее удручающей выглядит картина разрыва в уровне жизни между развитыми странами «Севера» и бедными государствами «Юга». Причем он постоянно растет, особенно за последние годы, в связи с развитием и внедрением новых технологий, что привело к так называемому *технологическому разрыву* (англ.: *digital divide*). Не случайно на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2000 г.) Б. Клинтон, который был в то время президентом США, обратил внимание на то, что страны, которые воспользуются плодами Интернета, успешно войдут в XXI в. Те же, которые проигнорируют это достижение, к сожалению, развиваться успешно не смогут. В последние годы проблема технологического разрыва привлекает большое внимание как отдельных стран, так и организаций. На глобальном уровне ею интенсивно начинает заниматься ООН.

Неравномерность развития глобализации по географическому параметру приводит к усилению позиций ее противников (антиглобалистов). Наблюдаются попытки оградить себя от издержек глобализационных процессов путем поиска специфики своего региона, своей идентичности. В результате происходит нарастание региональных или локальных аспектов, что получило название «регионализации» или «локализации» современного мира. Одни авторы определяют это как тенденцию, действующую фактически наравне с глобализацией; другие склонны считать, что локализация или регионализация мира тоже проявление глобализации, но в том смысле, что тенденция к нарастанию разнородности, как отмечает отечественный исследователь М. Чешков, «не ведет автоматически к распаду целого».

Расслоение происходит и по такому параметру, как области экономики. Одни из них довольно легко адаптируются к новым условиям, принимают технические инновации. К таким относится прежде всего банковское дело, которое практически полностью компьютеризировано. В то же время ряд отраслей промышленности, в силу различных причин, не готовы или не могут в полном объеме использовать новые технологии и поэтому остаются традиционно ориентированными. Соответственно, занятые в этих отраслях люди, не будучи связанными с компьютерами, Интернетом и другими инновациями в профессиональной деятельности, в целом оказываются менее приспособленными к их использованию и в повседневной жизни.

Нередко те, кто остается на «обочине» глобализационных процессов как в развитых, так и развивающихся странах, сопротивляются им, пытаются устранить расслоение. Это проявляется в различных формах: на массовом уровне — в антиглобализационных демонстрациях и митингах, причем проходящих нередко в таких крупных странах, как США, Канада, Швейцария и др.; а на уровне правительств отдельных стран — в изоляционистской политике. В целом же слишком большие различия в уровнях развития регионов, стран и групп населения могут стать потенциальными источниками серьезных конфликтов. Неравномерность глобализации по различным параметрам дала основание американскому автору М. Кастельсу (*M. Castells*) говорить о «глобальной асимметрии» современного мира.

Свои трудности возникают и у тех, кто включен в процесс глобализации. Высокие темпы деятельности, огромные объемы информации, повышение «цены ошибки» (ошибка, например, оператора, авиадиспетче-

Информация к размышлению

«...(Национальное) государство вовсе не устарело, без него даже нельзя обойтись; оно необходимо не только для того, чтобы обеспечить внутреннюю политику и геополитику, политические основы права и т.п., но и для того, чтобы политически оформлять процесс глобализации, транснационально его регулировать».

Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. М., 2001. С. 189.

Вопрос для размышления

Как вы думаете: возможно ли управление глобализацией, нужно ли это делать — или это стихийный процесс, который вообще не подлежит регуляции?

ра может стоить сотен и более человеческих жизней) ведут к психологическим перегрузкам, депрессиям, увеличению психических заболеваний. Особенно остро это чувствуют промышленно развитые страны «Севера».

Другая группа проблем связана с управляемостью процессами глобализации. Вследствие прозрачности границ в условиях глобализации государственным структурам все сложнее контролировать политические, экономические, социальные и другие процессы. Примером могут служить финансовые кризисы 1997–1998 гг. в Юго-Восточной Азии и России, когда государства оказались неспособными противостоять резкому обвалу национальных валют.

Управляемость процессами оказывается особенно сложной, если принять во внимание, что глобализация вынесла на политическую авансцену не только многих действующих лиц, но и такие, например, организации, как террористические. У них появилась возможность использовать результаты глобализации в своих корпоративных интересах. Особенно остро это ощущается в информационной сфере, где возникает опасность информационного терроризма. Говоря об управляемости, следует иметь в виду и тот факт, что передача информации с огромной скоростью и ее тиражирование ставят проблему возможного «умножения» ошибок, последствия которых порой сложно прогнозировать.

Наконец, проблема управления и контроля тоже имеет обратную сторону. Современные средства информации и связи позволяют не только преступным группам, но и властям довольно легко вторгаться в частную жизнь граждан путем отслеживания их передвижений, платежей через мобильные телефоны, пластиковые карты, электронную почту и другие средства связи.

В целом же проблема управления процессами глобализации в более широком плане формулируется как регулирование современных международных отношений и мировых политических процессов. Здесь возникает, с одной стороны, вопрос о координации деятельности различных акторов, с другой — о создании действенных наднациональных институтов и механизмов управления.

Ключевые термины

Глобализация
Постиндустриальная эпоха
Информационная революция
Техноглобализм
«Макдоналдизация мира»
«Глобальная деревня»
«Всемирное правительство»

Вестернизация мира
«Плавильный котел»
Мегаобщество
Трансграничное взаимодействие, трансграничные процессы
«Эффект CNN»
«Новая экономика»

Информационно-коммуникационные технологии

Биотехнологии
Технологический разрыв**Вопросы для обсуждения**

- Какие существуют подходы к пониманию процессов глобализации?
 В чем проявляется глобализация и какие сферы охватывает?
 Какова роль новых технологий в процессах глобализации мира?
 Какие последствия имеют и могут иметь новые технологии для политического развития мира?
 В чем и по каким параметрам проявляется неравномерность глобализации?
 С чем связана проблема управляемости в условиях глобализации?

Практикум

Используя Интернет-ресурсы, покажите различия в развитии телекоммуникационных и информационных сетей в разных странах и регионах. Какие последствия это может иметь?

Рекомендуемая литература

- Бергер П., Хантингтон С. Монополия глобализация / Пер. с англ. под науч. ред. М. М. Лебедевой. М., 2004.
 Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. М., 2001.
 Ворота в глобальную экономику / Пер. с англ.; под ред. В. М. Сергеева. М., 2001.
 Глобализация: человеческое измерение. М., 2002.
 Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003.
 Крутских А. В. Научно-техническая составляющая современных международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 189–221.
 Кувалдин В. Б. Глобализация и новый миропорядок // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004. С. 89–105. М., 2001.
 Кулагин В. М. Многомерная глобализация: новые горизонты, вызовы и угрозы // ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2000. М., 2001.
 Лебедева М. М. Современные технологии и политическое развитие мира // Международная жизнь. 2001. № 2. С. 45–53.
 Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76–84.
 Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11. С. 5–26.

- Песков Д. Н. Интернет в мировой политике: формы и вызовы // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 222–246.
 Технологический прогресс и современные международные отношения / Под ред. А. В. Крутских. М., 2004.
 Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России. М., 1999.
 Pro et Contra: 1999. Т. 4. № 4.

Интернет-ресурсы

- <http://china.si.umich.edu/telecom.telecom-info.html>
<http://migration.ucdavis.edu>

Глава 7

**ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МИРА
КАК ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА
ЕГО РАЗВИТИЯ****7.1. Интеграционные процессы в современном мире****7.1.1. Подходы к пониманию процессов интеграции**

Глобализация, являясь центральной тенденцией современного этапа мирового развития, сопровождается *интеграционными процессами*, или интеграцией (англ.: *integration*). Не случайно один из подходов к глобализации предполагает рассмотрение ее как непрерывно идущее в историческом плане расширение того пространства, на котором происходит интенсивное взаимодействие людей. И тем не менее интеграция является лишь частью процесса глобализации, пусть и одной из наиболее значительных. Прежде всего, говоря об интеграции, необходимо иметь в виду, что она подразумевает сближение государственных участников. Негосударственные акторы обычно не рассматриваются при изучении интеграционных процессов или, по крайней мере, оказываются на периферии исследовательского внимания. В этом плане более точными будут рассуждения о вхождении той или иной страны в интеграционные, а не глобализационные процессы, так как государство интегрируется, условно говоря, целиком на основе подписания межгосударственных соглашений. Глобализация же, во-первых, не подразумевает таких соглашений, во-вторых, может протекать по-разному для различных регионов одного государства. Одни внутренние

регионы страны успешно включаются в глобализационные процессы, другие оказываются аутсайдерами. При крайнем различии темпов включения разных внутренних регионов в глобализацию возникает угроза распада государства.

Другим важным моментом при анализе интеграции является то, что этот процесс подразумевает сотрудничество между государствами в различных сферах, областях и формах. Соответственно, выделяют и разные виды сотрудничества. Так, П. А. Цыганков указывает на следующие основания для выделения видов интеграции:

- политическая, экономическая, научно-техническая и т.п. (по предмету);
- глобальная, региональная, субрегиональная интеграция (по географическому принципу).

При этом, как отмечает другой отечественный автор К. Воронов, сотрудничество и интеграция могут идти «вширь», в результате увеличения количества участников процесса, а также «вглубь», путем интенсификации взаимодействия в различных сферах среди тех же участников.

Практика межгосударственного сотрудничества существует давно. Однако лишь во второй половине XX столетия межгосударственное сотрудничество в широком масштабе стало приобретать постоянные формы. Это связано прежде всего с интенсификацией сотрудничества, расширением его сфер и развитием действительно интеграционных процессов, которые потребовали создания межгосударственных образований и институтов. Поэтому еще одним важным моментом, характеризующим интеграцию, является не просто сотрудничество, а создание механизмов межгосударственного взаимодействия, иными словами — институционализация сотрудничества. В этом плане интеграция, во-первых, самым тесным образом связана с развитием межправительственных организаций (МПО), которые предполагают формирование межгосударственных механизмов принятия решений. Через совместные институты осуществляются интеграционные процессы. Во-вторых, интеграция рассматривается с двух точек зрения: как процесс и как результат взаимодействия государств.

Что побуждает государства к интеграции? Прежде всего — наличие общих проблем, решить которые легче, а в ряде случаев только и возможно совместными усилиями. Развитие мира конца XX — начала XXI в. привело к усилению международных контактов, взаимозависимости мира, особенно в экономической области, что способствует интеграционным процессам и созданию различного рода межправительственных организаций. С этой взаимозависимостью тесно связан рост глобальных

проблем, для решения которых также нужны согласованные действия различных государств.

Еще одной причиной, побуждающей к интеграционным процессам, является заинтересованность «средних» и «малых» государств в увеличении своего международного влияния. Для этих стран объединенными усилиями воздействовать на международные процессы значительно легче, чем в одиночку. На примере *Европейского союза* отечественный исследователь Ю. А. Борко показывает, что если первоначально членами европейского сообщества были 3 «малых» и 3 «больших» государства, с 1973 г. — 5 «малых» и 4 «больших», в 1980-е годы — соответственно, 8 и 4, а с 1995 г. — 11 «малых» и 4 «больших», то среди признанных в качестве кандидатов в ЕС еще 11 стран все являются «малыми», за исключением Польши, которая может рассматриваться как среднее. Государство, вступая в международную организацию, формально теряет ряд функций, но одновременно приобретает дополнительно ряд других, что оказывается особенно важным для «малых» государств.

Что же представляет собой интеграция? Реалистическая школа склонна рассматривать интеграционные процессы и деятельность международных организаций как некий суммарный продукт взаимодействия государств, который принципиально не выходит за рамки их внешней политики. Иными словами, появление и развитие межправительственных организаций, согласно этой точке зрения, принципиально не изменили характер международных отношений.

Иной, отличный от реализма, подход к интеграции и международным организациям сформировался в рамках либеральной традиции, где эти вопросы получили наибольшее развитие. В них МПО выступают качественно новыми образованиями. Теоретическое осмысление интеграционных процессов начинается с середины XX столетия и связано главным образом с либеральной традицией, в рамках которой сложились две теоретические школы (подходы): *функционализм/неофункционализм* (англ.: *functionalism/neofunctionalism*) и *федерализм* (англ.: *federalism*).

Отцом функционализма считается Дэвид Митрани (*D. Mitrany*), который в 1943 г. опубликовал работу, получившую в русском варианте название «Мир и функциональное развитие международной организации» (*A Working Peace System*). В ней проанализированы причины, по которым Лига Наций оказалась несостоятельной, и сделан вывод, что интеграционные процессы нельзя начинать с политических аспектов. В этом случае государства начинают опасаться за свой суверенитет. Д. Митрани делает акцент на развитии экономической, социальной, научно-технической интеграции, которая должна быть изначально. Политическая же интегра-

ция остается на втором плане. Д. Митрани, а за ним и его последователи настаивали на том, что важно выработать у людей привычку к сотрудничеству и показать получаемые от совместной деятельности преимущества.

Первоначально функционализм не был связан с анализом того, как развиваются транснациональные корпорации, сосредоточив внимание на межгосударственном взаимодействии. Однако впоследствии ряд исследователей пришли к выводу, что деятельность ТНК, которая нередко ведет к экономической интеграции различных государств, развивалась фактически согласно логике функционализма. Представители ТНК часто воспринимают мир целостно и видят себя космополитами. Все это способствует, согласно точке зрения функционалистов, размыванию национальных границ и созданию единой экономической культуры, в результате чего политика государств все больше становится одновременно и внутренней, и внешней (англ.: *intermestic*).

До недавнего времени процесс экономической интеграции рассматривался многими исследователями как прохождение строго «по восходящей» ряда ступеней. Из них выделяли следующие.

1. Создание зоны свободной торговли, когда страны-участницы отменяют таможенные барьеры и количественные ограничения во взаимной торговле. Обычно предусматривается постепенная взаимная отмена пошлин и других ограничений.
2. Образование таможенного союза, в рамках которого происходит перемещение товаров и услуг по единым таможенным тарифам и в соответствии с единой внешнеторговой политикой по отношению к третьим странам.
3. Формирование общего (единого) рынка, который предусматривает ликвидацию барьеров между странами не только во взаимной торговле, но и в перемещении рабочей силы и капитала. На этом этапе происходит разработка политики развития отраслей и секторов экономики, общей для всех интегрирующихся стран. Начинают формироваться также общие фонды содействия социальному и региональному развитию наиболее отсталых районов, входящих в интеграционное объединение.
4. Организация экономического и валютного союза. Ранее существовавшие формы интеграции дополняются проведением странами-участницами единой экономической и валютно-финансовой политики, созданием системы межгосударственного регулирования социально-экономических процессов.
5. Заключительная, пятая, ступень описывалась как переход к политической интеграции и созданию единых политических институтов.

В последнее время к данной схеме интеграции стали относиться более осторожно, имея в виду, что этот процесс, во-первых, далеко не обязательно идет в поступательном направлении — он может быть «заторможен» на том или ином этапе; во-вторых, экономическая интеграция не всегда приводит к политической, как многие полагали ранее, выделяя пятую ступень. Именно политическая сфера оказывается наиболее сложной и болезненной в процессе интеграции, что видно на примере ЕС, где вопрос об *Общей внешней политике и политике безопасности* (англ.: *Common Foreign and Security Policy, CFSP*) был зафиксирован в документах Маастрихтского договора, подписанного в 1992 г. До сих пор эта область в ЕС остается менее разработанной, чем другие, хотя в последние годы здесь намечаются значительные сдвиги.

Все эти моменты отмечаются оппонентами функционализма. Подвергается критике и тезис функционалистов о том, что политические различия исчезнут по мере развития сотрудничества. На практике нередко оказывается наоборот — не техническое и экономическое сотрудничество влияет на политику, а политическое решение ведет к развитию или сворачиванию сотрудничества в той или иной области. Например, именно по политическим соображениям США в свое время покинули ЮНЕСКО.

Представители федерализма — школы, противоположной предыдущей, — напротив, выдвинули на первый план политическую интеграцию, полагая, что межгосударственные отношения должны строиться на передаче части полномочий надгосударственным образованиям изначально. Для этого направления характерен особый акцент на создании политических институтов. Фактически если процесс интеграции у функционалистов идет по принципу «снизу вверх», то у федералистов, наоборот, — «сверху вниз».

Федерализм, представителями которого являются, в частности, такие исследователи, как А. Этциони, А. Спинелли и др., в целом получил меньшее распространение. Тем не менее, как пишет П. А. Цыганков, «идеи федерализма стали заметными с первых всеобщих выборов в Европарламент в 1979 г.».

В рамках федерализма активно развивались одно время идеи «*мирового правительства*», которое должно было бы объединить людей в общее государство и тем самым снять, по мнению приверженцев этой школы, с повестки дня межгосударственные конфликты. Представления о «мировом правительстве» встретили жесткое сопротивление со стороны различного рода исследователей и политиков, которые подчеркивали необходимость сохранения национальной и государственной принадлежности. В дальнейшем появилось множество работ, в которых показывалась несостоятельность, по крайней мере в ближайшем будущем, реализации этой идеи. В то же время концепция «мирового правительства»

остается популярной среди некоторых неправительственных организаций, которые видят свою задачу в ее практическом воплощении.

Под воздействием федерализма функционализм получил дальнейшее развитие и в современном мире существует в виде неофункционализма. Это направление, базируясь на основных посылах функционализма, включило в себя некоторые черты федерализма. В неофункционализме приоритет отдается практическим проблемам в области здравоохранения, технологическим изменениям, правовым и другим вопросам, которые имеют значение для всего человечества. При этом подчеркивается важность политических решений. Именно они — по вопросам, которые важны в общепланетарном масштабе, — способствуют, согласно данной точке зрения, интеграционным процессам и подталкивают участников к дальнейшему объединению в сфере экономики. Неофункционалисты обычно используют в качестве модели для иллюстрации своих теоретических воззрений развитие Европейского союза.

Сами же интеграционные процессы проходят далеко не просто. Национальные интересы одних государств сталкиваются с интересами других стран, объединений, регионов. К этому следует добавить, что участники интеграции обычно находятся на разных стадиях экономического и социального развития. Поэтому, несмотря на взаимную выгоду от интеграции, вклад одних в той или иной сфере оказывается большим, чем других. Имеет значение и неоднородность интересов различных групп внутри интегрирующихся стран. Кто-то выигрывает от интеграции в большей степени, поэтому заинтересован в ней, в то время как другие слои населения или группы оказываются в проигрыше. Последние выступают против интеграционных процессов и оказывают давление на правительственные структуры.

Существуют и другие издержки интеграции. Как в ситуации с глобализацией, интегрируются не только положительные моменты, которыми обладают страны, но и отрицательные. Так, в начале 1990-х годов Венесуэла обнаружила, что после открытия границы с Колумбией ее территория стала использоваться для провоза наркотиков.

Все это заставляет наряду с традиционными теориями интеграции: функционализма, неофункционализма, федерализма — обсуждать вопросы и, соответственно, предлагать теоретические схемы, связанные с ограничением интеграционных процессов. Так, С. Хантингтон (*S. Huntington*) в статье, опубликованной в 1996 г. в журнале «Foreign Affairs» «Запад уникален, а не универсален» (*The West Unique, Not Universal*), выразил сомнения в возможности и целесообразности некой всеобщей «интеграции». По его мнению, интеграционные процессы должны быть ограничены рам-

Это важно!

Для развития региональных интеграционных процессов необходимы следующие условия: географическая близость, стабильное экономическое развитие, сходство политических систем, поддержка общественным мнением интеграции, относительная однородность в области культуры, внутренняя политическая стабильность, сходство исторического и социального развития, сравнимые формы правления и экономических систем, близкий уровень военного развития и экономических ресурсов, сходное восприятие общих внешних угроз, сравнимая структура государственного аппарата, наличие опыта сотрудничества.

ками цивилизации. Мир, как отмечает исследователь, становится все более модернизированным (использует современные технологии, ориентируется на экономическое развитие и т.п.), но при этом все менее «западным», т.е. не принимает ценности, присущие западноевропейской цивилизации, а также его культуру и религию. Исходя из этого постулата, США, например, как полагает этот автор, должны тесно сотрудничать и, соответственно, входить в интеграционные образования со своими западноевропейскими партнерами, что поможет сохранению и развитию той цивилизации, к которой они все принадлежат, и держаться на расстоянии от других цивилизаций. В более узком плане, если говорить, например, о расширении НАТО, эта организация, согласно С. Хантингтону, должна тесно взаимодействовать и включить в состав своих членов такие близкие в цивилизационном отношении страны, как государства Балтии, Словения, но не те, которые ориентированы на ислам или православие. В будущей связи НАТО с «далекими» в цивилизационном отношении странами — Турцией и Грецией, по мнению С. Хантингтона, ослабеют.

Действительно ли цивилизационный принцип является ограничительным моментом в развитии интеграционных процессов? Представляется, что такое утверждение было бы упрощением современных международных процессов. Более того, ряд фактов, таких, например, как активная роль Японии в деятельности восьми ведущих стран мира, принадлежащей, по С. Хантингтону, к другой цивилизации, оказывается плохо объяснимой.

В то же время очевидно, что наряду с поступательным движением по пути все большей интеграции, когда эти процессы в одной области стимулируют ее и в других (англ.: *spillover*), возможны и противоположные

процессы (англ.: *spillover*), когда схема региональной интеграции терпит провал, как это произошло в случае с попытками интеграции в Восточной Африке. Региональная интеграционная структура может также стагнировать (англ.: *spillaround*). В этих условиях интеграция в одних сферах начинает противоречить процессам, происходящим в других областях.

Различные процессы, ведущие к противоположным по сравнению с интеграцией результатам — распаду государств или межгосударственных образований, описываются в литературе как *дезинтеграция* (англ.: *disintegration*). Необходимо подчеркнуть, что она, как и термин «интеграция», относится прежде всего к межгосударственным отношениям. Так, в 1991 г., когда произошел распад СССР, на месте которого образовались 15 новых государств, распались и некоторые международные организации, где Советский Союз играл ключевую роль (в частности, Совет Экономической Взаимопомощи, Организация Варшавского Договора). В 1990-е годы произошел распад таких государств, как Югославия и Чехословакия. В первом случае дезинтеграция прошла болезненно, с целым рядом вооруженных конфликтов; во втором — мягко, получив название «бархатного развода». В ряде вновь образованных стран наблюдаются сильные сепаратистские тенденции, например, в Молдавии (проблема Приднестровья), Грузии (Абхазия), России (Чечня) и т.п.

Отношения между интеграционными и дезинтеграционными процессами следует, скорее, рассматривать аналогично существующим между глобализацией и регионализацией. Мир после окончания холодной войны характеризуется перестройкой многих внутригосударственных и межгосударственных отношений. Эта перестройка идет прежде всего по пути интеграционных процессов, что особенно четко видно на примере развития Европейского союза, но при этом не исключает распад прежних связей и образований.

7.1.2. Европейская интеграция как пример наиболее глубоких интеграционных процессов в современном мире

В последние годы процессы интеграции интенсивно шли в различных регионах мира — в Северной Америке, в частности, в рамках НАФТА (*Североамериканское соглашение о свободной торговле*), в Азии — в АСЕАН (*Ассоциация государств Юго-Восточной Азии*). Однако наибольшей степени развития они достигли на Европейском континенте в рамках *Европейского союза (ЕС)*. Правда, основные дискуссии в странах ЕС идут как раз по поводу того, как далеко может и должна «зайти» интеграция: что

должно оставаться в ведении национального государства, а что — входить в компетенцию наднациональных образований?

Идеи объединения Европы для предотвращения новых войн высказывались еще во время Второй мировой войны. После ее окончания одним из активных сторонников интеграционных процессов в Европе был министр иностранных дел Франции Р. Шуман, который совместно с другим французским автором, политологом Ж. Монне, во многом заложил концептуальные основы будущего развития Европы. Первым практическим шагом было создание *Европейского объединения угля и стали (ЕОУС)*, призванного координировать и стимулировать экономическое развитие шести европейских стран — Бельгии, Германии, Люксембурга, Нидерландов и Франции. Усилия этих стран были направлены на облегчение торговли углем и сталью внутри «шестерки».

Следующий этап в развитии европейской интеграции связан с Римским договором 1957 г., когда те же шесть государств решили перенести принципы сотрудничества, которые были заложены ранее, на иную сферу — атомную энергетику — и образовали *Европейское сообщество по атомной энергии (ЕВРАТОМ)*. Создано было также *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)*, получившее название *Общий рынок* (англ.: *Common Market*). Сформировалась зона свободной торговли, где были сняты тарифы и ограничения на передвижение товаров внутри границ ЕЭС. ЕОУС, Евратом и ЕЭС образовали *Европейское сообщество (ЕС)*.

В 1985 г. принимается Единый Европейский Акт, в котором ставится целью к 1992 г. создать реальный общий рынок со свободным движением товаров, капитала, людей и услуг.

Особенно интенсивно процессы интеграции пошли в Европе после окончания холодной войны (конец 1980 — начало 1990-х годов). Знаменательным событием в этот период стало подписание Маастрихтского договора 1992 г., определившего фактически новый этап развития европейской интеграции. Большое значение имели такие события, как создание *Шенгенской группы (зоны)*, облегчившей визовые и таможенные передвижения внутри Европы, а также преобразование Европейского экономического сообщества в более интегрированную структуру — Европейский союз.

Все процессы современной европейской интеграции характеризуются многоаспектностью. Они охватывают одновременно различные сферы — экономическую, политическую, гуманитарную и др. Кроме того, для них характерна и такая особенность, как тенденция к расширению участников интеграции.

Кризис в Косово дал толчок развитию ЕС в области общей внешней политики и политики безопасности. Принято было решение о создании

экспедиционных войск численностью 60 тыс. человек. Договор в Ницце 2001 г. предусматривает формирование европейских сил быстрого реагирования к 2003 г.

Полувековая история развития европейской интеграции дает много материала для теоретического осмысления данного опыта. Российские исследователи Ю. Борко и О. Буторина выделяют три основополагающих принципа концепции и практики интеграционного строительства ЕС:

- ♦ интеграция является не целью, а средством;
- ♦ интеграция требует постепенности;
- ♦ интеграция нуждается в адекватных механизмах.

В рамках первого принципа выделяются два аспекта. Во-первых, интеграция подразумевает, что в выигрыше оказываются все участники, поскольку их интересы легче реализуются совместными усилиями. При этом они вносят также свой вклад в общее строительство, совместно пользуются полученными плодами, исключают методы принуждения в

Это интересно!

Европейский союз образован в 1993 г. на основании Маастрихтского договора, подписанного в 1992 г. 12 европейскими странами: Бельгией, Великобританией, Германией, Грецией, Данией, Ирландией, Испанией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Португалией, Францией. В 1994 г. были подписаны соглашения о вступлении в ЕС Австрии, Норвегии, Финляндии и Швеции. В 1998 г. ЕС предпринял новые планы по своему расширению, назвав еще 12 стран, которые должны стать его членами в течение последующих 10 лет.

Маастрихтский, а затем и Амстердамский договоры развивают идеи единой Европы и предусматривают создание единого политического, экономического и валютного союза («Европа без границ»), окончательное формирование единого внутреннего рынка, подразумевающего свободное передвижение товаров, капиталов, услуг, людей. Входящие в ЕС страны поставили перед собой ряд целей, в частности введение общей внешней политики и политики безопасности, впоследствии и общей политики в области обороны; учреждение системы межгосударственного сотрудничества в области внутренних дел и юстиции; принятие общего свода прав и свобод личности на территории ЕС; проведение реформы институтов ЕС и др.

В 1994 г. ЕС и Россия подписали *Соглашение о партнерстве и сотрудничестве* (СПС).

принятии решений. Во-вторых, интеграция не решает всех существующих проблем. Являясь средством, она может лишь помочь в их решении.

Принцип постепенности интеграции предусматривает, что этот процесс длительный и состоит из ряда этапов. В экономической области они те же, что были перечислены, но с учетом сделанных оговорок: создание зоны свободной торговли, таможенного союза; формирование общегорынка; образование экономического и валютного союза. Поспешность в переходе к следующей фазе оборачивается неудачами, о чем также свидетельствует опыт ЕС. Например, в 1970 г. был предложен план образования валютного союза, предусматривающий введение единой валюты еще в 1980 г. Но ему так и не суждено было сбыться именно в силу неготовности ЕС к таким шагам.

Наконец, под принципом, подразумевающим адекватные механизмы интеграции, понимается процесс длительного и сложного согласования интересов и позиций стран-участниц. Именно по этой причине ЕС столь пристальное внимание уделяет проблеме совершенствования процесса принятия решений.

Ю. Борко и О. Буторина также формулируют пять основных принципов функционирования институтов ЕС:

- ♦ наличие межгосударственных и наднациональных институтов, что позволяет поддерживать баланс между национальными и общими интересами;
- ♦ разделение между компетенцией ЕС и национальными институтами. Решения в одних областях определяются наднациональными органами (сельское хозяйство, торговля, денежно-кредитная политика); в других — одновременно национальными и наднациональными (в частности, региональная, научно-техническая, социальная политика); в третьих — ЕС лишь координирует действия своих членов (экономическая, культурная политика);
- ♦ разнообразие типов принимаемых решений: обязательный и рекомендательный характер, свобода в выборе средств их реализации на национальном уровне и т.п.;
- ♦ примат права ЕС над национальными правовыми нормами в рамках, определенных основополагающими договорами;
- ♦ участие общественности стран, входящих в ЕС, и поддержка их интеграционных процессов.

Европейский опыт интеграции интенсивно изучается с целью возможного его применения в других регионах. Однако исследования и практика показывают, что, несмотря на наличие общих закономерностей, интеграционные процессы в каждом отдельном случае имеют свою специ-

фику. Будут ли интеграционные процессы в мире развиваться по тем же принципам, как это проходило в рамках ЕС, покажет будущее.

7.2. Демократизация мира

7.2.1. Понятие демократизации и демократические «волны»

На демократизацию (англ.: *democratisation*) как тенденцию развития современного мира указывают многие авторы. При этом само понятие в политической науке используется в основном в двух значениях. Под демократизацией мира, во-первых, понимается рост количества демократических государств; во-вторых, усиление и развитие демократических институтов и процедур в различных странах. Последнее имеет особое значение для государств, находящихся в процессе перехода к построению демократического государства, т.е. *демократическом транзите*. Г. О'Доннелл (*G. O'Donnel*) и Ф. Шмиттер (*Ph. Schmitter*) в самом демократическом транзите выделяют следующие ступени: либерализацию, демократизацию и консолидацию.

И все же в мировой политике в отличие от политологии понятие «демократизация» чаще употребляется в первом значении, т.е. как увеличение числа демократических государств. Правда, возможно и еще одно понимание демократизации современного мира — как расширение круга участников международного взаимодействия. Однако такой подход не является пока устойчивым в мировой политике.

Существуют различные представления, а также процедуры оценки того, какие страны можно считать демократическими. Споры часто вызывают государства, находящиеся «в пограничном состоянии», в которых ряд признаков демократического развития присутствует, в то время как отсутствуют другие. Тем не менее, в самом общем виде, согласно данным американского исследователя Д. Колдуэлла (*D. Caldwell*), в 1941 г. можно было рассматривать как демократические примерно 25% государств, а в 1996 г. их число достигло уже 40%. Если же учитывать страны, которые находятся в процессе демократического транзита, то эта цифра, согласно американскому институту Freedom House, занимающемуся анализом развития демократий в мире, может достигнуть сегодня порядка 75%. Американский исследователь и главный редактор журнала «Foreign Affairs» Фарид Закария (*F. Zakaria*) пишет, что в настоящее время 118 стран мира являются демократическими. В любом случае, независимо от того, какие конкретные цифры будут взяты за основу, практически все авторы соглашаются с тем фактом, что число демократических стран в мире увеличивается. При этом, правда, многие исследователи делают ряд оговорок, о которых еще пойдет речь.

Появление демократических государств в мире шло нелинейно. С. Хантингтон (*S. Huntington*) в 1991 г. опубликовал статью в журнале «Journal of Democracy» под названием «Третья волна демократизации» (*Democracy's Third Wave*), а также книгу с близким заголовком «Третья волна демократизации в конце XX столетия» (*The Third Wave: Democratization in the Late of Twentieth Century*), выделив периоды в мировой истории, связанные с развитием демократических процессов (*волны демократизации*), и своеобразные демократические «откаты». Некоторые авторы, например Р. Дикс (*R. Dix*), отталкиваясь от конкретных событий, указывают несколько иные даты развития волн демократизации, чем С. Хантингтон. Или события конца 1989 — начала 1991 г. в Восточной Европе выделяют в отдельную, четвертую, «волну» демократизации, например Ф. Шмиттер (*Ph. Schmitter*). Тем не менее в целом, если не учитывать различия в подходах отдельных исследователей, можно выделить в истории следующие волны, или этапы, демократизации.

Первая волна демократизации — самая длительная. Она фактически продолжается столетие и датируется С. Хантингтоном 1820—1920 годами. Во время этой «волны» было образовано более 20 демократических государств (29 — по С. Хантингтону и 21 — по Р. Диксу). Для этих стран была характерна парламентская и партийная системы, широкое избирательное право. За первой «волной» последовал «откат» от магистрального пути демократического развития, который продолжался со второй половины 1920-х годов по первую половину 1940-х. Он связан с приходом к власти фашизма в ряде стран мира.

Вторая «волна» (середина 1940 — начало 1960-х) обусловлена поражением фашизма во Второй мировой войне и крушением колониальной системы. После нее наступает, согласно С. Хантингтону, новая регрессивная «волна», во время которой формируется ряд военных и авторитарных режимов (в том числе в 1967 г. в Греции и в 1973 г. — в Чили). В целом «второй откат» длится с начала 1960-х по начало 1970-х годов.

Наконец, новая, третья, «волна» начинается с первой половины 1970-х годов. Демократические процессы охватывают Западную Европу (Греция — 1974, Португалия — 1975, Испания — 1977); Латинскую Америку (Доминиканская Республика — 1975, Гондурас — 1982, Бразилия — 1985, Перу — 1988, Чили — 1990 и др.); Азию (Турция — 1988, Филиппины — 1986, Южная Корея — 1988); Восточную Европу (Венгрия — 1989, Чехословакия — 1989, Польша — 1989, Болгария — 1989, Россия — 1991 и др.); Африку (в ЮАР в 1994 г. прошли первые в стране всеобщие выборы). Процесс увеличения количества демократически ориентированных стран представлен на рис. 7.1.

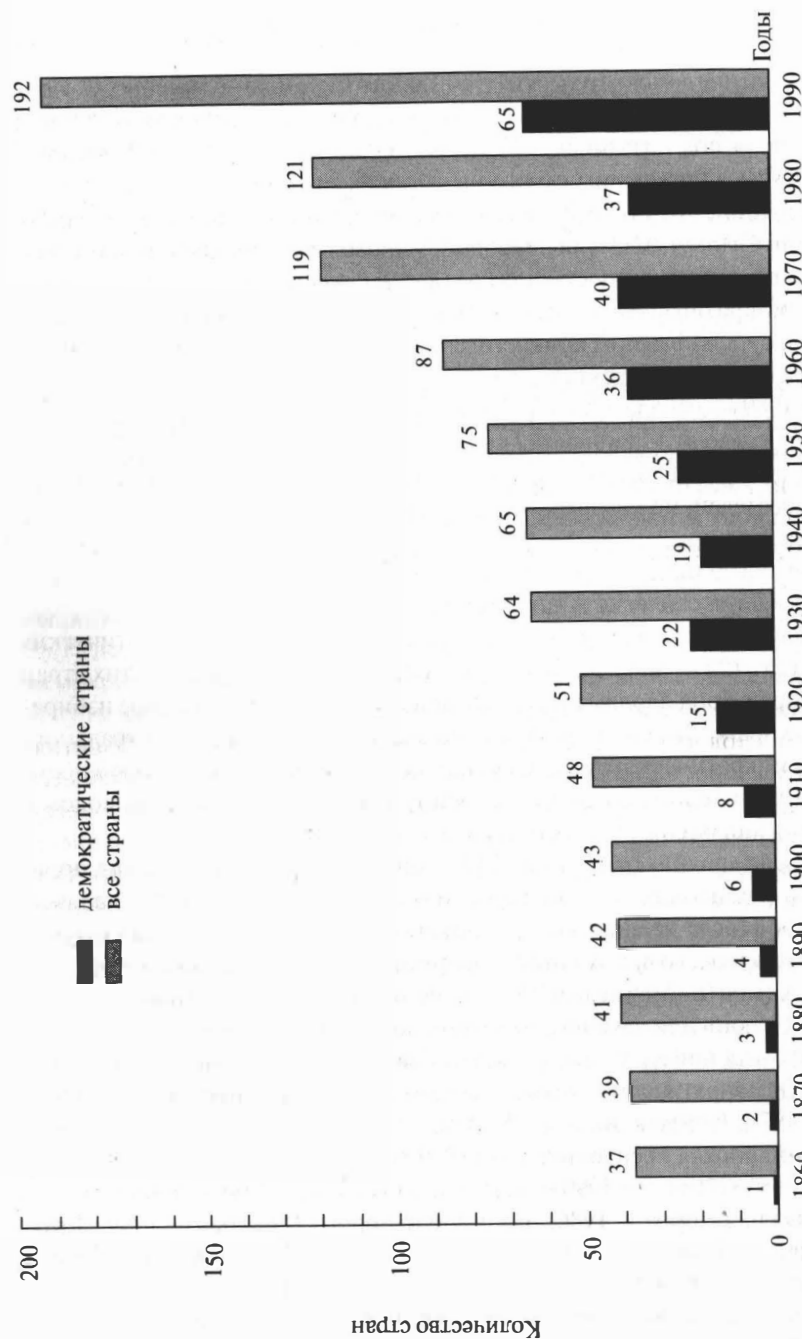

Рис. 7.1. Демократические страны (те, где избирательное право предоставлено всем или только мужчинам), 1860–1995 гг.
Источник: Дэль Р. О демократии. М., 2000.

Чем обусловлены процессы демократизации? Разные авторы дают различные ответы на вопрос относительно способствующих ей причин. При этом в политологии рассматриваются обычно две группы факторов, или переменных:

- ♦ структурные (независимые переменные) — уровень экономического и социального развития, социально-классовые процессы, доминирующие в обществе ценности и т.п.;
- ♦ процедурные (зависимые переменные) — принимаемые решения, личностные особенности политических деятелей и т.п.

Детальный анализ этих двух групп факторов проводит отечественный исследователь А. Ю. Мельвиль. Модифицировав модель «воронки причинности», которая была предложена американским автором Д. Кэмпбеллом и его коллегами для анализа поведения избирателя, он использовал ее для изучения проблем транзита. При этом в самом процессе демократического транзита А. Ю. Мельвиль выделяет две фазы — учреждения и консолидации демократии. Далее, при изучении факторов, влияющих на учреждение демократии, он предлагает «постепенный переход от преимущественно структурного к преимущественно процедурному анализу», а при исследовании второй фазы — обратный путь «в аналитике, т.е. от микро- к макрофакторам».

В политологии внешняя среда, т.е. тенденции мирового развития, обычно рассматривается как одна из структурных переменных процесса демократизации: насколько она способствует (или нет) этому процессу. Однако в современном мире при все более тесном переплетении внешней и внутренней политики международная среда может выступать в качестве и структурной, и процедурной переменной. Причем последнее, похоже, становится все более значимым. Принятие решений (а это процедурная переменная) мировым сообществом в отношении той или иной страны может вести к развитию в ней демократических процессов. Так, ООН неоднократно принимала резолюции в отношении режима апартеида в Южной Африке, а также решения о санкциях, что было фактором, воздействующим на отказ этой страны от политики апартеида и проведение демократических выборов в 1994 г.

Конец XX в., совпавший с третьей «волной» демократизации, которая и по количеству государств, и по степени их вовлеченности в демократические процессы является, пожалуй, особенно бурной, принес с собой и другие тенденции мирового развития — глобализацию и интеграцию мира. Все эти процессы усиливают друг друга. Следование демократическим принципам и традициям для все большего числа участников является неким позитивным примером. Оставаться вне всемирного «демократического клу-

ба» в современном глобализирующемся мире означает быть неким «изгоем» — вне системы, вне «современности». Это побуждает все новые и новые государства ориентироваться на демократические ценности.

На отрицание демократического пути развития руководители государств идут сознательно, противопоставляя тем самым свою страну остальному миру. В этом контексте можно рассматривать процесс демократических преобразований в конце XX столетия именно как тенденцию политического развития мира, в реализации которой все более важными оказываются не эндогенные (внутренние) факторы (уровень социально-экономического развития, политические процессы в обществе и т.п.), а экзогенные по отношению к данному государству, т.е. международная среда. Именно она побуждает к демократическим преобразованиям.

Демократизация конца XX столетия дала основание Ф. Фукуяме говорить о конце истории. В том смысле, что в историческом развитии человечество сделало свой выбор в пользу демократического развития. Его статья не раз подвергалась критике. Возражения вызывали такие положения, как прогноз об окончании конфликтов в мире в связи с окончанием идеологического противостояния Восток—Запад, линейность и одновекторность исторического развития и др. Однако тезис о процессе демократизации как общей тенденции, пожалуй, оспаривался меньше всего. Действительно, если в начале XX в. относительно небольшое число государств можно было рассматривать как демократические, да и сами они далеко не всегда предполагали всю полноту избирательных и иных прав (в ряде государств были ограничены права женщин, национальных меньшинств, введен довольно высокий имущественный ценз и т.п.), то к началу XXI столетия эти проблемы оказались если и не решенными, то решаемыми.

Следует, однако, подчеркнуть, что демократизация не является неким однозначным и поступательным процессом. С особой отчетливостью это предстало в результате последней «волны» демократизации, когда стали образовываться *нелиберальные демократии*, *гибридные режимы*, *имитационные демократии*. Их суть заключается в том, что демократические институты и процедуры в ряде государств используются лишь как внешняя форма, служащая порой для прикрытия недемократических по своей сути механизмов реализации власти. Пожалуй, наибольшее распространение получил термин «нелиберальные демократии» благодаря работе Ф. Закарии (*F. Zakaria*), опубликованной в 1997 г. в журнале «Foreign Affairs». Ф. Закария отталкивается от высказывания американского дипломата Ричарда Холбрука (*R. Holbrooke*), который в сентябре 1996 г. предложил представить, что во время свободных демократических выборов в стране побеждает кандидат, который открыто исповедует расистские, фа-

шистские или сепаратистские взгляды и выступает против мирного решения вопроса, в частности, по Югославии. По сути, этот лидер приходит к власти демократическим путем, однако исповедует явно недемократические взгляды и проводит соответствующую политику. Ф. Закария продолжает эту логику рассуждения и обращает внимание на то, что возможно возникновение так называемых *нелиберальных демократий*, т.е. тех, которые взяли только внешние атрибуты демократических преобразований. Более того, число таких стран, как он пишет, увеличивается. В 1990 г. их было 22% от всего количества демократических государств, а в 1997 — уже 35%.

7.2.2. Теория демократического мира

Особый интерес в мировой политике как научной дисциплине вызывает анализ взаимодействия демократических государств, что находит отражение в *теории демократического мира*, которая упоминалась при рассмотрении теорий международных отношений. Истоки данной теории восходят к тезису И. Канта о «вечном мире». Философ выдвинул гипотезу, согласно которой демократические государства будут вести себя на международной арене по-иному, чем недемократические. Ориентируясь на более совершенные моральные принципы, эти страны будут заключать друг с другом мир. Идея И. Канта получила развитие в XX столетии, оформившись в виде теории демократического мира.

Сначала ряд авторов, занятых изучением проблем мира, обратили внимание на тот факт, что развитые демократические государства не воюют друг с другом, подтвердив это на основе статистического анализа. Но сразу же стали выдвигаться и возражения. В целом они сводились к следующим положениям.

- ♦ История взаимодействия демократий слишком мала, чтобы делать обобщающие выводы на основе статистических данных.
- ♦ Нет четкого определения того, какие именно государства можно называть развитыми демократическими, да и не всегда ясно, что значит — «не воюют».

Рассуждая в рамках двух этих основных аргументов, противники теории демократического мира приводят исторические примеры, которые, по их мнению, противоречат тезису о том, что «демократии не воюют друг с другом». Например, во время Второй мировой войны Великобритания объявила войну Финляндии, хотя вооруженных действий не было. Можно ли рассматривать факт объявления войны как действительное ее ведение? Однозначного ответа на этот вопрос не существует.

В качестве еще одного исторического примера вооруженных действий между демократическими государствами часто называется Германия начала Первой мировой войны. Вопрос здесь в том, насколько Германию того периода можно рассматривать как демократическое государство, если принять во внимание такие особенности ее государственного устройства, как фактически самостоятельная роль кайзера в принятии внешнеполитических решений. Приводятся и другие примеры.

Во всех случаях сторонники и противники теории демократического мира выдвигают свои аргументы и контраргументы. В целом же, по крайней мере как общая закономерность с возможными исключениями (о которых говорят и спорят), теория демократического мира оправдывает себя. Поэтому бóльший интерес представляют дискуссии не относительно того, так ли это и какие могут быть исключения, а почему развитые демократии не вступают в войну друг с другом.

В отечественной науке анализом теории демократического мира довольно подробно занимался В. М. Кулагин. Он приводит сравнительный анализ двух основных концепций — М. Дойла (*M. Doyle*) и Б. Рассетта (*B. Rasset*). Первый, основываясь на идеях И. Канта, рассуждает о том, что во внешней политике развитые демократии опираются на те же принципы, что и во внутренней. Правительства демократических стран, в том числе при вступлении в войну, должны оправдать себя перед своими гражданами. Наличие общих принципов и ценностей среди демократических стран формирует их «мирный союз» и одновременно агрессивное поведение к автократиям.

Б. Рассетт предлагает иное объяснение феномена демократического мира. Он исходит из культурных и структурных особенностей демократических государств и утверждает, что граждане в демократических странах воспринимают себя в качестве свободных людей, которые привыкли уважать права других. Открытость границ, свободный обмен информацией в демократических государствах усиливают подобное восприятие. Эти культурные характеристики, которые усваиваются человеком с детства, ограничивают проявление агрессии в отношении себе подобных. Кроме того, люди в демократических странах привыкли разрешать конфликты мирно — путем переговоров, согласований, судебных процедур.

Второй фактор, объясняющий феномен демократического мира, по Б. Рассетту, обусловлен самим принципом принятия решений в демократических странах, в том числе и о начале войны. Лидеры, ориентированные на военные действия, должны провести эти решения через соответствующие легитимные процедуры. В случае возникновения конфликтной ситуации демократические страны вынуждены больше времени тратить на принятие решений о начале военных действий. В результате

возникает «охлаждающий» период, позволяющий погасить первые эмоциональные реакции и искать рациональный выход из конфликта.

В принципе обе концепции (М. Дойла и Б. Рассетта) не противостоят друг другу. Скорее, последняя представляет собой лишь более разработанный подход. И тем не менее многие вопросы пока остаются. Например, почему все же возможна агрессия демократических стран в отношении недемократических государств? Всегда ли как ответная, или защитная, реакция? Если да, то что воспринимается в качестве угрозы? Почему демократические страны вели империалистические войны? Если это были недостаточно зрелые демократии, то где критерий зрелости?

Ключевые термины

Интеграция, интеграционные процессы	Европейское сообщество по атомной энергии (ЕВРАТОМ)
Европейский союз (ЕС)	Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)
Функционализм	Общий рынок
Неофункционализм	Европейское сообщество (ЕС)
Федерализм	Шенгенская группа (зона)
Общая внешняя политика и политика безопасности	Демократизация
«Мировое правительство»	Демократический транзит
Дезинтеграция, дезинтеграционные процессы	«Волны» демократизации
Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)	Нелиберальные демократии
Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	Гибридные режимы
Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)	Имитационные демократии
	Теория демократического мира

Вопросы для обсуждения

- Что понимается под интеграционными процессами?
- Каковы основные положения функционализма и неофункционализма?
- Каковы основные положения федерализма?
- В чем состоят проблемы и издержки интеграции?
- Каковы основные вехи европейской интеграции?
- В чем заключаются принципы концепции и практики европейской интеграции?
- Каковы принципы функционирования институтов Европейского союза?
- Что понимается под демократизацией как тенденцией мирового развития?
- В чем суть теории демократического мира?
- Какие существуют объяснения тезиса о том, что развитые демократии не воюют друг с другом?

Практикум

I. Заполните вариантные формы:

1. Демократические страны.

Название	Воевали друг с другом (примеры)	Воевали со странами, имеющими иные формы правления (указать, какие)
Даты, какие страны	Описание ситуации	Описание ситуации

2. Недемократические страны.

Название	Воевали друг с другом (примеры)	Воевали со странами, имеющими иные формы правления (указать, какие)
Даты, какие страны	Описание ситуации	Описание ситуации

3. Сравните варианты 1 и 2 (сделайте выводы).

II. Проанализируйте график динамики роста демократических государств в мире (с. 175). Чем обусловлен этот процесс?

Рекомендуемая литература

- Барановский В. Г. Западная Европа: военно-политическая интеграция. М., 1988.
- Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1988.
- Барановский В. Г. Международные организации как механизм регулирования международных отношений // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 220–259.
- Европейский союз на пороге XXI в. Выбор стратегии развития / Под ред. Ю. А. Борко и О. В. Буториной. М., 2001.
- Кулагин В. М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Рак Демократическая (Гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. № 1. С. 23–37.
- Кулагин В. М. Формирование новой системы международных отношений // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 38–69.
- Мельвиль А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38.
- Никитченко А. Н. Транснационализация демократии: Третья волна демократизации в свете теории международных отношений // Космополис. Альманах. 1997. С. 120–137.
- Сморгунов Л. В. Изучение «третьей волны» демократизации в сравнительной

- политологии // Космополис. Альманах. 1999. С. 108–117.
- Харитонова О. Г. Генезис демократии. (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Космополис. Альманах. 1997. С. 36–46.
- Цыганков П. А. Международные отношения. М., 1996.
- Уайтхед Л. Сравнительная политология: Исследования по демократизации // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3 (сентябрь–декабрь).

Интернет-ресурсы:

- Европейский союз: <http://europa/index.htm>
- Freedom House: <http://freedomhouse.org>

Раздел II

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Глава 8

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНТРОЛЯ
НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

8.1. Основные подходы к пониманию безопасности

Проблема безопасности — классическая в Вестфальской политической системе мира. Государство с момента своего возникновения заботилось о сохранении суверенитета, т.е. о своей *национальной безопасности* (англ.: *national security*), понимаемой изначально прежде всего как недопущение внешней агрессии. В современных условиях это понятие включает и вопросы, связанные с опасностью внутренней дестабилизации. В связи с ростом взаимозависимости мира проблема получает дальнейшее развитие в рамках *региональной безопасности* (англ.: *regional security*) и *международной безопасности* (англ.: *international security*).

Все три термина характеризуют государственные и межгосударственные отношения. Они чаще используются в реалистической и неореалистической концепциях.

При этом исходной точкой служило положение, согласно которому необходимая для реализации национальных интересов и влияния на международную ситуацию мощь государства определялась прежде всего на основе его военной силы, или, по аналогии с компьютерной терминологией, на базе «основной мощи» (англ.: *hard power*), а не на основе культуры, силе авторитета на мировой арене и другом своего рода «программном обеспечении» (англ.: *soft power*). В результате проблема военной силы была цент-

ральной в международных отношениях и в практическом, и в исследовательском плане.

Ситуация изменилась в конце XX столетия. Одними из первых, кто обратил внимание на невоенные угрозы безопасности, были специалисты в области экономики и финансов, а также окружающей среды. Первые заговорили об экономической составляющей безопасности, вторые — о том, что нарушение экологического равновесия загрязнением представляет огромную угрозу человечеству как на национальном, так и глобальном уровне. Правда, споры вызвало то, в какой мере экологические проблемы обусловлены деятельностью человека, а в какой — объективными причинами, а также то, как эта проблема может быть решена.

Другим фактором, повлиявшим на переосмысление проблем безопасности, стала революция в области новых технологий. В результате негосударственные акторы оказались способными играть большую роль в области безопасности, которой у них не было ранее. Это привело к пониманию, что недостаточно строить концепции безопасности, основываясь на том, что угроза может исходить только от другого государства или их группы. С особой очевидностью это показали события 11 сентября 2001 г., когда угнанные террористами самолеты врезались в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, захват заложников в театральном центре Москвы 23–26 октября 2002 г., взрывы поезда в Мадриде и Лондоне и др. Несмотря на то что цели поражения остались такими же, как и предполагались стратегическими доктринами ведущих государств: крупные города, центральные министерства, ведомства, — источник угроз оказался крайне аморфным и неопределенным.

В конце XX столетия многие исследователи, в том числе придерживающиеся реалистических взглядов, для которых характерен акцент на военных аспектах и межгосударственном взаимодействии, стали говорить о возрастании таких факторов в обеспечении национальной безопасности, как образование, развитие новейших технологий, рост экономической мощи, распространение наркотиков, СПИДа и т.п. В рамках неореализма одной из важнейших работ такого направления стало появившееся в 1983 г. исследование Бари Бузана (*B. Buzan*) «Народы, государства и страх» (*People, States, Fear*), в котором показаны ограничения традиционного понимания безопасности. Кроме этого автора, так называемое «широкое» определение проблем безопасности, включающее не только военные аспекты, связано с именами ряда европейских исследователей, в частности У. Бека (*U. Beck*). Одновременно с работой Б. Бузана в том же году опубликована в журнале «International Security» статья американского исследователя Р. Уллмана (*R. Ullman*). Он пишет, что акцент на воен-

Вопрос для размышления

Что, по-вашему, должно включать понятие «безопасность» в эпоху глобализации? Что изменится, а что останется неизменным в подходах к ее проблемам?

ных проблемах безопасности приводит к тому, что из виду упускаются иные угрозы, включая идущие изнутри самого государства.

В настоящее время продолжаются дискуссии относительно соотношения военно-политических факторов, с одной стороны, и социально-экономических, экологических, информационно-технологических — с другой. Сторонники «широкого» подхода к проблемам безопасности указывают на усиливающуюся роль экономических и других факторов. Их противники возражают: в этом случае проблема безопасности «размывается» множеством существующих в международных отношениях и мировой политике других аспектов.

Еще один важный в теоретическом плане вопрос — соотношение проблем региональной, международной и глобальной безопасности. Последний термин порой используется для того, чтобы подчеркнуть, что проблема безопасности имеет не только внутри- и межгосударственное измерение. Здесь тоже нет однозначного решения. Как отмечает российский исследователь Т. В. Юрьева, «представления о путях согласования национальных интересов государств — суть концепций региональной, международной, глобальной безопасности, хотя только согласованием национальных интересов государств эти проблемы не исчерпываются. Совпадение национальных интересов группы государств порождает разного рода региональные и международные союзы, руководствующиеся опять-таки определенными представлениями (концепциями) о путях согласования и отстаивания своих групповых интересов как в отношениях между собой, так и в отношениях с третьими странами».

В связи с этим вопросы международной и региональной безопасности, очевидно, тесно связаны с проблемами международных организаций. В современных условиях среди институтов, которые заняты обеспечением международной безопасности, следует прежде всего упомянуть ООН. Значительную роль в вопросах безопасности играют и региональные структуры, особенно в Европе, где они имеют достаточно четкое оформление. Это в первую очередь ОБСЕ, НАТО. Основные проблемы, которые в настоящее время интенсивно дискутируются, — реформирование ООН, с тем чтобы сделать ее деятельность в области сохранения и поддержания мира более эффективной, а также место и роль НАТО в европейских структурах обеспечения безопасности. С учетом того факта, что эта организация была образована в годы холодной войны с определенными целями и задачами.

8.2. Гонка вооружений и контроль над вооружениями

Проблема гонки вооружения и разоружения крайне остро стояла в годы холодной войны. В этот период расходы государств на вооружения достиг-

Это интересно!

По ряду оценок, доля бюджета, которая шла на военные нужды в годы холодной войны, составляла в США от 5 до 10%, а в СССР доходила до 20%.

В 1999 г. военные расходы по всем странам мира в общей сложности были, по данным Ч. Кегли и Ю. Уиткопфа, в пределах 745 млрд долл. США.

ли рекордной отметки (пиком считается 1985 г.). Они и сегодня продолжают сохраняться на довольно высоком уровне, хотя после окончания холодной войны относительная доля в ВВП ведущих государств, затрачиваемая на вооружения, снизилась.

Очевидно, что военная мощь государства определяется не только тем, сколько государство тратит на военные нужды, но и тем, какое именно оружие оно имеет. Характер и количество вооружений были определяющими факторами на мировой арене периода холодной войны. Стороны постоянно наращивали военную мощь, что вело к *гонке вооружений* (англ.: *arms race*).

С появлением *ядерного оружия*, *ЯО* (англ.: *nuclear weapons*) и применением его Соединенными Штатами Америки против Японии в августе 1945 г. наступает ядерная эра. Ядерное оружие становится одним из ведущих, если не ведущим, факторов в международных отношениях. Существует два типа ядерного оружия: атомное (англ.: *A-bomb*), основанное на расщеплении атомных ядер, и термоядерное, или водородное (англ.: *H-bomb*), с термоядерным синтезом в основе. Первый тип более прост и менее дорог, но при этом обладает меньшей мощностью.

Ядерное оружие является *оружием массового уничтожения (ОМУ)*, предназначенным для масштабного поражения противника, и действует не избирательно — только на вооруженные силы, а охватывает и гражданское население. По сравнению с другими видами оружия оно обладает наибольшей разрушительной силой и длительными последствиями. Вследствие всех этих свойств ядерному оружию уделяется особо пристальное внимание.

«Официальными» членами «ядерного клуба», или *государствами, обладающими ядерным оружием*, *ЯОГ* (англ.: *nuclear weapon state, NWS*), являются все пять постоянных членов Совета Безопасности ООН — Великобритания, Китай, Россия, США, Франция. Именно за этими государствами, которые до 1 января 1967 г. произвели и взорвали ядерное

оружие или другое ядерное устройство, согласно статье IX.3 Договора о нераспространении ядерного оружия, подписанного в 1968 г., закреплён статус ядерных государств. Наибольший ядерный потенциал — у России и США.

Кроме названных, ядерным оружием обладает ряд других государств. Индия, например, ещё в 1974 г. провела ядерные испытания, а в 1998 г. ядерные испытания были проведены Индией и Пакистаном. Считается, что, по всей вероятности, первая обладает несколькими десятками боеголовок, второй — более чем десятью. В 1980-е годы произвела ядерное устройство ЮАР, которая затем ликвидировала свою ядерную программу и уничтожила не только сами устройства, но и мощности по их созданию. По оценкам многих специалистов, обладает ядерным оружием и Израиль. Северная Корея согласилась в 1994 г. заморозить ядерную программу в обмен на гуманитарную помощь, хотя абсолютно достоверных данных на этот счет нет. Вызывают опасение разработки Ирака в ядерной области, и в последние годы это государство находится под особым вниманием ООН.

Некоторые страны, имея необходимые для приобретения ядерного оружия ресурсы, добровольно отказались от него (в частности, Япония, Германия). После распада СССР в 1991 г. ряд государств бывших советских республик стали обладателями ядерного оружия. Однако все они позднее добровольно отказались от него. Осталось оно только у России как правопреемника СССР.

Химическое и бактериологическое оружие, как и ядерное, будучи оружием массового уничтожения, также вызывает беспокойство в современном мире. Химическое оружие рассчитано на использование различного рода токсичных соединений в боевых действиях для поражения противника. Бинарное оружие предполагает применение малотоксичных реагентов, которые при взаимодействии друг с другом во время боевых действий образуют высокотоксичное отравляющее вещество. Бактериологическое оружие основано на использовании бактерий, вирусов и продуктов их жизнедеятельности.

По сравнению с ядерным технологии производства химического и бактериологического оружия относительно доступны и дешевы, в связи с чем эти виды оружия получили название «оружия для бедных». В то же время оно обладает значительным поражающим эффектом. Особую тревогу относительно возможности его использования вызывают политически нестабильные, с авторитарными формами правления страны, а также террористические организации.

В истории военных действий химическое оружие использовалось редко. Впервые это произошло во время Первой мировой войны в апреле

1915 г., когда был применен иприт. Обеспокоенность возможностью использования химического оружия в будущем привела к тому, что в 1925 г. по результатам многосторонних переговоров 37 государств подписали Женевский Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. СССР присоединился к данному Протоколу в 1927 г., а к настоящему времени его подписали более 100 государств. Во время Второй мировой войны и Германия, и СССР обладали химическим оружием, но не применяли его. В 1980-х годах оно было использовано Ираком против Ирана.

Протокол 1925 г. предусматривал неприменение химического оружия, но не затрагивал вопросы его производства и хранения. Проблема в том, что первое довольно сложно поддается обнаружению, поскольку сходный процесс возможен и в мирных целях. Однако не раз возникали ситуации, когда та или иная страна обвинялась в производстве химического оружия. Подобные подозрения были, например, в 1990-е годы у США в отношении Ливии, Судана, Ирака.

В январе 1993 г., после нескольких лет переговоров в Париже, была подписана Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении, КХО (англ.: *Chemical Weapons Convention, CWC*). На начало 2002 г. к ней присоединились 145 государств, хотя среди них нет Ирака, Ливии, Северной Кореи. Конвенция предусматривает запрет на производство химического оружия, а также строгие санкции в отношении тех, кто нарушает данные договоренности, включая неприсоединившиеся к Конвенции страны. Для выполнения договоренностей и уничтожения запасов химического оружия России, по ряду оценок, придется потратить более 5 млрд американских долларов.

Бактериологическое оружие имеет ряд сходных характеристик с химическим по производству, использованию и контролю. Однако в отличие от химического этот вид оружия не был использован в массовом порядке, за исключением случая его применения Японией в нескольких китайских деревнях во время Второй мировой войны. В 1972 г. была подписана Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, КБО (англ.: *Biological and Toxin Weapons Convention, BWC*), к которой присоединились на начало 2002 г. более 140 государств.

Оружие массового поражения требует средств доставки (англ.: *delivery system*). Их наличие определяет военно-политическое положение государства не в меньшей степени, чем сам факт обладания ядерным оружием и технологиями его производства. Средства доставки подразделяются на два вида — стратегические и тактические.

Стратегические средства доставки, имеющие целью поразить противника на его территории, предполагают преодоление довольно больших расстояний (например, между Россией и США). Основными среди них являются *баллистические ракеты* (англ.: *ballistic missiles*). Они различаются по расстоянию, которое могут преодолевать, точности попадания и тому, какой несут заряд. Баллистические ракеты могут быть стационарного базирования или находиться на мобильных платформах. В последнем случае они становятся менее уязвимыми для противника.

Наибольший радиус действия у *межконтинентальных баллистических ракет, МБР* (англ.: *intercontinental ballistic missiles, ICBMs*). Этим видом оружия обладают в основном Россия и США. Значительно меньшее по сравнению с ними количество МБР имеют другие ядерные страны. *Ракеты средней дальности, РСД* (англ.: *medium-range missiles*) находятся на вооружении Франции, Великобритании, Китая. Имеются они также у России и США. Их радиус действия от 1000 до 5500 км. Размещение на Европейском континенте ракет среднего радиуса действия последними двумя странами ограничено договором, подписанным в 1987 г. *Ракеты меньшей дальности, РМД* (англ.: *short-range ballistic missiles*) с радиусом действия от 500 до 1000 км обладают, как правило, большей точностью попадания. Они могут использоваться также для доставки обычных боеголовок, как это, в частности, было во время войны в Персидском заливе.

В качестве средств доставки могут использоваться и *крылатые ракеты* (англ.: *cruise missiles*). Они представляют собой небольшие беспилотные снаряды, оснащенные собственной двигательной установкой. Крылатые ракеты обладают высокоточной системой наведения для поражения цели и могут нести как ядерный заряд (такими крылатыми ракетами обладают Россия и США), так и обычный.

Кроме ракет, стратегическими средствами доставки оружия, прежде всего ядерного, являются бомбардировщики и подводные лодки (тоже оснащенные ракетами и ядерными торпедами). Эти три вида составляют так называемую *стратегическую триаду*, поэтому на переговорах по разоружению и ограничению вооружений они обычно рассматриваются в комплексе.

Тактическое ядерное оружие предназначается для использования на самом театре ведения боевых действий. Оно доставляется с помощью ядерных боеголовок для тактических ракет, артиллерийских зарядов, боевых надводных кораблей, многоцелевых подводных лодок, авиации, ядерных мин.

При разработке ядерной стратегии первоначально американские эксперты исходили из того, что противник должен быть уничтожен. В связи с этим среди военно-политических аналитиков появился термин «*гаранти-*

рованное взаимное уничтожение» (англ.: *mutual assured destruction, MAD*). Он характеризовал гипотетическую ситуацию, которая может возникнуть как результат ядерного противостояния, и предполагал уничтожение противника в случае нанесения ядерного удара. Позднее, когда стала очевидной бессмысленность идеи «взаимного уничтожения», а это особенно ясно проявилось во время Кубинского кризиса, американская военная стратегия стала ориентироваться на принцип *адекватного ответного удара*. Смысл его состоит в том, что ответ должен соответствовать причиненному ущербу.

В годы холодной войны появляется и логически связанная с разработанными ядерными стратегиями *доктрина ядерного сдерживания* (англ.: *doctrine of nuclear deterrence*). Исходила она из того, что сама возможность применения ядерного оружия удерживает противника от агрессии. Эта доктрина основана на посыле, что участники международных отношений стараются вести себя исключительно рационально, чтобы избежать разрушительных последствий использования ядерного оружия. И согласно ей, государство должно быть уверено в том, что такая угроза — не просто слова; ядерное оружие действительно может быть применено в случае агрессии.

У этой доктрины были и свои противники. Их аргументация строилась на том, что, во-первых, сама логика постепенного развития конфликта может в итоге привести к ядерному столкновению. Во-вторых, не исключена случайная ошибка, которая будет интерпретирована противоположной стороной как ядерное нападение, что повлечет за собой фатальный исход.

Разработки были и в области ядерной обороны. Так, США занимались *стратегической оборонной инициативой, СОИ* (англ.: *Strategic Defense Initiative, SDI*), или так называемыми «звездными войнами». Она получила развитие в 1980-е годы, при президенте Р. Рейгане, а суть заключалась в попытках создания оборонного щита для США на случай ядерной угрозы. Однако в практическом плане идея так и не была реализована.

Одной из наиболее важных в военно-политической области является *проблема нераспространения* оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, а также средств его доставки. Различают так называемое горизонтальное распространение оружия (англ.: *horizontal proliferation*), когда увеличивается количество стран, обладающих им, и вертикальное (англ.: *vertical proliferation*). Последнее подразумевает наращивание имеющихся возможностей. Однако когда говорят о нераспространении ядерного оружия, в первую очередь имеют в виду именно горизонтальный вариант.

Существуют различные подходы к проблеме нераспространения. Авторы, ориентированные на реалистическую традицию исследований международных отношений, в целом более спокойно относятся к этому

вопросу, не видя особой опасности в распространении, поскольку, как они полагают, государства будут вести себя рационально и не прибегнут к его использованию. В этом плане показательна точка зрения К. Уолтца (K. Waltz), который исходит из того, что расширение «ядерного клуба» даже поможет сохранить мир, так как здесь влияет фактор устрашения, сдерживающий военную конфронтацию сторон.

Противоположную позицию занимают исследователи и аналитики, которые разделяют иные теоретические взгляды. Для них проблема нераспространения крайне важна, поскольку в распространении оружия массового уничтожения они видят одну из основных угроз миру. При этом они не без основания подчеркивают, что государства, и в первую очередь их лидеры, могут не вести себя рационально. Кроме того, в современных условиях особую тревогу вызывают возможность попадания ОМУ в руки террористических организаций, а также опасность техногенных катастроф, связанных с хранением этого оружия, человеческой ошибкой и т.п.

Государства, обладающие ядерным оружием, также довольно чувствительны к вопросам его нераспространения. Они стараются ограничить круг участников, имеющих ЯО и соответствующие технологии. Однако у этой проблемы есть и другая сторона. Дело в том, что технологии, которые могут быть использованы при производстве ядерного оружия, тесно переплетаются с технологиями, используемыми в мирной атомной энергетике.

Наличие средств доставки ядерного оружия контролировать сложнее, чем обладание самим ядерным оружием. В настоящее время ракеты средней и меньшей дальности разрабатываются Ираком, Ираном, Израилем, Саудовской Аравией, Индией, Пакистаном, Северной Кореей, а также, возможно, Бразилией и Аргентиной.

Во время холодной войны страны накопили огромный арсенал оружия. Как следствие, *вопросы разоружения и контроля над вооружениями* (англ.: *arms control*) остаются и сегодня одними из ключевых в мировой политике. Под контролем за вооружениями понимаются усилия двух или более стран по регулированию отношений в этой области.

Значимым импульсом к проведению переговоров по разоружению был Кубинский (Карибский) кризис 1962 г., когда угроза ракетно-ядерного конфликта стала явной. Вскоре после него, в августе 1963 г. в Москве представителями СССР, США и Великобритании был подписан *Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой* (англ.: *the Limited Test Ban Treaty*). Он носил бессрочный характер и был открыт для подписания (к нему впоследствии присоединилось более 100 государств).

В 1968 г. подписан *Договор о нераспространении ядерного оружия, ДНЯО* (англ.: *Non-Proliferation Treaty, NPT*). Данные договоренности получили продолжение 5 марта 1970 г. (присоединились 187 стран).

Различают две категории стран — участниц Договора о нераспространении ядерного оружия — обладавшие этим видом оружия на 1 января 1967 г. (Великобритания, Китай, СССР, США, Франция) и те, кто не имел его. Неядерные страны обязывались не приобретать ядерное оружие и полностью следовать нормативным положениям *Международного агентства по атомной энергии, МАГАТЭ* (англ.: *International Atomic Energy Agency, IAEA*), которое занимается мониторингом развития и распространения ядерных технологий. Проблема в том, что ряд государств, которые обладают или являются потенциальными обладателями ядерного оружия, не подписали договор о нераспространении (например, Израиль). В 1993 г. МАГАТЭ покинула Северная Корея. Однако, как отмечалось, позднее она провела переговоры и обязалась заморозить свои ядерные программы в обмен на оказание экономической помощи. В сентябре 2002 г. Северная Корея вновь заявила о стремлении продолжать ядерную программу.

В целом же речь идет о режиме ядерного нераспространения. Под ним, согласно российским исследователям во главе с В. А. Орловым и Н. Н. Соковым, понимается «совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участниц, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса теми из них, которые не имели его к 1967 г.»

Ряд важных договоренностей в области разоружения и контроля над вооружениями был достигнут в 1970-е годы. Среди них прежде всего следует назвать *Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Договор по ПРО* (англ.: *Antiballistic Missile Treaty, ABM*), подписанный в 1972 г. Он ограничивает возможности каждой из сторон — США и СССР/России — использовать противоракетную оборону для отражения ядерного удара. В начале 2000-х годов в США стали строить планы относительно возможного выхода из Договора по ПРО (1972) и создания национальной ПРО — НПРО. Аргументация основывалась на том, что договор тридцатилетней давности не отвечает современным реалиям. В XXI в., согласно официальным американским заявлениям, угроза исходит не от России, а от террористических организаций, что особенно четко показали события 11 сентября 2001 г. Кроме того, предполагалось, хотя и не афишировалось, что НПРО станет стимулом к развитию новых технологий в США.

Стремление в одностороннем порядке выйти из Договора по ПРО осложнило российско-американские отношения. Настороженно отнеслись к этим планам США и многие другие страны, в том числе их европейские партнеры по НАТО. Основное опасение в целом сводилось к тому, что нарушение российско-американских договоренностей может повлечь за собой совершенно непрогнозируемые последствия. Если соблюдение прежних договоренностей заставляло другие государства также следовать в их русле, то их нарушение даст стимул к разработке ими собственных «правил игры», что окажется особенно опасным в условиях общей политической трансформации мира, усиления угрозы терроризма и т.п. В 2001 г., во время ряда встреч президентов России и США, были достигнуты договоренности о проведении консультаций в области национальной ПРО; тем не менее позиции оставались различными. И в конце 2001 г. США официально уведомили Россию о выходе из Договора 1972 г., а в июне 2002 г. вышли из него.

Другими важными документами периода холодной войны в области ограничения вооружений были *Временное соглашение и договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, ОСВ-1 и ОСВ-2* (англ.: *Strategic Arms Limitation Treaty, SALT*), соответственно 1972 и 1979 гг., которые получили дальнейшее развитие в договорах 1990-х. *Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, СНВ-1* (англ.: *Strategic Arms Reduction Treaty, START1*) подписан в 1991 г. Согласно ему, и Россия, и США должны были сократить свои стратегические арсеналы примерно на 30%. В течение последующего года проводились дальнейшие переговоры, и 3 января 1993 г. в Москве был подписан договор *СНВ-2* (англ.: *Strategic Arms Reduction Treaty, START2*), ратифицированный Россией 8 лет спустя. Он предполагал сокращение оставшихся вооружений еще на 50%, в соответствии с чем Россия может иметь 3000 боеголовок, США — 3500. Однако он не был ратифицирован американской стороной. По сути, действующим договором так и остался СНВ-1. В совместной Декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, подписанной по итогам московской встречи двух президентов в мае 2002 г., подтверждается, что Договор-1991 остается в силе.

Еще один *Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности*, или Договор РСМД (англ.: *Intermediate Nuclear Forces Treaty, INF*), подписан в 1987 г. Он направлен на ограничение количества ракет средней и меньшей дальности, а также пусковых установок, которые каждая сторона может разместить в Европе. Этот Договор, как и договоры по СНВ, предусматривает проведение инспекций.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ДВЗЯИ (англ.: *Comprehensive Test Ban Treaty, CTBT*) подписан в 1996 г. по результатам долгих переговоров и ориентирован на ограничение дальнейших разработок в области ядерных вооружений. Он был ратифицирован Государственной Думой в апреле 2000 г. Однако его реализация возможна лишь после ратификации теми государствами (а их 44), у которых, как предполагается, есть соответствующие технологии в области ядерных вооружений. В этом плане имеется ряд сложностей. В 1999 г. Сенат США, например, проголосовал против ратификации данного Договора. Не подписала его и провела ряд ядерных испытаний Индия. То же сделал и Пакистан.

В настоящее время остается актуальной проблема сокращения ядерного потенциала, и переговоры в этой области продолжаются. В 1997 г. России и США в рабочем порядке удалось достигнуть договоренностей по основным параметрам СНВ-3. Согласно им, ядерный потенциал обеих сторон ограничивается 2000 боеголовок. Тем не менее, у России и США он остается намного большим, чем у других крупнейших ядерных держав, в частности Франции, Великобритании, Китая, которые имеют по несколько сотен ядерных боеголовок каждая. При этом если Франция и Китай направляют усилия на развитие собственных разработок средств доставки, то Великобритания предпочитает использование американских систем.

Важный элемент в области контроля над ядерной угрозой представляет собой создание *безъядерных зон, или зон, свободных от ядерного оружия, ЗСЯО* (англ.: *Nuclear-weapon-free zone, NWFZ*). Впервые с инициативой создания в Европе таких зон, предусматривающих запрет на развертывание атомных военных соединений и каких-либо видов атомного и водородного оружия, выступил в 1956 г. СССР. Затем, в 1960-е годы, были заявлены идеи создания зон, свободных от ядерного оружия, на Балканах, в области Средиземного моря и Адриатики, на Дальнем, а также на Ближнем и Среднем Востоке, в некоторых других регионах мира. В результате длительных переговоров, дипломатических усилий и деятельности различных организаций достигнуты договоренности о четырех безъядерных зонах — в Латинской Америке (*Договор Тлателолко*), южной части Тихого океана (*Договор Раротонга*), Юго-Восточной Азии (*Бангкокский договор*) и в Африке (*Договор Пелиндаба*). Называются и другие регионы, в которых возможно появление безъядерных зон, в частности Корейский полуостров, Центральная и Восточная Европа, Центральная Азия. В 1996 г. по инициативе развивающихся стран 129 голосами при трех против (Великобритания, США, Франция) и 38 воздержавшихся (в том числе Россия) была принята Резолюция ГА ООН 51/45В о провозглашении южного полушария зоной, свободной от ядерного оружия.

Обычные вооружения также находятся в центре внимания политиков и общественности. Они широко используются в современных конфликтах. Например, именно их применял Ирак в Персидском заливе в начале 1990-х годов для оккупации Кувейта и ракетного обстрела Израиля. Обычные вооружения использовались в бывшей Югославии и других региональных конфликтах 1990-х — начала 2000-х годов.

В 1990 г. был подписан *Договор об обычных вооруженных силах в Европе, ДОВСЕ* (англ.: *Conventional Armed Forces in Europe Treaty, CFE*). Он предполагал сокращение обычных вооружений в Европе с учетом имеющихся арсеналов НАТО и Организации Варшавского Договора (ОВД). Переговоры продолжались 17 лет, прежде чем были достигнуты договоренности. Однако после подписания Договора ОВД распалась, но участники придерживаются его, хотя в связи с конфликтами в Европе были и нарушения, например в бывшей Югославии. В географическом отношении Договор распространяется на территорию от Атлантики до Урала, однако под его действие не попадают государства, которые образовались в Средней Азии после распада СССР.

Серьезной политической проблемой, особенно из-за распространения внутренних конфликтов, является использование противопехотных мин, которые устанавливаются с целью контроля над территориями. Минные поля в Афганистане, Боснии, Анголе и других конфликтных точках привели к большому количеству жертв среди мирного населения, причем их число продолжает увеличиваться и после окончания конфликта. Так, согласно данным Дж. Гольдштейна (*J. Goldstein*), жертвами мин становятся ежегодно около 25 тыс. человек, треть которых составляют дети. В конце 1990-х годов ряд неправительственных организаций выступили за запрещение противопехотных мин, за что организатор этой кампании Дж. Уильямс (*J. Williams*) удостоен в 1997 г. Нобелевской премии мира. В том же году более ста государств подписали Договор о запрещении использования противопехотных мин. Россия также присоединилась к данному Договору.

На пути контроля над вооружением и разоружением возникает немало барьеров. Прежде всего нельзя не учитывать, что возможны нарушения договоренностей какой-либо страной. По этой причине большое внимание уделяется различным процедурам проверок с использованием, например, *инспекций на местах* (англ.: *on-site inspection, OSI*). Часто договоры предусматривают такую возможность. Однако не все вопросы оказываются решаемыми: государства затягивают их проведение, возражают по персональному составу инспекции, как это было, в частности, с инспекциями ООН в Ираке в 1990-х годах. Кроме того, если страны, для

которых они организуются, фактически отказываются от сотрудничества, то подобные инспекции малоэффективны. Другой способ проверок заключается в использовании национальных технических средств контроля (англ.: *national technical means, NTM*) — спутников, сейсмических станций и т.п. Но с их помощью далеко не все поддается проверке: например, сложно определить, сколько зарядов несет одна ракета.

Серьезную проблему представляет постоянное совершенствование вооружений с внедрением новых научных и технологических разработок. Как следствие, переговоры и заключаемые по их результатам соглашения практически всегда запаздывают по отношению к реальному положению дел. Например, появление ракет с разделяющимися боеголовками — РГЧ ИН (англ.: *multiple independently targetable reentry vehicles, MIRVs*), резко увеличило возможность нанесения ударов по разным объектам при том же количестве ракет.

Существует немало и внутриполитических барьеров на пути разоружения. Ряд аналитиков, в частности, исходят из того, что разоружение вовсе не ведет к уменьшению напряженности. С этих позиций они выступают в политических институтах своих государств, и это влияет на принятие политических решений. К ним присоединяются представители *военно-промышленного комплекса, ВПК* (англ.: *military-industrial complex*), экономически заинтересованные в увеличении военных заказов.

И все же в целом, несмотря на сложности, процесс разоружения и контроля над вооружением имеет поступательную направленность.

8.3. Поставки оружия и торговля оружием

Объемы *торговли оружием* в современном мире весьма внушительны. Так, по официальным американским оценкам, если совокупная его продажа в мире оценивалась в 1964 г. примерной суммой 4 млрд долларов США, то в 1987 г. она составила уже 82,4 млрд. И в настоящее время, несмотря на окончание холодной войны, торговля оружием не прекратилась. Основные его поставки идут в развивающиеся страны. Именно там часто наблюдается наиболее нестабильная политическая и экономическая ситуация.

Общая сумма от поставок вооружения в период с 1991 по 1998 г., по данным Р. Гримметта (*R. Grimmett*), превысила 250 млрд долларов, причем три четверти приобретено развивающимися странами. Лидирующую роль в качестве рынка вооружений занимает Ближний Восток. Как отмечают Ч. У. Кегли (*Ch. W. Kegley*) и Ю. Р. Уитткопф (*Eu. R. Wittkopf*), если в 1967 г. поставки вооружений на Ближний Восток составляли 11% общего числа поставок, то в период с 1991 по 1994 г. эта цифра увеличилась до 77%. Впрочем, с появлением новых «горячих точек» ситуация может меняться.

Это интересно!

С 1995 по 1998 г., согласно данным Р. Гримметта (R. Grimmett), мировой рынок вооружений имел следующую структуру: США — 28,3; основные западноевропейские страны — 31,2; Россия — 18,4; Китай — 3,6; все остальные государства — 18,5%.

Основными экспортерами вооружений во время холодной войны были США и СССР. Их поставки составляли от 50 до 75% всего рынка вооружений. После окончания холодной войны стали явно доминировать США. Так, по официальным американским источникам, им принадлежало более 40% экспорта вооружений. И хотя в конце 1990-х — начале 2000-х годов Россия активизировалась в поставках вооружений, США продолжают лидировать на этом рынке.

Доходы от продажи оружия часто идут на дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса. Однако мотивом этих поставок за рубеж могут служить не только экономические, но и политические цели, что было особенно характерно для эпохи холодной войны. Например, по оценкам, которые приводит М. Кларе (M. Klare), именно этим руководствовались в 1980-е годы США, снабжая оружием 59 стран, СССР — 42.

Поставки и торговля оружием вызывают настороженность, поскольку очевидно, что, наряду с экономическими и политическими «плюсами» для поставщиков оружия, это характеризуется и множеством отрицательных моментов. Так, увеличение его количества может вести к обострению конфликта, особенно в случае нестабильности режима, который его получает. По оценкам целого ряда исследователей, в частности М. Кларе (M. Klare), Л. Люмпе (L. Lumpe), А. Хашима (A. Hashim) и некоторых других, существует прямая корреляция между торговлей оружием и вооруженными конфликтами. Это во многом обусловлено тем, что закупка оружия одной из конфликтующих сторон влечет за собой аналогичные действия и другой. Причем порой оружие обеими сторонами приобретает у одного и того же государства-поставщика.

Закупка оружия ставит руководителей государств перед дилеммой, условно формулируемой журналистами как «пушки или масло». Особенно остра она в развивающихся странах, которые часто решают ее не в пользу последнего. В результате бедность основной массы населения ведет международное сообщество к необходимости решать множество других, следующих за этим выбором проблем — борьбы с голодом, болезнями

ми и т.п. В связи с этим возникает вопрос, связанный с моральной ответственностью за поставки оружия. Следует также учитывать, что в вооруженных действиях часто принимают участие дети. Согласно данным Дж. Рурке (J. Rourke), до 300 тыс. детей в 50 различных странах мира вовлечены в вооруженную борьбу. Моральный аспект имеется и в том случае, если оружие поставляется в страну с авторитарным режимом, что позволяет ему удерживаться у власти. И даже если изначально оружие поставляется не авторитарному режиму, то в ситуации нестабильности (а оружие большей частью идет именно в такие регионы) всегда есть опасность смены режима. Более того, не исключено, что страна-поставщик сама «столкнется» со своим же оружием, обращенным против нее. Так, перед вторжением в Кувейт Ирак активно закупал оружие, в частности, у Франции, Великобритании, Египта, которые затем выступили против оккупации Кувейта. Вообще, осуществляя поставки оружия одному из участников конфликта, государство тем самым рискует быть вовлеченным в конфликт.

Необходимо упомянуть и о торговле *продукцией двойного назначения* (англ.: *dual-use production*), т.е. той, которая может использоваться как в мирных, так и в военных целях (например, ряд химических соединений). В условиях конфликта, нестабильности политических режимов на продажу этого вида продукции часто накладываются ограничения.

В последнее время все большую тревогу вызывают неконтролируемые поставки оружия государствам, находящимся в конфликтных отношениях со своими соседями, а также повстанческим движениям и различным террористическим организациям. По разным оценкам, более 10% всей торговли приходится на нелегальный или «полулегальный» рынок.

8.4. Проблемы организованной преступности, наркобизнеса и терроризма

В конце XX столетия проблемы безопасности все больше выходят за пределы межгосударственного взаимодействия и разоруженческой тематики. С развитием процессов глобализации резко активизировалась организованная преступность. По данным, которые приводит российский исследователь М. М. Максимова, начиная с 1980-х годов она возрастает на 5% ежегодно.

Понятие «*международная организованная преступность*» (англ.: *international organized crime, IOC*) является широко распространенным, но при этом довольно сложно определяемым. Существуют различные подходы к его толкованию обычно через ряд характеристик: наличие иерархической структуры организации, распределение ролей, постоян-

ная вовлеченность в нелегальный или полулегальный бизнес и т.п. В некоторых случаях пытаются определить организованную преступность как деятельность, имеющую в основе одновременно законный и незаконный бизнес.

Члены организованных преступных групп получают огромные доходы. По оценкам, которые привел «Economist» в 1999 г., общая сумма так называемых «грязных денег» в мире составляла от 500 до 1500 млрд долларов ежегодно, что равнялось примерно 5% всего производимого на Земле совокупного продукта.

Одна из сфер деятельности организованной преступности обусловлена тем, что целый ряд товаров либо не облагается налогами, либо они сильно различаются в разных странах. Нелегальная переброска этих товаров из одной страны в другую и дает значительный доход членам организованных преступных групп. Другая область организованной преступности связана с нелегальными поставками оружия, противозаконной деятельностью в зонах конфликтов, в том числе вербовкой наемников, и т.п. Процессы приватизации в странах Центральной и Восточной Европы также привлекли внимание организованной преступности. Но одной из наиболее значимых областей, в которых организованная преступность проявляет наибольшую активность, является *наркобизнес*.

Он занимает и без того особое место из-за своих масштабов, но получил дополнительный импульс в связи с глобализацией и порождаемой ею открытостью границ. Значительные потоки наркотиков идут в Россию из Азии, США сталкиваются с аналогичной проблемой со стороны Колумбии и ряда других стран Латинской Америки. В целом же распространение наркотиков в последние годы, по разным оценкам, увеличилось в десятки раз, давая более 500% прибыли.

Борьба с наркотиками становится одной из глобальных проблем современности. При этом основное их производство налажено в странах с плохо развитой экономикой и множеством внутренних конфликтов, с военными и полувоенными режимами. Главными поставщиками опиумного мака на рынок являются сегодня Афганистан и Бирма. По оценкам, приводимым Дж. Гольдштейном (*J. Goldstein*), производство опиума в Афганистане за период с 1998 по 1999 г. возросло вдвое и составило три четверти мирового производства. Все более широкое распространение получают синтетические наркотики, не требующие растительного сырья.

Терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных проблем, которая не только обострилась в конце XX — начале XXI в., но и оказалась, по сути, в числе главных угроз безопасности, тем более что современные его формы обладают целым рядом новых черт. Это обусловлено, во-первых, уровнем технологического развития и возможностями воз-

действия на мир, в результате чего масштабные террористические акты могут совершаться небольшой группой людей или даже одним человеком. Во-вторых, в современном мире разнообразен потенциальный спектр террористических организаций (национальные и культурные символы, правительственные здания, места большого скопления людей и т.п.), а также типов оружия, которое может использоваться. В-третьих, современные террористы, или, по определению У. Лакьюэра (*W. Laqueur*), террористы эпохи постмодерна, совместно с другими криминальными структурами ищут союзников в государственных учреждениях, что ведет к *коррупции*. Тратятся значительные суммы на подкуп чиновников, а также спецслужб, призванных предотвращать незаконную деятельность.

Тем не менее, терроризм как таковой — не новое явление. Он известен со времен Древней Греции и Древнего Рима. В XIX в. терроризм связывают с анархическими, а также некоторыми националистическими организациями. По оценкам ряда авторов, например Р. Киддера (*R. Kidder*), он становится действительно международной проблемой начиная с 1960-х годов. В 1970—1980-х годах мир столкнулся со всплеском террористических операций в Европе.

Несмотря на многовековое существование феномена терроризма, в теоретическом плане эта проблема довольно сложно поддается определению. Дело в том, что одни и те же действия рассматриваются порой разными сторонами и как террористические, и как борьба за свои права. По этой причине попытки определить терроризм в рамках ООН (а различные критерии предлагали США, Великобритания, другие страны) в целом так и не увенчались успехом.

Однако бесспорно важно в определении терроризма то, что, во-первых, это политически мотивированные насильственные действия или их угроза, во-вторых, они направлены против мирных граждан, а не только непосредственно в отношении власти. Именно в отношении них совершаются террористические акты с целью реализации тех или иных политических целей. Терроризм в значительной степени ориентирован на достижение психологического эффекта. Поэтому террористы, как правило, заинтересованы в том, чтобы их акты нашли как можно более широкое освещение в средствах массовой информации. Психологический эффект имеет множественную направленность, в том числе привлечение внимания к своей организации и ее целям, демонстрацию возможностей, формирование страха у населения или определенных его групп и т.п.

Другая важная особенность при определении терроризма заключается в том, что осуществляют его негосударственные акторы. Поэтому любые вооруженные действия, пусть неоправданные и незаконные (например, захват Ираком Кувейта в начале 1990-х), не попадают под определения

терроризма. В то же время государство может, так или иначе, оказывать поддержку террористическим организациям (в том числе финансовую или в форме предоставления территории под базы, отказа в выдаче террористов, одобрения их действий и т.п.). В связи с этим появился термин «государственный терроризм». США, например, называют даже государства, которые, по их мнению, попадают в эту категорию. Однако государство за таких случаях практически никогда не берет на себя ответственность за содействие терроризму, и доказать его причастность к этому довольно сложно.

Период конца XX — начала XXI в., когда политическая структура мира находится в процессе кардинальных перемен, представляет собой «благодатную почву» для развития терроризма. В современных условиях глобализации террористы часто действуют вне национальных границ. Поэтому говорят о *международном терроризме*, или *транснациональном терроризме* (что точнее), который подразумевает использование территории или вовлечение граждан в террористические действия более чем одной страны. И хотя довольно трудно очертить границы между терроризмом внутренним и международным, поскольку практически все достаточно крупные террористические организации имеют связи за пределами национальных границ, все же особенность первого в том, что вызов бросается не конкретному государству или группе государств, а модели развития мира. Построение транснациональных террористических структур по сетевому принципу и нахождение структурных подразделений во многих государствах мира сильно осложняет борьбу с ним.

Вопрос для размышления

Как вы считаете, достигают ли террористы своих целей террористическими актами?

Террористические действия нередко входят в арсенал средств борьбы различных этнических, религиозных и других групп, фактически являясь как формой политической борьбы, так и выгодным бизнесом. Между разными террористическими организациями установлены хорошие связи, в том числе военные и коммерческие. Некоторые взаимодействуют и с криминальными структурами, в частности, связанными с торговлей наркотиками. Доходы от продажи наркотиков нередко идут на финансирование террористических актов.

Особую озабоченность вызывает возможность доступа террористических организаций к современным типам оружия и средствам массового уничтожения. Так, в марте 1995 г. японская религиозная секта «Аум Синрикё» совершила террористический акт с применением нервно-паралитического газа в метро, из-за чего 10 человек погибли и около 5000 вынуждены были обратиться за медицинской помощью. Однако одно из самых больших потрясений за последние годы произвели действия террористов 11 сентября 2001 г., когда в США было угнано сразу несколько самолетов, которые, как известно, террористы направили на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также на Пентагон. Еще один самолет разбился с пассажирами, но в этом случае хотя бы удалось избежать гораздо больших жертв. Результаты поражения оказались сравнимыми с разрушительным эффектом при ракетной атаке.

Данный террористический акт поставил многие вопросы безопасности по-иному. Раньше многие оценки выводились из расчета времени полета баллистических ракет. Сейчас этот показатель недостаточен. Второй момент связан с определением источника агрессии. Если прежде в стратегических концепциях под «агрессором» понималось одно или несколько государств, то сегодня это понятие становится крайне аморфным. Международные террористы, с одной стороны, имеют базы, как правило, в различных странах, с другой — непосредственно и открыто не связаны с государственными структурами (если исключить возможность создания коррупции). Они выступают, как отмечалось, в качестве самостоятельных акторов на мировой арене. Наконец, сами угрозы оказываются крайне неопределенными: сегодня это — «таран» зданий гражданскими самолетами, завтра может быть отравление воды мегаполиса или газовая атака в метро. Наконец, последний важнейший момент, связанный с уроками 11 сентября 2001 г.: и правительства отдельных стран (даже такой мощной, как США) и международное сообщество в целом оказались неготовыми к адекватным ответам. Трагические события в Москве 23–26 октября 2002 г., связанные с захватом заложников в театральном центре, еще раз подтвердили новые параметры современных угроз: неожиданность (нет даже нескольких минут для подготовки к отражению нападения), множественность и разнородность целей, а также средств нападения.

Другая сфера современного терроризма — *кибертерроризм*, в том числе информационный, связанный с возможностью дестабилизации работы компьютерных систем и сетей. Учитывая роль таких систем в современном мире, легко представить себе последствия вызванных этим крупных сбоев в работе транспорта, связи, энергоснабжения, правительственных и полицейских структур — так называемых «критических инфраструктур» современного общества. Особенность кибертерроризма заключается в

том, отмечает отечественный исследователь А. Федоров, что он может быть «составной частью или средством обеспечения другого теракта, более масштабного и имеющего другую направленность. Мало того, можно ожидать, что именно он может стать сутью и обязательным элементом всех будущих (если такие беды не удастся предотвратить), уже супертеррористических, актов».

Угроза информационного терроризма осознается довольно хорошо разными международными акторами. По оценкам одного из компьютерных журналов (*Information Week*), вирусы и действия хакеров стоили крупному бизнесу в одном только 2000 г. примерно 1,6 млрд долларов. В мае того же года в Париже состоялась встреча на уровне экспертов участников «Большой восьмерки» по компьютерному терроризму. Они высказывали мнения, что угроза кибертерроризма представляет для человечества опасность, сравнимую с ядерной, химической, бактериологической войнами.

Все это и побуждает государства согласовывать свои действия в борьбе с терроризмом. Принят, например, целый ряд международных соглашений, в частности, по обеспечению безопасных гражданских авиа- и морских перевозок (Международные конвенции 1963, 1970, 1988 гг.); по борьбе с захватом заложников (1979); защите ядерных материалов (1980). Международный терроризм получил осуждение в 1985 г. на ГА ООН, где была принята соответствующая Резолюция. Вопрос о борьбе с терроризмом неоднократно ставился на встречах глав государств, в том числе членов «Большой восьмерки», а также на совещаниях более низкого уровня, организованных этими странами (например, в Оттаве — 1995, Париже — 1996, Москве — 1999 г.).

Специальные подразделения по борьбе с терроризмом существуют во многих странах, включая Россию. Координация национальных усилий в практическом плане осуществляется в том числе и по линии Интерпола.

Ключевые термины

Национальная безопасность
Региональная безопасность
Международная безопасность
Гонка вооружений
Ядерное оружие (ЯО)
Средства доставки оружия (стратегические и тактические)
Баллистические ракеты
Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)
Ракеты средней дальности (РСД)

Ракеты меньшей дальности (РМД)
Крылатые ракеты
Доктрина ядерного сдерживания
Гарантированное взаимное уничтожение
Стратегическая оборонная инициатива (СОИ)
Оружие массового уничтожения (ОМУ)
Государства, обладающие ядерным оружием (ЯОГ)
Химическое оружие
Бинарное оружие
Бактериологическое оружие

Женевский Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств
Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (КХО)
Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБО)
Стратегическая триада
Гарантированное взаимное уничтожение
Адекватный ответный удар
Проблема нераспространения ядерного оружия
Разоружение и контроль над вооружениями
Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой
Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)
Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ)
Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО)

Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1 и ОСВ-2)
Договоры о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1, СНВ-2)
Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (Договор РСМД)
Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)
Безъядерные зоны, свободные от ядерного оружия (ЗСЯО)
Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)
Инспекции на местах
Военно-промышленный комплекс (ВПК)
Торговля оружием
Продукция двойного назначения
Международная организованная преступность
Наркобизнес
Терроризм
Международный или транснациональный терроризм
Коррупция
Кибертерроризм

Вопросы для обсуждения

Что понимается под национальной, региональной и международной безопасностью?
Какие существуют типы ядерного оружия и средства его доставки?
В чем суть и какова история использования химического оружия?
Какие и когда достигнуты договоренности по запрещению химического и биологического оружия?
В чем состоит проблема нераспространения?
Какие страны принадлежат к «ядерному клубу»; имеют возможности для приобретения ядерного оружия; добровольно отказались от него или заморозили ядерные программы?
Какие и когда наиболее важные договоры были заключены в области разоружения и контроля над вооружениями?
В чем суть проблем, связанных с торговлей и поставками оружия?
Что представляет собой современный терроризм и какие предпринимаются меры по борьбе с ним?
В чем сложности борьбы с наркобизнесом?

Практикум

Используя справочники, проследите корреляцию между поставками оружия в тот или иной регион и усилением/ослаблением конфликтных отношений.

Рекомендуемая литература

- Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 18 декабря 1997 г. № 1300: в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24).
- Авдеев Ю. И. Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.
- Ежегодник СИПРИ-2000. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2001.
- Коновалов А. А. Новые вызовы национальной и международной безопасности // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 334–406.
- Контроль над вооружениями и военной деятельностью (справочник). М., 2001.
- Кулагин В. М. Международная безопасность. М., 2006.
- Федоров Ю. Е. Военный фактор в современных международных отношениях // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 121–162.
- Юрьева Т. В. Проблемы национальной безопасности // Внешняя политика Российской Федерации. 1992–1999. М., 2000. С. 51–77.
- Ядерное нераспространение. Т. I–II / Под ред. В. А. Орлова, Н. Н. Сокова. М., 2002.

Интернет-ресурсы

- ПИР-Центр: <http://www.pircenter.org>
- Bulletin of the Atomic Scientists: <http://www.bulatomi.org>
- Center for Nonproliferation Studies: <http://cns.miis.edu/index.htm>
- The Arms Control Association: <http://www.armscontrol.org>
- Сайт Государственного департамента США по проблемам терроризма (официальные заявления, документы): <http://www.usis.usemb.se/terror/index.html>

Глава 9

КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

9.1. Особенности конфликтов в конце XX — начале XXI в.

Не будет преувеличением сказать, что *конфликты* стары, как мир. Они были до подписания Вестфальского мира — времени, принятого за точку рождения системы национальных государств, есть они сейчас. Конфликтные ситуации и споры, по всей вероятности, не исчезнут и в будущем, поскольку, согласно афористичному утверждению одного из исследователей Р. Ли (*R. Lee*), общество без конфликтов — мертвое общество. Более того, многие авторы, в частности Л. Козер (*L. Coser*), подчеркивают, что противоречия, лежащие в основе конфликтов, обладают целым рядом позитивных функций: привлекают внимание к проблеме, заставляют искать выходы из сложившейся ситуации, предупреждают стагнацию — и тем самым способствуют мировому развитию. Действительно, конфликтов вряд ли удастся избежать совсем. Другое дело, в какой форме их разрешать — через диалог и поиск взаимоприемлемых решений или вооруженное противостояние.

Говоря о конфликтах конца XX — начала XXI в., следует остановиться на двух важнейших вопросах, которые имеют не только теоретическую, но и практическую значимость.

- ♦ Изменился ли характер конфликтов (если да, то в чем это проявляется)?
- ♦ Как можно предотвращать и регулировать вооруженные формы конфликтов в современных условиях?

Ответы на эти вопросы непосредственно связаны с определением характера современной политической системы и возможностью воздействия на нее. Сразу после окончания холодной войны появились ощущения, что мир находится в преддверии бесконфликтной эры существования. В академических кругах эта позиция наиболее четко выражена Ф. Фукуямой (*F. Fukuyama*), когда он заявил о конце истории. Она достаточно активно поддерживалась и официальными кругами, например США, несмотря на то, что находившаяся у власти в начале 1990-х годов республиканская администрация была менее склонна, по сравнению с демократами, исповедовать неолиберальные взгляды. Так, президент Дж. Буш (старший), говоря о конфликте в Персидском заливе, заявил,

что «он прервал краткий миг надежды, но тем не менее мы являемся свидетелями рождения нового мира, свободного от террора».

События же в мире стали развиваться так, что количество локальных и региональных конфликтов с применением насилия в мире сразу после завершения холодной войны увеличилось. Об этом свидетельствуют данные Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), одного из ведущих международных центров, занимающихся анализом конфликтов, причем большинство из них оказалось либо в развивающихся странах, либо на территории бывшего СССР или бывшей Югославии. Только на постсоветском пространстве, по оценкам отечественного автора В. Н. Лысенко, в 1990-х годах насчитывалось около 170 конфликтогенных зон, из которых в 30 случаях конфликты протекали в активной форме, а в 10 дело дошло до применения силы.

В связи с развитием конфликтов сразу по окончании холодной войны и появления их на территории Европы, которая была относительно спокойным континентом после Второй мировой войны, ряд исследователей стали выдвигать различные теории, связанные с нарастанием конфликтного потенциала в мировой политике. Одним из наиболее ярких представителей этого направления стал С. Хантингтон (*S. Huntington*) со своей гипотезой о столкновении цивилизаций. Однако во второй половине 1990-х годов количество конфликтов, а также конфликтных точек в мире, по данным СИПРИ, стало уменьшаться. Так, в 1995 г. насчитывалось 30 крупных вооруженных конфликтов в 25 странах мира, в 1999 г. — 27, и то же в 25 точках земного шара, в то время как в 1989 г. их было 36 — в 32 зонах (рис. 9.1).

Надо заметить, что данные о конфликтах могут различаться в зависимости от источника, поскольку нет четкого критерия того, каким должен быть «уровень насилия» (число убитых и пострадавших в конфликте, его продолжительность, характер отношений между конфликтующими сторонами и т.п.), чтобы происшедшее рассматривалось как конфликт, а не инцидент, криминальные разборки или террористические действия. Например, шведские исследователи М. Солленберг (*M. Sollenberg*) и П. Валленстин (*P. Wallensteen*) определяют крупный вооруженный конфликт как «продолжительное противостояние между вооруженными силами двух или более правительств, или одного правительства и по меньшей мере одной организованной вооруженной группировкой, приводящее в результате военных действий к гибели не менее 1000 человек за время конфликта». Другие авторы называют цифру в 100 и даже 500 погибших.

В целом же, если говорить об общей тенденции в развитии конфликтов на планете, то большинство исследователей соглашались с тем, что после некоего всплеска количества конфликтов в конце 1980-х — начале

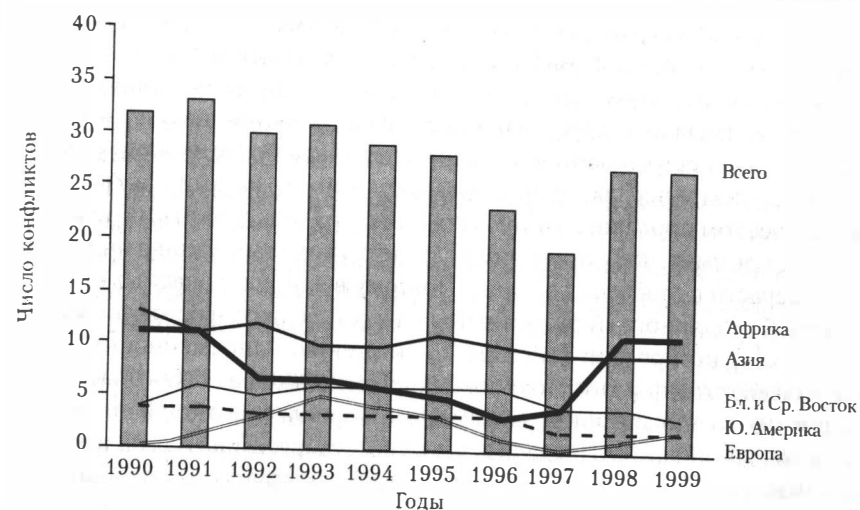

Рис. 9.1. Общее число и региональное распределение крупных вооруженных конфликтов в 1990–1999 гг.

Источник: Ежегодник СИПРИ-2000. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2001.

1990-х годов их число пошло на убыль в середине 1990-х, и с конца 1990-х годов продолжает держаться примерно на одном уровне.

И тем не менее, современные конфликты создают весьма серьезную угрозу человечеству вследствие возможного их расширения в условиях глобализации, развития экологических катастроф (достаточно вспомнить поджог нефтяных скважин в Персидском заливе при нападении Ирака на Кувейт), серьезных гуманитарных последствий, связанных с большим количеством беженцев, пострадавших среди мирного населения и т.п. Озабоченность вызывало и появление вооруженных конфликтов в Европе в конце XX в. — регионе, где вспыхнули две мировые войны, крайне высокая плотность населения, множество химических и других производств, разрушение которых в период вооруженных действий может привести к техногенным катастрофам.

В чем же причины современных конфликтов? Их развитию способствовали различные факторы. Так, дали о себе знать проблемы, связанные с распространением оружия, его бесконтрольным использованием, непростыми отношениями между индустриальными и сырьевыми странами при одновременном усилении их взаимозависимости. К этому следует добавить развитие урбанизации и миграцию населения в города,

к чему оказались неготовыми многие государства, в частности Африки; рост национализма и фундаментализма как реакции на развитие процессов глобализации. Существенным оказалось и то, что в период холодной войны имевшее глобальный характер противостояние Востока и Запада до некоторой степени «сняло» конфликты более низкого уровня. Эти конфликты нередко использовались сверхдержавами в их военно-политическом противостоянии, хотя они старались держать их под контролем, понимая, что в противном случае региональные конфликты могут перерасти в глобальную войну. Поэтому в наиболее опасных случаях лидеры биполярного мира, несмотря на жесткое противостояние между собой, координировали действия по снижению напряженности, с тем чтобы избежать прямого столкновения. Несколько раз такая опасность, например, возникала при развитии арабо-израильского конфликта в период холодной войны. Тогда каждая из сверхдержав оказывала влияние на «своего» союзника, чтобы снизить накал конфликтных отношений. После распада биполярной структуры региональные и локальные конфликты в значительной степени «зажили своей жизнью».

И все же среди большого количества факторов, влияющих на развитие конфликтов последнего времени, особо следует выделить перестройку мировой политической системы, ее «отход» от Вестфальской модели, господствовавшей в течение длительного времени. Этот процесс перехода, трансформации связан с узловыми моментами мирового политического развития.

В новых условиях конфликты приобрели качественно иной характер. Прежде всего с мировой арены практически исчезли «классические» *межгосударственные конфликты*, которые были типичны для расцвета государственно-центристской политической модели мира. Так, по данным исследователей М. Солленберг (*M. Sollenberg*) и П. Валленстина (*P. Wallensteen*), из 94 конфликтов, которые насчитывались в мире за период 1989–1994 гг., только четыре можно считать межгосударственными. В 1999 г. лишь два из 27, по оценкам другого автора ежегодника СИПРИ Т. Б. Сейболта (*T. B. Seybolt*), были межгосударственными. Вообще, согласно некоторым источникам, количество межгосударственных конфликтов на протяжении довольно длительного периода времени идет на убыль. Впрочем, здесь следует сделать оговорку: речь идет именно о «классических» межгосударственных конфликтах, когда обе стороны признают друг за другом статус государства. Это признается также другими государствами и ведущими международными организациями. В ряде современных конфликтов, направленных на отделение территориального образования и провозглашение нового государства, одна из сторон, заявляя о своей независимости,

настаивает именно на межгосударственном характере конфликта, хотя она никем (или почти никем) не признается как государство.

В 1990-е годы на смену межгосударственным пришли *внутренние конфликты*, протекающие в рамках одного государства. Среди них можно выделить три группы:

- конфликты между центральными властями и этнической/религиозной группой (группами);
- между различными этническими или религиозными группами;
- между государством/государствами и неправительственной (террористической) структурой.

Внутренние конфликты 1990- годов получили название «*конфликтов идентичности*», так как связаны с проблемой самоидентификации. В конце XX — начале XXI в. идентификация строится преимущественно не на государственной основе, как было (человек видел себя гражданином той или иной страны), а на иной, главным образом этнической и религиозной. По мнению американского автора Дж. Л. Расмуссена (*J. L. Rasmussen*), две трети конфликтов 1993 г. можно определить именно как «конфликты идентичности». При этом, по замечанию известного американского политического деятеля С. Тэлбота (*S. Talbot*), менее 10% стран современного мира являются этнически гомогенными. Это означает, что только на этнической основе можно ожидать проблемы в более чем 90% государств. Конечно, высказанное суждение — преувеличение, однако проблема национального самоопределения, национальной идентификации остается одной из наиболее существенных.

Другой значимый параметр идентификации — религиозный фактор, или, в более широком плане, то, что С. Хантингтон (*S. Huntington*) назвал цивилизационным. Он включает, кроме религии, исторические аспекты, культурные традиции и т.п.

В целом же изменение функции государства, его невозможность в ряде случаев гарантировать безопасность, а вместе с этим идентификацию личности, в той мере, как было ранее — в период расцвета государственно-центристской модели мира, влечет за собой усиление неопределенности, развитие затяжных конфликтов, которые то затухают, то вспыхивают вновь. При этом во внутренние конфликты вовлекаются не столько интересы сторон, сколько ценности (религиозные, этнические). По ним достижение компромисса оказывается невозможным.

Внутригосударственный характер современных конфликтов часто сопровождается процессом, связанным с тем, что в них вовлекается сразу несколько участников (различные движения, формирования и т.п.) со

своими лидерами, структурной организацией. Причем каждый из участников нередко выступает с собственными требованиями. Это крайне затрудняет регулирование конфликта, поскольку предполагает достижение согласия сразу целого ряда лиц и движений. Чем больше зона совпадения интересов, тем больше возможностей поиска взаимоприемлемого решения. По мере увеличения числа сторон эта зона сужается, что хорошо может быть проиллюстрировано графически (рис. 9.2). Однако это не означает, что заинтересованность в достижении договоренности уменьшается. Например, наличие глобальной угрозы может вести к тому, что различия в интересах становятся малозначимыми.

Кроме «внутренних» участников, на конфликтную ситуацию воздействует множество внешних акторов — государственных и негосударственных. К числу последних относятся, например, организации, занятые оказанием гуманитарной помощи, розыском пропавших без вести в процессе конфликта, а также бизнес, средства массовой информации и др. Влияние этих участников на конфликт нередко вносит элемент непредсказуемости в его развитие. Из-за своей многоплановости он приобретает характер «многоголовой гидры» и, уже как следствие, ведет к еще большему ослаблению государственного контроля. В связи с этим целый ряд исследователей, в частности А. Минк (*A. Minc*), Р. Каплан (*R. Kaplan*), К. Бус (*K. Booth*), Р. Харвей (*R. Harvey*), стали сравнивать конец XX столетия со средневековой раздробленностью, заговорили о «новом средневековье», грядущем «хаосе» и т.п. Согласно таким представлениям, к обычным межгосударственным противоречиям добавляются сегодня еще и обусловленные различиями в культуре, ценностях; общей деградацией поведения и т.п. Государства же оказываются слишком слабыми, чтобы справиться со всеми этими проблемами.

Снижение управляемости конфликтами обусловлен и другими процессами, происходящими на уровне государства, в котором вспыхивает кон-

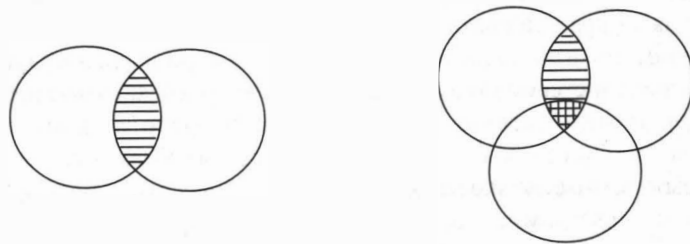

Рис. 9.2. Уменьшение области совпадения интересов по мере увеличения числа сторон

фликт. Регулярные войска, подготовленные к боевым действиям в межгосударственных конфликтах, оказываются плохо приспособленными и с военной, и с психологической точки зрения (прежде всего по причине проведения военных операций на своей территории) к решению внутренних конфликтов силовыми методами. Армия в таких условиях оказывается нередко деморализованной. В свою очередь общее ослабление государства ведет к ухудшению финансирования регулярных войск, что влечет за собой опасность потери контроля государства уже за собственной армией. Одновременно в ряде случаев происходит ослабление государственного контроля и за происходящими в стране событиями вообще, в результате чего конфликтный регион становится своеобразной «моделью» поведения.

Надо сказать, что в условиях внутреннего, особенно затяжного конфликта нередко ослабляется не только контроль над ситуацией со стороны центра, но и внутри самой периферии. Лидеры различного рода движений часто оказываются не в состоянии поддерживать в течение длительного времени дисциплину среди своих соратников, и полевые командиры выходят из-под контроля, совершая самостоятельные рейды и операции. Вооруженные силы распадаются на несколько отдельных групп, нередко конфликтующих друг с другом. Силы, вовлеченные во внутренние конфликты, часто оказываются настроенными экстремистски, что сопровождается стремлением «идти до конца любой ценой» ради достижения целей за счет ненужных лишений и жертв. Крайнее проявление экстремизма и фанатизма ведет к использованию террористических средств, захвату заложников. Эти феномены последнее время сопровождают конфликты все чаще.

Информация к размышлению

Английский дипломат Роберт Купер писал, что большинство современных крупных государств не стремится к завоеваниям. Приобретение новых территорий не представляет более интереса, а присоединение новых народов для большинства государств стало бы кошмаром.

Cooper R. International Herald Tribune. 1997. September 18. P. 8.

Вопрос для размышления

Согласны ли вы с этим утверждением? Означает ли оно, что в XXI в. не будет конфликтов между государствами из-за территориальных претензий?

Современные конфликты приобретают и определенную политико-географическую ориентацию. Они возникают в регионах, которые можно отнести, скорее, к развивающимся или находящимся в процессе перехода от авторитарных режимов правления. Даже в экономически развитой Европе конфликты вспыхивали в тех странах, которые оказывались менее развитыми. Если же говорить в целом, то современные вооруженные конфликты сосредоточены прежде всего в странах Африки и Азии.

Появление большого числа *беженцев* — еще один фактор, усложняющий ситуацию в районе конфликта. Так, в связи с конфликтом Руанду в 1994 г. покинули около 2 млн человек, которые оказались в Танзании, Заире, Бурунди. Ни одна из этих стран не были в состоянии справиться с потоком беженцев и обеспечить их самым необходимым.

Изменение характера конфликтов от межгосударственных к внутренним не означает снижения их международной значимости. Напротив, в результате процессов глобализации и тех проблем, которые таят в себе конфликты конца XX — начала XXI в., появления большого числа беженцев в других странах, а также вовлеченности в их урегулирование многих государств и международных организаций, внутригосударственные конфликты все отчетливее приобретают международную окраску.

Один из важнейших вопросов при анализе конфликтов: почему некоторые из них регулируются мирными средствами, в то время как другие перерастают в вооруженное противостояние? В практическом плане ответ крайне важен. Однако методологически обнаружение универсальных факторов перерастания конфликтов в вооруженные формы является

Это важно!

Конфликты конца XX — начала XXI в. характеризуются в целом следующим:

- ♦ внутригосударственным характером;
- ♦ международным звучанием;
- ♦ потерей идентичности;
- ♦ множественностью сторон, включенных в конфликт и его урегулирование;
- ♦ значительной иррациональностью поведения сторон;
- ♦ плохой управляемостью;
- ♦ высокой степенью информационной неопределенности;
- ♦ вовлечением в обсуждение ценностей (религиозных, этнических).

далеко не простым. Тем не менее, исследователи, которые пытаются ответить на этот вопрос, рассматривают обычно две группы факторов:

♦ *структурные факторы*, или, как их чаще называют в конфликтологии, *независимые переменные* (структура общества, уровень экономического развития и т.п.);

♦ *процедурные факторы*, или *зависимые переменные* (политика, проводимая как участниками конфликта, так и третьей стороной; личностные особенности политических деятелей и т.п.).

Структурные факторы нередко называют также *объективными*, а процедурные — *субъективными*. Здесь прослеживается явная аналогия в политической науке с другими, в частности с анализом проблем демократизации.

В конфликте обычно выделяются несколько фаз. Американские исследователи Д. Прюитт (*D. Pruitt*) и Дж. Рубин (*J. Rubin*) сравнивают жизненный цикл конфликта с развитием сюжета в пьесе из трех действий. В первом определяется суть конфликта; во втором он достигает своего максимума, а затем и пата, или развязки; наконец, в третьем действии происходит спад конфликтных отношений. Предварительные исследования дают основание полагать, что в первой фазе развития конфликта структурные факторы «задают» определенный «порог», являющийся критическим при развитии конфликтных отношений. Наличие этой группы факторов необходимо как для развития конфликта вообще, так и для реализации его вооруженной формы. При этом чем явственнее выражены структурные факторы и больше их «задействовано», тем вероятнее развитие вооруженного конфликта (отсюда в литературе по конфликтам нередко происходит отождествление вооруженной формы развития конфликта с его эскалацией) и все уже становится возможным поле деятельности политиков (процедурных факторов). Другими словами, структурные факторы определяют потенциал развития вооруженного конфликта. Весьма сомнительно, чтобы конфликт, и тем более вооруженный, возник «на пустом месте» без объективных причин.

На второй (кульминационной) фазе особую роль начинают играть преимущественно процедурные факторы, в частности ориентация политических лидеров на односторонние (конфликтные) или совместные (переговорные) с противоположной стороной действия по преодолению конфликта. Влияние этих факторов (т.е. политических решений относительно переговоров или дальнейшего развития конфликта) довольно ярко проявляется, например, при сравнении кульминационных точек развития конфликтных ситуаций в Чечне и Татарстане, где действия политических лидеров в 1994 г. повлекли за собой в первом случае вооруженное развитие конфликта, а во втором — мирный способ его урегулирования.

Таким образом, в довольно обобщенном виде можно сказать, что при изучении процесса формирования конфликтной ситуации в первую очередь должны быть проанализированы структурные факторы, а при выявлении формы ее разрешения — процедурные.

9.2. Формы и методы воздействия на конфликт с целью его предотвращения и мирного урегулирования

Современные подходы к урегулированию конфликтов во многом проистекают из их особенностей. В настоящее время наука и социальная практика, в принципе, располагают достаточно разработанной для этого технологией.

Большое значение процедурам и методам урегулирования конфликтов придает ООН. В ст. 33 главы VI Устава Организации Объединенных Наций говорится: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору». За активную деятельность, связанную с миротворчеством, ООН отмечена в 1988 г. Нобелевской премией.

В начале 1990-х годов активность ООН в области урегулирования и предотвращения открытых форм проявления конфликтов усилилась, а численность ее миссий по поддержанию мира возросла (рис. 9.3). В 1992 г.

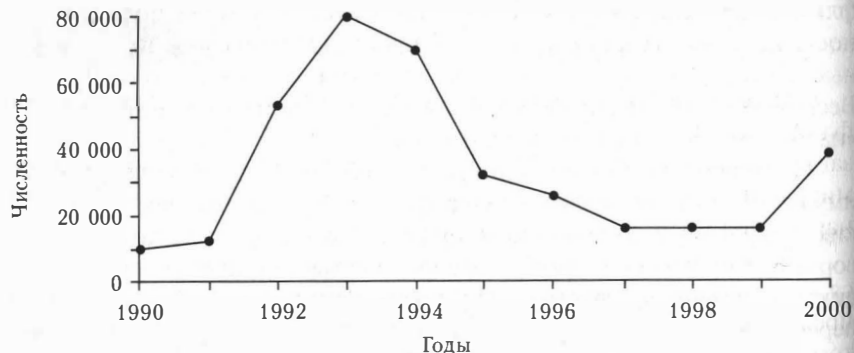

Рис. 9.3. Численность миротворческих сил ООН в период с 1990 по 2000 г.

Источник: Issues in World Politics. Second edition / Ed. by B. White, R. Little, M. Smith. N.Y., 2001. P. 115.

Бутрос Гали, будучи Генеральным секретарем ООН, предложил развернутую «Повестку дня для мира» (англ.: *Agenda for Peace*), в которой подробно изложены различные процедуры мирного урегулирования и предотвращения конфликтов. В целом во второй половине 1990-х, а также в начале 2000-х годов ООН уделяла миротворческим проблемам большое внимание. За деятельность в этой области ООН и ее Генеральному секретарю Кофи Аннани была вручена Нобелевская премия мира 2001 г.

Поскольку конфликты создают серьезную угрозу региональной безопасности, их урегулирование также находится в центре внимания многих региональных межправительственных организаций, в том числе ОБСЕ, АС и др. К решению этих вопросов подключаются и неправительственные организации («Врачи без границ» и др.). Тем не менее, серьезной проблемой остается факт, что современные внутривнутриполитические конфликты с их этнической и религиозной составляющей крайне сложно поддаются воздействию. Они затрагивают глубинные ценностные и эмоциональные структуры участников, поэтому, как правило, требуют длительного времени для примирения.

Деятельность по урегулированию и предотвращению конфликтов, в зависимости от ситуации, характера угроз, стадии развития, включает целый спектр мероприятий — от посредничества и наблюдений за выполнением соглашений до военных операций. Многие из этих технологий разработаны и введены в практическую сферу в конце XX столетия. В целом воздействие на конфликт для его мирного завершения осуществляется за счет:

- ♦ превентивной дипломатии (англ.: *preventive diplomacy*);
- ♦ поддержания мира (англ.: *peacekeeping*);
- ♦ сохранения мира (англ.: *peacemaking*);
- ♦ восстановления мира (англ.: *peacebuilding*).

Превентивная дипломатия используется для того, чтобы не дать конфликту перейти в вооруженную стадию. Она включает деятельность, связанную с «восстановлением доверия» между конфликтующими сторонами; работу миссий гражданских наблюдателей по установлению фактов нарушения мира; обмен информацией и т.п.

Превентивная дипломатия особенно интенсивно начала развиваться после всплеск конфликтов в конце 1980-х — начале 1990-х годов, прежде всего в Европе, когда все чаще стали раздаваться голоса в пользу того, что наиболее перспективны раннее предупреждение и предотвращение конфликтов. Эта тема особенно отчетливо прозвучала в упомянутой программе «Повестка дня для мира». Идеи предотвращения конфликтов нашли активную поддержку и у политических деятелей.

Тем не менее, конкретная политика в отношении конфликтных ситуаций во многом остается реактивной, т.е. в основном действия предпринимаются после того, как то или иное событие произошло — лишь в ответ на него. Причин здесь несколько.

Во-первых, возникают проблемы, связанные с поиском индикаторов, по которым можно судить о потенциально конфликтных районах. Несмотря на то что развернута и реализуется программа мониторинга ООН за возможными взрывоопасными зонами, четких критериев, по которым можно было бы прогнозировать, когда и где возникнет, а также в какой форме проявится очередной конфликт, не существует.

Во-вторых, возникают проблемы обоснования необходимости вмешательства; принятия соответствующих решений о том, какого рода действия будут предприняты; получения необходимых разрешений для воздействия на конфликт и, наконец, финансирования предпринимаемых действий. При обсуждении всех этих вопросов существенную роль играют и чисто психологические факторы, в частности, необходимость предотвращения угрозы, которой пока не существует реально.

Поддержание мира подразумевает меры, направленные на прекращение огня. Это может быть развертывание миссий военных наблюдателей, миротворческих сил; создание буферных зон, а также зон, свободных от полетов, и т.п. Вводимые миротворческие силы могут называться «чрезвычайными», «временными», «охранительными», «силами разведения», иметь различные мандаты, определяющие допустимые средства достижения цели.

Деятельность по поддержанию мира ориентирована не на поиск мирного решения проблемы, а лишь на снижение остроты конфликта. Она предусматривает разведение противоборствующих сторон и ограничение контактов между ними. В результате военные действия участников стано-

Это интересно!

Непосредственно в Уставе ООН силы по поддержанию мира не упоминаются. Это дало основание Дагу Хаммаршельду, когда он был на посту Генерального секретаря ООН, пошутить, что введение сил по поддержанию мира предусмотрено главой шесть с половиной, что находится между шестой главой, в которой говорится о необходимости разрешать споры мирными средствами, и главой седьмой, предполагающей применение силы, если есть угроза миру, нарушение мира и акты агрессии.

вятся затруднительными. Однако если проводить аналогии с медициной, то усилия по поддержанию мира нацелены, скорее, на снятие симптомов болезни, чем на ее лечение.

Возникает целый ряд и других вопросов и ограничений. Так, миротворческие силы не могут быть введены без разрешения государства, на территорию которого направлены, а оно в свою очередь может воспринимать это как вмешательство во внутренние дела. Другой вопрос, каким должен быть состав вводимых сил, чтобы их действия воспринимались как нейтральные, а не поддерживающие ту или иную сторону в конфликте. Деятельность вводимых сил ограничена их мандатом. Как правило, они не имеют права преследовать нападающего. В результате сами миротворцы нередко становятся своеобразной мишенью.

Сохранение мира предполагает процедуры, связанные с организацией *переговорного процесса* и осуществлением *посреднических усилий* третьей стороной для поиска взаимоприемлемых решений. Здесь важно, чтобы, в отличие от поддержания мира, деятельность по сохранению мира направлялась не только на снижение уровня противостояния сторон, но и на такое решение проблемы мирным путем, которое удовлетворяло бы конфликтующие стороны.

Результатом деятельности по сохранению мира не всегда является разрешение противоречий. Стороны порой лишь вынужденно идут на подписание договоренностей, понимая, что продолжение конфликта на данном этапе становится невозможным. При этом та или иная сторона может не очень стремиться к их выполнению. В этом случае нередко требуются гарантии выполнения соглашений. Третья сторона, участвующая в посредничестве, нередко и становится таким гарантом. Например, в соглашениях, заключенных между Израилем и Египтом в 1979 г., им выступили США.

Еще одна проблема использования мер воздействия на конфликт в рамках сохранения мира заключается в том, что все переговорные средства ориентированы на рациональное поведение конфликтующих сторон. В реальных же условиях участники конфликта склонны к непредсказуемым, даже иррациональным действиям, вплоть до «самоубийственных шагов», и эмоциональным реакциям.

Наконец, проблема состоит и в том, что действия по сохранению мира направлены на работу с лидерами конфликтующих сторон. Уровень же массового сознания и поведения здесь фактически не затрагивается. Поэтому после достижения договоренностей нередко возникают вспышки насилия.

Под *восстановлением мира* понимается активное вовлечение третьей стороны в постконфликтное урегулирование. Это может быть деятель-

ность, направленная на подготовку выборов, управление территориями до полного восстановления мирной жизни, передачу власти местным органам и т.п. В рамках восстановления мира осуществляются также мероприятия по примирению конфликтующих сторон. Большое значение имеют экономическое развитие, разработка проектов, предполагающих сотрудничество бывших противников (как это было, например, по окончании Второй мировой войны в Западной Европе). Кроме того, восстановление мира включает просветительскую работу, которая тоже направлена на примирение участников, формирование толерантного поведения.

Наряду с названными понятиями в литературе по конфликтам можно нередко встретить и другие, в том числе такие, как «операции или миссии по поддержанию мира» (англ.: *peacekeeping operations*); «операции или миссии в поддержку мира» (англ.: *peace support operations* или *missions*); «операции в пользу мира» (англ.: *peace operations*). В принципе все термины близки между собой, хотя и не всегда совпадают. Например, понятие «операции в поддержку мира» используется в основном в документации НАТО.

В связи с интенсивным развитием практики воздействия на конфликты к концу XX столетия появился термин «миротворческие операции второго поколения». Они предполагают более широкий спектр применения в конфликте третьей стороной различных средств, в том числе использование военно-морских сил и авиации. При этом военные операции стали осуществляться и без согласия государства, в котором возник конфликт, как было, например, в бывшей Югославии. Эта практика получила название «*принуждение к миру*» (англ.: *peace enforcement*) и довольно неоднозначно воспринимается различными государствами, политическими деятелями, движениями и т.п.

В научной литературе утвердились также термины: *предупреждение* открытых вооруженных форм проявления конфликтов, сопровождающихся насильственными действиями — войнами, массовыми беспорядками и т.п. (англ.: *conflict prevention*); *урегулирование конфликтов*, направленное на снижение уровня враждебности в отношениях сторон, что предполагает посреднические процедуры и переговоры (англ.: *conflict management*); *разрешение конфликтов*, ориентированное на устранение их причин, формирование нового уровня взаимоотношений участников (англ.: *conflict resolution*).

Две группы понятий, распространенных в научных исследованиях и практике урегулирования и предотвращения конфликтов, представляют собой две близкие области, которые М. Лунд (M. Lund) назвал соответственно «С-серия» и «Р-серия» от английского языка, в котором научная терминология начинается с понятия «conflict», а в сфере практики обыч-

но — с понятия «rease». В последние годы обе области испытывают все большее влияние друг друга. В результате нередко в терминологическом плане возникает путаница.

Практика урегулирования конфликтов в конце XX столетия породила также проблему, связанную с *гуманитарным воздействием* на конфликтную ситуацию. В современных конфликтах страдает в больших масштабах именно гражданское население (от 80 до 90%), в том числе из-за нехватки продовольствия, медикаментов, теплой одежды, жилья и т.п. В связи с этим нередко встает вопрос о возникновении *гуманитарной катастрофы* и необходимости оказания *гуманитарной помощи*. При этом гуманитарное воздействие на конфликтную ситуацию стало осуществляться в ряде случаев без согласия государства, в котором возникал конфликт, что и породило правовую проблему. Суть дискуссий сводится к обсуждению вопроса о том, не является ли это вмешательством во внутренние дела государства. Если ответить положительно, то возникают другие вопросы. Как быть с правами человека? Что делать, если в конфликтной ситуации государство нарушает права гражданского населения, проводит этнические чистки и прочее, создавая тем самым проблемы не только внутри своей страны, но и для соседей из-за потока ринувшихся к ним беженцев? В рамках существующих норм все они решаются крайне сложно.

Важным в практике урегулирования конфликтов 1990–2000 гг. стало и то, что к этому процессу одновременно подключаются множество участников. В традиционной дипломатии урегулированием конфликтов занимаются государства и межправительственные организации — так называемое *первое направление дипломатии* (англ.: *Track-I Diplomacy*), или *официальная дипломатия*. Кроме того, в урегулировании конфликтов принимают участие неправительственные организации, отдельные лица (например, бывшие политические деятели, известные писатели, ученые). Данная практика *неофициальной дипломатии* получила название «*второе направление дипломатии*» (англ.: *Track-II Diplomacy*).

Такое множественное воздействие отвечает современным реалиям — многоплановости конфликтов, множественности и разнородности их участников, а также общей тенденции, связанной с активизацией негосударственных акторов. Известно, что на разные структуры конфликта требуется различное воздействие, причем по многим каналам: на неофициальных его участников часто более эффективно воздействие неофициальных, на официальных акторов, как правило, — официальных посредников.

Деятельность неправительственных организаций в условиях конфликта может быть крайне разнообразной. Это и доставка гуманитарной помощи непосредственно нуждающимся в ней лицам, и сбор информа-

ции о реальном положении дел, и содействие в установлении контактов (как официальных, так и неофициальных) с целью снижения напряженности между участниками конфликта, и внедрение образовательных программ, ставящих своей целью изменение ориентации людей — от конфликтного поведения к поиску согласия. Иногда деятельность неправительственных организаций непосредственно связана с восстановлением разрушенных военными действиями коммуникаций, обеспечением населения в конфликте или на постконфликтной стадии продовольствием, водой и проч.

Неправительственные организации ориентируются в основном на оказание воздействия на массовом уровне, что очень важно во внутренних конфликтах. У них обычно устанавливаются довольно хорошие и обширные связи с различными слоями населения. При этом сами неправительственные организации на уровне массового сознания рассматриваются во многих случаях как более нейтральные и независимые посредники по сравнению с государственными структурами.

Работая с массами, неправительственные организации располагают порой и более детальной информацией с мест событий. Для официальных посредников, из-за меньшей обычно их численности и по ряду других причин, оказывается затруднительным сбор такой информации.

Однако деятельность в рамках второго направления дипломатии имеет и ряд ограничений. Нередко преимущества, которыми обладают неофициальные посредники, оборачиваются и недостатками. Так, работая с отдельными лицами в конкретном районе и получая от них информацию, представители неофициальной дипломатии часто не видят картины в целом. Более того, информация не всегда ими проверяется, а в некоторых случаях искажается при передаче.

Другим ограничением деятельности второго направления дипломатии является то, что его представители не всегда оказываются хорошо подготовленными с профессиональной точки зрения. В неправительственные организации порой идут люди, которые искренно желают помочь урегулированию конфликта, но не всегда обладают соответствующими знаниями и навыками. Например, реализация функций, связанных с психологической реабилитацией оказавшихся в зоне конфликта, требует специальной подготовки в области психологии. Одни неправительственные организации уделяют необходимое внимание профессиональной подготовке своих кадров, исходя из гиппократовского принципа «Не навреди!», в то время как другие это игнорируют, что создает трудности при подключении таких организаций, как и отдельных лиц, к урегулированию конфликтов.

Вызывает ряд трудностей и множественность участников этого процесса. Одна из главных проблем состоит в согласованности действий. В противном случае активность может вызвать даже усиление враждебных отношений или дать повод к новым конфликтам. Дело в том, что третьи лица действуют в условиях конфликта на основе принципов и норм, которые далеко не всегда совпадают, а порой и противоречат друг другу. Это влечет за собой развитие конфликтов, что особенно характерно для негосударственных акторов. Так, вице-президент одной из крупнейших неправительственных организаций «World Vision» А. С. Натсиос (*A. S. Natsios*) приводит пример распространения гуманитарной помощи во время конфликта (Руанда, 1994) в двух соседних деревнях различными неправительственными организациями. В одной гуманитарной помощи обеспечивались все в ней нуждающиеся, в то время как в близлежащую деревню другая неправительственная организация доставляла гуманитарную помощь только при условии участия в проекте, ориентированном на снижение напряженности. В результате и между жителями этих деревень возник конфликт.

Особый вопрос — взаимоотношения неправительственных организаций с официальными структурами. Эти контакты строятся далеко не всегда просто. Официальные власти часто стараются ограничить деятельность неправительственных организаций в зоне конфликта, рассматривая ее, если НПО является международной, как вмешательство во внутренние дела (иногда не без основания). Вопрос о том, могут и должны ли неправительственные организации сохранять нейтральность в условиях конфликта, далеко не простой. С этой проблемой сталкиваются даже такие известные и крупные организации, как Международный Красный Крест. В частности, в 1960-х годах против принципа нейтральности неправительственных организаций в условиях конфликта выступил французский активист этой организации Р. Бернард Кушнер, основатель движения «Врачи без границ». Его аргументы сводились к тому, что в условиях осуществляемого геноцида гуманистически ориентированные организации не могут быть нейтральными. Однако отказ от принципа нейтральности всех неправительственных организаций может вообще закрыть доступ к гуманитарной помощи по неправительственным каналам для тех, в отношении кого совершается геноцид, так как официальные власти просто не разрешат производить ее доставку.

Еще одна проблема — взаимодействие правительственных и неправительственных структур по урегулированию конфликта. Очевидно, что оно необходимо. И в связи с этим все большую популярность приобретает новое направление практики, которое получает теоретическое осмысление

как *многонаправленная дипломатия* (англ.: *Multi-Track Diplomacy*). Само понятие предполагает сотрудничество представителей официальной дипломатии с теми, кто занимается данной деятельностью в рамках второго направления дипломатии. Многонаправленная дипломатия представляет собой не просто слияние двух направлений, но и подключение к ним деловых структур, частных лиц, исследовательских и образовательных центров, религиозных деятелей, местных активистов, адвокатских и филантропических организаций, представителей средств массовой информации, а также распределение между ними функций.

Ключевые термины

Конфликт	Посреднические усилия (посредничество)
Межгосударственные конфликты	Восстановление мира
Внутренние конфликты	Принуждение к миру
Конфликты идентичности	Предупреждение конфликтов
Беженцы	Урегулирование конфликтов
Структурные факторы (независимые переменные)	Разрешение конфликтов
Процедурные факторы (зависимые переменные)	Гуманитарное воздействие
Ассиметричные конфликты	Гуманитарная катастрофа
Превентивная дипломатия	Гуманитарная помощь
Поддержание мира	Официальная дипломатия (первое направление)
Сохранение мира	Неофициальная дипломатия (второе направление)
Переговорный процесс (переговоры)	Многонаправленная дипломатия

Вопросы для обсуждения

- В чем особенность современных конфликтов?
- Чем можно объяснить развитие конфликтов в конце XX — начале XXI в.?
- В чем возникают сложности при урегулировании современных конфликтов?
- Что понимается под терминами «превентивная дипломатия», «поддержание мира», «сохранение мира»?
- Чем обусловлены дискуссии относительно гуманитарного воздействия на конфликт?
- Какое воздействие на конфликт оказывается в рамках второго направления дипломатии?
- В чем заключается проблема согласованного воздействия на конфликтную ситуацию с целью ее урегулирования?

Практикум

Проанализируйте один из конфликтов конца XX — начала XXI в. с учетом следующих параметров. Каков характер участников (движения, государства и

т.п.)? Кто выступал третьей стороной (сторонами) в урегулировании конфликта? Какие использовались процедуры и методы его урегулирования? Насколько эффективным было вмешательство в конфликт?

Рекомендуемая литература

- Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусокова А. А. Этносоциология. М., 1998.
- Боришполец К. П. Национальное измерение глобального мира // Вестник МГУ. 2001. Сер. 18. № 1. С. 3–15.
- Биго Д. Проблемы безопасности: творческие дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998. С. 266–306.
- Бутрос Гали Б. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 1992.
- Ежегодник СИПРИ-2000. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2001 (а также аналогичные ежегодники за предыдущие годы).
- Идентичность и конфликт / Под ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М., 1997.
- Кулагин В. М. Международная безопасность. М., 2006.
- Лебедева М. М. Вестфальская модель мира и особенности конфликтов на рубеже XXI века // Космополис. Альманах. 1999. С. 132–137.
- Лебедева М. М. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 31–39.
- Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. 2-е изд. М., 1999.
- Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ. М., 1998.
- Фельдман Д. М. Политология конфликта. М., 1998.

Интернет-ресурсы

- Операции ООН по поддержанию мира: <http://www.un.org/depts/dpko>
- Institute for War and Peace Reporting (информация по конфликтам, основанная на данных СМИ. Кроме того, даются аналитические обзоры): <http://www.ipr.net>
- СИПРИ: <http://www.sipri.se>

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ «СЕВЕР—ЮГ»

10.1. Параметры неравномерного развития стран «Юга» и «Севера»

Понятия «богатый Север» — «бедный Юг» широко используются сегодня для обозначения явления, которое заключается в значительной поляризации мира по оси «Север—Юг». В результате этого в странах, находящихся в северном полушарии (*развитых государствах*), общий социально-экономический уровень жизни существенно выше, чем в *развивающихся странах* (англ.: *developing countries, less-developed countries, LDC*, или *underdeveloped countries, UDC*) южного полушария. Иногда, хотя в последнее время значительно реже, страны «Юга» называют странами «третьего мира». Этот термин первоначально получил распространение в рамках неомарксизма в годы холодной войны, когда выделялись капиталистические, социалистические и «остальные» — страны «третьего мира».

Примерно 20% населения Земли составляют те, кто проживает в благополучных странах северного полушария. По данным, представленным Программой развития ООН за 1998 г., они потребляют около 90% всех производимых на Земле товаров. Им принадлежит примерно 85% всего парка автомобилей. На них приходится потребление почти 60% всей вырабатываемой энергии. А доходы их граждан превышают тех, кто проживает в развивающихся странах, в 60 раз и более.

В то же время рост населения наблюдается именно в развивающихся странах (здесь проживает 85% родившихся в 1960 г. и позднее). По данным Всемирного банка, в таких регионах, как Африка и Ближний Восток, ежегодный прирост населения составляет до 3%. Высокие темпы роста населения предполагают решение вопросов, связанных с образованием, здравоохранением, созданием новых рабочих мест. Однако вместо экономического роста и улучшения в социальной сфере наблюдается спад в этих областях.

В развивающихся странах увеличивается число больных СПИДом: в настоящее время на них приходится почти 90% всех ВИЧ-инфицированных. Со ссылкой на материалы Всемирного банка часто приводятся такие данные. В Африке, к югу от Сахары, где ситуация оказывается наиболее сложной, каждый 40-й взрослый является ВИЧ-инфицированным. Наряду с эпидемией СПИДа в развивающихся странах высокий уровень заболеваний гепатитом (2 млн летальных исходов ежегодно), туберкуле-

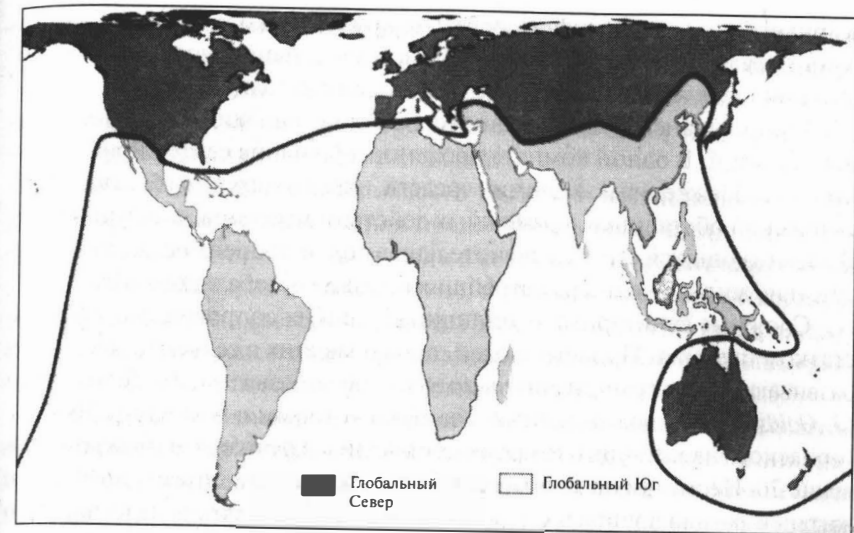

Рис. 10.1. Поляризация мира по оси «Север—Юг»

Источник: Kegley Ch., Wintkopf E. R. World Politics: Trend and Transformation. Eighth Edition. N.Y., 2001. P. 127.

зом (3 млн соответственно), малярией (1 млн летальных исходов при 300 млн заболеваний ежегодно) и другими, в том числе тропическими, болезнями. Здравоохранение же в этом регионе находится на более низком уровне по сравнению с развитыми странами. По данным Всемирной организации здравоохранения, ВОЗ (англ.: *World Health Organisation, WHO*), на 75% населения Земли, которое проживает в развивающихся странах, приходится 30% врачей. К этому следует добавить, что доходы взрослых жителей этих стран не позволяют им тратить значительные суммы на лекарства и медицинское обслуживание. В результате даже острое респираторное заболевание может привести к смерти.

Недостаток питьевой воды, жилья, пищи и других жизненно необходимых средств также характерен для этих стран. В некоторых странах, например в Индии, Пакистане, Индонезии, Нигерии, Бразилии и др., часть населения, особенно в сельской местности, не только не имеет водопровода, но и вынуждена ежедневно преодолевать значительные расстояния для того, чтобы набрать питьевой воды. А ее недостаток ведет к распространению желудочно-кишечных заболеваний, которые лидируют среди причин смертности (4 млн летальных исходов ежегодно), а также к ухудшению санитарных условий жизни в целом. В 1995 г. Все-

мирный банк привел цифры, согласно которым около 80% всех заболеваний в развивающихся странах связано с качеством используемой воды. Это приводит к смерти около 10 млн людей ежегодно.

Распространению заболеваний способствует низкий уровень жилищных условий. В одной комнате проживают большие семьи, причем жилье, по соображениям экономии средств, нередко строится без учета санитарической обстановки, возможных действий муссонов, тайфунов и т.п. В развивающихся странах значительно выше и процент бездомных. Отсутствие жилья — одна из острейших проблем «глобального Юга».

Сложные санитарные и жилищные условия сопровождаются недостатком питания. Процент людей, проживающих в сельской местности развивающихся стран, значительно выше, чем в развитых. Дж. Гольдштейн (*J. Goldstein*) приводит данные, согласно которым в последних 70–80% городского населения, в то время как в Азии и Африке этот показатель не выше 20. Несмотря на занятие сельским хозяйством, примерно 800 млн жителей развивающихся стран хронически недоедают, вследствие чего не могут выполнять даже простейшую работу. Однако и среди тех, кто чуть поднялся над крайней чертой бедности, большой процент людей не получают достаточного количества белков и витаминов. Это объясняет-

ся необходимостью отводить огромные площади сельскохозяйственных угодий под экспортные культуры: чай, кофе, какао. Даже те культуры, которые хорошо восполняют недостаток белков (например, соевые) и могли бы использоваться для борьбы с голодом в своей стране, идут на экспорт или для питания среднего класса.

Плохие социально-экономические условия в развивающихся странах приводят к тому, что средняя продолжительность жизни в них составляет около 60 лет (в бедных — 50, а в некоторых, вследствие развития эпидемии СПИДа, значительно ниже), в то время как в развитых государствах она приближается к 80 годам. При этом более 17% новорожденных в развивающихся странах не доживают до пятилетнего возраста (в развитых странах этот показатель в среднем составляет чуть более 1,5%).

Резко различается и уровень образования в развитых и развивающихся странах. Если на «глобальном Севере» примерно 97% населения грамотны, то в ряде регионов «глобального Юга» грамотность может быть менее 40%, т.е. люди в основном не умеют читать и не могут написать простейшие предложения. Вместо школы дети этих стран чаще отправляются на заработки. Растут беспризорность и детская преступность.

Низкий уровень жизни, образования и здравоохранения, безработица нередко сопровождаются конфликтами, нестабильностью, политическими переворотами. Особенно настораживает факт, что по ряду показателей пропасть между «Севером» и «Югом» продолжает увеличиваться. Дж. Т. Роурке (*J. T. Rourke*) и М. А. Бойер (*M. A. Boyer*) приводят данные, согласно которым в 1990 г. годовой доход на душу населения в странах «глобального Севера» составил в среднем 19 590 долларов США, а на «глобальном Юге» — 840, т.е. разница в доходах — 18 750 долларов. В 1998 г. разница стала еще больше — 24 260 долларов США при годовых доходах на человека в развитых странах 25 510, а в развивающихся — 1250.

Особую тревогу вызывают страны с наименьшими доходами на душу населения. Эти государства, по классификации Международного Валютного Фонда, относятся к наименее развитым среди развивающихся стран (англ.: *the least-developed of the less-countries, LLDCs*). В них средний доход на человека составляет около одного доллара в день, а товарно-денежные отношения заменяются натуральным обменом, хотя уровень жизни небольшого процента лиц, принадлежащих к политической и экономической элите этих стран, может быть достаточно высоким. В наименее развитых странах проживает, по разным оценкам, от 1,3 до 2 млрд человек. Много таких стран в Африке, к югу от Сахары. Там одни из наиболее низких показателей и по доходам на душу населения, и по другим социально-экономическим параметрам. Более того, в некоторых странах Аф-

Это интересно!

Приведем сравнение двух стран: развитой (Японии) и развивающейся (Нигерии) — по ряду важнейших показателей.

Показатели	Япония	Нигерия
Продолжительность жизни	80	53
Младенческая смертность на 1000 новорожденных	4	50
ВНП на душу населения, \$ США	39 640	250
Прирост населения за 1990–1995 гг., %	0,2	2,9
Грамотность среди взрослого населения, %	98	57
Количество врачей на 100 тыс. населения	164	2

По материалам источника: Rourke J. T., Boyer M. A. World Politics. International Politics on the World Stage, Brief, Third Edition. USA: Dushkin/McGraw-Hill, 2000. P. 308.

рики с конца 1980-х годов наблюдается спад ВВП, а также производства продуктов питания (до 80%) при одновременном росте населения.

Для сопоставления различных стран по уровню развития с учетом многого из того, что уже упоминалось, выработаны различные показатели. Один из наиболее широко используемых — *индекс человеческого развития* (англ.: *Human Development Index, HDI*), который учитывает не только ВВП государства, но и такие социальные параметры, как продолжительность жизни, образовательный уровень и др. Согласно оценкам Программы развития ООН — ПРООН (англ.: *UNDP*) за 1999 г., в пятерку ведущих стран мира вошли Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия, а замыкают список африканские страны — Бурунди, Буркина-Фасо, Эфиопия, Нигер и Сьерра-Лионе.

Есть и другие показатели, которые учитываются при оценке социально-экономического развития стран. Среди них — *индекс гендерного развития* (англ.: *Gender Development Index, GDI*), фиксирующий различия в социально-экономических показателях жизни между мужчинами и женщинами. По этому критерию в 1999 г. также лидировала Канада, за ней следовали Норвегия, США, Австралия, Швеция (в этих странах гендерные различия оказались наименьшими), замыкали список Гвинея-Бисау, Бурунди, Буркина-Фасо, Эфиопия, Нигер.

Довольно остро стоит вопрос — *задолженность «Юга» странам «Севера»*. Она образовалась в результате кредитов, которые развивающиеся страны получали от Запада. Ситуация начала резко осложняться в связи со скачком цен на нефть в 1970-е годы. Многие развивающиеся страны, которые не добывали нефть, оказались вынужденными ввозить ее по значительно более высоким ценам, для чего и были взяты денежные кредиты в западных банках. Однако среди заемщиков были и такие страны, которые экспортировали энергоресурсы, в частности Мексика. В целом долг развивающихся стран в 1982 г. составлял 805 млрд американских долларов, а к 1996 г. достиг уже 2095. В 1982 г. Мексика объявила, что не может ликвидировать иностранный долг, и попросила помощь в размере 4 млн долларов США. Вслед за Мексикой обратились за помощью и другие страны.

Проблема заключалась в том, что растущий долг развивающихся стран стал угрожать как государствам «Юга», так и «Севера». Первые просто не могли расплатиться. Что касается «Севера», то кредиторы теряли огромные суммы денег. Дефолт развивающихся стран мог бы самым непосредственным образом сказаться на них. Все это привело к необходимости решения вопросов иностранного долга развивающихся стран и долгового кризиса как такового. В 1989 г. США, как один из ведущих кредиторов,

предложили план, согласно которому часть долга развивающихся стран была прощена, по другой же проценты пересмотрены в сторону уменьшения; предполагались также новые кредиты под гарантию Международного валютного фонда, Всемирного банка и правительств стран-кредиторов. Это несколько ослабило кризисную ситуацию. Однако в целом проблема иностранного долга развивающихся стран до сих пор не решена.

Особую тревогу вызвали финансовые потрясения 1990-х годов, в частности, проблемы с мексиканской валютой в 1994 г.; ухудшение экономической ситуации в развивающихся странах. Они к тому же вновь стали брать значительные кредиты. Сложная внутренняя социально-экономическая ситуация в развивающихся странах поставила также под сомнение способность их правительств справиться с дефицитом бюджета, что необходимо для выплаты долга.

Такова общая картина различий в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами. Этот социально-экономический разрыв получил название «пропасти» между «Севером» и «Югом» (англ.: *North-South gap*). Сразу по окончании холодной войны нередко звучали утверждения, что в современном мире противостояние по линии «Восток—Запад» сменилось на противостояние по оси «Север—Юг». Действительно, на первый взгляд, проступает довольно значительная поляризация мира по целому ряду показателей. Однако данный разрыв не столь однозначен, как может показаться.

Во-первых, статистические данные требуют интерпретации. Очевидно, что в странах «глобального Юга» уровень жизни ниже, чем в государствах «глобального Севера». Статистика дает общую картину, а отдельные статистические показатели нуждаются в сопоставлении друг с другом. Так, доход на душу населения должен быть сопоставлен с ценами на основные товары потребления, доступностью здравоохранения, образования и т.п. Для этих целей используется показатель, связанный с покупательной способностью. По нему развивающиеся страны не столь значительно отличаются от развитых, хотя, конечно, отстают от них, особенно если учитывать качество потребляемых товаров.

Во-вторых, «Юг» далеко не однороден по социально-экономическим критериям. Некоторые страны «Юга» сумели преодолеть отставание в социально-экономическом развитии. Сначала экономического успеха добились отдельные государства на Ближнем Востоке, в частности страны — члены ОПЕК, что связано с экспортом нефти. Например, такие страны, как Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, смогли достигнуть уровня жизни, который по социально-экономическим показателям сравним с развитыми государствами «Севера». Ряд других стран Ближневосточного Региона вошли в группу со средними показателями развития.

Позднее возник феномен так называемых *новых индустриальных стран*, НИС (англ.: *newly industrializing/industrialized countries, NICs*), к которым относятся страны Юго-Восточной Азии. Их успех в социально-экономической жизни еще более впечатляющий, чем в странах Ближнего Востока. В 1980-е годы, за относительно короткий исторический период, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг, получившие название «азиатских тигров», сумели стать развитыми индустриальными странами. Их экономическая стратегия была направлена на развитие собственной промышленности и привлечение инвестиций. В результате, по оценкам Международного валютного фонда, МВФ (англ.: *International Monetary Fund, IMF*), к 1996 г. на эти страны приходилось до 10% всего торгового оборота и 3,4% — производства.

В целом же, как отмечает отечественный исследователь К. П. Боришполец, «в основе бесспорных экономических успехов развивающихся стран лежит мощный рывок ограниченного числа государств. Так, в течение последних десятилетий свыше $\frac{4}{5}$ прироста совокупного ВВП “третьего мира” было обеспечено 26 странами, где проживает около 28% всего населения. Степень дифференциации уровней социально-экономического развития стран мирового “Юга” сегодня такова, что фактически речь идет о расслоении на три различные группы, разрыв между которыми растет».

В-третьих, существует не только разрыв между странами, но и внутри отдельных стран по различным показателям. Например, Кувейт, который в середине 1990-х годов входил в первую пятерку стран с наиболее высокими доходами на душу населения, одновременно был среди тех государств, в которых большой процент взрослого населения оставался неграмотным. Подобная картина наблюдается и в некоторых других странах Ближнего Востока, занятых экспортом нефти. А вот некоторые страны, входившие ранее в СССР, имеют приближающуюся к 100% грамотность среди взрослого населения, что ставит их в один ряд с развитыми странами «Севера». Одновременно у них низкие доходы на душу населения, что сближает их уже с государствами «Юга».

«Север» тоже неоднороден. Там имеются районы и группы населения фактически с теми же проблемами, что и у «Юга». Хотя, разумеется, общее число таких людей значительно меньше, а сами проблемы обычно не имеют такой остроты. В целом же в некоторых странах Африки отношение между доходами наиболее бедных и наиболее богатых расходится более чем в 50 раз, в то время как в странах Северной Америки и Западной Европы этот разрыв — менее 10. По оценкам Всемирного банка, в конце 1990-х годов самым большим он был, между наиболее богатыми и наиболее бедными категориями населения, в Бразилии.

Таким образом, современный мир представляет собой скорее некую «мозаику» по уровню жизни, а не четко разделенную пополам сферу. Тем не менее, мозаичность мира не устраняет в целом проблему неравномерного социально-экономического развития «Севера» и «Юга».

10.2. Причины различий между «глобальным Севером» и «глобальным Югом» и возможные пути их преодоления

Чем объяснить диспропорцию социально-экономического развития между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»? Большинство исследователей склонны полагать, что разрыв между развитыми и развивающимися странами обусловлен как внутренними факторами развития, так и отношениями между «Югом» и «Севером». При этом делаются разные акценты на тех или иных факторах, соответственно выделяются и различные теоретические подходы.

Первый подход к проблеме «богатый Север» — «бедный Юг» исходит из *теории классического экономического развития*. Основным посылом в рамках данного подхода служит положение, согласно которому уровень благополучия определяется наличием эффективного производства, свободного предпринимательства, торговли, технологическими инновациями и проч., а не климатом и природными ресурсами. Этот основанный на идеях модернизации подход возник вскоре после Второй мировой войны и исходил из того, что промышленное развитие началось в странах «глобального Севера». Индустриализации подверглась сначала Европа, а потом и Северная Америка. Это, с одной стороны, принесло с собой улучшение условий жизни, с другой — привело к совершенствованию вооружений, которые в дальнейшем были использованы для колониальных захватов.

Теория классического экономического развития основывается на том, что колониальное наследие, конечно, стало неким тормозом развития (хотя некоторые авторы обращают внимание на то, что колониализм, несмотря на все негативные моменты, обеспечил техническими и социальными инновациями страны «Юга»), однако основные препятствия в современном развитии «глобального Юга» кроются в нем самом. Большое воздействие на формирование этого подхода оказал американский экономист и политический деятель Уолт У. Ростоу (*W. Rostow*). В 1960 г. он опубликовал книгу «Стадии экономического роста» (*The Stages of Economic Growth*), в которой высказал предположение, что развивающиеся страны будут проходить те же стадии в своем развитии, что и развитые. Несмотря на то что «глобальный Север» продолжает развиваться, темпы развития «глобального Юга» будут значительно выше, что ему и позволит в конечном счете догнать стра-

ны «Севера». Кроме того, и сам «Север», согласно этой теории, будет заинтересован в таком развитии, так как он ориентирован по самой своей природе на либеральные ценности, открытость границ, создание единого экономического пространства.

В конце XX столетия теория классического экономического развития переживает свое возрождение и получает название *неоклассической*. Стимулом для обращения к идеалам рыночного развития стал во многом пример новых индустриальных государств, которые были направлены как раз на общую либерализацию социально-экономической жизни общества. Данный феномен побудил ко множеству исследований, в которых анализировалась связь политических свобод и экономического развития. И все же основной проблемой в неоклассической теории стали попытки найти пути преодоления значительных различий между развитыми и развивающимися странами.

Сторонники данного подхода в принципе соглашались с тем, что «Север» несет ответственность за отсталость «глобального Юга». Развивающиеся страны не в состоянии без посторонней помощи справиться со своими проблемами, поскольку, с одной стороны, испытывают недостаток в квалифицированных кадрах, обусловленный низким уровнем образования населения в целом; с другой — в экономическом плане зависимы от бывших метрополий. Согласно данному подходу, странам «Юга» должна быть предоставлена помощь для экономического развития, а также их демократизации. Обе эти сферы в неоклассической теории оказываются тесно связанными между собой.

При этом сторонники данного подхода подчеркивают, что наиболее важным аргументом в пользу необходимости развивать отношения с «глобальным Югом» служит не столько историческая ответственность «Севера», сколько ориентация на будущие отношения. Неоклассическая теория склонна рассматривать их между «Севером» и «Югом» как игру с ненулевой суммой, когда в выигрыше могут оказаться и «Север», и «Юг». Иными словами, взаимодействие может быть выгодным обоим сторонам. Защитники этой точки зрения подчеркивают взаимозависимость мира, необходимость интеграции отдельных его частей в единую мировую систему. Для иллюстрации либерального подхода в отношениях «Север—Юг» Дж. Т. Роурке и М. А. Бойер используют метафору, связанную с гибелью «Титаника» в 1912 г. Современный мир настолько взаимосвязан, что может либо пропорционально развиваться и достигнуть некоего общего «порта процветания», либо затонуть, подобно этому судну. В последнем случае вряд ли существенны различия между пассажирами дорогих кают и теми, кто купил самые дешевые билеты.

Наибольшее обсуждение проблема социально-экономического разрыва между «богатым Севером» и «бедным Югом» получила, пожалуй, в рамках другого похода — *неомарксизма*. Он подчеркивает структурное расслоение земного шара на эксплуатируемых («глобальный Юг») и эксплуататоров («глобальный Север»). Отсюда еще одно его название — *структурная теория*, которая была довольно популярной в 1970–1980-е годы.

Расслоение мира обусловлено, согласно данному подходу, империалистическими завоеваниями развитых ныне стран, которые смогли это сделать за счет эксплуатации колоний. Несмотря на обретенную во второй половине XX в. независимость, экономически они остались зависимыми от бывших метрополий или шире — от «глобального Севера». Причем эта зависимость от «богатых» характерна даже для тех стран, которые не были колониями.

В экономике развивающихся государств преобладает та или иная отрасль. Так, экономическое развитие Эфиопии во многом ориентировано на поставки кофе, Ботсваны — добычу алмазов, Замбии — производство меди и т.п. Именно в этой экономической зависимости кроется, согласно неомарксизму, не только разрыв между «Севером» и «Югом», но и его углубление. Неомарксизм исходит из того, что «глобальный Север» не заинтересован в динамичном развитии «Юга», для которого бывшие колонии остаются поставщиками сырья и дешевой рабочей силы.

В рамках теории неомарксизма выделяется два направления: *мир-системный подход* и направление, ориентированное на *теорию зависимости*. Мир-системное понимание разрыва между «Севером» (ядром) и «Югом» (периферией) исходит из того, что функционирование экономики ядра и периферии специализированы и одновременно взаимозависимы. Иными словами, они не могут существовать друг без друга. Длительные исторические циклы, которые рассматривает это направление, предоставляют странам возможность «передвигаться» в рамках структуры: ядро, полупериферия, периферия. В то же время эта теория с трудом может объяснить быстрое экономическое развитие новых индустриальных стран.

Особое внимание на разрыв между «Севером» и «Югом» в рамках неомарксизма обращает теория зависимости. Исходит она из того, что данный разрыв является ключевым в современной политической экономии. Представители теории зависимости, в том числе А. Г. Франк (*A. G. Frank*) и др., выступают против тезиса о стадиях экономического развития, выдвинутого в рамках неолиберализма У. Ростоу, согласно которому каждое государство последовательно проходит одну за другой одни и те же стадии. Возражая, приверженцы теории зависимости говорят о том, что для разви-

вающихся государств — это вовсе не стадия развития, а результат иерархии мира и эксплуатации «Юга» «Севером». Они подчеркивают, что современные развитые страны никогда не находились в ситуации развивающихся, вынужденных догонять более развитые государства. Поэтому экономическая развитость или отсталость не являются «естественными», а обусловлены неравноправными отношениями между странами «глобального Севера» и «глобального Юга».

Аргументом, подтверждающим неравноправность отношений между «Севером» и «Югом», служит для сторонников данной теории и *феномен двухуровневой экономики*. Суть его состоит в том, что ряд отраслей развивающихся стран в интересах «Севера» оказываются «завязанными» на современные информационные и коммуникационные технологии (компьютеры, телекоммуникацию), в то время как другие остаются на «доисторическом» уровне.

Во многом ответственными за разделение мира на «богатый Север» и «бедный Юг» представители теории зависимости видят ТНК. По их мнению, именно транснациональные корпорации выступают инструментом современного неокOLONIALИЗМА. Подчеркивается также, что введение инноваций, инвестиции в развивающиеся страны — все это способствует диспропорциональному развитию «Юга», а в итоге — усилению разрыва между ним и «Севером». На этих представлениях в своих теоретических ориентациях основываются и многие антиглобалистские движения.

Для преодоления различий между «Севером» и «Югом», которые, как подчеркивают неомарксисты, несправедливы, должны быть радикальным образом перестроены мировое производство и торговля.

Наконец, третий подход в отношениях «Север—Юг» ориентирован на *неореализм*. В сфере экономических отношений он получил название *меркантилизма*. Данный подход основан на том, что проблема должна быть решена прежде всего самими развивающимися государствами. Соответственно, и экономически развитые страны при своем взаимодействии со странами «Юга» должны ориентироваться на собственные интересы, а не на патронаж.

Снабжение государств «глобального Юга» продовольствием, медикаментами и другими предметами первой необходимости ведет к повышению рождаемости, но не к перестройке системы хозяйствования, заявляют сторонники неореализма. Данный подход практически не принимает во внимание факт взаимозависимости в современном мире, поэтому он исходит из того, что проблемы развивающихся стран должны мало интересовать развитые государства. Более того, некоторые авторы, ориентирующиеся на данный подход, полагают, что действия развивающихся

стран направлены на изменение «правил игры» и получение собственных преимуществ. В целом же неореализм мало, по сравнению с другими классическими подходами, занимается проблемой разрыва социально-экономического развития между «Севером» и «Югом».

Ряд авторов обращают внимание на то, что если в период холодной войны собственное развитие стран «Юга» сдерживалось идеологическими соображениями, на основе которых предоставлялась экономическая помощь, размещались инвестиции и т.п., то по окончании холодной войны этот фактор перестал действовать.

Тем не менее, в практическом плане и сегодня проблема развития «Юга» достаточно остра. Развивающиеся страны используют различные стратегии для преодоления экономического разрыва. Одна из них ориентирована на производство внутри страны той продукции, которая ранее импортировалась (политика импортзамещения). Ее смысл в развитии собственной промышленности. Эту стратегию использовали многие страны Латинской Америки. Однако в крайнем своем варианте она может привести к тому, что страна окажется вне глобальной мировой экономической системы, и это лишь усугубит ее экономическую отсталость. Кроме того, ограничения в использовании политики импортзамещения связаны с тем, что свой собственный продукт часто оказывается недостаточно высокого качества, дорогим и неконкурентоспособным.

Национализация — еще одна из стратегий. Как и рассмотренная стратегия, она имеет негативные моменты, связанные с возможным понижением экономической эффективности. Проблема заключается в выборе оптимальных средств и методов развития в каждом конкретном случае.

Предпринимаются и коллективные усилия развивающихся стран по преодолению экономического разрыва. Так, в 1973 г. их лидеры на встрече в Алжире выступили с инициативой, которая получила название *нового международного экономического порядка* (англ.: *New International World Order, NIEO*). В 1974 г. вынесенная на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН, она предлагала:

- ♦ провести реформу в области международной торговли, в том числе улучшить и стабилизировать рынок в области сырьевой продукции;
- ♦ реформировать финансовую сферу, в результате чего облегчить доступ развивающихся стран к кредитам Международного валютного фонда — МВФ (англ.: *International Monetary Fund, IMF*) и другим международным финансовым организациям; провести стабилизацию инфляции и обменных курсов;
- ♦ обеспечить иностранную помощь развивающимся странам в размере 0,7% от их ВВП; разработать программу помощи в погашении дол-

га развивающихся стран; ввести международный контроль за деятельностью ТНК, которая имеет особо негативные последствия для развивающихся стран;

- ♦ оказать помощь развивающимся странам в приобретении новых технологий и проведении индустриализации;
- ♦ предоставить странам «Юга» права и контрольные функции в отношении своих ресурсов.

Сначала реакция развитых стран была негативной, однако диалог «Юга» и «Севера» состоялся и был продолжен. В настоящее время развивающиеся страны активно выступают в различных международных организациях, включая ООН. Так, Конференция ООН по торговле и развитию — ЮНКТАД (англ.: *United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*), созданная как постоянный орган Генеральной Ассамблеи ООН в 1964 г., была ориентирована на решение экономических проблем развивающихся стран. Это постоянно действующий международный институт, который проводит встречи примерно раз в четыре года (его членами на начало 2002 г. было 191 государство). Помощь развивающимся странам идет также через другие международные организации и специализированные учреждения ООН, в том числе по линии ВОЗ. В результате если в 1980 г. только 20% детей были сделаны прививки от 6 наиболее распространенных болезней, то в 1991 г. этот показатель достиг 80%, прежде всего за счет развивающихся стран.

Много внимания проблемам развивающихся стран, особенно в области образования, развития человеческого потенциала, уделяет Программа развития ООН (ПРООН). В целом сегодня существует много программ и направлений по оказанию помощи развивающимся странам, которые предлагаются и осуществляются как межправительственными организациями, отдельными государствами, так и неправительственными объединениями. Они весьма разнообразны и по регионам, и по направленности (например, ориентированы на улучшение здравоохранения, образования той или иной категории населения и т.п.).

Наконец, предлагается еще один подход к преодолению различий между «Югом» и «Севером». Его суть сводится к тому, что в эпоху глобализации противостояние «Север—Юг» исчезнет естественным образом, так как «центры развития» будут формироваться по иному принципу, например, в виде создания небольших, расположенных как на «Севере», так и на «Юге» территорий-городов, которые коммуникацией, информацией и другими «узлами» будут связывать остальные территории в глобальный мир. Такой точки зрения придерживается, в частности, шведский исследователь О. Е. Андерссон (*A. E. Andersson*), который считает,

что по мере развития глобализации транспортных и коммуникационных сетей «ведущая» экономика не будет концентрироваться на Западе, а распространится по всему глобусу. Такие страны и города, как Южная Корея, Япония, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия, представляют собой «Север», с точки зрения доходов на душу населения, инфраструктуры и выхода на рынки импорта. Именно в этом смысле «глобальная экономика» формируется в любой точке земного шара.

Ключевые термины

«Бедный Юг» — «богатый Север»
(«глобальный Юг» — «глобальный Север»)

Развитые государства
Развивающиеся страны
Индекс человеческого развития
Индекс гендерного развития
Задолженность стран «Юга»
Новые индустриальные страны
Теория классического экономического развития

Неоклассическая теория экономического развития
Неомарксизм
Структурная теория
Мир-системный подход
Теория зависимости
Феномен двухуровневой экономики
Неореализм
Меркантилизм
Новый международный экономический порядок

Вопросы для обсуждения

- В чем заключается суть различий в развитии между «глобальным Югом» и «глобальным Севером»?
- Какие включаются показатели в процессе сравнения развитых и развивающихся стран?
- Чем объясняют проблему разрыва социально-экономического развития представители классической и неоклассической теорий (как, по мнению представителей этой теоретической ориентации, может быть преодолен данный разрыв)?
- В чем видят причину неравномерного развития по линии «Север—Юг» неомарксисты?
- Каков подход неореализма к проблеме «Север—Юг»?
- Какие международные организации занимаются проблемой преодоления различий между развитыми и развивающимися странами (на что направлены их усилия)?

Практикум

- Проследите динамику развития по нескольким основным социально-экономическим показателям за последние пять лет одной из:
  - ♦ наименее развитых стран «глобального Юга»;

- ♦ развитых стран;
- ♦ новых индустриальных стран.

Сравните полученную динамику развития трех выбранных стран.

Рекомендуемая литература

- Богатуров А. Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. Осень. С. 28–48.
- Боришполец К. П. Новые измерения Север—Юг // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 260–278.
- Максимова М. В XXI век — со старыми и новыми глобальными проблемами // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 163–186.
- Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. Разд. 2. Глобализация и судьбы мировой Периферии.

Интернет-ресурсы

Программа развития ООН: <http://www.UNDP.org>
 ЮНКТАД: <http://www.UNCTAD.org>
 International Development Research Centre (Исследовательский центр международного развития создан правительством Канады): <http://www.idrc.ca>

Глава 11

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ И ЭКОЛОГИИ

Международные аспекты таких проблем, как рост народонаселения, его старение в промышленно развитых странах, загрязнение окружающей среды, непосредственным образом связаны с вопросами глобализации и взаимозависимостью современного мира, а также с хозяйственной деятельностью человека, неравномерностью распределения и ограниченной природными ресурсами на Земле. В свою очередь вопросы народонаселения и окружающей среды увязаны между собой. Рост народонаселения влияет на окружающую среду, по крайней мере, двояким образом. Во-первых, увеличение численности проживающих на планете влечет за собой потребление большего количества продуктов питания, энергии и других ресурсов. Во-вторых, происходит возрастание экономической активности, что сказывается на загрязнении окружающей среды за счет выхлопных газов, загрязнения воздуха, водных ресурсов и т.п.

Увеличение численности проживающих на Земле людей, экологические проблемы влияют на изменение климата, окружающей среды и воздействуют не только на отдельные страны или регионы (хотя некоторые в большей степени испытывают давление тех или иных проблем), но и на все человечество в целом. Именно поэтому они получили название глобальных проблем. Отечественный автор М. М. Максимова при их анализе подчеркивает, что все они:

- «♦ приобрели поистине планетарный, общемировой характер, затрагивают интересы народов всех государств;
- ♦ угрожают человечеству серьезным регрессом в дальнейшем развитии производительных сил, в условиях самой жизни;
- ♦ нуждаются в неотложных решениях и действиях по преодолению и предотвращению опасных последствий и угроз жизнеобеспечению и безопасности граждан;
- ♦ требуют коллективных усилий и действий со стороны всех государств, всего мирового сообщества».

В то же время различные страны и регионы в разной степени подвержены воздействию глобальных проблем и располагают различными средствами для их решения. Отсюда и различные к ним подходы.

Каковы перспективы развития глобальных проблем, среди которых одно из главных мест занимают вопросы демографии и экологии? Насколько они угрожают человечеству? Не будут ли демографические и экологические вопросы источником новых конфликтов? Или, возможно, эти угрозы сильно преувеличены?

11.1. Население земного шара

Два столетия назад английский исследователь Томас Мальтус выступил с теорией, согласно которой численность людей на земном шаре растет быстрее, чем возможности их обеспечения продуктами питания. В этом он видел серьезные политические последствия и предлагал принять меры, например, по ограничению рождаемости, среди которых одной из главных было позднее вступление в брак. Эти идеи вызвали бурную дискуссию, у них появились сторонники и противники, а сама теория оказала значительное влияние на развитие общественной мысли.

Затем на некоторое время идеи Т. Мальтуса отошли на второй план, но в начале второй половины XX столетия, в связи с резким ростом численности населения в развивающихся странах, вновь заговорили о надвигающейся катастрофе перенаселения планеты. Это не просто возродило

ло интерес к представлениям Т. Мальтуса, а дало жизнь новому направлению в науке, которое получило название *неомальтузианство*.

Вопросам народонаселения были посвящены и доклады Римского клуба, объединившего различных по взглядам исследователей мира для решения глобальных проблем. Однако наихудшие опасения не оправдались: научно-технические инновации дают возможность, по крайней мере пока, более рациональными способами решать эту проблему. Так, внедрение новых научных разработок в сельское хозяйство во второй половине XX столетия позволило резко повысить урожаи зерновых (производство зерна стало опережать темпы роста населения) и справиться с голодом. Впоследствии это получило название *зеленой революции*. Еще большие возможности для производства продуктов питания обещают открыть биотехнологии. Правда, здесь возникают опасения относительно того, насколько полученные с их помощью продукты безвредны для здоровья человека. Но сегодня, когда от недоедания страдают около 1 млрд человек, вопрос об использовании биотехнологий решается скорее положительным образом.

Между тем, несмотря на возможности, открываемые научно-техническим прогрессом, проблема населения Земли, а также использования человеческих ресурсов продолжает оставаться одной из важнейших в политическом развитии современного мира. Население планеты составляет примерно 6 млрд человек, причем если обратиться к истории, то можно увидеть, что этот прирост шел неравномерно. Численности в 1 млрд человечество достигло к первой четверти XIX столетия, 2 млрд — в середине XX. Затем наблюдается резкий скачок: на 1 млрд население Земли увеличивается уже каждые 11 лет. И, по оценкам ООН, в последующие 50 лет оно достигнет 9300 млн человек.

Однако есть и другие прогнозы. Например, австралийские демографы более сдержанны в оценках темпов роста населения. По их подсчетам, к 2070 г. оно составит 8,4 млрд, а потом будет уменьшаться и никогда не достигнет критической отметки в 9 млрд человек. Близкой точки зрения придерживается и российский исследователь С. П. Капица. Он считает, что население Земли находится в некой точке, после которой его увеличения не предвидится, напротив — начнется стабилизация.

Надо сказать, что в последние годы прогнозы относительно роста численности населения стали более сдержанными. Так, еще в 1980 г. эксперты ООН предсказывали увеличение численности планеты к 2050 г. до 10 млрд человек. Причинами корректировок стали и более строгие методологические подходы к оценкам, о чем свидетельствуют работы С. П. Капицы, и более аккуратное обращение со статистикой. К этому можно доба-

вить и другие факторы. Например, в 1980-е годы во многих государствах (прежде всего в Европе) упала рождаемость, а в развивающихся странах демографический рост не был столь бурным, как ожидалось. В результате всех этих тенденций некоторые панические настроения, связанные с неомальтузианскими представлениями об угрозе перенаселения планеты, пошли на спад, хотя и не исчезли вовсе.

Сегодня говорят о трех вариантах основных прогнозов изменения числа живущих на Земле: резком увеличении; умеренном и незначительном (рис. 11.1).

Однако важен не только абсолютный показатель населения земного шара, но и его состав (этнический, гендерный, по возрастным группам и т.п.), а также распределение прироста и численности населения по различным регионам мира. Прирост населения осуществляется главным образом за счет стран «Юга». В связи с этим демографические проблемы тесным образом связаны с отношениями «Север—Юг». Так, Ирак имеет один из наиболее высоких процентов прироста населения, который составляет около 3% в год, а Индия находится в лидирующем положении по абсолютным показателям. По некоторым оценкам, она достигнет ежегодного прироста в 600 млн человек к 2050 г. и превзойдет Китай, как государство, имеющее сегодня наибольшую численность населения.

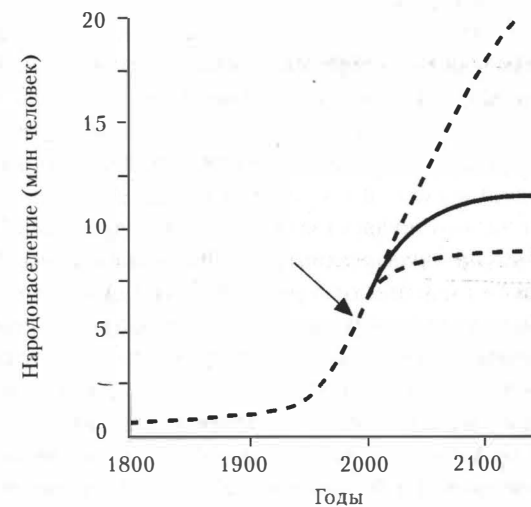

Рис. 11.1. Три варианта прогноза изменения численности мира.

Источник: Kegy, Ch. W., Wittkopf Eu. R. World Politics: Trend and Transformation. 8th ed. N.Y., 2001.

Для развитых стран, прошедших демографический транзит, в отличие от развивающихся, характерен либо небольшой прирост населения, либо даже его спад. Поэтому, по прогнозам ООН, к 2050 г. в развитых странах (за исключением США) будет отмечаться уменьшение численности населения. Ждет сокращение населения и Россию, по некоторым оценкам — до четверти, хотя есть и более оптимистичные прогнозы.

Внутри отдельных государств также существуют различия в приросте населения. Обычно в сельских районах он выше, чем в городских. У социальных групп с высокими доходами, как правило, меньше детей в семье по сравнению с теми, кто имеет низкие доходы.

Различия в условиях жизни населения разных стран, конфликты, нехватка ресурсов порождают такой феномен, как *миграция населения*. При оценке миграционных потоков возникают сложности: не всегда, например, удастся получить точные цифры, потому что довольно большой процент составляют *нелегальные иммигранты*, т.е. те, кто живет в чужой стране незаконно, а также *беженцы*. С ними и *перемещенными лицами* (англ.: *displaced persons/peoples*) — особые сложности. К последней группе принадлежат покинувшие места прежнего проживания из-за социальных, экологических или политических трудностей, но не имеющие при этом статуса беженца в другой стране, либо оставшиеся в пределах своей страны.

Большое количество лиц, покидающих свою страну, например в Афганистане, обусловлено политической ситуацией и конфликтом в стране, а в Эфиопии — крайне тяжелыми условиями жизни. По оценкам Института мировых ресурсов (англ.: *World Resources Institute, WRI*), в конце 1990-х годов за пределами своих стран было около 140 млн человек (в том числе нелегальные иммигранты и беженцы). *Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев* (англ.: *UN High Commissioner for Refugees*) приводит цифры, согласно которым в конце XX столетия возросло число беженцев. По этим данным их было в 1995 г. 27,4 млн человек, хотя в 1999 г. этот показатель снизился до 21,5 млн. Наибольшая численность беженцев и перемещенных лиц является следствием конфликтов. Так, еще до начала антитеррористической операции в Афганистане эту страну были вынуждены покинуть более 6 млн человек; конфликт в Руанде в середине 1990-х годов оставил без крова около 2 млн, что оказалось настоящей катастрофой и для соседних стран, а конфликты в бывшей Югославии заставили уехать из нее около 3 млн человек. Вообще, надо заметить, Европа не знала такого потока беженцев со времен Второй мировой войны.

В 1990-е годы основные потоки эмигрантов направлялись в США, Канаду, страны Европейского союза, Австралию. В Европе в начале 1990-х

годов наибольшее число иммигрантов приходилось на Германию. Они составляли примерно 7% ее жителей. Всего в европейских странах было примерно 5% иммигрантов. А США в конце 1990-х годов, согласно данным, которые приводит Барри Хагес (*B. Hughes*), принимали несколько сотен тысяч человек и еще около четверти миллиона составили нелегальные иммигранты.

Иммигранты обычно имеют меньшие доходы, чем коренное население, хотя и большие по сравнению с тем, что могли бы получить на родине. Государства по-разному относятся к иммигрантам. Дефицит рабочей силы в той или иной области побуждает к приему их на работу. Однако слишком большое число приезжих нередко ведет к социальной напряженности (поскольку они занимают рабочие места) и развитию *ксенофобии* (т.е. неприятию лиц другой этнической группы); росту националистических настроений и активизации националистических партий; конфликтам на этнической почве; ухудшению криминогенной ситуации в стране. К тому же иммигранты нуждаются в правовой и социальной защите (обеспечении жильем, пенсиями, образованием детей, здравоохранением и т.п.), что лишь расширяет круг проблем.

Миграция населения происходит, как уже сказано, не только между странами, но и внутри них. В современном мире прослеживается явная тенденция к перемещению сельского населения в города, что получило название *урбанизации*. К 2030 г., например, ожидается удвоение численности горожан по сравнению с началом XXI в. Причем 4 млрд человек, как предполагается, будут жить в городах развивающихся стран. Это улучшит их шансы на медицинское обслуживание, доступ к чистой питьевой воде, получение образования. Однако одновременно урбанизация ведет к повышению опасности эпидемий (особенно в развивающихся странах); террористических актов, техногенных катастроф со значительными человеческими жертвами. Все больше становится городов с числом жителей, превышающим 10 млн, что также создает ряд проблем — экологических, муниципального управления и т.п.

Международное сообщество начинает активно заниматься проблемами народонаселения во второй половине XX столетия. В 1974 г. Первая конференция ООН по народонаселению в Бухаресте зафиксировала феномен, состоящий в том, что экономическое развитие государства влечет за собой снижение уровня рождаемости. В связи с этим представители «Глобального Юга» призвали развитые страны оказать им экономическую помощь, которая должна привести к улучшению жизни и, как следствие, к сокращению темпов рождаемости. Однако на Второй конференции ООН по народонаселению, прошедшей в Мехико (1984), был по-

ставлен вопрос о необходимости самим развивающимся государствам внимательнее относиться к контролю за численностью населения.

Проводить политику в области народонаселения можно поощрением рождаемости, выдачей дополнительных пособий на детей, социальной защитой многодетных семей и т.п. Как и наоборот: ограничивать рождаемость экономическими средствами или законодательными нормами. Индия одна из первых стран, которая еще в начале 1950-х годов приняла программу планирования семьи. Ко второй половине 1990-х их имели уже около 100 стран мира (хотя не все были эффективными). Примечательно, что у многих развивающихся стран, согласно Б. Хагесу (B. Hughes), такие программы либо недостаточно хорошо разработаны, либо вообще отсутствуют.

В 1994 г. состоялась в Каире Третья конференция ООН, которая носила несколько иное название — *по народонаселению и развитию*. В самом уточнении названия нашли отражение новые подходы. Проблемы народонаселения и развития стали рассматриваться в тесной увязке. Заявлено было, например, что вопрос о стабилизации темпов увеличения населения земного шара может быть решен только в контексте более широкого комплекса проблем экономического и социального развития. Подчеркивалось также, что при контроле за численностью населения необходимо уделять больше внимания не только экономическим, но и гуманитарным аспектам, связанным с образованием, раскрытием творческого потенциала человека, которые выходят на первый план в начале XXI столетия.

11.2. Экологические проблемы современного мира

Окружающая среда и такие ее ресурсы, как вода, воздух, всегда были необходимыми условиями жизнедеятельности человечества. Но на протяжении многовековой истории окружающая среда не представляла проблемы как для него, так и для дальнейшего его *устойчивого развития* (англ.: *sustainable development*), предполагающего удовлетворение потребностей проживающих в настоящем людей без нанесения ущерба последующим поколениям.

Во второй половине XX столетия был поставлен вопрос об охране окружающей среды, в том числе и в политическом плане, поскольку ее загрязнение в результате хозяйственной деятельности человека достигло в ряде областей *порогового уровня* (критического), когда под угрозой вымирания оказались различные виды и даже целые экологические системы. В дальнейшем актуальность проблемы, а также исследования вопросов экологии, популяризация этих знаний, активизация неправитель-

ственных экологических организаций и движений привели к тому, что все это стало широко обсуждаться.

Дополнительным стимулом для развития экологической проблематики стал ряд техногенных катастроф, которые привлекли внимание сначала отдельных стран, а затем и мирового сообщества в целом. Одной из первых стран, которая приняла предусматривающие охрану атмосферы законодательные акты, была Великобритания. Сделала она это в 1956 г.

В конце 1960-х — начале 1980-х годов экологическая проблема была внесена в политическую повестку, прежде всего в силу того, что из-за хозяйственного ущерба, который был нанесен и продолжал наноситься природе, под вопросом оказалось дальнейшее устойчивое развитие человечества.

В 1972 г. прошла Первая конференция ООН по проблемам окружающей среды в Стокгольме. Она приняла решение об образовании *Программы ООН по окружающей среде* (англ.: *United Nation Environmental Program, UNEP*), которая должна была стимулировать международное сотрудничество в этой области. В последующие годы происходит «увязка» экономической и экологической проблематики. Это можно проиллюстрировать на примере *Третьей Конференции ООН по морскому праву* (1973—1982), которая приняла Конвенцию ООН по морскому праву (англ.: *UN Convention on the Law of the Sea, UNCLOS*). Проблема заключалась в том, что достигнуть согласия в условиях, когда в переговорах участвуют более 1000 представителей из более чем 150 стран с различным уровнем экономического и технического развития и, соответственно, возможностями хозяйственной деятельности в океанах, довольно сложно. Тем не менее, согласие было достигнуто, и Конвенция 1982 г. предусматривала создание

Это интересно!

В 1970-е годы многие государства начинают создавать специальные департаменты и министерства по охране окружающей среды. Если в 1972 г. такие структуры были в 26, то десятилетием позднее — уже в 144 странах.

Haas P. M. Making Progress in International Environmental Protection / Emanuel Adler and Beverly Crawford, eds. // Progress in Postwar International Relations. N.Y., 1991.

Одновременно в ряде стран возникли противоречия между соответствующими экологическими структурами, с одной стороны, экономическими и финансовыми — с другой.

12-мильной зоны для судоходства и 200-мильной — для экономической деятельности в океаническом пространстве (рыболовства, добычи полезных ископаемых). В целом Конференция зафиксировала, что океан является общим наследием человечества, регламентировала сохранение баланса между хозяйственной деятельностью и природными его ресурсами.

В 1980-е годы появились новые вопросы в экологической повестке дня. Если ранее политические аспекты экологии ограничивались загрязнением атмосферы и водной среды, то в последующие годы к ним добавились такие, как глобальное потепление, уменьшение озонового слоя, сохранение многообразия существующей флоры и фауны.

От *загрязнения атмосферы* особенно страдают крупные мегаполисы, что связано прежде всего с выбросами выхлопных газов. По данным Всемирной организации здравоохранения, ВОЗ (англ.: *World Health Organisation*), более 1 млрд человек в настоящее время проживают в населенных пунктах, где чистота воздуха не отвечает необходимым требованиям. При этом если богатые государства принимают законодательные меры и тратят немалые средства на борьбу с выхлопными газами, а также другими источниками загрязнения воздуха, то бедные не в состоянии делать это. В результате ситуация нередко оказывается критической. Один из наиболее загрязненных городов мира сегодня Мехико.

Аналогичная проблема существует и в связи с *загрязнением водных ресурсов*. Особенно сложно решить ее в ситуациях, когда по берегам водоемов расположены крупные города и промышленные предприятия с плохими системами очистки сбрасываемых вод.

Следующая экологическая проблема связана с *сокращением площади плодородных почв, увеличением доли пустынь и уменьшением лесных массивов*. В течение многих веков человеческая цивилизация развивалась за счет освоения новых земельных угодий. Но к началу XXI столетия эти возможности оказались практически исчерпанными. По оценкам экспертов, к 2025 г. ежегодное приращение пахотных земель в среднем по миру составит всего 0,17 га. В этих условиях развитие сельского хозяйства может осуществляться за счет его интенсификации. Однако, так же как чрезмерное освоение новых пахотных земель, активная интенсификация сельскохозяйственного производства чревата серьезными экологическими последствиями.

Приращение новых земель, например, осуществляется в том числе и за счет вырубки леса. А он, будучи ценным сырьевым ресурсом, вырубается также и в коммерческих целях. В результате, по данным Института мировых ресурсов (англ.: *World Resources Institute*), к началу XXI в. лесная зона мира сократилась до 4 млрд га, что составляет примерно половину

того, что было 8 тыс. лет назад. И даже если всего полвека назад 12% суши Земли покрывали тропические леса, то сегодня они остались только на 6% земной поверхности.

Многие страны практически потеряли свои лесные запасы. Например, у Мадагаскара их осталось всего 10%. В сложной ситуации находятся страны Восточной Африки, Бразилия, Китай. Тропические леса интенсивно вырубается в развивающихся странах (до 14 млн га ежегодно), поскольку лес составляет важную статью их дохода. В частности, Бразилия получает от экспорта леса и лесных материалов около 6 млрд долларов. Серьезные последствия такой деятельности стали прослеживаться уже с 1950-х годов.

Нередко негативному воздействию подвергаются и те лесные массивы, которые восстанавливаются: засеваются они, как правило, быстрорастущими деревьями одного вида с той же целью — последующей вырубки. На оскудевающих запасах леса сказываются и неблагоприятные факторы, обусловленные иной хозяйственной деятельностью человека, — кислотные дожди, загрязнение воздуха и воды. Исчезновение лесов в свою очередь приводит к эрозии почвы и расширению площади пустынных земель. По приведенным Программой ООН по окружающей среде данным, уже в 1984 г. 35% суши было под угрозой развития процессов, связанных с опустошением земель и наступлением пустынь.

Сокращение лесных массивов, загрязнение окружающей среды представляют собой и одну из главных причин вымирания некоторых видов животных и растений. По оценкам экологов, сокращение среды обитания лишь на $\frac{1}{10}$ влечет за собой уменьшение количества видов почти наполовину. Кроме потери в связи с этим возможности эстетического наслаждения богатством природы, трудно переоценить и экономические последствия такого расточительства для отраслей производства, которые, как, например, фармацевтическая промышленность, не могут обойтись без природного сырья.

Выброс в атмосферу большого количества газов ведет еще к одному феномену — *парниковому эффекту* (англ.: *greenhouse effect*). Хотя сам он описан еще в XIX в., проблема стала вызывать серьезную тревогу с 1980-х годов. На конференции в 1988 г. (Торонто), посвященной изменению климата, проблема парникового эффекта была включена в повестку дня. После обсуждения этого вопроса были разработаны предложения по уменьшению выбросов газов в атмосферу.

В 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о проведении *Конференции ООН по окружающей среде и развитию*, которая прошла в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Примерно в то же время все большие опасения стало вызывать уменьшение озонового слоя Земли. На этой

конференции была принята *Рамочная конвенция ООН об изменении климата* (англ.: *The Framework Convention on Climate Change, FCCC*). Поскольку бедные и богатые страны обладают различными возможностями, конференция приняла также концепцию общей и в то же время личной ответственности за состояние окружающей среды. Отмечалось, например, что страны «Севера» с 20% населения производят около 70% выбросов в атмосферу, которые и порождают парниковый эффект. Поэтому конференция призвала прежде всего эти страны не просто быть наиболее ответственными в своих действиях, а помочь государствам «Юга» технологически и экономически в области охраны окружающей среды. Данную позицию поддержали как развитые, так и развивающиеся страны.

Конференция в Рио-де-Жанейро отметила важную роль общественности и неправительственных организаций в оценке воздействия человека на окружающую среду и ее охрану. Созданной по итогам конференции межправительственной группе была поручена подготовка конференции в Киото. На заседании группы, прошедшем в Берлине в 1995 г., как отмечают американские авторы А. Ламборн (*A. Lamborn*) и Дж. Лепгольд (*J. Lepgold*):

- ♦ признано, что цели, поставленные Рамочной конвенцией по уменьшению вредных выбросов в атмосферу, вряд ли будут достигнуты к 2000 г.;
- ♦ указано на необходимость принятия юридических обязательств по охране окружающей среды и после 2000 г.;
- ♦ осознано, что одни только развитые страны не смогут решить проблему сохранения окружающей среды. «Глобальный Юг» увеличивает свои выбросы в атмосферу и примерно к 2030 г. достигнет тех же показателей, что и «глобальный Север»;
- ♦ решено переформулировать принципы различной ответственности государств.

Перед началом конференции в Киото межправительственная группа вновь встретила в Бонне. На этот раз представители Европейского союза внесли предложение, согласно которому развитые страны должны были взять на себя обязательства к 2010 г. резко снизить выбросы в атмосферу вредных веществ, с тем чтобы уменьшить действие парникового эффекта. В отношении же тех, кто не выполнит обязательства, предлагалось вводить жесткую систему санкций и различных штрафов. Ряд государств, на которых парниковый эффект грозил отразиться в первую очередь (например, Кипр, опасющийся резкого повышения уровня Мирового океана), выступили с инициативой взять за точку отсчета не 2010, а 2005 г.

Это интересно!

Наибольшая доля выбросов в атмосферу, порождающих экологические проблемы, приходится на США.

На конференции в Киото, прошедшей в 1997 г., довольно четко проявились различные точки зрения на экологическую проблему и пути ее решения. Развитые страны утверждали, что в XXI в. именно страны «глобального Юга», где некоторые государства развиваются крайне быстрыми темпами, окажутся основным источником выбросов в атмосферу. В свою очередь Китай, Индия, а также многие присоединившиеся к ним государства настаивали, что на них не должно распространяться ограничение на выброс вредных веществ в атмосферу. В качестве аргументации выдвигались два основных соображения. Во-первых, в настоящее время выбросы вредных веществ в атмосферу, которые производят развитые и развивающиеся страны, несопоставимы. Во-вторых, развивающиеся страны экономически не могут позволить себе уменьшение таких выбросов.

Несмотря на разногласия, конференция в Киото завершилась подписанием *Киотского протокола*, который одобрили 159 государств. Согласно данному документу, 38 индустриально развитых стран уменьшают свои выбросы в атмосферу относительно 1990 г. по шести типам газов, которые вызывают парниковый эффект в период с 2008 по 2012 г., в том числе члены ЕС — на 8, США — на 7, Япония — на 6%.

К концу 2000 г. 84 государства подписали и 31 — ратифицировали данный Протокол. Однако это в основном небольшие, часто островные страны, для которых, с одной стороны, Киотский протокол не является слишком тяжелым бременем, с другой — они наиболее уязвимы в результате действия парникового эффекта.

В последующие годы ряд стран провели бурные дискуссии относительно возможности и целесообразности выполнения Киотского протокола. Хотя некоторые из развивающихся стран, например Аргентина, решили поддержать общую направленность Киотского протокола по сокращению выбросов в атмосферу. Но многие все же оказались вне рамок его действия, ориентируясь в большей степени на собственное экономическое развитие. Попытки разработать некую систему, стимулирующую сокращение вредных выбросов в атмосферу независимо от эконо-

мического развития стран, степени их подверженности парниковому эффекту и современного уровня выбросов, пока не привели к успеху.

Проблема сохранения окружающей среды не ограничивается названными аспектами. Не менее остро, например, встают вопросы о ядерных отходах и возможности *техногенных катастроф* с глобальными или региональными экологическими последствиями. Одна из первых таких катастроф с радиоактивным заражением произошла в 1957 г. под Челябинском. Следующую крупную аварию с выбросом радиации пережила в 1976 г. Пенсильвания. И наконец, последний серьезный инцидент зарегистрирован на Чернобыльской АЭС в 1986 г.

Опасность представляют не только ядерные объекты. Не менее существенными могут быть последствия и аварий на химических и других предприятиях, особенно расположенных в густонаселенной местности, а также от повседневной деятельности человека. Так, трагедия, связанная с химическим производством и унесшая около 1500 человеческих жизней, произошла в 1984 г. в индийском городе Бхопал.

Другая проблема в области охраны окружающей среды — строительство гидроэлектростанций, которые, с одной стороны, дают возможность получения электроэнергии, причем наиболее чистым способом, с другой — изменяют экологическую ситуацию в бассейне рек, затопляя большие площади, создавая препятствия для передвижения рыб и т.п. Экономические интересы отдельных корпораций и государств нередко вступают в противоречие с интересами отстаивающих сохранность природы экологических движений, а также правозащитных организаций. Конфликтные ситуации в связи со строительством гидроэлектростанций возникали на Дунае, Амазонке и других реках.

Наконец, еще одна проблема в сфере экологии — вооруженные конфликты и воздействие их на состояние окружающей среды. Крупнейшие экологические катастрофы возможны даже в случае небольших, локальных конфликтов. Война в Персидском заливе в 1991 г. в связи с оккупацией Ираком Кувейта продемонстрировала, какую опасность для экологии планеты может таить в себе поджог нефтяных скважин. Потребовались усилия многих стран в тушении этих пожаров, а также при очистке поверхности земли от нефтяных загрязнений.

Но и сама окружающая среда может стать источником конфликта. Например, из-за чистой питьевой воды; возможности питаться экологически чистыми продуктами и дышать чистым воздухом.

В целом же, по оценкам оксфордского исследователя Э. Харрелла (A. Hurrell), в период с 1970-х по конец 1990-х годов в экологической проблематике наблюдается переход от обсуждения проблем, связанных

с «пределами ресурсов», имеющихся на Земле, к вопросам о «пределах отходов».

Экологическая проблематика сегодня предполагает совместную работу по ее решению государств, а также межправительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, экспертов и многих других лиц и организаций. В этом плане экология, пожалуй, одна из тех проблем, которые наиболее четко демонстрируют необходимость вовлечения различных международных акторов в мирополитические процессы, а также их взаимодействия при решении проблем современности.

Одновременно на примере экологической проблематики можно четко проследить междисциплинарный характер современных мировых проблем, для решения которых необходимы экспертные знания специалистов в области международных отношений, юристов, экономистов, биологов, географов, химиков и многих других. И наконец, это — проблематика, на примере которой особенно четко прослеживается стирающие границы между внешней и внутренней политикой, с одной стороны, и между двумя научными дисциплинами: политологией и классическими международными (межгосударственными) отношениями — с другой. Как замечает Э. Харрелл, при анализе глобальных проблем окружающей среды политическая теория в отдельной стране более не является интеллектуально адекватным выбором.

В целом, несмотря на сложности и противоречия, с которыми сталкивается современный мир при решении экологических вопросов, приходится находить средства и способы управления ими. Международные режимы в области экологии — одно из них.

Ключевые термины

Неомальтузианство
«Зеленая революция»
Демографический разрыв
Демографический транзит
Миграция населения
Нелегальные иммигранты
Беженцы
Перемещенные лица
Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев
Ксенофобия
Урбанизация
Конференции ООН по проблемам народонаселения мира
Устойчивое развитие
Пороговый уровень загрязнения окружающей среды

Программа ООН по окружающей среде
Третья конференция ООН по морскому праву
Загрязнение атмосферы
Загрязнение водных ресурсов
Сокращение площади плодородных почв, увеличение доли пустынь, уменьшение лесных массивов
Парниковый эффект
Конференции ООН по окружающей среде и развитию
Рамочная конвенция ООН об изменении климата
Киотский протокол
Техногенные катастрофы

Вопросы для обсуждения

- Почему во второй половине XX столетия вопросы численности населения земного шара и экологии становятся глобальными?
- В чем различие неомальтузианского подхода к проблемам народонаселения и его оппонентов?
- В чем причина значительных различий в приросте населения в развивающихся и развитых странах?
- Какие инструменты и методы используются при контроле за численностью населения (какова роль ООН в этом вопросе)?
- В чем суть экологической проблематики современного мира?
- Как изменялась повестка дня по проблемам экологии на протяжении истории (назвать крупные конференции и принятые на них решения)?
- В чем опасность техногенных катастроф для окружающей среды?

Практикум

1. Проследите динамику демографической ситуации в вашем регионе за последние 15 лет. В чем она совпадает с общемировыми тенденциями и чем отличается?
2. Опишите основные направления деятельности неправительственных организаций по оздоровлению окружающей среды в вашем регионе. Заполните следующую таблицу.

Название экологической организации	Основные направления деятельности

Какие вопросы в вашем регионе вызывают наибольшее беспокойство экологов (насколько они глобальны)?

Рекомендуемая литература

- Борищоплец К. П.* Современные угрозы человеческому развитию // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 78–111.
- Вишневский А. Г.* Великая малонаселенная держава // Россия в глобальной политике. Т. 1. № 3 (июль–сентябрь), 2003. С. 54–72.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2000 / Под общ. ред. проф. С. Н. Бобылева. Гл. 11. Окружающая среда России в глобальном мире. М., 2001. С. 155–169.
- Капица С. П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле: Очерк теории роста человечества. М., 1999.

- Максимова М. М.* Общемировые проблемы // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 220–259.
- Харрелл Э.* Международная политическая теория и глобальная окружающая среда // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002. С. 138–162.
- Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие. М., 2000.

Интернет-ресурсы

- UN High Commissioner for Refugees: <http://www.unhcr.ch>
- United Nation Population Fund: <http://www.unpf.org>
- United Nation Environmental Programme: <http://www.unep.org>
- Population Reference Bureau: <http://www.prb.org>
- World Resources Institute: <http://www.wri.org>
- Некоторые российские экологические сайты:
<http://www.ecoterra.ru>
<http://news.priroda.ru>

Раздел III

НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Раздел о новых измерениях международных отношений и мировой политике требует пояснений. Разумеется, и экономический фактор, и фактор образования, и международное право играли огромную роль на протяжении всего исторического развития человеческого общества. Однако в конце XX — начале XXI столетия в связи с изменениями, которые обсуждались в предыдущих главах учебника, эти аспекты выходят на первый план и во многом определяют мировое политическое развитие. Именно поэтому в большинстве курсов по мировой политике, а также учебных изданий проблемы экономики и права стали уже традиционными. Этого, правда, нельзя сказать об образовании. Хотя данная область становится все более значимой.

Глава 12

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

12.1. Важнейшие подходы к мировой политической экономии

Экономика и политика всегда были связаны теснейшим образом. Эту взаимосвязь отражает научная дисциплина — международная политическая экономия, МПЭ (англ.: *international political economy*), рассматривающая такие основные сферы, как международная торговля и международная финансовая система. Некоторые авторы, в частности Дж. Гольдштейн (*J. Goldstein*), выделяют в качестве отдельной области МПЭ деятельность транснациональных корпораций.

Особое внимание экономический фактор в мировой политике стал привлекать во второй половине XX столетия. Одним из стимулов здесь послужил энергетический кризис 1970-х годов, после которого обнаружилось, что так называемая политика высокого уровня, определяемая военной мощью, оказалась во многом бессильной перед экономикой.

или политикой низкого уровня. Свою роль сыграло и поражение США во Вьетнамской войне, которая наглядно продемонстрировала, что военная сила далеко не всегда способна решить все проблемы. Но были и внутренние факторы. В демократических государствах все с большей несомненностью проявлялась зависимость между экономическими успехами страны и популярностью правительства. В свою очередь экономика по причине усиления взаимозависимости мира все сильнее становилась обусловленной международными факторами.

Первые работы, показывающие неразрывность политики и экономики в новых условиях взаимозависимого и глобализирующегося мира, появились в самом начале 1970-х годов. Это исследования С. Стрэнджа (*S. Strange*), Р. Кохэна (*R. Keohane*) и Дж. Найя (*J. Nye*) и ряда других авторов. Большую роль в развитии МПЭ сыграли книги Р. Гилпина (*R. Gilpin*), в частности «Политическая экономия международных отношений» (*The Political Economy of International Relations*), изданная, правда, несколько позднее — в 1987 г. В целом же с 1970-х годов международная политическая экономия начинает свое интенсивное развитие.

Как и в любой другой, в этой области есть свои теоретические школы и подходы. Среди основных классических подходов обычно выделяют два наиболее распространенных — меркантилизм (англ.: *mercantilism*), или государственно-центристский подход (англ.: *state-centered approach*) и торговый, или экономический, либерализм (англ.: *commercial / economic liberalism*).

Термин «меркантилизм» заимствован представителями МПЭ из экономической истории и истории экономической мысли, где он часто используется для обозначения распространенной в XVI—XVIII вв. доктрины, ориентированной на подчинение экономической сферы политическим интересам государства. Представители данного направления исходят из того, что экономика должна служить политике и усиливать мощь государства. Великие географические открытия и последовавший за ними захват европейскими государствами новых территорий стимулировали его развитие. Накопление богатства в виде драгоценных металлов становится символом государственной мощи. В XVIII в. наблюдается расцвет меркантилизма, что было обусловлено успехами взявшей его на вооружение Великобритании.

Представители меркантилизма разделяют взгляды политических реалистов относительно того, что государство должно защищать свои интересы, в том числе экономические. Согласно взглядам приверженцев этой школы, экономическая политика должна ориентироваться на развитие государства. Более того, получаемые государством от экономической ак-

тивности доходы позволяют тратить больше средств на военные нужды. Авторы, придерживающиеся данного направления, выступают за государственное регулирование экономической жизни, в том числе активное вмешательство в рыночные процессы.

В современных условиях идеи меркантилизма приобретают форму неомеркантилизма (англ.: *neomercantilism*), где центральным звеном остается первостепенная роль государства в политико-экономической жизни, но накопление золотых запасов не является столь значимым, как ранее, поскольку сегодня экономическая и иная мощь страны не сводится к ним. Сам термин «меркантилизм», пишет Д. Калдуэлл (*D. Caldwell*), обязан своим происхождением двум авторам — Д. Блейку (*D. Blake*) и Р. Уолтерсу (*R. Walters*).

Отмечая роль экономики в качестве мощнейшего фактора государственного строительства, сторонники неомеркантилизма ссылаются на успешный пример послевоенного развития Германии и Японии. Оба государства, как они подчеркивают, смогли занять лидирующее место в современном мире именно благодаря активной роли государства в стимулировании экономического развития.

Неомеркантилизм акцентирует внимание на различиях в экономических интересах, которые существуют между государствами в распределении между ними ресурсов и полученного продукта. При этом особо подчеркивается роль конкуренции. Неомеркантилисты ориентируются на развитие и поддержание национального производства, продвижение национальных товаров на мировой рынок. В связи с этим представители данной школы получили название экономических националистов. Интересно, что порой носителями идеологии «экономического национализма» являются не только экономисты или политические деятели, но и сами граждане, которые предпочитают покупать товары, произведенные в своей стране. Впрочем, при анализе подобного поведения нельзя не учитывать роль рекламных кампаний.

Для развития национального производства неомеркантилисты предлагают ориентироваться на политику торгового протекционизма (англ.: *protectionism*), который предусматривает создание особых условий для одной или нескольких национальных отраслей и защиту их от влияния рыночной стихии. Причины, по которым государство использует политику торгового протекционизма, различны. Это может быть результат лоббирования соответствующих финансово-промышленных групп тех или иных отраслей экономики, стремление к развитию собственной новой зарождающейся отрасли, которая пока неконкурентоспособна на мировом рынке и т.п. Политика протекционизма предполагает применение

различных экономических методов. Они условно делятся на две группы — тарифные, которые основаны на использовании таможенного тарифа (англ.: *tariff*), и нетарифные методы (англ.: *nontariff barriers*), предполагающие введение квот, субсидий и т.д.

Один из наиболее простых способов защиты внутреннего рынка — введение пошлин на импортные товары. Обычно они устанавливаются как тот или иной процент от стоимости ввозимой продукции. В результате цена товаров на внутреннем рынке увеличивается. Пошлины не только ограничивают импорт, но и могут быть заметной статьей дохода государства. Таможенные тарифы национальных государств обычно предусматривают сложную структуру пошлин на различные категории и виды товаров. Однако в последнее время, как отмечают отечественные авторы Г. М. Костюнина и Н. Н. Ливенцев, «таможенные пошлины теряют свой вес в качестве дискриминационного барьера. В целом их размер снизился с 45 до 3–4% за 1947–1998 гг.».

В качестве других инструментов, способствующих защите национальных рынков, применяются квоты (англ.: *quotas*). Импортные квоты предусматривают, сколько того или иного вида товаров в физическом или стоимостном выражении будет поставлено в страну. В крайнем своем выражении защита национального рынка может осуществляться путем запрета на ввоз определенных товаров.

Примером использования импортных квот может служить введение в США квот на ввоз автомобилей из Японии в 1980-е годы. Тогда собственная их автомобильная промышленность под влиянием импорта из этой страны испытывала большие сложности. Как отмечает Дж. Гольдштейн (*J. Goldstein*), отрицательным моментом в данном случае было то, что квоты ограничивали количество ввозимых автомобилей, но не их стоимость. В результате Япония быстро переориентировалась на поставки дорогих машин, что позволило их производителям сохранить рынок в США практически в полном объеме.

Импорт продукции может регулироваться государством путем различных процедур, связанных с сертификацией товара. Особенно это относится к продукции пищевой, фармацевтической и других отраслей, от которых зависит здоровье и безопасность потребителей.

Еще одним методом защиты внутреннего рынка является субсидирование тех или иных отраслей, например сельскохозяйственной продукции.

Существуют также иные методы защиты внутреннего рынка. В целом же политика протекционизма имеет позитивные и негативные последствия для экономики. В частности, А. В. Холопов проводит анализ аргу-

ментации сторонников и противников политики торгового протекционизма. Ее сторонники говорят о поддержке отечественных производителей, «сохранении рабочих мест в отечественных отраслях производства, что обеспечивает социальную стабильность, а сокращение импорта увеличивает совокупный спрос в стране и тем самым стимулирует рост производства и занятости». В то же время приводятся и противоположные аргументы. Например, защита отечественных производителей необходима именно в силу недостаточной эффективности их труда. В результате торговый протекционизм ведет к ограничению конкуренции и, соответственно, к дальнейшей неэффективности отечественного производства.

Другой наиболее распространенный аргумент торгового протекционизма состоит во временной защите молодых отраслей. По мере их развития протекционистские меры снимаются. И здесь, считает А. В. Холопов, существуют свои контраргументы. «Во-первых, достаточно трудно определить, какая именно отрасль является действительно перспективной с точки зрения формирования новых сравнительных преимуществ страны. Во-вторых, протекционизм в отношении молодых отраслей в значительной степени снижает стимулы к повышению их эффективности, из-за чего период становления может затянуться на неопределенно долгое время. Наконец, в-третьих, в случае с молодыми отраслями предоставление субсидий или других льгот оказывается более эффективным средством поддержки, чем внешнеторговый протекционизм».

Что касается получаемых государством доходов, то здесь также есть свои минусы, на которые указывает А. В. Холопов: поступления в бюджет ставятся в зависимость от импорта. Этот аргумент корреспондирует с другой проблемой — обеспечением экономической безопасности. Так, сторонники протекционизма выступают против расширения импорта и в связи с этим против необходимости введения высоких тарифов, обосновывая это тем, что в противном случае экономика и обороноспособность страны будут зависеть от внешних факторов.

Однако в современных условиях развитие, основанное исключительно на собственных ресурсах, оказывается крайне сложным и неэффективным. По сути, такая политика ведет к созданию автаркии (англ.: *autarky*). По такому пути, например, в свое время пошла Албания. Она, начиная с 1960-х годов, сначала ориентировалась в политическом плане на Китай, а потом, порвав с ним, стала развиваться исключительно с опорой на собственные силы и в начале 1990-х годов оказалась одной из беднейших стран в Европе.

При ориентации только на собственные ресурсы издержки производимых товаров слишком высоки. В результате страна лишается сравни-

тельных преимуществ (англ.: *comparative advantage*), которые имеет при включении в мировое хозяйство. А они образуются благодаря тому, что государство всегда может определить такой товар, который, с учетом всех издержек, включая издержки заключения и выполнения контрактов, или так называемые транзакционные издержки (англ.: *transaction costs*), произвести будет выгоднее, чем другие товары и услуги. Специализация на выпуске именно этих товаров и услуг дает стране максимальный выигрыш во внешней торговле.

Использование нетарифных методов также имеет свои ограничения. Например, представители отдельных отраслей национальной экономики могут полагаться на получение субсидий и не спешить с модернизацией. В результате происходит отставание данных отраслей от мирового уровня.

Наконец, политика торгового протекционизма, как правило, вызывает ответную реакцию других государств. Они тоже стараются оградить свой рынок и применить аналогичные методы к странам, которые ограничивают ввоз их товаров. От этого страдают отрасли, которые ориентированы на экспорт государства, применяющего протекционистские методы.

В целом же, как и в случае с любым инструментом экономической политики, эффективность протекционистских методов зависит от того, насколько адекватно они применяются. Политика протекционизма может действительно способствовать развитию национальных отраслей, а может, напротив, вести к их неконкурентоспособности и фактическому вырождению.

Представители меркантилизма особое внимание уделяют торговому балансу (англ.: *balance of trade*), под которым понимается соотношение стоимости совокупного экспорта и импорта. В случае когда первый преобладает над вторым, торговый баланс будет положительным, и наоборот, при доминировании импорта он оказывается отрицательным. Отечественный автор В. В. Серженко пишет, что «по традиции, уходящей в эпоху меркантилизма, активный торговый баланс ... нередко определяется однозначно как положительный макроэкономический показатель, в действительности, взятый сам по себе он далеко не всегда отражает состояние экономики в целом». Торговый баланс не является единственным индикатором, от которого зависит состояние национальной экономики. В течение нескольких лет государство без особых негативных последствий может иметь отрицательный торговый баланс, однако сохранение такого положения длительное время может быть опасным.

Во многом противоположным меркантилизму подходом является экономический либерализм. Его истоки восходят к воззрениям Адама Смита, Джона Стюарда Милля, Давида Рикардо. Именно А. Смит, опубли-

ликовавшему свои работы в конце XVIII в., принадлежат идеи, что государства различаются по географическому положению, климатическим условиям, природным ресурсам и это обуславливает абсолютные преимущества (англ.: *absolute advantages*). Впоследствии Д. Рикардо разработал теорию сравнительных преимуществ, в соответствии с которой, даже не имея абсолютных преимуществ, страна может получить выигрыш во внешней торговле, специализируясь на экспорте тех товаров, в производстве которых ее отставание от других стран является наименьшим.

Современный либерализм рассматривает компании частного сектора в качестве основных участников экономической сферы и видит наиболее эффективную роль государства в том, чтобы оно не слишком вмешивалось в их экономическое поведение. Представители этого подхода подчеркивают необходимость устранения экономических барьеров, обусловленных политикой государства, так как они препятствуют свободной торговле.

Сторонники либерализма в отличие от сторонников меркантилизма подчеркивают не конкуренцию государств, а, напротив, наличие у них общих интересов, необходимость сотрудничества в экономической сфере и возможность получения взаимной выгоды. Иными словами, экономическое взаимодействие на мировой арене либералы видят как игру с ненулевой суммой. Взаимовыгодность, взаимодействие обусловлены сравнительными преимуществами, которыми обладает каждая страна. Так, Дж. Гольдштейн приводит пример Дании, не имеющей энергетических и природных ресурсов, с населением в 5 млн человек, при этом специализирующейся на производстве сливочного масла и детских кубиков «Lego». Это позволяет ей достаточно успешно существовать и оплачивать импорт необходимых товаров. Интересно, что тот же пример успеха Японии и Германии после Второй мировой войны, который представители меркантилизма интерпретируют сквозь призму успешной государственной политики, сторонники экономического либерализма объясняют активной включенностью этих стран в мировую экономику и сотрудничеством с другими странами. Сторонники либерального подхода исходят также из того, что получить выгоду от экономического сотрудничества государства могут через международные институты и организации. В связи с этим либерализм концентрирует свое внимание на исследовании международных институтов и режимов, позволяющих государствам добиваться своих целей.

Ряд авторов, рассматривая международную политическую экономию, выделяют как третью школу — марксизм, который основывается на первичности экономики по отношению к политике и делает акцент на взаи-

модействии не государств в политико-экономической сфере, а форм, в которых проходит борьба между имущими и неимущими. В настоящее время это направление развивается главным образом в рамках неомарксизма и занимается в основном проблемами отношения «Север—Юг».

Наконец, некоторые исследователи, в частности У. Раймонд Данкан (W. R. Duncan), Барбара Джанкар-Вебстер (B. Jancar-Webster), Боб Свитки (B. Switky), особое внимание обращают на такое направление международной политической экономии, как теория общественного выбора (англ.: *public choice*). Суть этого подхода состоит в том, что он исходит из представлений неоклассической экономической теории о человеческом поведении и подчеркивает роль внутривнутриполитических факторов в экономическом поведении государств на мировой арене. У. Р. Данкан, Б. Джанкар-Вебстер и Б. Свитки приводят таблицу сравнений перечисленных четырех подходов (табл. 12. 1). Иная схема сравнения подходов дается С. А. Афонцевым.

12.2. Основные проблемы международной политической экономии второй половины XX — начала XXI в.

Экономическая жизнь Европы дважды за XX столетие оказывалась в плачевном состоянии после мировых войн. И оба раза США явно были в лучшем положении. Однако если после Первой мировой войны они в целом отклонили идею помощи Европе и взаимодействия с ней, впрочем, как отмечают Алан Лэмборн (Alan C. Lamborn) и Джозеф Лепгольд (Joseph Lepgold), при согласии самих европейцев, то после Второй мировой войны все было иначе.

К середине 1940-х годов стало очевидным, что единственный экономический лидер в мире — США. В первые послевоенные годы они производили более половины всех товаров и услуг стран Запада. Будучи наиболее экономически сильным государством, США разработали и предложили проект о помощи для восстановления экономики государств Европы и Японии, получивший в официальном виде название плана Маршалла. В соответствии с ним Западной Европе и Японии выделили около 15 млрд долларов. Смысл таких финансовых вложений заключался прежде всего в противодействии распространению коммунизма в мире. В послевоенный период США поддержали и создание Европейского экономического сообщества, которое впоследствии стало их основным экономическим конкурентом.

В июле 1944 г. в местечке Бреттон-Вудс (США) была проведена конференция представителей 44 государств с целью установления новых мировых правил в области международной торговли и финансовой сис-

Таблица 12.1

Теоретические подходы в международной политической экономии

Основные положения	Классический экономический либерализм	Теория общественного выбора	Меркантилизм	Марксизм и неомарксизм
Основные положения	Должны доминировать принципы свободных рыночных отношений (отличается от политического либерализма, «выросшего» из политического идеализма)	Отдельные индивиды и государства являются рациональными акторами, действия которых направлены на реализацию поставленных целей	Государства используют экономику для усиления своей мощи	Экономические факторы определяют политику и общественное устройство
Важнейшие единицы анализа	Отдельные индивиды или фирмы	Группы интересов, индивиды (первичные), представители правительственных структур (вторичные)	Государства	Социальные классы (буржуазия и пролетариат) или международная капиталистическая система
Представления о дальнейшем развитии сферы международной политической экономии	Гармонизация и саморегуляция: международная экономическая интеграция через складывающийся мировой рынок	Сотрудничество или конфликт в зависимости от целей друг друга	Изначально присущее государствам соперничество и борьба, которые регулируются путем баланса сил	Изначально присущий конфликт, особенно конфликт классов. Революционные изменения до победы коммунизма

Источник: Duncan W. R., Jancar-Webster B., Switky B. World Politics in the 21st Century. N.Y. a.o.: Longman, 2002.

темы. По тем временам, когда в мире насчитывалось всего 60 государств, такое число участников было весьма представительным. Однако следует иметь в виду, что большое количество ныне существующих стран в тот период оставались колониями и не были среди тех, кто разрабатывал новые правила политико-экономического взаимодействия.

Соглашения, подписанные на той конференции, стали основой так называемой *Бреттон-Вудской системы* (англ.: *Bretton Woods System, BWS*). Участники встречи исходили из необходимости:

- ♦ стабилизировать обменные курсы валют;
- ♦ активизировать международную торговлю;
- ♦ оказать помощь странам, экономика которых в значительной степени пострадала в результате Второй мировой войны.

Несмотря на то что в конференции приняли участие 44 государства, основные соглашения разрабатывались представителями США, а также во многом и Великобритании. В целом западные государства, а именно они были основными ее участниками, строили новую политико-экономическую систему мира, как отмечает Б. Хаггес (*B. Hughes*), основываясь на принципах либерализма. В то же время британскую делегацию возглавлял Джон Мейнард Кейнс (*John Maynard Keynes*) — известный экономист и политический деятель. Он настаивал на необходимости более сильной вовлеченности государств в решение международных экономических проблем.

В целях стабилизации валютных курсов и помощи государствам, экономика которых пострадала в результате Второй мировой войны, были приняты решение о создании *Международного валютного фонда, МВФ* (англ.: *International Monetary Fund, IMF*) и проект положения о *Международном банке реконструкции и развития, МБРР* (англ.: *International Bank for Reconstruction and Development, IBRD*), который более известен как *Всемирный банк* (англ.: *World Bank*). Этим были заложены основы послевоенной финансовой системы.

В целом, как отмечает Дж. Гольдштейн (*J. Goldstein*), МВФ и Всемирный банк за период с момента их создания решали три группы задач. Первоначально занимались стабилизацией финансовой системы и торговли в послевоенный период в странах Западной Европы и Японии. Ис этим успешно справились. Затем в 1970-е и 1980-е годы в фокусе их внимания оказались развивающиеся страны, а в 1990-е годы — государства Восточной Европы, включая Россию. Решение последних двух задач оказалось более проблематичным.

В рамках Бреттон-Вудской системы была предпринята попытка «деполитизировать» экономическую сферу путем создания международных институтов — МВФ и Всемирного банка, которые являются специализи-

Это интересно!

МВФ создан в 1945 г. на основе Бреттон-Вудских соглашений. Имеет статус специализированного учреждения ООН. Его средства образуются за счет квот государствами, входящими в МВФ. Их размер определяется с учетом ВВП на душу населения, объема торговли и ряда других параметров. Цели МВФ — содействие международной торговле и сотрудничеству в финансовой области. Высшим органом является Совет управляющих. Штаб-квартира находится в Вашингтоне.

Всемирный банк создан в том же году на основе Бреттон-Вудских соглашений. Имеет статус специализированного учреждения ООН. Штаб-квартира находится в Вашингтоне. Первоначально его деятельность была ориентирована на содействие европейским странам после Второй мировой войны в финансовой области, а также в реконструкции и развитии экономики. В дальнейшем деятельность Всемирного банка географически значительно расширилась.

Принятие решений в рамках обоих институтов основано на так называемых страновых квотах. Иными словами, «вес» голосов различных стран не одинаков. По сути, система квот означает, что ведущие государства в современном мире контролируют деятельность основных международных финансовых институтов.

рованными учреждениями ООН, но в то же время довольно самостоятельными. Идея заключалась в том, чтобы снизить значение политической составляющей в экономических организациях. Впрочем, это осталось, скорее, на уровне пожеланий, чем реальности. Сами же созданные институты сосредоточились в основном на том, чтобы регулировать глобальные экономические процессы. Их главная ориентация, как отмечает К. Браун (*Ch. Brown*), состояла в поиске решения технических проблем техническими же средствами. Так, МВФ планировался не как некий мировой банковский институт, призванный аккумулировать деньги (что, кстати, предлагал Дж. М. Кейнс), а как международная организация, в задачи которой входило отслеживание того, как и насколько участники соблюдают правила игры.

Бреттон-Вудская система предусматривала развитие свободной торговли. Первоначально надежды возлагались на Международную торговую организацию (англ.: *International Trade Organisation, ITO*). Но она так и не была создана. В связи с этим большое значение имело подписание 23 государствами в 1947 г. в Женеве *Генерального соглашения по тари-*

фам и торговле, ГАТТ (англ.: *General Agreement on Tariffs and Trade, GATT*). Оно было направлено на развитие свободной торговли путем снижения торговых пошлин и уменьшения иных барьеров, а также на выполнение арбитражных функций в области торговли. ГАТТ представляло собой изначально, скорее, форум для переговоров и согласования интересов, чем некий административный институт. Интересно, что идея создания подобной организации реализовывалась далеко не просто. Так, были опасения, что это повлечет за собой слишком большую степень регуляции и контроля в области торговли.

В 1995 г. ГАТТ было преобразовано во *Всемирную торговую организацию, ВТО* (англ.: *World Trade Organisation, WTO*). Это стало результатом Уругвайского раунда ГАТТ, который длился с 1986 по 1994 г. Функции организации и сферы деятельности расширились. В результате ВТО стала охватывать новые области — сельское хозяйство, торговлю услугами и объектами интеллектуальной собственности. Все это сказалось на административной структуре, а также расширении управленческого аппарата.

Одновременно ВТО во многом стала и символом экономической глобализации мира, что в свою очередь вызвало сопротивление в различных частях земного шара и выразилось в выступлениях против данной организации. Ее деятельность рассматривается рядом движений и объединений как угроза национальному бизнесу и социальным приоритетам. В частности, экологические движения, например, обвиняли ВТО в том, что в результате ее деятельности нарушается национальное законодательство в области охраны окружающей среды в пользу экономическим выгодам и это наносит непоправимый ущерб природе.

Против деятельности ВТО выступали и некоторые союзы потребителей. Они недовольны тем, что со снижением торговых барьеров на прилавки попадают товары, которые могут быть вредны для здоровья. Например, в европейских странах более строго, чем в США, относятся к продуктам питания, полученным путем генной инженерии. А деятельность в рамках ВТО предполагает следование единым стандартам, далеко не всегда строго охраняющим здоровье граждан.

В настоящее время ВТО представляет собой ведущую международную организацию в области торговли. Ее членами стали более 130 государств, причем численность ВТО постоянно увеличивается. Важным моментом было присоединение к ВТО в 1999 г. Китая. Однако для этого потребовалось 13 лет сложных переговоров. Ожидается присоединение к ВТО и России.

В числе главных принципов этой организации, во-первых, то, что снижение пошлин и других торговых барьеров предусмотрено для всех

членов организации; во-вторых, это делается на основе взаимности; и наконец, в-третьих, то, что здесь не допускается дискриминация, т.е. импортируемые товары имеют тот же статус, что и произведенные в стране.

За период с 1970 по 1998 г. показатель мировой торговли возрастал ежегодно на 4,8%, а ежегодный прирост с 1999 г., включая прогноз на 2004 г., достигает 5,9%. В целом сегодня международная торговля стала одной из тех областей, которая регулируется международным режимом. А он предполагает определенные нормы, принципы, правила поведения, а также процедуры принятия решения. Они могут носить эксплицитный и имплицитный характер, т.е. быть зафиксированными в определенных документах или представлять собой некий подразумеваемый тип поведения.

По результатам Бреттон-Вудской встречи были приняты также решения о возрождении золотого стандарта (англ.: *gold standard*). Впервые золотой стандарт введен Великобританией в 1821 г. Он фиксировал отношение национальной валюты к золоту. Поэтому до 1914 г., когда с началом Первой мировой войны золотой стандарт был отменен, финансовая система Европы была достаточно простой. Француз, который приезжал в Лондон, или англичанин, путешествующий по Франции, могли не заботиться об обмене валюты. Золото было неким единым мерилем. Французский золотой франк точно соответствовал английскому золотому соверену. Иными словами, был фиксирован паритет валют в золоте. Однако, несмотря на простоту такой финансовой системы, потенциальной проблемой оставалось свободное передвижение золота через границы. Хотя в те времена его перемещение из одной страны в другую было незначительным. Лондон был финансовым центром, и в мире доминировала английская валюта.

В межвоенный период золотой стандарт имел довольно сложную историю. Так, в середине 1920-х годов Великобритания попыталась вернуться к золотому стандарту, считая, что это своего рода символ величия Британской империи. Однако экономические и финансовые потрясения 1929—1933 гг. сделали систему крайне неустойчивой, и в 1931 г. Великобритания отказалась от обмена своей валюты на золото. В результате мир оказался поделенным на торговые зоны, где «господствовали» доллар, фунт и франк.

И вот в Бреттон-Вудсе золотой стандарт был вновь восстановлен. Однако на этот раз появилась «ключевая валюта», которой стал американский доллар. Стоимость одной унции золота была зафиксирована на уровне в 35 долларов. При этом правительство США гарантировало обмен долларов на золото. В итоге (хотя, разумеется, не только по этой

причине) они стали наиболее активным участником мировой политико-экономической системы. В этом плане именно после Второй мировой войны произошел отход от доминирования Европы в политико-экономической сфере. Курсы валют других стран фиксировались по отношению к доллару. В задачи МВФ входила координация валютных курсов.

Экономическая система, созданная по результатам переговоров в Бреттон-Вудсе, стимулировала экономический рост западноевропейских стран и Японии на протяжении примерно двадцатилетнего периода. США также развивались в это время достаточно динамично. В целом мир в 1950-х — начале 1960-х годов переживает экономический бум. Однако все это было до тех пор, пока сохранялась уверенность в американской экономике.

К 1971 г. по официальным данным, наличие американской валюты за пределами США превышало американские запасы золота более чем на 300%. Стало ясно, что США не смогут выполнить свои обязательства по конвертации доллара в золото. В это же время США стали испытывать торговый дефицит (англ.: *trade deficit*) — импорт у них преобладал над экспортом. Затраты на войну во Вьетнаме также дали о себе знать. В результате в том же 1971 г. президент Р. Никсон объявляет об отказе США о поддержании паритета доллара к золоту. США девальвировали доллар на 9%, определив цену унции золота в 38 долларов. В декабре того же года была проведена международная конференция с попыткой спасти систему, основанную на золотом стандарте. Тем не менее, в 1973 г. она все же рухнула. Большинство стран ввело плавающий курс своих валют.

Выход США из Бреттон-Вудской системы считается моментом прекращения ее существования. Этот шаг оказал положительное влияние на американскую экономику и одновременно отрицательное на экономику европейских государств, а также Японии. Все это совпало с энергетическим кризисом 1970-х годов и обострением экономических проблем в ряде европейских стран.

В 1969 г. МВФ принял решение о введении специальных прав заимствования, СПЗ (англ.: *Special Drawing Right, SDR*). Нововведение получило название бумажных денег. Эмиссия СПЗ проводилась в 1970—1972 гг. и 1979—1981 гг. А с 1981 г. это воплотилось в денежную единицу, которая формировалась на основе пяти ведущих валют (доллар США — 42%, марка ФРГ — 19%, французский франк, японская иена и английский фунт стерлингов по 13%), образующих международный резервный актив, который стал использоваться в качестве счетной и учетной единицы странами — членами МВФ, а также для расчетов с МВФ.

В рамках специальных прав заимствования не осуществлялась покупка каких-либо товаров — исключительно валют. Другой важный мо-

мент состоял в том, что покупка валют не предусматривала участие отдельных лиц или корпораций. Этим занимались только государственные центральные банки.

В начале 1990-х годов одновременно с обсуждением преобразования ГАТТ в ВТО существенные изменения происходят в рамках Европейского союза, где в декабре 1991 г. подписан Маастрихтский договор. В 1999 г. ЕС вводит единую европейскую валюту — евро, сначала в безналичных расчетах, а с 2002 г. — в наличном обращении. Ее введение проходило в европейских странах с бурными дискуссиями. Великобритания, например, решила не спешить с переходом на единую европейскую валюту. И тем не менее, евро стало существенным явлением в мировой финансовой системе.

Вскоре после заключения Маастрихтского договора США, Канада и Мексика подписали договор о создании *Североамериканской зоны свободной торговли, НАФТА* (англ.: *North American Free Trade Area, NAFTA*), предусматривающий создание единого торгового пространства. С 1994 г. в НАФТА началась поэтапная отмена национальных пошлин, которая рассчитана на 15 лет.

С решением США о выходе из финансовой системы, образованной после Второй мировой войны, и фактическим распадом Бреттон-Вудской системы целый ряд порожденных ею структур продолжил свое существование. Прежде всего это созданные в рамках системы экономические институты — Международный валютный фонд и Всемирный банк. Они по-прежнему действуют, играют важную роль в мировой системе, хотя уже совсем в иных политико-экономических условиях. Во-вторых, механизмы свободной торговли не только сохранились, но и усилились в современном мире. ВТО расширила сферу своей деятельности как по числу участников, так и по спектру проблем. МВФ оказался ведущим международным институтом, который решал проблему кризиса внешней задолженности 1980-х годов и международного финансового кризиса 1997—1998 гг. Таким образом, несмотря на то что Бреттон-Вудская система формально прекратила существование, заложенные в ее основе идеи и ряд институтов продолжали развиваться.

Говоря о тенденциях политико-экономического развития, сегодня в качестве важнейших можно выделить две:

- ♦ экономическая интеграция развитых государств и создание действительно глобального рынка. В этом плане особенно значимой становится роль ВТО;

- ♦ выделение внутри экономически развитых стран трех конкурирующих блоков-регионов: Европейского, региона Северной Америки и

Азиатского. Рынки каждого блока являются «открытыми» для членов блока (минимальные торговые и иные барьеры) и отчасти закрытыми для других стран. Иными словами, блоки демонстрируют своеобразный либерализм внутри себя и меркантилизм вовне.

Несмотря на то что обе тенденции действуют одновременно, благодаря развитию телекоммуникационных, а также транспортных услуг, интеграционная тенденция все же доминирует.

В современных условиях важной тенденцией является усиление влияния на мировые процессы деятельности транснациональных корпораций и непосредственно связанной с их деятельностью экономической глобализации мира. Хотя деятельность ТНК вызывает немало споров, по ряду пунктов мнения различных исследователей и аналитиков совпадают. Среди них:

- ♦ увеличивается количество фирм, деятельность которых выходит за пределы национальных границ (фактически любая крупная компания сегодня так или иначе работает за пределами национальных рамок);

- ♦ становятся все более значимыми объемы деятельности ТНК, расширяется их сфера, охватывая не только продажу товаров, но и торговлю услугами;

- ♦ деятельность многих транснациональных корпораций связана с новыми коммуникационными или информационными технологиями;

- ♦ активность большинства ТНК географически концентрируется в развитых или новых индустриальных странах и значительно меньше — в наименее развитых государствах;

- ♦ если первоначально большинство ТНК базировались в США, то сегодня ситуация изменилась: как отмечает К. Браун (*Ch. Brown*), совокупный акционерный капитал, принадлежащий иностранным гражданам в США, больше капитала, принадлежащего американцам за пределами их границ;

- ♦ все менее очевидной становится привязка транснациональных корпораций к странам их базирования.

В то же время некоторые авторы полагают, что ТНК являются проводниками национального бизнеса за пределами своей страны. Подобные представления, отражающие в значительной степени идеи меркантилизма, в настоящее время вследствие глобализации все менее соответствуют действительности. ТНК заинтересованы в получении прибыли, поэтому в большинстве случаев прежде всего исходят из этих соображений, а не из необходимости поддержания национальной мощи того или иного национального государства.

Эти особенности ТНК во многом определяют современную экономическую ситуацию в мире, а значит, и его политическое развитие. Так,

те же Соединенные Штаты оказываются не в состоянии контролировать деятельность транснациональных корпораций. С точки зрения мировой политики, это еще одно свидетельство того, что, говоря словами С. Стрэндж (*S. Strange*), роль государства изменилась кардинальным образом. Все это заставляет государства искать новые методы воздействия на глобальные экономические процессы, в том числе развивается дипломатия, предполагающая некий симбиоз государства и бизнеса.

Ключевые термины

Международная политическая экономия
Международная торговля
Международная финансовая система
Транснациональные корпорации
Меркантилизм
Торговый, или экономический, либерализм
Неомеркантилизм
Протекционизм
Тарифные и нетарифные методы регулирования
Квоты
Субсидирование
Автаркия
Сравнительные преимущества
Торговый баланс
Транзакционные издержки

Абсолютные преимущества
Неомарксизм
Теория общественного выбора
План Маршалла
Бреттон-Вудская система
Международный валютный фонд (МВФ)
Международный банк реконструкции и развития (МБРР) / Всемирный банк
Генеральное соглашение о тарифах и торговле
Всемирная торговая организация (ВТО)
Золотой стандарт
Торговый дефицит
Специальные права заимствования
Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА)

Вопросы для обсуждения

Каковы основные положения меркантилизма?
В чем суть экономического либерализма?
Каковы основные положения теории общественного выбора и неомарксизма?
Что представляет собой Бреттон-Вудская система?
Какие можно выделить ведущие тенденции в развитии международной политической экономии?
В чем особенности деятельности современных ТНК?

Практикум

В начале 2000-х годов в российских средствах массовой информации, включая профессиональные журналы, велись интенсивные дискуссии относительно того, следует ли нашей стране вступать в ВТО. Заполните, основываясь на этих материалах, следующую таблицу:

Автор аргументации (конкретное лицо или организация)	Аргументы за вступление России в ВТО	Аргументы против вступления России в ВТО

Проанализируйте полученные результаты. Представители каких групп выступали за скорейшее присоединение к ВТО, а каких — против?

Рекомендуемая литература

Афонцев С. А. Экономическая политика в современном мире: «глобальное управление» или глобальный политический рынок // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. М. М. Лебедевой. М., 2000. С. 29–61.
Афонцев С. А. Экономическое измерение мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 142–163.
Курс экономической теории: Учебник. 4-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. М. Н. Чепурина и проф. Е. А. Киселевой. Киров, 1999.
Международные экономические отношения / Под ред. Н. Н. Ливенцева. М., 2001.
Стрэндж С. Политическая экономия и международные отношения // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002.
Щетинин В. Д. Экономическая дипломатия. М.: Международные отношения, 2001.

Интернет-ресурсы

Всемирный банк: <http://www.worldbank.org>
ВТО: <http://www.wto.org>
МВФ: <http://imf.org>
Организации экономического сотрудничества и развития: <http://www.oecd.org>
The Economist: <http://www.economist.com>
International Political Economy Network: <http://csf.colorado.edu/ipec>

ПРАВО И МОРАЛЬ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Анархичный характер международных отношений, изначально заданный Вестфальской системой, регулируется *международным правом*. Американский исследователь Ричард Фалк (*Richard Falk*) заметил, что большинство правовых норм, которые используются в международных отношениях, основаны на нравственных принципах. Так, вторжение одного государства на территорию другого (как, например, было в случае захвата Кувейта Ираком в начале 1990-х годов) не только воспринимается как противоречащее международному праву, но и оценивается большинством государств, а также другими участниками международного взаимодействия как безнравственное. Близкой точки зрения придерживается и П. А. Цыганков. «И право, и мораль, — считает он, — представляют собой обязательные правила поведения, которые приобретают форму юридического или нравственного долга и ответственности за нарушение этого долга, отражая существующий уровень развития международной системы и человеческой цивилизации в целом». И тем не менее, они не тождественны. П. А. Цыганков указывает на два отличия:

- ♦ правовые нормы зафиксированы в соответствующих документах, в то время как моральные принципы — нет;
- ♦ мораль и право различаются по формам, средствам, методам воздействия, но если право предусматривает использование средств принуждения (санкции, исключение из членов международной организации и т.п.), то мораль — нет.

Кроме названных различий, необходимо указать еще на одно. Несмотря на то что в основе и права, и морали лежат ценности, мораль в значительно большей степени связана с ними и представляет собой сложное, порой противоречивое образование, где переплетаются общечеловеческие, идеологические, религиозные и иные ценности, что может вести к противоречиям.

13.1. Правовая составляющая мировой политики

Современное международное право стало результатом долгого исторического развития. Изначально главнейшим в отношениях между народами был вопрос о праве на ведение войны. Эта проблема неоднократно обсуждалась в трудах мыслителей Древнего мира. Само же понятие

«право между народами» (лат.: *jus inter gentes*) было введено в XVI в. испанцем Ф. де Витория, который говорил о христианской ответственности в отношении любого человека. А корни этого понятия можно найти в римском праве, где было «право людей» (лат.: *jus inter gentium*).

Гуго Гроций — голландский юрист и политический деятель, живший в период Тридцатилетней войны в Европе (1583–1645), одним из первых в знаменитой работе «О праве войны и мира» обратил внимание на необходимость разрешать споры не силовыми, а правовыми способами. Для него военные действия возможны были только в случае самозащиты или как ответ на причиненный ущерб. Именно такая война, считал он, является справедливой.

И все же, как пишет отечественный автор Ю. М. Колосов, «если исходить из первоначального смысла понятия международного права как права именно в отношении между народами (*jus inter gentes*), то можно полагать, что первые обычные нормы зарождались еще в период первобытно-общинного строя, до становления государства... Если же толковать понятие “международное право” как право межгосударственное, то придется признать, что оно возникает одновременно с процессом становления государственности...». Иными словами, с оформлением государства происходит становление и развитие международного права в современном понимании.

Г. Гроцию также принадлежит одна из первых разработок в определении источников международного права. Это легло в основу международного права, действующего и поныне, а имя Г. Гроция называется в качестве его родоначальника.

Вопрос об источниках возникает в связи с тем, что в отличие от государства, где есть законодательная власть, в международном праве такого центрального органа не существует. В настоящее время, согласно статье 38 Статута Международного Суда, источниками международного права являются:

- а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;
- б) международный обычай, как доказательство всеобщей практики, признанный в качестве правовой нормы;
- с) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;
- д) с оговоркой, указанной в статье 59, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций, в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм».

Международное право имеет важное значение в современном мире. Оно позволяет уменьшить неопределенность в международной среде, стабилизировать международные отношения. Различают *международное публичное право* и *международное частное право*. Оба они регулируют правовую сферу, относящуюся к международной. При этом международное публичное, или просто международное, право призвано регулировать отношения прежде всего между государствами. В «Дипломатическом словаре» оно и описывается как «система юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и определяющих их взаимные права и обязанности». К международному же частному праву относятся вопросы, связанные с взаимодействием на международной арене отдельных лиц, корпораций, неправительственных организаций и т.п. Оно регулирует международную торговлю, обмен международной информацией, международный туризм и другие подобные сферы деятельности.

В современном мире, как считает Дж. Т. Рурке (*J. T. Rourke*), международное право лучше регулирует то, что относится к политике низкого уровня: торговлю, сотрудничество в различных областях экономики, технологий, информации, туризм — сферу преимущественно международного частного права. Хуже обстоят дела в политике высокого уровня, т.е. в сфере международного публичного права. Когда затрагиваются жизненно важные интересы, пишет Дж. Т. Рурке, государства порой нарушают международные нормы. Однако, несмотря на это, в области безопасности международное право является важнейшим регулятором международных отношений. На базе существующих международных договоров ведутся новые переговоры. Международные договоры являются и одним из наиболее важных элементов формирования международных режимов в области безопасности.

После подписания Вестфальского мира в международном праве фиксируется, оставаясь центральной и поныне, идея *государственного (национального) суверенитета* (англ.: *national sovereignty*), означающая, что государство обладает властными полномочиями на принадлежащей ему территории и самостоятельно в международных делах. Согласно этому, другие государства или иные акторы не имеют права вмешиваться во внутренние дела государства.

Суверенитет является ключевым понятием в международном праве. В теоретическом плане он теснейшим образом связан с теорией политического реализма, исходящей из представлений о государственно-центристской модели мира.

Важнейшим, вытекающим из идеи суверенитета *принципом международного права* является принцип суверенного равенства государств (англ.: *sovereign equality*). Он означает, что государства юридически равны незави-

симо от территории, населения, военной, экономической мощи и т.д. Все они обладают одинаковыми правами. Данный принцип зафиксирован в статье 2, п. 1 Устава ООН, где говорится: «Организация основана на принципе суверенного равенства ее Членов». А в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970), раскрывается содержание этого положения. Суверенитет лежит в основе и других принципов международного права — нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела.

Кроме названных, к принципам международного права относятся также принцип мирного разрешения международных споров, принцип неприменения силы или угрозы силы, принцип сотрудничества и др. Все они зафиксированы в Уставе ООН, упомянутой Декларации 1970 г. и других международных документах. Возможные споры между государствами должны разрешаться путем переговоров или юридических процедур. Согласно данным К. Холсти (*K. Holsti*), в период с 1919 по 1986 г. было предпринято 168 попыток разрешить споры между государствами мирными средствами. Более того, после завершения Первой мировой войны в 70% случаев межгосударственные конфликты и споры были успешно разрешены.

Разрешение споров на мировой арене может происходить либо путем переговоров и посреднических процедур с участием или без участия третьей стороны, либо путем судебных процедур.

Международный Суд (англ.: *International Court of Justice, ICJ*, или *World Court*) создан в 1945 г. как судебный орган ООН для разрешения возникающих между государствами споров. Его местонахождение — Гаага, Нидерланды. Он состоит из 15 судей, которые избираются членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН абсолютным большинством голосов на девять лет. Каждые три года состав судей обновляется на 1/3.

Это важно!

В международном праве государственный суверенитет определяется как «верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность в международных делах. Это качество, свойство любого государства».

Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1996. С. 58.

Порядок избрания судей предусматривает преемственность. Они могут быть из любой страны, которая является членом ООН, при этом все пять постоянных членов Совета Безопасности представлены судьями.

Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН могут запрашивать заключения Международного Суда, который приступает к рассмотрению спорных дел только при согласии на это самих государств. Например, в 1992 г. был разрешен территориальный спор между Сальвадором и Гондурасом, история которого уходит своими корнями в середину XIX в. Обе страны пытались решить этот вопрос, в том числе военными методами, до того, как в 1986 г. обратились в Международный Суд, который и принял решения о принадлежности примерно $2/3$ территории Гондурасу и $1/3$ — Сальвадору. Территориальные же воды были разделены между этими двумя странами и Никарагуа.

Существует и ряд региональных международных судов. Один из них — *Европейский суд по правам человека* (англ.: *European Court of Human Rights*) при Совете Европы в Страсбурге. Он действует на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в 1950 г., и рассматривает жалобы граждан стран-участниц в случае нарушения их прав.

Международный военный трибунал (англ.: *International War Tribunal*), созданный после окончания Второй мировой войны, был международным судебным органом по преследованию и наказанию главных военных преступников, сражавшихся на стороне фашистской Германии. Организационное его заседание состоялось в октябре 1945 г. Сам же суд над ними прошел в г. Нюрнберге (Германия) и получил название *Нюрнбергского процесса*. К ответственности были привлечены Г. Геринг, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер и другие главные нацистские преступники. Из них 12 человек приговорены к смертной казни, 7 человек — к длительным срокам тюремного заключения.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока был образован на основе переговоров между союзными правительствами в январе 1946 г. Он заседал в Токио с мая 1946 по ноябрь 1948 г. (*Токийский процесс*). В трибунале были представлены 11 государств, в том числе СССР, США, Великобритания, Франция.

В 1993 г. в соответствии с Резолюцией СБ ООН, в разгар войны в Боснии и Герцеговине, был учрежден *Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии* (англ.: *International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*) в Гааге. В Резолюции выражалась уверенность, что судебное преследование тех, кто виновен в серьезных нарушениях международного гуманитарного права, поможет положить конец насилию на этой территории, которое угрожает миру и международной безопаснос-

Это интересно!

Представители другого государства вовсе не всегда пользовались неприкосновенностью. Более того, посланец, если он приносил плохую весть, мог быть просто убит.

ти. В Гаагском трибунале прошли слушания и по делу бывшего президента Югославии С. Милошевича.

Одним из последних международных судебных институтов стал Международный уголовный суд (англ.: *International Criminal Court*), который был учрежден по результатам конференции ООН в Риме в 1998 г. и в задачи которого входит рассмотрение дел, связанных с геноцидом, нарушением прав человека и т.п. В его создании большую роль сыграли международные неправительственные организации.

Международное право регулирует также сферу, связанную с дипломатической деятельностью. Оно определяет функции *дипломатических представительств* — посольства, миссии, которые являются зарубежными государственными органами внешних сношений.

Согласно международным нормам, дипломаты, находясь в стране пребывания, пользуются *дипломатическими привилегиями* (рядом преимуществ и льгот) и *иммунитетом* (определенными изъятиями из-под юрисдикции страны пребывания). Это позволяет эффективно осуществлять деятельность без вмешательства со стороны государства, в котором они работают. Дипломатический иммунитет подразумевает в том числе неприкосновенность служебных помещений представительств, жилищ, транспортных средств, а также личную неприкосновенность. Дипломаты освобождаются от уплаты налогов. Они не могут быть арестованы. В случае же совершения преступления дипломат обычно высылается домой или он может быть привлечен к уголовной ответственности, но только с согласия своей страны. В связи с этим довольно большую известность приобрела в свое время история с безуспешной попыткой мэра Нью-Йорка Р. Джулиани привлечь к ответственности дипломатические представительства и дипломатов, нарушавших правила парковки машин. Одним из наиболее крупных по масштабам нарушений дипломатического иммунитета был захват в Тегеране американских дипломатов группой экстремистов в ноябре 1979 г. и содержание их более года в качестве заложников.

Важнейший международный документ, в котором определены принципы и правовые нормы, регулирующие дипломатические отношения

между странами, — *Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.* В ней зафиксирован порядок установления дипломатических отношений, определены классы дипломатических представительств, содержатся нормы, связанные с объявлением дипломата *персоной нон грата* (лат.: *persona non grata*), т.е. нежелательным лицом в данной стране, и т.п. В Венской конвенции приведены также описания дипломатических привилегий и иммунитета.

В течение XX столетия международное сообщество большое внимание уделяло *законам и обычаям войны* (англ.: *customs and laws of war*, или чаще — *laws of war*), т.е. нормам международного права, которые устанавливают права и обязанности воюющих государств в отношении начала вооруженных действий, гражданского населения, военнопленных и т.д. Их смысл в том, чтобы избежать наиболее жестоких методов действия во время вооруженных конфликтов, а также защитить мирное население. Здесь две большие группы вопросов. Первая связана с *началом войны* (лат.: *jus bellum*), вторая — с самим характером ее ведения (лат.: *jus in bello*), в том числе обращением с военнопленными, гражданским населением и т.п.

Довольно подробно правовые аспекты начала вооруженных действий и правил ведения войны рассматривались на *Гаагских конференциях мира 1899 и 1907 гг.* На них были приняты конвенции, касающиеся законов и обычаев войны.

После Первой мировой войны вопрос об использовании вооруженной силы становится особо актуальным. В статье 16 *Устава Лиги Наций* говорится: «Если Член Лиги Наций прибегает к войне, вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые и финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав».

Следующей важной попыткой предотвратить военные действия было заключение *Пакта Бриана—Келлога*. Его предыстория такова. Весной 1927 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан обратился к своему коллеге — государственному секретарю США Ф. Келлогу с предложением о заключении двустороннего соглашения, которое запрещало бы войну в качестве средства национальной политики. В ответ последовало предложение заключить договор на многосторонней основе. После этого в 1928 г. представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Бельгии, Канады, Австрии, Новой Зеландии, Южноафриканского Союза, Ирландии, Индии, Польши, Чехословакии и Японии и был в Париже подписан Пакт. Чуть позднее к нему присоединился СССР, а к началу Второй мировой войны — более 60 государств. Пакт ставил вне

закона развязывание войны, хотя и не подразумевал автоматических санкций в отношении агрессора. В то же время подписавшие его государства имели право на оборону. Инициаторы Пакта А. Бриан и Ф. Келлог впоследствии были удостоены Нобелевской премии мира.

К сожалению, все эти документы и договоренности не позволили предотвратить развязывание Второй мировой войны. Но по ее окончании вопрос о разработке мер, которые препятствовали бы агрессии, заявил о себе с новой силой. Это находит отражение и в принятых документах. И прежде всего в Уставе ООН, где в статье 2, пункте 3 говорится: «Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость». Далее в пункте 4 говорится о том, что все члены ООН «воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности, или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом».

В то же время статья 51 допускает право на самооборону. В ней сказано, что «настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации Объединенных Наций». А статья 39 предоставляет Совету Безопасности право определять «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры следует принять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Однако если статья 41 предусматривает меры, не связанные с использованием вооруженных сил, то статья 42 наделяет Совет Безопасности ООН правом «предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Важное значение для развития правовой сферы, связанной с законами и обычаями войны, имели *Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и дополнительные протоколы к ним 1977 г.* Эти документы направлены на защиту раненых, больных, военнопленных, а также гражданского населения во время вооруженных конфликтов. Участниками их разработки и реализации стали более 150 государств.

В Уставе ООН и других перечисленных международных документах указывается на потенциальную угрозу со стороны одного или группы государств; регламентируются их действия в отношении друг друга или граждан. Сегодня с особой остротой встает проблема, связанная с террористическими организациями, которые могут располагаться и действовать на территории целого ряда государств, а также правом применения силы

при борьбе с терроризмом. Сложности здесь возникают и в связи с тем, что целый ряд понятий очень сложно поддается определению. Прежде всего это относится к терроризму. Как уже отмечалось, то, что одни характеризуют как террористические действия, другие считают борьбой за свободу. Грань здесь весьма условная. Поэтому все попытки определить терроризм, в том числе в рамках ООН, оказывались безуспешными. Неопределенность понятия ведет и к трудностям при разработке правовой базы для борьбы с терроризмом.

Интересный вариант разрешения данной проблемы предлагает директор контртеррористического центра США Боаз Гарнор (*Boaz Garnor*), считая, что нормативный принцип, касающийся состояния войны между двумя государствами, может быть перенесен на конфликт между государством и неправительственными организациями. Он предлагает два феномена — «партизанская война» и «терроризм», в зависимости от того, что именно выступает в качестве объекта нападения — военные силы в случае партизанской войны или гражданские объекты при террористических актах. Иными словами, цели партизан — военные, в то время как террорист преднамеренно атакует гражданское население. При таком различии, пишет Б. Гарнор, террористическая организация не сможет утверждать, что представляет собой движение «борьбы за свободу», служит национальному освобождению или какой-либо иной «высокой» цели. Даже при том, что декларируемое подается как «законное», организация, которая делает «мишенью» гражданские цели, является террористической по самой своей сути.

Американские исследователи Б. Рассетт (*B. Russett*), Х. Старр (*H. Starr*) и Д. Кинселла (*D. Kinsella*) представили сравнительный анализ основных проблем войны и мира, затрагиваемых в крупнейших международных документах. Это позволяет наглядно продемонстрировать, какие из них были в центре внимания общества начала XX в. и какие появились позднее (табл. 13.1).

В процессе исторического развития, усложнения международного взаимодействия развивалось и международное право. Тем не менее, одной из важнейших проблем, по мнению ряда исследователей в области мировой политики, был и остается вопрос применения правовых норм. В отличие от любого государства на мировой арене нет ни центральной власти, ни полиции. По этой причине в Международном Суде рассматриваются в основном дела, имеющие второстепенное для мирового сообщества значение. Разрешение территориального спора между Сальвадором и Гондурасом было, скорее, исключением.

В международном праве отсутствуют также институты, которые занимаются законодотворчеством. Поэтому некоторые исследователи гово-

Таблица 13.1

Проблемы войны и мира в основных документах XX столетия

Проблематика	Гаагские конвенции	Женевские конвенции	Нюрнбергский процесс	Устав ООН	Ассамблеи ООН
Мирное разрешение международных споров				•	•
Использование сухопутных сил	•	•			
Использование морских сил	•				
Использование военно-воздушных сил	•				
Использование оружия массового поражения	•	•			•
Обращение с гражданскими лицами	•	•			
Обращение с заключенными	•	•			
Судебное преследование военных преступников		•	•		•
Проблема нейтралитета	•				
Вопросы военной оккупации	•	•			
Терроризм					•

Источник: *Russett B., Starr H., Kinsella D. World Politics: The Menu for Choice. N.Y., 2000.*

рят о том, что оно фактически фиксирует нормы, которым и без того следуют государства. Например, Стенли Хоффманн (*St. Hoffmann*) в связи с этим заметил, что «правила поведения» в международном праве становятся «правилами для поведения».

И все же государства стараются следовать международным нормам, ожидая тех же действий от других. Так, во время Второй мировой войны и

СССР, и Германия, обладавшие, как упоминалось, химическим оружием, не стали все-таки его применять и действовали в соответствии с Женевским Протоколом 1925 г., опасаясь ответных действий со стороны противника.

Важным моментом является и международная репутация, которая самым непосредственным образом влияет на включенность государства в международное сотрудничество. Существует ответственность, закрепленная в международных договорах. Например, Устав ООН предусматривает ее за действия, связанные с нарушением международного мира и безопасности. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, обращается внимание на то, что каждое государство обязано добросовестно выполнять международные обязательства.

Другая проблема — возможное противоречие между международным правом и национальным законодательством. Обычно исходят из приоритета международного права. Однако принцип суверенитета позволяет государству им пренебрегать. Особенно в прошлом, когда, согласно Вестфальским договоренностям, было предусмотрено *божественное* или *священное право королей* (англ.: *divine right of king*). В результате граждане оказывались беззащитными перед возможным террором со стороны властных структур. Хотя и сегодня, при диктаторских режимах, граждане могут преследоваться за свои убеждения, а *права человека* (англ.: *human rights*) нарушаться.

Поскольку международное право не регулирует внутреннее законодательство, то к такому государству могут применяться лишь политические и экономические меры воздействия, включая принятие резолюций ООН, *санкции*, осуждающие политический режим, который ограничивает права тех или иных групп (например, как было в случае режима апартеида в Южной Африке и т.п.). В связи с этим Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в обращении 1999 г. к ГА ООН высказался за пересмотр понятия суверенитета, а также национальных интересов, заявив, что в традиционном понимании они не позволяют избежать *гуманитарных катастроф*.

Права человека, принцип самоопределения народов и наций, с одной стороны, и сохранение суверенитета, принцип невмешательства во внутренние дела, с другой, — наиболее дискутируемые в настоящее время вопросы, выходящие за рамки правовых проблем. Наиболее явно это проявилось в конфликте в Косове. Западные страны исходили из требований соблюдения прав человека, а потому и необходимости *гуманитарного вмешательства*. При этом в качестве аргумента приводилась, в частности, ссылка на статью 55 (с) Устава ООН, где говорится о содействии этой международной организации «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, язы-

ка и религии», а также статью 56, в которой сказано, что государства — члены ООН «обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией для достижения целей, указанных в статье 55». Защиту прав человека предполагает и Всеобщая декларация прав человека.

В то же время, например, официальная российская позиция заключалась в необходимости соблюдения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Этот ключевой в международном праве принцип содержится также в Уставе ООН. Кроме того, аргументация строилась на том, что в противном случае мы ступаем на крайний зыбкий путь, где грани между агрессией и гуманитарным вмешательством оказываются размытыми. Под предлогом последнего может совершиться и вторжение на территорию другого государства. Кстати, соблюдение принципа суверенитета странами Запада в событиях 1956 г. (в Венгрии) и 1968 г. (в Чехословакии) во многом позволило избежать потенциального глобального столкновения.

Спорным является и вопрос относительно степени возможного *гуманитарного воздействия* на другую страну. Одно дело — помощь медикаментами, продуктами питания в случае гуманитарной катастрофы, и совсем другое — введение вооруженных сил на территорию государства без его согласия.

Все эти вопросы пока остаются нерешенными, вызывая многочисленные дискуссии специалистов по праву, международным отношениям, политиков. А основным остается неясность относительно того, что брать за своеобразную точку отсчета — государство или отдельного человека. При ответе на этот вопрос следует иметь в виду, что на сегодняшний день большинство норм ориентировано на государство.

Наконец, еще одна проблема, о которой необходимо сказать. Начиная с подписания Вестфальского мира, государства были субъектами международного права. И это хорошо отражало реалии того времени. Но сегодня все более активно действуют на мировой арене другие акторы. Причем негосударственные, прежде всего ТНК, которые обладают огромными финансовыми средствами и политическим влиянием. В связи с этим одна из точек зрения сводится к тому, что они должны быть наделены международной правосубъектностью. Противоположная позиция состоит в том, что делать это не следует. Ю. М. Колосов, например, аргументирует ее так: «Если признать субъектом международного права только то образование, которое способно участвовать в межгосударственных отношениях, придется согласиться с тем, что никакая компания не обладает присущими государству качествами, а потому не способна участвовать в таких отношениях. Далее он констатирует, что заключаемые между государствами и ком-

Вопрос для размышления

Как вы считаете, по каким основным направлениям будет развиваться международное право в дальнейшем?

паниями договоры — это не межгосударственные соглашения, а гражданские сделки, которые относятся к сфере гражданского (международного частного) права».

Названные, а также ряд других проблем отнюдь не умаляют роль международного права в современном мире, а лишь указывают на наиболее сложные и дискуссионные вопросы. Международное право, как и любая другая сфера, развивается. Например, в конце XX столетия в связи с расширением взаимодействия между государствами в области культуры, образования, науки бурное развитие получило *гуманитарное право*. Европейская интеграция привела к формированию *европейского права*, в котором особое внимание уделяется вопросам его отношений с национальным правом государств-членов ЕС и с международным правом.

Как, по каким новым направлениям будет развиваться международное право, а главное — как реагировать на те изменения, которые сегодня претерпевает политическая структура мира? В. М. Кулагин пишет, что «если согласиться с наличием в нынешней политике изменений качественно-го характера, то логично предположить и не менее радикальные изменения в своде правил, регулирующих поведение участников политического взаимодействия».

Действительно, в начале XXI в. становится крайне сложно действовать в жестких рамках, в том числе и правовых, классической Вестфальской модели мира. Международное право является важнейшим инструментом стабильности международных отношений. Поэтому все отчетливее вырисовывается необходимость принятия решений по целому комплексу вопросов, с тем чтобы, с одной стороны, сохранить все положительное в нем, наработанное в течение столетий, а с другой — учесть то качественно новое, что появилось в политической структуре мира за несколько последних десятилетий.

13.2. Моральные аспекты мировой политики

Мораль в мировой политике подразумевает оценку тех или иных действий на мировой арене с точки зрения того, насколько это хорошо или

плохо, правильно или неправильно, нравственно или безнравственно. Само понятие «мораль» происходит от латинского слова *mores*, означающего применение чего-либо на основе общепринятого — общих ценностей и традиций.

Перед политиками всегда возникали вопросы морали. Но ответы на них давались различные. Так, в «Мелосском диалоге» Фукидида афиняне связывают мораль с силой — более слабый должен принять то, что ему навязывает сильный. Этот постулат в дальнейшем был воспринят реалистской традицией в международных отношениях.

С моральными проблемами политики сталкиваются на каждом шагу и сегодня, начиная с продажи оружия и заканчивая организацией помощи наиболее бедным странам. В последнем случае возникает вопрос: не окажется ли эта помощь в руках политической элиты, а наименее защищенные слои населения будут ее лишены или не будут ли подобные действия служить основой для развития иждивенческих настроений?

Проблема морали довольно часто встречается в риторике политических и общественных деятелей. Нередко это имеет политическую подоплеку. Например, обращение к моральным аспектам политики постоянно прослеживалось в эпоху холодной войны.

Если одним из отцов-основателей международного права принято считать Г. Гроция, то этические начала современной мировой политики во многом были заложены И. Кантом. Философ исходил из того, что участники социального взаимодействия (и государства в том числе) изначально, по самой своей природе, ориентированы на сотрудничество для получения взаимной выгоды. При этом они могут сотрудничать, лишь уважая интересы и намерения друг друга. В этом случае им нет необходимости создавать некие властные структуры, которые их принуждали бы работать по правилам. Этими идеями руководствовались первые исследователи и практики, принадлежащие к школе политического идеализма. Представления И. Канта легли в основу идеи создания международных организаций. Предполагалось, что сотрудничество во имя общих целей будет закрепляться в последующем и такое поведение станет привычным.

Универсальны или обусловлены культурными особенностями моральные нормы? При ответе на этот вопрос существует два подхода. Первый исходит из невозможности сформулировать общие для всего человечества моральные принципы. Этот подход к морали в мировой политике называется релятивистским. Как пишут П. Р. Виотти (*P. R. Viotti*) и М. В. Кауппи (*M. V. Kauppi*), моральные оценки тех или иных действий в этом случае могут быть даны только в контексте определенной культуры.

Представители данного направления отвергают существование универсальных человеческих норм и прав. Они подчеркивают, что мораль-

ные принципы во многом обусловлены культурой и историей. Например, широко принятые в настоящее время представления о том, что демократия — это хорошо, а дискриминация по расовому, национальному, гендерному и прочим признакам — плохо, стали действительно таковыми лишь в XX столетии. На их основе принимались многие решения. В то же время другие моральные принципы еще не стали общепризнанными. Это касается, например, уничтожения биологических видов, о чем шла речь в главе 11. Многие видят в уменьшении разнообразия живущих на Земле биологических видов проблему экономическую (например, для фармакологической промышленности), а не моральный ее аспект.

Противоположная позиция у тех, кто полагает, что существуют универсальные общечеловеческие нормы. К ним относятся, в частности, представители либеральной школы. Американский исследователь Марк Р. Амстуц (*M. R. Amstutz*), говоря об универсальности моральных норм в мировой политике, подчеркивает тот факт, что базовые представления едины для всех народов, и ссылается на категорический императив И. Канта: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» и «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого».

Веберовское различие «этики убеждений», основанной на вечных ценностях, и «этики ответственности», исходящей из важности последствий политических действий, имеет непосредственное отношение к вопросам морали в мировой политике. Если представители первого направления полагают, что цели и средства, используемые на международной арене, должны быть моральными, то приверженцы второго подчеркивают лишь необходимость того, чтобы моральному критерию отвечал конечный результат. Например, Дж. Най (*J. Nye*) исходит из того, что внешняя политика, основанная на моральных принципах, должна учитывать цели, средства и результаты предпринимаемых шагов.

В рамках первого направления сложности возникают в случае, когда последствия предпринятых на мировой арене с самыми добрыми намерениями действий оказываются аморальными. Сам М. Вебер предлагал смириться с тем, что могут использоваться не совсем чистые средства. Но и второй подход, ориентированный на оценку конечного результата, не является бесспорным. Последствия порой оказываются противоречивыми. Так, нередко экономическая выгода от реализации того или иного проекта (например, строительства гидроэлектростанции) вступает в противоречие с вредом, наносимым природе. Найти ответ в разрешении данной дилеммы весьма непросто. Даже когда эксперты приходят к согла-

сию по фактической стороне дела, они нередко расходятся в моральных оценках проблемы.

Другим примером неоднозначности конечного результата, вызывающим дискуссии относительно моральных аспектов, может быть вопрос об использовании ядерного оружия с более точным наведением. Казалось бы, оно и рациональнее, поскольку позволяет сократить потери среди мирного населения. Однако при этом совокупный эффект (в том числе экологические, отдаленные последствия заражения территории радиацией и т.п.), а также сам факт применения ядерного оружия, который во многом снимает моральную ответственность за нанесение ответного удара, делают возможность его использования с моральной точки зрения крайне уязвимой.

М. Р. Амстуц выделяет три основные моральные традиции в международных отношениях и мировой политике:

- ♦ скептицизм в отношении морали;
- ♦ космополитизм;
- ♦ коммунитаризм.

Он пишет, что в основе скептицизма лежит этика ответственности, космополитизма — этика убеждений, коммунитаризма.

Скептицизм в отношении морали связан с политическим реализмом. Эта традиция, в отличие от цинизма, не отрицает наличия на мировой арене моральных принципов. Ее представители настаивают на том, что в мире не существует единых стандартов в отношении морали. Государства должны руководствоваться своими национальными интересами, действуя при этом из соображений прагматизма и благоразумности, а политические деятели — исходить из принципа рациональности, просчитывая возможные последствия своих шагов. Этой традиции придерживались, в частности, бывший государственный секретарь США Д. Ачисон (*D. Acheson*), известный американский дипломат и исследователь Дж. Кеннан (*G. Kennan*) и др.

Космополитизм наиболее тесно связан с кантовской традицией. Он основывается на убеждении о существовании в мире единой универсальной морали. Причем роли морали в мировой политике придается большое значение. Одним из наиболее ярких представителей космополитической традиции был президент США Вудро Вильсон (*W. Wilson*). Сторонником этих взглядов был также президент США Дж. Картер (*J. Carter*). Для представителей этой традиции важнейшей моральной проблемой являются права человека. В рамках этой традиции считается аморально защищать национальные интересы в ущерб правам человека. По-

этому поддерживаются акты, связанные с гуманитарной интервенцией ради защиты прав человека.

Коммунитаризм, как и космополитизм, исходит из представлений о существовании таких единых моральных норм и традиций, как равенство, экономическое процветание и т.п. Политические деятели должны руководствоваться и национальными интересами, и соображениями морали. Представители этой традиции подчеркивают сложность любой ситуации, складывающейся на мировой арене. Поэтому считают, что не существует простых и однозначных решений.

Проблема морали в мировой политике особенно остра в ситуации вооруженного конфликта. М. Николсон (*M. Nicholson*) приводит пример так называемого *морального парадокса*. Он пишет, что убийство практически в любом обществе рассматривается как одно из тягчайших преступлений, часто карающееся смертной казнью, а убийство противника во время войны — как доблесть. Впрочем, далеко не все видят в этом примере парадокс. Так, для квакеров (членов религиозной христианской общины) любое убийство является убийством. И с моральной точки зрения, всегда достойно осуждения.

Моральные установки, которые исходят из отрицания любой войны, получили название *пацифизма* (лат.: *pacificus* — миротворческий), а движения, исповедующие подобные взгляды, — пацифистских. Своими корнями он уходит в период раннего христианства и отвергает использование любых насильственных методов. Кроме квакеров, пацифистских взглядов придерживались Мартин Лютер Кинг, Махатма Ганди и целый ряд других политических и общественных деятелей.

Во многом противоположны этим моральные принципы в отношении войны у тех, кто полагает, что любые вооруженные действия в интересах государства допустимы и поэтому могут быть оправданными. Они исходят из реалистских представлений о роли государства. Причем история знает немало случаев, когда давались указания об уничтожении целых населенных пунктов только на том основании, что там среди мирного населения могли быть вооруженные противники.

Некое «срединное» положение между этими двумя точками зрения, как пишут Б. Рассетт (*B. Russett*), Х. Старр (*H. Starr*) и Д. Кинселла (*D. Kinsella*), занимают те, кто полагает, что применение оружия является морально допустимым средством в политике. Они исходят из коммунитаризма и считают, что, во-первых, все зависит от причин использования оружия. Например, одно дело — самооборона, другое — завоевание. Во-вторых, важно, как ведется война: страдает ли мирное население, как обращаются с военнопленными, какое оружие применяется и т.п.

Ключевые термины

Международное право	Законы и обычаи войны
Источники международного права	Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг.
Международное публичное право	Устав Лиги Наций
Международное частное право	Пакт Бриана—Келлога
Государственный (национальный) суверенитет	Устав ООН
Принципы международного права	Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и дополнительные протоколы к ним 1977 г.
Международный Суд	Гуманитарная катастрофа
Европейский суд по правам человека	Права человека
Международный военный трибунал	Гуманитарное вмешательство
Нюрнбергский процесс	Гуманитарное воздействие
Токийский процесс	Гуманитарное право
Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии	Европейское право
Международный уголовный суд	Скептицизм в отношении морали
Дипломатические представительства	Цинизм
Дипломатические привилегии и иммунитет	Космополитизм
Венская конвенция о дипломатических сношениях	Коммунитаризм
Персона нон грата	Моральный парадокс
	Пацифизм

Вопросы для обсуждения

- В чем совпадают и в чем расходятся международные право и мораль?
- Какова роль понятия «суверенитет» в международном праве?
- Что собой представляют законы и обычаи войны (какие важные международные документы в этой области были приняты)?
- Как в правовом отношении регулируется деятельность дипломатических представительств за рубежом?
- Какие проблемы возникают в международном праве (каковы возможные подходы к их решению)?
- Являются ли моральные нормы универсальными или обусловлены культурно-историческими особенностями?
- Каковы основные характеристики коммунитаризма, космополитизма, скептицизма в области морали?
- Какие моральные подходы существуют в отношении применения военных действий?

Практикум

1. Воспользуйтесь сайтом: Teaching Human Rights Online: <http://oz.uc.edu/thro/index/html>, на котором приведены описания конкретных примеров, связанных с проблемой прав человека. Выберите для анализа любую ситуацию.

Сделайте заключение относительно правомерности действий сторон. Сравните с теми решениями, которые были приняты в действительности.

2. Возьмите из области мировой политики любой пример, который вызывает дискуссии относительно того, насколько действия политиков оправданы с моральной точки зрения (заполните таблицу).

Аргументы, оправдывающие данные действия с моральной точки зрения	Аргументы, обосновывающие недопустимость подобных действий с моральной точки зрения

Чьи аргументы, на ваш взгляд, оказываются более весомыми?

Рекомендуемая литература

- Всеобщая Декларация прав человека. ГА ООН 10 декабря 1948 г.
 Статут Международного Суда.
 Устав ООН.
 Алексеева Т. А. Современные политические теории. Гл. 7. М., 2000.
 Куклина И. Н. Права человека: политическое и гуманитарное измерение // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 11. С. 21–30.
 Кулагин В. М. Политико-правовой режим современных международных отношений // Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 70–93.
 Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1996.
 Цыганков П. А. Теория международных отношений. Гл. 12. Проблема правового регулирования международных отношений; гл. 13. Этическое измерение международных отношений. М., 2002.

Интернет-ресурсы

- Международный Суд: <http://www.icj-cij.org>
 Всеобщая декларация прав человека: <http://www.un.org/jverviw/rights.html>
 Международный трибунал по бывшей Югославии: <http://www.un.org/icty>

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

14.1. Роль и значение образования в современном мире

Проблема образования пока не стала столь же традиционной темой в учебной литературе по мировой политике, как экономические или правовые аспекты. Хотя именно человек с его знаниями и умениями все с большей очевидностью становится главной движущей силой в политическом развитии мира, а значит, и мировой политике. Подобно тому как в свое время экономический фактор потеснил военный, сегодня развитие человеческого потенциала выходит на передний план, опережая другие приоритеты. И это понятно: человек вносит решающий вклад в современное производство, экономику, культуру, науку. От того, каким будет он сам и его образовательный уровень, зависит будущее. В этом смысле образование становится политикообразующим фактором современного мира.

Впрочем, знание всегда было движущей силой социального прогресса. Еще английский философ конца XVI — начала XVII в. Фрэнсис Бэкон заметил, что сила заключается во владении информацией. И был абсолютно прав. Однако с еще большим основанием его слова можно отнести к современному периоду с той лишь поправкой, что силой является не сама по себе информация, а умение анализировать, использовать ее.

Постиндустриальная эпоха — с новыми технологиями и связанными с ними информационными, коммуникационными отраслями, а также биотехнологиями — предъявляет качественно новые требования к человеку. Не случайно довольно много об образовательном факторе в политике пишут авторы, которые ориентируются на идеи, разрабатываемые в рамках постиндустриального, или информационного, общества. Д. Белл, в частности, обратил внимание на то, что формирующееся, новое информационное общество основано на знаниях — «интеллектуальной технологии». Другой автор, один из наиболее известных специалистов в области мировой экономики глобальных проблем, Л. К. Туроу назвал эти новые отрасли «искусственными интеллектуальными отраслями» (англ.: *man-made brain-power industries*).

Ориентация на «интеллектуальное производство» потребовала изменения образовательной сферы. Существенные сдвиги в этой области

Информация к размышлению

«В эпоху подъема искусственных интеллектуальных отраслей выигрывают те, кто научится играть в новую игру, с новыми правилами, требующими новых стратегий. Завтрашние победители будут обладать свойствами, очень непохожими на свойства нынешних победителей».

Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.

Вопрос для размышления

Как вы думаете, какие это будут правила; какими знаниями и умениями должно обладать будущее поколение?

произошли во второй половине XX столетия вследствие процессов глобализации и связанных с ними измененных, повышенных требований к человеку. Главным ресурсом становятся знания, а также умения применять их и создавать новые.

Знания, в отличие от сырья, не являются исчерпаемым ресурсом. Они, наоборот, постоянно приращиваются: одни влекут за собой другие, новые. По оценкам Всемирного банка, в настоящее время на традиционный, «физический» капитал приходится лишь 16% общего объема мирового богатства, 20% — на природный, а остальные 64% составляет человеческий капитал, который включает в себя прежде всего уровень квалификации, а значит — и образование.

Возросшая роль знаний особенно четко прослеживается в развитых странах. Различия в уровне образованности становятся главным критерием в получении будущих доходов. Если в США с 1978 по 1987 г. в среднем они выросли на 17%, то у выпускников колледжей — на 48%. При этом у лиц с незаконченным высшим образованием доходы снизились на 4%. Таким образом, человек, получивший хорошее образование, не только обретал высокий социальный статус, но и значительно улучшал свое благосостояние.

Аналогичная тенденция наблюдалась и продолжается в других развитых и новых индустриальных странах. По этой причине образование становится там одним из жизненных приоритетов. Так, в конце XX столетия в Японии и Южной Корее почти все молодые граждане посещали школу, в то время как в Индонезии — 45–50%, Таиланде — менее 40%.

В целом же за свою жизнь выпускник университета в конце XX — начале XXI в. может заработать на 600 тыс. с лишним долларов больше, чем его сверстник со средним образованием. Это в немалой степени обусловило резкое возрастание в мире спроса на высшее образование. Все большее число выпускников средних школ устремляется в высшие учебные заведения. В развитых странах эта цифра составляет примерно 50%, в то время как, например, в Малайзии — менее 15%.

На этом фоне тревожной выглядела ситуация, которая наблюдалась в начале 1990-х годов на постсоветском пространстве, включая Россию, где произошло резкое снижение доходов лиц с высшим образованием и оказались невостребованными их знания по специальности. Одновременно в социологических опросах снижалась и оценка значимости образования. По данным А. А. Овсянникова, если в 1989 г. 58% полагали, что для выхода России из кризиса необходимо прежде всего повышение уровня образования, то в 1999 г. таких было только 27%. В результате в 1990-е годы Россия столкнулась с проблемой «утечки умов» (англ.: *brain drain*), т.е. эмиграцией высококвалифицированных кадров в США, Канаду, страны Западной Европы. Ситуация стала улучшаться лишь к началу 2000-х годов, когда в стране вновь возросла престижность высшего образования и увеличилось число студентов высших учебных заведений.

С ростом значимости образования повышаются и затраты на его приобретение, как временные, так и материальные. Все больше ценится не просто высшее образование, а наличие магистерской и докторской степени, т.е. востребованными оказываются лишь люди, которые могут не только применять уже имеющиеся у них знания, но и порождать новые. Как следствие этой тенденции, человек дольше учится и больше платит

Это интересно!

На 10 тыс. человек населения в 1990 г. приходилось студентов:

США — 559,1;
Канада — 510,2;
Германия — 281,0;
Италия — 251,9;
Россия — 191,0.

Безгласная Е. А. Структурные сдвиги в российском высшем образовании // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: Аналитический доклад / Под ред. Л. Г. Ионина. М., 2001. С. 32–33.

за то, чтобы получить качественное образование. Согласно данным российского исследователя В. Л. Иноземцева, за 20 лет (1970–1990) стоимость обучения в частных университетах США возросла на 474%, в то время как средний потребительский рост цен увеличился менее чем на 248%. В целом же к началу XXI в., по оценкам американских авторов, затраты на образование значительно превосходили другие расходы семьи (приобретение жилья, питание и т.п.). Доля средств, выделяемых на образование из семейного бюджета, по-видимому, будет расти и в наступающем столетии.

Приобретение новых знаний сегодня не только является стимулом для повышения доходов, но имеет и собственную мотивацию. На этот аспект особое внимание обращает, в частности, В. Л. Иноземцев. Он пишет, что если на первоначальном этапе оказывались довлеющими, побуждающими к получению новых знаний материальные стимулы, то в конце 1990-х — начале 2000-х годов образование и знания приобретают мотивационную силу сами по себе. Человек учится не столько для того, чтобы много зарабатывать: образование и знания стали нужны ему также для самореализации и дальнейшего самосовершенствования.

В связи с этим современная эпоха ставит целый ряд новых проблем в сфере образования. Так, быстрое «старение» знаний, необходимость пользоваться новыми технологиями во всех сферах, независимо от профессии, заставляют человека:

- на протяжении всей жизни приобретать все новые знания, которые позволяют быть конкурентоспособным на рынке труда, легко «подстраиваться» к требованиям времени;
- овладевать знаниями в области информационных и коммуникационных технологий, а также уметь совершенствовать их, независимо от специализации.

Поскольку в современных условиях необходимо получать знания постоянно, все более актуальной становится сфера предоставления услуг для образования взрослых. На рынке появляется множество программ и специальных курсов в самых разнообразных областях знаний, предназначенных для этой категории лиц. Например, по овладению компьютерными знаниями, ведению переговоров, изучению иностранных языков, управлению персоналом, по психологии и т.п.

Внедрение новых технологий особенно сильно меняет облик современного образовательного процесса. Интернет оказывается важнейшим источником получения информации для различных категорий — абитуриентов, студентов, преподавателей, лиц, которые заняты самообразова-

нием, повышением квалификации и т.п. Становится нормой использование ссылки на Интернет-ресурсы в учебной литературе. Все крупные университеты имеют свои Интернет-сайты, где размещают информацию о правилах приема, программах курсов и многообразной деятельности своего учебного заведения. Практикуется проведение видеоконференций и видеосеминаров, на которых студенты и преподаватель общаются с помощью Интернет-технологий в реальном режиме времени.

Новые технологии открывают и много иных возможностей. Так, видеоаппаратура позволяет студентам медицинских специальностей наблюдать уникальные операции, а физикам — сложнейшие эксперименты, для которых требуется уникальная аппаратура. Видеотренинг дает возможность овладеть навыками общения, ведения переговоров и т.п. При этом образование становится все более интерактивным. Иными словами, студент не только заучивает предлагаемый материал, но и принимает самостоятельные решения в той или иной конкретной ситуации, которая часто моделируется преподавателем с помощью новых технологий. В результате выпускники обладают не только знаниями, но и умениями.

Другими характеристиками современного образования, обусловленного применением высоких технологий, являются его интенсификация, т.е. возможность больше изучить за ту же единицу времени, и усиление междисциплинарности. Последнее достигается во многом благодаря ресурсам Интернета, которые значительно облегчают поиск информации в соседних областях знания.

Технологические инновации все больше внедряются в повседневную практику. И те, кто их не знает, не умеет использовать, оказываются неконкурентоспособными. В этом смысле показателен опыт новых индустриальных стран, где произошло бурное развитие фирм, связанных с использованием новых технологий. Соответственно, и образование здесь в значительной степени ориентировано на них. В результате общий уровень овладения новыми технологиями оказался довольно высоким, а сами страны стали развиваться быстрыми темпами.

Использование новых технологий накладывает, правда, и ограничения на образовательный процесс, в том числе предполагает доступ к этим средствам; необходимость постоянного совершенствования знаний по их применению в учебном процессе и т.п. Кроме того, возникают медицинские и психофизиологические проблемы, обусловленные длительной работой с компьютером. Интенсификация образования, информационные перегрузки, длительное использование компьютера нередко сказываются на здоровье негативно. Особенно серьезна эта проблема для школьников и студентов.

При использовании новых технологий ощущается также недостаток индивидуального контакта преподавателя и обучающегося, что ведет к обезличиванию образовательного процесса, потере его «человеческой» составляющей. В ряде случаев появляется и так называемый «культ технологии», когда, например, использование Интернета, компьютерных технологий возводится в некий абсолют.

В целом же в современном мире мы наблюдаем переход от производства товаров к оказанию услуг, организации системы образования, проведению исследований и т.п. Это ведет к резкому спросу на высококвалифицированных специалистов и снижению потребности в неквалифицированных кадрах.

Изменения в требованиях к знаниям и умениям влекут за собой серьезные социально-политические последствия. Ф. Фукуяма (*F. Fukuyama*) подчеркивает, например, что в настоящее время развивается резкая поляризация общества в зависимости от полученного образования на тех, кто знает и умеет, и всех остальных. При этом получить знания, несмотря на то, что они представляют собой наиболее «демократичный» ресурс, оказывается далеко не просто. Действительно, теоретически они могут быть приобретены всеми. Более того, право на образование закреплено в законодательстве многих стран, а также во Всеобщей декларации прав человека, 26-я статья которой гласит, что «каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования». Однако существует проблема доступа к получению образования, что во многом определяется наличием хорошей школы, вуза, возможностью пользоваться библиотеками, Интернетом и т.п.

Значительное увеличение расходов на образование в современном мире означает, что хорошее образование все больше становится доступным лишь для лиц из высшего и среднего социальных слоев. Дети из бедных семей не могут себе позволить не только оплачивать высшее образование, но и тратить многие годы на его приобретение, в то время как их ровесники из той же социальной группы зарабатывают деньги на содержание семьи. Кроме того, обычно с детства формируются соответствующие установки и ценности на знания, а зависят они от семьи и социальной среды, в которой человек воспитывается.

В целях получения качественного образования, а также в поисках более квалифицированной и хорошо оплачиваемой работы после защиты диплома в Европу и Северную Америку устремляются потоки из регионов Восточной Европы, Азии и т.д. В итоге образование напрямую оказывается связанным с другими проблемами мирового развития: миграцией населения и поляризацией по линии «богатый Север — бедный

Юг». Складывающаяся диспропорция в уровне образования между развитыми и развивающимися странами вызывает тревогу и усиливает экономическое и социальное неравенство населения различных государств.

Для того чтобы частично снять возникающие проблемы, сделать образование более доступным, независимо от уровня доходов, проводится соответствующая политика на национальном и международном уровнях.

14.2. Тенденции и политика в области образования

Основные тенденции современного мира, разумеется, сказываются и на образовании. Прежде всего образовательная сфера испытывает на себе влияние глобализации, которая проявляется в различных формах. Прозрачность рынка приводит к тому, что в современном мире студенты стараются получить качественное образование в наиболее престижных университетах, часто за пределами своей страны. В свою очередь и учебные заведения заинтересованы в том, чтобы в них были иностранные студенты. Это позволяет им получать дополнительные финансовые средства, иметь выпускников в различных государственных и негосударственных структурах по всему миру, совершенствовать учебные курсы с учетом специфики других культур, традиций и т.д. Кроме того, обмен профессорско-преподавательским составом расширяет профессиональные рамки преподавателей, позволяет обмениваться новыми идеями и опытом. В результате такой университет становится более привлекательным при наборе очередных абитуриентов.

Знания, информация — это та сфера, которая наиболее легко преодолевает национальные границы. Поэтому в эпоху глобализации все большее распространение получают различные виды дистанционного образования, прежде всего благодаря возможностям, которые открывают новые технологии. Место нахождения студента сегодня уже не имеет принципиального значения для получения знаний, но при этом утрачивается его непосредственное общение с преподавателем, обучение обезличивается. Есть и языковой барьер. Большинство сайтов, а также образовательных дистанционных программ — англоязычные, поэтому незнание английского языка, как и отсутствие элементарных навыков пользователя компьютера, серьезно мешают в приобретении современных знаний.

Тесно связанная с глобализацией интеграция современного мира проявляется сегодня и в образовательной сфере, главным образом — в области высшего образования. Этот процесс подразумевает сотрудничество различных стран: обмен студентами и преподавателями, стандартизацию образовательных программ. Наиболее интенсивно интеграция высшего образования наблюдается в Европе благодаря Болонскому процессу,

который представляет собой политику, направленную на объединение европейского образовательного пространства.

Интеграционные процессы в области образования идут далеко не просто. Они ставят ряд новых проблем, обусловленных различием культур, национальных традиций, юридического признания дипломов, социально-психологической адаптации иностранных студентов к другой стране и т.п.

Наряду с интеграцией в образовательной сфере действуют и дезинтеграционные тенденции. В частности, это проявляется в *децентрализации образования*. Как пишет американский автор М. Карной (*M. Carnoy*), это означает переход многих функций управления образованием в ряде стран с общенационального на местный и муниципальный уровни.

В принципе децентрализация образования является частью общемировых процессов развития мира, так как отвечает современным требованиям множественности акторов и передачи вопросов принятия решения на более низкие уровни. В этих условиях местные образовательные структуры становятся более самостоятельными относительно того, что и как преподавать. Кроме того, стимулируется стремление каждого учебного заведения к повышению конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Децентрализация дает возможность гибко реагировать на запросы практики, особенно если они исходят от местных и региональных структур. Она также позволяет расширить вариативность учебных программ, открывает перспективы для творческой реализации преподавателей.

Как и другие тенденции, децентрализация образовательной сферы имеет обратную сторону. Во-первых, передача процесса принятия решения на более низкий уровень не предполагает автоматического повышения его эффективности. В ряде случаев принимаемые на местном уровне решения оказываются далеко не оптимальными, а от этого страдает качество обучения. Во-вторых, децентрализация ведет к тому, что оказываются плохо сопоставимыми программы разных учебных заведений. Это мешает обмену учащимися и преподавателями, развитию интеграционных процессов в образовательной сфере. В-третьих, при децентрализации учебные заведения, как правило, больше внимания уделяют частным вопросам, ориентируя своих выпускников на прикладные аспекты и оставляя вне поля зрения общие тенденции мирового развития. Недостаток общетеоретического и методологического образования затрудняет в дальнейшем получение знаний в других сферах, хотя это сегодня — необходимое условие успешной профессиональной деятельности.

Государство, формулируя образовательную политику, сталкивается с необходимостью определения того, какие функции и в каком объеме пе-

редавать на местный уровень. Ориентация многих образовательных центров на прикладное знание в ущерб теоретическому во многом связана с возрастанием роли экономического фактора. Университеты и институты при составлении программ обучения все в большей степени зависят от запросов рынка. Феномен *коммерциализации образования* становится характерной чертой для всех его ступеней (школьное, университетское), различных видов (государственное, частное) и разных стран.

В условиях ориентации на рынок одни учреждения, особенно университеты, зарабатывают деньги, предоставляя образовательные услуги, открывая свои филиалы в других городах и странах, привлекая иностранных студентов и т.п. Наряду с образованием они оказывают консультативные, аналитические услуги по соответствующим направлениям. Это обеспечивает им не только дополнительные финансовые средства, но и возможность студентам проходить практику при университете. Кроме того, и преподаватели оказываются непосредственно связанными с решением практических задач. В результате консультативные и аналитические услуги дают возможность университетам приобретать в ряде областей (например, международные отношения, право, экономика, политология) значительное политическое влияние. Как следствие этих процессов, крупнейшие университеты превращаются в своеобразные «транснациональные корпорации», *аккумулируя огромные материальные и творческие ресурсы*. Для сохранения за собой такого статуса они ориентируются не на получение сиюминутной прибыли, а на долгосрочные цели, поэтому стремятся к укреплению образовательной и научной базы, привлекают преподавателей с известными в научном мире именами и т.п.

Другие образовательные центры идут по иному пути. Они пытаются извлечь прежде всего *краткосрочную коммерческую выгоду*. В результате страдает качество образования, прежде всего в ущерб фундаментальному. В сфере школьного образования подобное поведение нередко ведет к тому, что происходит смещение приоритетов. Вместо воспитания ребенка как формирующейся уникальной личности, обладающей основами фундаментальных знаний, его ориентируют больше на прикладные знания, которые в дальнейшем позволят быстро найти работу. Снижение уровня фундаментального образования влечет за собой и ослабление в процессе обучения внимания к этической, нравственной стороне, к социальной справедливости и т.п. Эти ценности оказываются также вне поля зрения и профессорско-преподавательского состава. Администрация университетов начинает требовать выполнения работы, которая приносила бы коммерческую прибыль, а не той, которая отвечала бы социальным нуждам. Такая тенденция, как отмечает С. Уолтерс (*S. Walters*), наблюдается с особой оче-

видностью в таких странах, как Япония, США, Великобритания, Германия, и все отчетливее прослеживается в России и Китае.

Между тем раньше обучение в нашей стране ориентировалось больше на фундаментальные знания, нередко даже за счет приобретения прикладных. Об этом свидетельствуют, например, отечественные исследования М. Б. Денисенко, Т. О. Разумовой и И. Г. Телешовой, в которых показано, что российские выпускники школ 1990-х годов демонстрировали в тестах более глубокие знания по сравнению со сверстниками из западных стран, но хуже могли применить их на практике. Иными словами, традиции отечественного образования имели перекося в противоположную сторону. Учащимся давались фундаментальные знания, однако в меньшей степени учили их применять.

В русле ориентации на прикладное образование довольно широкое распространение получила практика создания специализированных центров, занимающихся подготовкой кадров по тому или иному профилю, например по компьютерным технологиям, менеджменту и т.п. Особенно много их в Латинской Америке, где значительная часть высших учебных заведений специализируется на подготовке кадров для конкретных отраслей. Здесь хорошо прослеживается процесс «слияния» высшей школы с производством. Классические университеты с их фундаментальным образованием и мощной исследовательской базой не являются доминирующими в области высшего образования в Латинской Америке. 85% учреждений, занятых высшим образованием, как отмечают американские авторы Н. Стромквист (*N. Stromquist*) и К. Монкман (*K. Monkman*), представляют собой некое подобие узкопрофильных институтов, принадлежащих частным компаниям. Этот процесс получил название приватизации высшего образования. В Колумбии, Бразилии, Чили, Сальвадоре, Доминиканской Республике от 50 до 65% абитуриентов поступают именно в учреждения такого рода.

Транснациональные корпорации, будучи заинтересованными в подготовке кадров для своих целей, нередко создают средние специализированные и высшие учебные заведения. Например, такие высшие учебные заведения имеют *Моторола*, *Интел* и другие компании. Будущие специалисты наряду со знаниями и производственными навыками приобретают чувства корпоративности, т.е. принадлежности к компании. Существуют другие положительные моменты. Так, снижаются затраты правительства на образование. Бизнес-структуры, будучи заинтересованными в рекрутировании кадров, вкладывают в развитие образования немалые средства. Инвестиции в него становятся все более привлекательными для бизнеса. Причем это происходит и в развитых странах. По данным, которые приводит В. Л. Иноземцев, в США 58% затрат на об-

разование финансировалось в 1960 г. из федерального бюджета, в 1990 г. — менее 30%.

Одновременно бесконтрольное вовлечение ТНК в образовательный процесс, развитие узкопрофильных вузов чреваты негативными последствиями. Многие, получив образование в технических колледжах, а не в университетах, на начальных этапах профессиональной карьеры могут иметь даже некоторые преимущества, поскольку владеют прикладными навыками. Однако в дальнейшем из-за отсутствия фундаментальной подготовки это нередко становится тормозом для профессионального роста.

Включение структур бизнеса в образовательный процесс через спонсирование ими тех или иных программ, а также создание учебных заведений при одновременной децентрализации образования приводит к тому, что государства все в меньшей степени контролируют эту сферу, часто просто лишь гарантируя образовательный минимум. В результате этих процессов реальные рычаги управления, методическое обеспечение программами преподавания оказываются у администрации отдельных образовательных структур и основных спонсоров — частных компаний. Последние начинают все в большей степени приспосабливать образование в зависимых от них школах и высших учебных заведениях к собственным корпоративным нуждам.

Сторонники действия рыночных механизмов в образовательной сфере порой подчеркивают негативную роль государства, особенно развивающихся стран, которая сказывается на росте коррупции в министерствах образования, некомпетентии управленческого аппарата и т.п. Согласно их логике, государство должно практически полностью уйти из этой области, предоставив возможность регулировать процесс подготовки кадров рынку. Противоположная точка зрения заключается в том, что государству, напротив, следует жестко ее регулировать, не допуская процессов, связанных с коммерциализацией, приватизацией и децентрализацией образования.

Это две крайние точки зрения. На самом деле в образовании, как и в других сферах, скорее можно говорить не об увеличении или уменьшении, а об изменении роли государства. Сегодня оно в меньшей степени контролирует, но в большей регулирует систему образования, занимаясь разработкой и принятием различных норм и правил поведения. Регулирование в этой области подразумевает, в частности, разработку национальных и международных стандартов, аккредитацию заведений, сертификацию учебных программ и материалов и т.п.

Правительства большинства стран отдают себе отчет в том, какие существенные преобразования претерпевает сегодня мир, а следовательно, понимают необходимость изменений в образовательной сфере. В связи с

этим предпринимаются шаги, с тем чтобы усилить позитивные и ослабить негативные последствия действующих тенденций. В настоящее время многие государства проводят реформу в области образования.

Для того чтобы воспрепятствовать усилению элитарности образования, многие государства, а также международное сообщество в целом стремятся за счет целенаправленного финансирования и других методов расширить привлечение в университеты студентов из разных социальных, этнических и прочих групп. При этом особое внимание обращается на категории населения, которые ранее были ограничены в приобретении образования, — женщины, национальные меньшинства, инвалиды. Что касается последней категории, то здесь сегодня появились принципиально иные возможности обучения, прежде всего за счет интернет-технологий, для тех, кому сложно передвигаться. В целом эта политика направлена на развитие демократизации в образовательной сфере.

Регулирующая функция государства здесь проявляется и в том, что, обеспечивая необходимый уровень, оно определяет место, роль и другие параметры частного образования в общем образовательном комплексе. В разных странах это соотношение различно. В принципе частное образование на школьном уровне оказывается значимым для страны, когда $\frac{1}{3}$ и более учащихся посещают частные школы. Эти школы обычно обеспечивают более высокий уровень образования и воспитания за счет меньшей численности учеников в классе. Это создает возможность как для индивидуальной работы с детьми, так и более высокой оплаты труда преподавателей по сравнению с государственными школами. В то же время существуют данные (в частности, на примере Чили), что уровень образования в частных школах оказывается лишь незначительно выше, чем в государственных.

Многие западноевропейские государства жестко не ограничивают частное образование, хотя такие, например, как Норвегия и Швеция, в значительной степени ориентируются на развитие государственного образования. Там всего 1–2% учеников посещают частные школы, которые при этом находятся под строгим государственным контролем. В США, где раньше преимущественно отдавали детей в близлежащие школы, сейчас выбор места и типа обучения остается за родителями. Более того, с целью облегчения расходов семьи на обучение в частной школе правительство США выпускает специализированные ваучеры, прежде всего для тех, кто не обладает высокими доходами. Такая практика существует и в других странах.

Бурное развитие частное образование, как среднее, так и высшее, получило в Восточной Европе в 1990-е годы. Например, в России, по свидетельству Е. А. Безгласной, в 1994 г. было зарегистрировано и лицензировано 144 негосударственных вуза, а в 1998 г. — уже 334. Данный

феномен имеет объяснение: ранее в этих странах частное образование практически полностью отсутствовало. Проблемой, правда, остается то, насколько качественное образование предоставляется частными учебными заведениями в условиях их бурного роста. Пока, вследствие того что рынок образовательных услуг в странах Восточной Европы еще формируется, можно обнаружить как учебные заведения, обеспечивающие высокий уровень образования, так и те, которые не соответствуют таким критериям.

В области государственной политики также остаются важнейшие вопросы, связанные с разработкой направлений развития образования, т.е. его планированием. Одной из серьезных проблем здесь оказывается то, что в современных условиях время разработки национальных политик в образовательной сфере существенно сокращается. Если ранее этот цикл измерялся 4–5 годами, то сегодня программы в сфере образования, как отмечают Н. Стромквист (*N. Stromquist*) и К. Монкман (*K. Monkman*), «умирают» за 11–12 месяцев. В связи с этим перед государствами стоит задача — переориентироваться от политики «стратегического планирования», рассчитанного на пятилетний период, к «постоянному гибкому реагированию» на происходящие изменения.

Политика в области образования во многих странах ориентирована на расширение возможностей саморазвития личности, формирование картины мира, обеспечивающей адекватную ориентацию человека в различных жизненных ситуациях. При планировании образования многие страны все больше внимания уделяют его непрерывности на протяжении всей жизни. Определение образовательной политики обусловлено важнейшими задачами государства — развитием мотивации к обучению, созданием так называемых «мотивирующих» учебников, представляющих собой не просто сумму знаний по той или иной дисциплине, а направленных на то, чтобы пробудить интерес к учебе и познанию в целом.

Содержательное наполнение учебных программ разных уровней также в значительной степени остается в сфере государственной политики. Если раньше исходили из того, что детей необходимо научить прежде всего читать, писать и считать, то сегодня все больший акцент делается на обязательное освоение компьютера и коммуникативные навыки.

Разные страны ставят перед собой разные задачи и по-разному определяют основные направления политики в области национального образования — в зависимости от сложившейся ситуации, приоритетов развития, экономических возможностей и т.п. Они формулируют основные задачи, а также образовательную политику в отношении различных категорий населения. При этом развитые страны, как правило, расходуют на

образование бо́льший процент своего ВВП, чем развивающиеся. Более того, часто эта статья расходов увеличивается. В. Л. Иноземцев приводит весьма показательную статистику: затраты на образование в США с 1958 по 1972 г. в целом выросли с 11,8 до 14,8% валового национального продукта. В этот период, после успехов СССР в области космонавтики, после которых Соединенные Штаты стали уделять образованию особое внимание, что в итоге и дало результаты.

Однако большинство стран так и не достигли уровня расходов на образование, рекомендованного Международной комиссией по образованию на XXI в., — 6% ВВП, позволяющего наиболее эффективно обеспечивать связь между образованием и потребностями общества.

Различны и приоритеты стран в области образования. Например, если в развитых государствах образование взрослых направлено на переподготовку тех, кто уже имеет достаточно высокий уровень знаний и навыков, то в развивающихся странах вопрос часто ставится по-другому: дать начальное образование тем, кто в свое время не получил его в детском возрасте. К сожалению, в целом эти страны нередко демонстрируют тенденцию к тому, что обучение низших слоев населения вообще игнорируется. Особенно характерно это для начального образования, а также образования взрослых. В конце XX столетия почти 1 млрд человек, т.е. каждый шестой житель планеты, был функционально неграмотным. Иначе говоря, уровень знаний этих людей оставался крайне низким, не отвечающим минимальным современным требованиям. В основном это население «глобального Юга».

В настоящее время государство все теснее сотрудничает с неправительственными организациями, а также с бизнес-структурами, которые создаются и действуют при школах, районах, университетах, на региональном и международном уровнях. В их задачи входят организация досуга, трудоустройство молодежи во время каникул, самоуправление школ, университетов и т.п. При этом нередко именно государство остается основным координатором подобной деятельности. Резко возрастает координирующая функция государства и в сфере интеграции образования. Яркий пример этого Болонский процесс.

В развитии и планировании образования активно участвуют межправительственные и неправительственные организации. Среди первых следует прежде всего назвать ООН и ее специализированные учреждения, в частности Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО (англ.: *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, UNESCO*), Детский фонд ООН, ЮНИСЕФ (англ.: *United Nations Children's Fund, UNICEF*), Программы развития ООН, ПРООН (англ.: *United Nations Development Programme, UNDP*) и

др. Межправительственные организации используют различные источники финансирования. Так, ЮНИСЕФ ориентирован на правительственные и неправительственные источники; ЮНЕСКО — на то финансирование, которое получает от правительств стран-участниц, а Всемирный банк — на средства коммерческих операций.

14.3. Интеграция образовательного пространства в Европе

В современной Европе, процессы, связанные с объединением, затрагивают различные сферы и выходят за рамки Европейского союза. Более того, появляются новые области, которые начинают развиваться по единым правилам. К таким новым областям относится высшее образование. Причем, если ЕС сегодня насчитывает 25 членов и почти 60-летнюю историю, то интеграционные процессы в области высшего образования, получившие названия Болонского процесса и начавшиеся в самом конце 1990-х годов, охватывают в настоящее время 40 европейских государств. Иными словами, интеграция в области высшего образования стала той сферой, которая развивается крайне интенсивно, несмотря на языковой барьер, наличие национальных особенностей в области образования, которые складывались столетиями и т.п. В чем причины таких темпов интеграции?

Во второй половине XX столетия Европа пережила, по крайней мере, два периода, во время которых она столкнулась с проблемой своего отставания от других регионов. В 1960—1970-е годы наметилось некоторое технологическое отставание европейских стран от США и Японии. Это дало о себе знать и в последующие годы. В результате в Европе позднее и медленнее, чем, например, в США, внедрялись банковские пластиковые карты и связанные с ними услуги, развивалась сотовая телефонная сеть, вводился Интернет. Следует заметить, что по массовому использованию ряда технологических инноваций развитые европейские страны в начале 1990-х стали уступать не только США и Японии, но и, например, таким странам, как ЮАР, где еще в начале 1990-х годов широкое распространение получила система банкоматов, оплаты коммунальных услуг по компьютеру через национальную сеть, а также развитие сотовой телефонной сети.

Своеобразным «вторым звонком» для европейцев послужил тот факт, что США, а также Австралия начинают интенсивно предоставлять образовательные услуги. Эта статья становится значимой статьей их экспорта. В. И. Байденко пишет, что с начала 1990-х гг. число европейских студентов, которые обучались в США, превысило число американских студентов, обучающихся в Европе.

Факт отставания европейского образования имел не только экономическое значение. Европа, с ее культурными историческими традициями, неотъемлемой частью которых было университетское образование, стала именно в этой области уступать место «нуворишам».

Все это и заставило европейцев в конце 1990-х годов серьезно заняться реформой в области высшего образования. Ее инициаторами выступили Великобритания, Германия, Италия и Франция. В 1998 г. на встрече в Сорбонне министры образования этих стран подписали Сорбоннскую декларацию, положившую начало интеграции высшего образовательного пространства в Европе. В ее основу была положена *Университетская Хартия* (англ.: *Magna Charta Universitatum*), принятая в 1988 г. в Болонье в связи с празднованием 900-летия старейшего европейского университета. Университетская Хартия подчеркивала автономность университета, его независимость от политических и идеологических догм, связь исследования и образования, отказ от нетерпимости и ориентацию на диалог.

Своеобразным «оформлением» процесса создания единого образовательного пространства стало подписание Болонской декларации 1999 г., давшей название самому процессу. Суть этой декларации сводится к следующему:

- ♦ двухуровневое высшее образование, первый уровень ориентирован на получение степени бакалавра, второй — магистра;
- ♦ кредитная система, представляющая собой единый учет процесса обучения во всех государствах (какие курсы и в каком объеме прослушаны студентом);
- ♦ независимый контроль качества образования, в основу которого положено не количество часов, потраченных на обучение, а уровень знаний и умений;
- ♦ мобильность студентов и преподавателей, предполагающая, что для обогащения опытом преподаватели могут определенный период работать, а студенты — обучаться в университетах различных европейских стран;
- ♦ применимость знаний выпускников университетов в Европе, означающая, что специальности, по которым готовятся кадры, будут востребованы там, а подготовленные специалисты — трудоустроены;
- ♦ привлекательность европейского образования (планируется, что нововведения будут способствовать заинтересованности европейцев, а также граждан стран других регионов в получении европейского образования).

Россия подписала Болонскую декларацию в сентябре 2003 г. и начала процесс реформирования высшего образования.

Перестройка высшего образования во всех странах, включенных в Болонский процесс, идет далеко не просто по многим причинам, в том числе связанным с необходимостью «ломки» сложившихся традиций, структур, методов преподавания. Во всех странах, включенных в Болонский процесс, ведутся дискуссии по вопросам интеграции общеевропейского пространства, появились ее как активные сторонники, так и противники. Главное, что стоит за спорами, — социально-политические последствия, которые повлечет за собой создание общеевропейского образовательного пространства.

Болонский процесс, несомненно, будет углублять и расширять общеевропейскую интеграцию. Сопоставимость основных параметров технологии высшего образования (уровни образования, сроки и т.п.) даст возможность, с одной стороны, сделать понятным уровень квалификации выпускников, с другой — сформировать в рамках Европы по каждой специальности общие требования к знаниям и умениям выпускников, обеспечивая тем самым высокую мобильность квалифицированной рабочей силы. Более того, Болонский процесс, предполагающий партнерские отношения между европейскими университетами, позволит создать единую европейскую политическую, экономическую, техническую, научную и др. элиту. Этому же процессу будет способствовать мобильность студентов и преподавателей, которая также предусмотрена Болонским процессом. В результате выпускники европейских университетов войдут в профессиональную сферу с множеством межличностных контактов, установленных еще в период обучения со своими однокурсниками из разных государств.

Включенность в единое общеевропейское образовательное пространство позволит решить, или, по крайней мере, смягчить, ряд проблем, которые существуют между государствами, в том числе и на постсоветском пространстве. Один из примеров — отношения России с государствами Балтии в связи с русским языком в этих странах, в частности в Латвии. Оба государства присоединились к Болонскому процессу: Латвия — с 1999 г., Россия — с 2003 г. Латвия с 2004 г. является членом ЕС, а в рамках программ сотрудничества Россия — ЕС образование занимает одно из приоритетных мест. Обе страны в течение длительного времени имели единую систему высшего образования, поэтому Латвия хорошо представляет российское образование. В начале 1990-х системы образования обеих стран столкнулись во многом со сходными проблемами. Все это способствует развитию сотрудничества в области высшего образования между Россией и Латвией, а хорошее знание русского языка жителями Латвии становится важным преимуществом Латвии при развитии та-

кого сотрудничества. Одновременно, для русскоязычного населения Латвии в рамках Болонского процесса, предусматривающего мобильность студентов и преподавателей, открываются новые возможности обучения и преподавания в России.

Развитие интеграции в области образования способствует и развитию демократизации. В свое время университеты сыграли немалую роль для становления и развития демократии в Европе. Сегодня университет, являясь, согласно Сорбоннской декларации, основной структурной единицей Болонского процесса, потенциально способен вновь сыграть важную роль в этой области. Университетское сообщество является по своей природе сетевым, а демократия подразумевает преимущественно сетевые социальные связи и отношения. Повышение роли образования (соответственно, университетов) в социально-экономической и политической жизни Европы будет вести к дальнейшему развитию сетевых отношений в различных сферах.

Наряду с положительными моментами Болонский процесс повлечет за собой и ряд проблем. Одну из групп составляют проблемы, связанные с различными видами расслоения европейского общества, что в принципе характерно и для других регионов, однако в рамках интенсивно ведущейся образовательной реформы они могут проявляться с особой силой.

Повышение качества высшего образования приведет к усилению различий между образованной элитой и остальными слоями населения, что, в свою очередь, будет побуждать менее квалифицированные и более консервативные слои населения к отказу от дальнейшего развития европейской интеграции, росту национализма. Учитывая, что сегодня это расслоение уже довольно отчетливо проявляется, то усиление этих процессов может оказаться критическим. Впрочем, многое зависит от университетов. Если будут разработаны различные программы, в соответствии с которыми университеты станут не только важнейшими единицами интеграции высшего образования, но и частью гражданского общества, что подразумевает просветительскую, экспертную, консультативную деятельность, т.е. «открытость» университетов обществу, то этот социально-культурный разрыв может быть значительно уменьшен.

Увеличение числа европейцев с дипломами высшего образования повлечет за собой новый поток менее квалифицированной рабочей силы из арабских, азиатских и африканских стран. Изменение этнического состава Европы, сопровождающееся распространением иных культурных норм и ценностей является проблемой (в конце 2005 г. Европа уже столкнулась здесь с проявлениями насилия) и требует разработки соответствующих социально-экономических программ.

Болонский процесс повлечет за собой перестройку университетского сообщества, в котором выделятся, по крайней мере, три страты: первая — наиболее успешные и престижные университеты (по отдельным направлениям или в целом), полностью включенные в Болонский процесс, которые, учитывая, что образовательные услуги становятся все более значимой статьей дохода, будут формировать своего рода «консорциумы», стараясь монополизировать образовательную сферу. Вторая страта — университеты, которые отчасти будут принадлежать «первому кругу», но стремящиеся войти в него полностью. Наконец, третья страта — университеты-«аутсайдеры», работающие «на грани выживания». Границы между стратами будут подвижными, и кроме кооперативных связей и отношений между ними развернется жесткая конкурентная борьба. Разумеется, конкуренция и сегодня существует между университетами, однако в условиях корпоративных отношений она будет иметь более жесткий характер.

Социально-политическими последствиями интеграции образовательного пространства в Европе может стать изменение роли регионов и городов. С одной стороны, можно ожидать интенсивное развитие городов, в которых находятся крупнейшие университетские центры, с другой — специализацию этих университетов в зависимости от профиля города или региона, поскольку это дает целый ряд преимуществ (приглашение высокопрофессиональных специалистов в университет, прохождения студентами практики в соответствующих организациях и т.д.). Так, если взять сферу международных политических и экономических отношений, то проблемы многосторонней дипломатии, международных организаций и многосторонних переговоров оказываются профильными для женевских университетов; вопросы европейской интеграции — университеты Брюсселя, а международных финансов — для Лондона. В результате можно ожидать усиления регионализации и даже своеобразную «мегаполизацию» Европы, что означает существенное изменение социально-политического и экономического облика континента.

Развитие Болонского процесса в Европе стимулировало постановку вопросов об объединении образовательных пространств в других государствах, где оно в значительной степени децентрализовано (в частности, в США) в регионах. Это влечет за собой проблему «состыковки» образовательной системы Европы с образовательными системами других стран и регионов мира; систем высшего образования и среднего, а также требований и норм одних договоров и организаций и других (ВТО, например, образование рассматривается как услуга).

Таким образом, образование все отчетливее становится той сферой, где фокусируются наиболее важные социально-экономические и поли-

тические проблемы современности, что ставит задачу проведения многоуровневых международных переговоров по всему комплексу проблем образования.

Ключевые термины

Глобализация в области образования	Частное образование
Дистанционное образование	ЮНЕСКО
Интеграция образования	ЮНИСЕФ
Болонский процесс	ПРООН
Децентрализация образования	Сорбоннская декларация
Коммерциализация образования	Университетская Хартия (Magna Charta Universitatum)
Приватизация образования	Болонская декларация
Демократизация образования	

Вопросы для обсуждения

- Каково место образования и знаний в современном мире?
- Как изменились материальные и временные затраты на образование к концу XX столетия, а также доходы лиц, имеющих различный уровень образования?
- Каково влияние новых технологий на процесс образования?
- В чем проявляется глобализация в образовании?
- Каковы основные характеристики Болонского процесса?
- Что такое децентрализация образования?
- Чем обусловлены процессы коммерциализации и приватизации образования?
- Каковы роль государства в современном образовательном процессе и основные задачи, которые оно решает?

Практикум

Выберите, основываясь на материалах Интернета, 10 университетов, в которых ведется подготовка по мировой политике и/или международным отношениям. Проанализируйте предлагаемые программы подготовки. В чем они совпадают? Какова специфика каждого университета? Какую программу обучения выбрали бы вы и почему?

Рекомендуемая литература

- Барбанов О. Н., Лебедева М. М. Глобализация и образование в современном мире / Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 54–77.
- Денисенко М. Б., Разумова Т. О., Телешова И. Г. Образование и человеческое развитие // Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: Учебное пособие. М., 2000. С. 276–317.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2000 // Под общ. ред. проф. С. Н. Бобылева. Гл. 6. Образование и развитие человеческого потенциала в России. М., 2001. С. 96–106.

Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация. М., 1999.

Иноземцев В. Л. Неизбежность постиндустриального мира // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 84–104.

Смолин О. Н. Проблемы образования в России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 540–553.

Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.

Интернет-ресурсы

- Федеральное агентство по образованию РФ: <http://www.ed.gov.ru>
- «Российское образование» — федеральный портал: <http://www.edu.ru>
- Федеральная университетская сеть: <http://www.runnet.ru>
- Институт теории образования и педагогики: <http://www.itop.ru>

Раздел IV

РЕГУЛИРОВАНИЕ МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Изначальная «анархичность» межгосударственных отношений, как она была задана Вестфальским миром (в этом плане можно согласиться с представителями реалистической школы), предполагает, что государства, будучи суверенными и независимыми, формируют свою *внешнюю политику*, т.е. свои цели и приоритеты относительно внешнего мира, а также основные направления деятельности. Осуществляется она прежде всего с помощью *дипломатии*, которая на протяжении ряда веков была и продолжает оставаться главным инструментом реализации внешней политики и основным средством регулирования международных отношений. По мере развития политической структуры мира модифицировалась и дипломатия, возникали новые формы и методы дипломатической работы. Тем не менее, в последние годы, с появлением негосударственных акторов и очевидным изменением политической структуры мира, стали говорить о том, что этого недостаточно, а следует подумать о необходимости более сложного управления современным политическим миром. Об этих проблемах речь и пойдет в двух заключительных главах учебника.

Глава 15

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

15.1. Выработка и принятие внешнеполитических решений

Формирование внешней политики является сложным процессом. Ключевой его элемент состоит в *выработке и принятии внешнеполитических решений*, характер которых зависит от многих факторов. Это и географическое положение государства, и наличие военной, а также экономической мощи, культурных, исторических традиций; это и тип политической системы, и социальная структура общества, индивидуальные особенности политических лидеров.

Принятие внешнеполитического решения может оказать критическое воздействие не только на само государство, где оно принято, но и на

судьбы всего человечества. Это стало наиболее очевидным после Кубинского (Карибского) кризиса 1962 г., когда на Кубе были размещены советские ракеты, а США в ответ блокировали ее. Тогда решения американского или советского лидера о ядерной атаке могли привести к непоправимым последствиям. С осознания этого факта процесс принятия внешнеполитических решений, особенно в условиях конфликта и кризиса, стал одной из важнейших тем научных исследований.

К настоящему времени в науке сложился ряд направлений и школ, которые занимаются проблемой принятия внешнеполитического решения и поиском путей оптимизации процесса. Эти школы и направления в значительной степени «пересекаются», поэтому сложно классифицировать их по единому, конкретному основанию. В такой ситуации, пожалуй, наиболее оправданным будет рассмотрение направлений в зависимости от того, что оказывается в центре внимания исследователей. Австралийский автор Р. Ричардсон (*R. Richardson*), например, выделяет пять основных теоретических направлений:

- ♦ рационального выбора;
- ♦ психологическое;
- ♦ институциональное;
- ♦ интеракционалистское;
- ♦ системное.

В рамках первого — *теории рационального выбора* (англ.: *rational choice*) — изучается проблема принятия решения с точки зрения наибольшей целесообразности. Данный подход подразумевает наличие определенной последовательности в постановке задач. В наиболее общем виде они представляют собой: 1) определение сути проблемы; 2) выбор целей, которые должны быть достигнуты; 3) выявление возможных альтернатив; 4) выбор наилучшей альтернативы. Каждый шаг может быть описан количественно или качественно. В зависимости от этого в теории рационального выбора выделяются два подхода: первый ориентирован на формализованные, второй — на неформализованные методы анализа и процедуры. Последний особо подчеркивает роль национальных интересов, политических целей при оценке рационального выбора. Многие авторы, работающие в русле этого подхода, ориентируются на работы Т. Шеллинга (*T. Schelling*).

Второе направление — *психологическое*. Оно возникло во многом как реакция на излишний рационализм. Поэтому один из основных его постулатов заключается в том, что решение, особенно в условиях конфликта и кризиса, часто оказывается далеким от рационального. Причем это относится к принимающим решение политическим деятелям, которые,

как и все люди, подвержены стрессу. Фактор стресса становится особенно значимым в условиях конфликта или кризиса, что показал О. Холсти (O. Holsti) на примере начала Первой мировой войны.

В рамках данного направления изучаются также проблемы, связанные с адекватностью восприятия. Этому вопросу посвящена работа Р. Джервиса (R. Jervis) «Восприятие и ошибки восприятия» (*Perception and Misperception in International Politics*), опубликованная в 1976 г. В ней на конкретных примерах демонстрируется, как ошибки в восприятии и ложная интерпретация фактов ведут к неверным решениям.

Особенно уязвимым оказывается процесс принятия внешнеполитических решений в условиях международного кризиса. Американские исследователи У. Юри (W. Ury) и Р. Смоук (R. Smoke), изучая его психологические особенности, выделили четыре фактора, влияющих на процесс принятия решений в этих условиях. Первый определяется высокими ставками участников. В отличие от обычной ситуации в кризисе можно слишком многое потерять или, наоборот, приобрести. Причем кризисная ситуация затрагивает жизненно важные, едва ли не главные интересы сторон, которые, по крайней мере, воспринимаются в качестве таковых. Отсюда следует, что потери, которые могут понести участники, окажутся невосполнимыми. Так, У. Юри и Р. Смоук указывают, что Берлинские кризисы 1958 и 1961 гг. рассматривались Западом именно как таковые не столько потому, что могли привести к потере половины города, а прежде всего вследствие угрозы для НАТО, и в этом смысле расценивались как затрагивающие жизненно важные интересы Запада.

Второй фактор, воздействующий на политических деятелей при принятии решений в период кризиса, — недостаток времени. События в международных кризисах развиваются лавинообразно. Так было, например, при Карибском (Кубинском) кризисе 1962 г.; в период Ближневосточных кризисов 1967, 1973, 1982 гг. и во многих других случаях. Политические деятели вынуждены быстро реагировать на развитие ситуации. Времени на ее анализ практически не остается. Да и часто информация о возможном развитии кризиса не сразу поступает к ним. Например, во время Карибского кризиса американцы много раз перепроверяли информацию о размещении советских ракет на Кубе, прежде чем доложить ее президенту.

Следующим фактором У. Юри и Р. Смоук считают высокую степень неопределенности в кризисе. Его участники подчас не имеют достаточно точной и достоверной информации о реальных целях и планах друг друга. Более того, планируя те или иные действия в условиях кризиса, руководство из соображений секретности стремится ограничить круг имеющих доступ к информации. В иных случаях ее у лиц, принимающих решения,

может быть в избытке, но, получаемая из разных источников, она носит противоречивый характер.

Последний из факторов, воздействующих на политических деятелей в период кризиса, согласно У. Юри и Р. Смоуку, — ограниченное число альтернатив. Лица, принимающие решения (ЛПП), сужают поле для возможного выбора. Множественность вариантов практически не рассматривается. Например, к концу первого дня Карибского кризиса американская администрация серьезно анализировала только альтернативу — предпринять блокаду Кубы либо военные действия. И лишь затем обсуждалась другая: следует ли получить поддержку ООН, а также других стран или можно обойтись и без этого? Причем аргументы в пользу военной операции сводились к тому, что борьба против коммунизма значит больше, чем просто выживание.

Внешнеполитические решения разрабатываются и принимаются часто ограниченным числом лиц. Групповой характер принятия решений, особенно в условиях кризиса, порождает ряд феноменов, которые выявлены и довольно подробно описаны американским исследователем И. Джейнисом (I. Janis) в работе «Жертвы группового решения» (*Victims of Groupthink*). Их совокупность получила название *группового мышления* (англ.: *groupthink*). Один из наиболее значимых среди феноменов — *сдвиг в выборе*, когда некоторые члены группы склонны либо к более, либо, напротив (что наблюдается значительно реже), к менее рискованным решениям по сравнению со средними индивидуальными вариантами в той же группе. Иными словами, коллективное решение скорее всего будет более рискованным, чем если бы каждый член данной группы принимал его отдельно и только потом определялся бы усредненный вариант. По мнению многих исследователей, сдвиг в сторону более рискованного решения связан с тем, что ответственность за риск как бы психологически разделяется с другими членами группы. Однако это не объясняет, почему в иных случаях, хотя реже, сдвиг происходит и в противоположную сторону.

Другой феномен группового мышления состоит в том, что группа часто оказывается нечувствительной к информации, которая не укладывается в рамки разрабатываемой концепции. Как только группа приходит к какому-либо выводу относительно анализируемой ситуации или поведения в ней, информация, противоречащая представлениям ее участников, игнорируется. В результате группа оказывается в плену собственных построений, которые могут значительно исказить реальность.

Личностные особенности политических деятелей, которые принимают решение, также находятся в «фокусе» изучения авторов, работаю-

ших в рамках психологического направления. Так, исследователи Р. Германн (*R. Hermann*) и М. Германн (*M. Hermann*) пришли к выводу, что решения политических деятелей перед началом Первой мировой войны были в значительной степени обусловлены их личностными особенностями.

Среди наиболее значимых характеристик, пожалуй, выделяется система ценностей и убеждений политического лидера. Не случайно внешнеполитический курс в той или иной области получает порой название по имени главы государства, например доктрина Никсона, доктрина Картера, доктрина Брежнева.

В рамках институционального направления анализируются проблемы, связанные с организацией процесса принятия внешнеполитического решения. Итоговый его вариант зависит от многих показателей. В частности, Дж. Розенау (*J. Rosenau*) выделил следующие традиционно изучаемые группы показателей: 1) размер государства (крупные державы и малые страны); 2) уровень экономического развития (богатое или бедное); 3) тип политической системы (демократия или авторитаризм). В последние годы анализируется и влияние на принятие внешнеполитических решений многих других факторов, например степени развития информационных технологий.

Важным для понимания того, как будет строиться внешняя политика конкретного государства, является выявление *стандартных операционных процедур* (англ.: *standard operations procedures, SOP's*). Это относится прежде всего к правилам прохождения и принятия внешнеполитических решений.

Исследователи, которые занимаются *сравнительным изучением внешней политики* различных стран (англ.: *comparative foreign policy*), особое внимание уделяют проблеме принятия решений в демократических и авторитарных государствах. При демократии процесс прохождения решения и стандартные операционные процедуры более прозрачны. В авторитарных государствах решение в большей степени зависит от случайных факторов, а также взаимоотношений ближайшего окружения с политическим лидером. Однако и демократии имеют свои минусы. Так, процесс прохождения решений с соблюдением всех процедур занимает обычно больше времени; при этом нередко проводятся популистские решения и т.п.

Институциональное направление изучает государственные структуры, которые заняты процессом выработки и принятия внешнеполитических решений: роль аппарата главы государства, парламента, Министерства иностранных дел, других внешнеполитических министерств и ведомств. Г. Аллисон (*G. Allison*) в опубликованной в 1971 г. книге «Сущность принятия решения: анализ Кубинского кризиса» (*Essence of Decision*:

Информация к размышлению

Известный американский политический деятель и ученый Дж. Кеннан писал, что демократизация процесса принятия внешнеполитических решений ведет к тому, что точка зрения профессионала «размывается» мнениями людей, которые не являются специалистами.

Kennan G. American Diplomacy, 1900–1950. N.Y., 1951.

Вопрос для размышления

Согласны ли вы с Дж. Кеннаном? Почему?

Explaining the Cuban Missile Crisis), которая стала классическим исследованием, показал, что принятие внешнеполитических решений государственной машиной происходит путем столкновения и согласования интересов различных групп. При этом образуются формальные и неформальные группы, которые *лоббируют* прохождение «своих» решений, т.е. тех, в которых они наиболее заинтересованы.

На процесс принятия внешнеполитических решений большое влияние оказывают *группы интересов* (англ.: *interests groups*) — социальных, этнических, профессиональных и других. Например, в начале 1990-х годов французские власти вынуждены были учитывать позицию фермеров в споре ЕС — США об экспорте/импорте сельскохозяйственной продукции. Интересы часто лоббируются теми или иными группами в государственных и законодательных органах, что порой порождает *коррупцию*.

Военно-промышленный комплекс также представляет собой мощный рычаг, воздействуя на внешнеполитические решения. Особенно заметно проявилось это в период холодной войны. Президент США Д. Эйзенхауэр заявил даже в начале 1960-х годов, что ВПК играет слишком большую роль в его стране и это может стать угрозой демократии.

Наконец, еще один важнейший инструмент воздействия на принятие внешнеполитических решений — средства массовой информации, которые формируют общественное мнение в отношении тех или иных событий. Так, большую роль СМИ сыграли в принятии американскими властями решения об окончании войны во Вьетнаме.

В последние годы серьезной проблемой становится увеличение информационного шума. В связи с появлением Интернета, развитием электронных, аудиовизуальных и печатных средств информации порой ока-

зывается в избытке, но нередко при этом неточной или противоречивой. Стремясь как можно быстрее обнародовать сообщение, СМИ не всегда перепроверяют его. П. М. Тэтлор (*P. M. Tatlor*) приводит пример, как 15 февраля 1991 г. Багдадское радио передало сообщение, которое потом распространили эфиопские СМИ, будто Саддам Хусейн согласился с Резолюцией ООН № 660 и выводит войска из Кувейта, чего на самом деле не было. В связи с усилением информационного шума остро встает вопрос об отборе и анализе сообщений прессы. И как следствие, о повышении роли аналитических подразделений и служб, занятых подготовкой внешнеполитических решений.

Четвертое, *интеракционалистское*, направление делает акцент на процессе взаимодействия сторон. В центре внимания здесь оказываются такие вопросы, как влияние решения одного участника на поведение другого. Например, недружественные действия одного государства провоцируют аналогичное поведение противоположной стороны. Исследуется также зависимость каждого участника международного взаимодействия от собственных предыдущих решений. Так, в частности, М. Дойч (*M. Deutsch*) отмечает, что именно такие решения обязывали США к продолжению военных действий во Вьетнаме. В результате подобных действий стороны попадают в «эскалационные ловушки», из которых сложно выбраться: конфликт лишь усиливается и начинает «диктовать» свою логику развития.

Наконец, в исследованиях пятого, *системного*, направления подчеркивается, что решения, которые принимаются политическими лидерами, необходимо рассматривать в общем контексте международных отношений и мировой политики. Исходной основой здесь является то, что анализу должно подвергаться не только само решение, но и его место в более широкой системе отношений всех участников мировой политической системы. Изучается, например, как решение влияет на различных ее участники — другие государства, межправительственные и неправительственные организации, внутригосударственные регионы, ТНК и т.п.

В последнее десятилетие, в силу глобализации и взаимозависимости мира, внешнеполитические решения все в большей степени имеют глобальные последствия. В связи с этим наблюдается тенденция к координации внешнеполитической деятельности. Осуществляется это на разных уровнях и по разным каналам, в том числе в рамках «Большой восьмерки», ЕС, различных международных организаций и т.д.

15.2. Дипломатия

Проблемы международных отношений, мировой политики — всего, что происходит на международной арене, всегда находились в центре

внимания политиков, журналистов, аналитиков. Вопросы же, связанные непосредственно с поиском средств, позволяющих подойти к реализации внешнеполитических решений или того, как это сделать, — иными словами, вопросы дипломатии представляли интерес, скорее, для более узкого круга. Причины такого отношения к дипломатии понятны и отчасти оправданны. Прежде всего необходимо осознать происходящее, наметить основные внешнеполитические приоритеты и подходы, а лишь потом искать средства реализации.

Существует множество определений понятия *дипломатия*. Некоторые приведены, например, в таких известных книгах, как «Дипломатия» Г. Никольсона, «Руководство по дипломатической практике» Э. Сатоу. Большинство исходит, во-первых, из того, что дипломатия является инструментом осуществления межгосударственных отношений. Показательна в этом плане глава Б. Уайта (*B. White*) «Дипломатия», подготовленная для книги «Глобализация мировой политики: Введение в международные отношения» (*The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*), вышедшей в 1997 г., где дипломатия характеризуется как одна из форм деятельности правительств.

Во-вторых, подчеркивается непосредственная связь дипломатии с *переговорным процессом*. Так, Г. Никольсон, основываясь на Оксфордском словаре, определяет ее как «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата». Эта трактовка лежит в основе многих работ по дипломатии и теории переговоров и в наши дни. В качестве последнего примера можно привести главу «Дипломатия, торг и переговоры» шведского исследователя К. Йонссона (*Ch. Jonsson*) из учебника по международным отношениям (*Handbook of International Relations*), изданного в 2001 г. В ней дипломатия подробно рассматривается именно с точки зрения переговорного процесса.

Однако было бы неверным сводить дипломатию только к переговорам. В этом случае вне ее сферы оказалась бы значительная часть консульской работы, а также, например, консультации (не предполагающие принятия совместного решения, на которое нацелены переговоры) и ряд других видов деятельности. Поэтому чаще используются более широкие определения дипломатии, где переговоры наделяются ключевой ролью или, как пишет американский автор П. Т. Хопманн (*P. T. Hopmann*), они являются основным видом деятельности в современной дипломатии, хотя последняя все же полностью не отождествляется с ними.

Примером такого, достаточно широкого понимания дипломатии может служить определение английского исследователя Дж. Р. Берриджа (*G. R. Berridge*). По его мнению, дипломатия представляет собой ведение

международных дел, скорее, посредством переговоров и других мирных средств (сбор информации, проявление доброй воли и т.п.), предполагающих, прямо или опосредованно, именно проведения переговоров, а не применения силы, использования пропаганды или обращения к законодательству.

Таким образом, переговоры на протяжении ряда столетий остаются важнейшим инструментом дипломатии. При этом, отвечая современным реалиям, они, как и дипломатия в целом, приобретают новые черты.

К. Гамильтон (*K. Hamilton*) и Р. Лангхорн (*R. Langhorne*), говоря об особенностях современной дипломатии, выделяют два ключевых момента. Во-первых, большую ее по сравнению с прошлым открытость, под которой понимается, с одной стороны, привлечение к дипломатической деятельности представителей различных слоев населения, а не только аристократической элиты, как ранее, с другой — широкое информирование о соглашениях, подписываемых государствами. Во-вторых, интенсивное, на уровне международных организаций, развитие *многосторонней дипломатии*. Усиление роли многосторонней дипломатии отмечается и многими другими авторами, в частности П. Шарпом (*P. Sharp*).

Открытость дипломатии наблюдается на протяжении всего XX столетия. Она связана с развитием демократизации мира. В результате переговоры, заключаемые соглашения, дипломатическая деятельность в целом находятся под пристальным вниманием общественности, прежде всего благодаря средствам массовой информации. Одним из первых «возмутителей спокойствия» в отношении «открытой дипломатии» стал 28-й президент США В. Вильсон. Он выступил с идеей демократической дипломатии, ориентированной на разоружение, свободную торговлю, либерализм, ее «доступности» для общественности (необходимости регистрации и ратификации договоров). Идеи В. Вильсона встретили различный отклик политических и общественных деятелей того времени, вызвав у одних восторженную поддержку, у других — скептическое отношение. К последним принадлежал, например, Г. Никольсон. Он полагал: для того чтобы дипломатия действительно была эффективной, она не должна осуществляться «на виду» у всех. Впоследствии эту мысль образно сформулировали американские исследователи У. Зартман (*W. Zartman*) и М. Берман (*M. Berman*), заметив, что если публично проводить переговоры, то их участников «потянет к окнам», а не друг к другу. Иными словами, открытость побуждает стороны больше к публичным действиям, чем к принятию собственно решений. В этом плане здесь возникают проблемы, во многом аналогичные тем, что появляются и при открытости процесса принятия внешнеполитических решений. Поэтому

му и предлагается, скорее, требовать открытости итоговых документов, чем самого процесса их выработки и обсуждения.

И все же во второй половине XX — в начале XXI столетия дипломатия все больше попадает под контроль общественности. Происходит это за счет возможностей средств массовой информации, необходимости ратификации многих документов и, наконец, потому, что на международную арену чаще стали выходить не государственные структуры, а различного рода движения — этнические, религиозные и др., а также общественные организации и академические круги, которые занялись «традиционными дипломатическими проблемами» — поиском согласия в конфликтных ситуациях, предоставлением посреднических услуг и т.п. Подобные явления, конечно, были известны и раньше. Однако во второй половине XX столетия эта деятельность стала носить более масштабный характер. В результате в конце 1970-х — начале 1980-х годов формируется особая сфера деятельности, так называемое *второе направление дипломатии* (англ.: *Track Two Diplomacy*), или *неофициальная дипломатия*, в отличие от ее «первого направления» — *официальной дипломатии*. Представителями этой сферы в основном являются исследователи, журналисты, дипломаты в отставке. Наибольшее развитие данное направление получило в США, хотя в последние годы многие европейские государства, в частности Швеция, уделяют этому большое внимание.

Если ранее дипломатическая деятельность осуществлялась главным образом на двусторонней основе, путем обмена миссиями, то сегодня дипломатия в значительной степени носит многосторонний характер и предполагает одновременное участие более чем двух сторон в обсуждении и решении проблем. Это обусловлено тем, что глобализация современного мира затрагивает интересы сразу многих участников.

Во второй половине XX столетия не только резко увеличивается количество *многосторонних переговоров*, но и становятся разнообразнее формы многосторонней дипломатии. Если в прошлом она сводилась в основном к переговорному процессу в рамках различных конгрессов (Вестфальский, 1648, Карловицкий, 1698—1699, Венский, 1914—1915, Парижский, 1856 и др.), то сейчас многосторонняя дипломатия проводится в рамках:

- ♦ международных универсальных (ООН) и региональных организаций (АС, ОБСЕ и др.);
- ♦ конференций, комиссий и тому подобных мероприятий или структур, созываемых или создаваемых для решения какой-либо проблемы (например, Парижская конференция по Вьетнаму; Совместная комиссия по урегулированию конфликта в Юго-Западной Африке и пр.);
- ♦ многосторонних встреч в верхах («Большой восьмерки» и др.);

♦ работы посольств по многосторонним направлениям (так, бывший первый заместитель государственного секретаря США Ст. Тэлботт (*St. Talbott*) отмечает, что американское посольство, например, в Пекине направляло значительную часть своих усилий на поиск совместно с китайскими и японскими коллегами решений проблем на Корейском полуострове).

Многосторонняя дипломатия и многосторонние переговоры порождают ряд новых моментов, но одновременно и трудностей в дипломатической практике. Так, увеличение числа сторон при обсуждении проблемы ведет к усложнению общей структуры интересов, созданию коалиций и появлению стран—лидеров на переговорных форумах. Кроме того, на многосторонних переговорах возникает большое количество организационных, процедурных и технических проблем: необходимость согласования повестки дня, места проведения; выработки и принятия решений; председательствования на форумах; размещения делегаций и т.п. Все это в свою очередь способствует бюрократизации переговорных процессов.

Следует назвать и другие особенности современной дипломатии, обусловленные современными тенденциями мирового политического развития. Глобализация и взаимозависимость мира привели к увеличению значимости дипломатии, осуществляемой на *высоком и высшем уровне*, так как она дает возможность проводить «широкие увязки» различных вопросов. Следует учитывать и тот факт, что договоренности, скрепленные подписями высших должностных лиц государств, обеспечивают дополнительные гарантии их выполнения. Наконец, на таких встречах у глав государств есть возможность быстро получать необходимую информацию «из первых рук», обмениваться мнениями.

Вместе с тем дипломатия на высоком и высшем уровнях имеет и обратную сторону. Прежде всего масштаб принимаемых решений резко повышает ответственность за них, а следовательно, и цену возможной ошибки. Особенно остра эта проблема в кризисных ситуациях. Следует также иметь в виду, что если договоренности, достигнутые на высоком или высшем уровне, вдруг будут сочтены после их подписания ошибочными, то отказаться от них значительно сложнее, чем от аналогичных, но подписанных на более низком уровне, поскольку в этом случае дискредитированными оказываются высшие лица государств.

Другим ограничительным моментом дипломатии на высоком и высшем уровнях является то, что она в значительной мере обусловлена личными симпатиями и антипатиями, а это влияет на принятие внешнеполитических решений. Наконец, необходимо учитывать, что дипломатия на высоком и высшем уровне может быть эффективной лишь тогда, когда

хорошо подготовлена. Иначе участники таких встреч могут, оказываясь «заложниками» надежд общественности на быстрое решение проблемы, пойти на неоправданные шаги. Именно по этой причине Г. Никольсон весьма сдержанно относился к дипломатии высокого и высшего уровня. Он полагал, что бывают случаи, когда необходимо, чтобы министр иностранных дел или глава кабинета присутствовали на важных конференциях, но не следует слишком поощрять их частые взаимные визиты. Такие визиты, писал он, вызывают надежды, ведут к недоразумениям и создают порой замешательства.

Возрастающая взаимозависимость мира обусловила еще один феномен в сфере дипломатии. Государства вынуждены налаживать диалог даже в условиях недружественных отношений. В этом отношении интересна книга Дж. Берриджа *«Разговаривая с врагом: как страны в отсутствие дипломатических отношений обсуждают проблемы»* (*Talking to the Enemy: How States without 'Diplomatic Relations' Communicate*), которая вышла в 1994 г. Исследователь рассматривает такие формы межгосударственного взаимодействия в условиях отсутствия дипломатических отношений, как создание *секции интересов* при другом посольстве (например, британские интересы в Иране представляло в 1989 г. шведское посольство); использование специального посланника (государственный секретарь США Г. Киссинджер специально летал в Париж для встречи с вьетнамским послом); создание совместных комиссий (в частности, Совместная Комиссия по урегулированию на Юго-Западе Африки в конце 1980-х — начале 1990-х годов, в состав которой входили дипломаты из Анголы, Кубы, СССР, США, ЮАР, на заключительном этапе к ним присоединились представители Намибии. В период ее работы дипломатические отношения отсутствовали: у ЮАР — с СССР, Кубой и Анголой; у США — с Кубой и Анголой).

На развитие современной дипломатии, ее форм и методов оказали существенное воздействие и другие особенности мирового развития. Эрозия Вестфальской политической системы, быстрое окончание холодной войны и крушение биполярного мира — все это заставляет дипломатию стремительно и адекватно реагировать на происходящее. Быстро меняющийся облик международных отношений предъявляет к дипломатии требование активности, инициативности; в противном случае время, благоприятное для воздействия на международную среду, может быть упущено.

Изменение современного облика международных отношений обусловлено и такой их чертой, как многоплановость. Если раньше их регулирование дипломатическими средствами фактически сводилось к внешней политике и торговле, то, начиная со второй половины XX столетия,

Информация к размышлению

Совет, который получил в свое время один из американских дипломатов, придя на работу в государственный департамент, был следующий: наблюдай, анализируй, докладывай, но главное — ни во что не вмешивайся.

The Theory and Practice of International Relations / 8th edition; ed. by W. C. Olson. Englewood Cliffs, N.J., 1991.

Вопрос для размышления

Как вы думаете, актуален ли этот совет сегодня?

круг вопросов резко расширился. Обсуждению и регулированию подверглись такие области, как разоружение, экология, терроризм, социальные проблемы и многие другие. В результате, пишет Б. Уайт (*B. White*), повестка дня, которая в принципе может быть предметом дипломатического обсуждения, становится крайне сложной, а самим дипломатам приходится осваивать ранее незнакомые сферы. Как следствие, при подготовке дипломатических кадров в учебных программах наряду с традиционными курсами (страноведческими, историческими, правовыми, экономическими, языковыми и т.п.) появились совершенно новые. Ст. Тэлботт (*St. Talbott*), например, отмечает, что Институт заграничной службы, являющийся в США ведущим центром подготовки дипломатических кадров, ввел курсы по проблемам наркобизнеса, миграции населения, охраны окружающей среды, возможности расширения американских рынков.

Взаимозависимость динамизма современного мира значительно изменила информационно-коммуникативную функцию дипломатии, суть которой заключается в информировании противоположной стороны об официальной позиции и получении от нее аналогичной информации. Здесь огромную роль играют новые технологии. Впрочем, еще в 1950-е годы Г. Никольсон обратил внимание на то, что министр иностранных дел может по телефону связаться сразу со многими послами. Современный английский исследователь Д. Данн (*D. Dunn*) отмечает, что появление таких средств технической связи, как факсимильная, электронная почта, видеосвязь и др., повлекли за собой значительную интенсификацию межгосударственного диалога.

Возможность быстрого передвижения из различных точек земного шара также способствует быстрому обмену информацией на межгосудар-

Информация к размышлению

В связи с развитием средств информации и коммуникации стали раздаваться голоса о том, что дипломатия как профессия исчезает.

Вопрос для размышления

Согласны ли вы с этим?

ственном уровне. Особенно значимым это оказывается для дипломатии высокого и высшего уровня, что порой оборачивается курьезными ситуациями. Так, С. Дженкинс (*S. Jenkins*) и А. Сломэн (*A. Sloman*) приводят слова бывшего помощника президента США Дж. Картера по вопросам национальной безопасности Зб. Бжезинского, который вспоминает, что нередко был свидетелем того, как президент США беседовал по телефону с премьер-министром Великобритании или канцлером ФРГ. Поскольку такие беседы были частыми, о них не всегда ставились в известность послы.

Однако главное все же не в технических новшествах, а в самой сути изменения информационно-коммуникативной функции дипломатии. На заре своего становления она в значительной степени предпочитала хитрость, участие в заговорах, обман и т.п. На данный аспект дипломатической деятельности обратил внимание английский дипломат конца XVI — начала XVII в. Г. Уоттон, который выразил все это в шутовском изречении, ставшем потом афоризмом: посол является честным человеком, которого посылают за границу лгать во имя блага своей родины.

Позднее откровенный обман, подкуп и подобные этому средства ушли из дипломатической практики, что, по мнению Г. Никольсона, означало зрелость дипломатии и коренным образом стало отличать классическую французскую школу дипломатии, которая начала складываться в XVII—XVIII вв. и получила распространение по всему миру, от того, что ей предшествовало, — итальянских посольских миссий XV столетия. Конечно, те или иные уловки не исчезли из дипломатии совсем. Однако подобные средства воздействия представляют собой, скорее, все же то, что американский исследователь Дж. Дер Дериан (*J. Der Derian*) назвал антидипломатией.

В современной дипломатии акцент делается не просто на отказе от откровенного обмана. Дело в том, что обман и ложь, как показали исследования Р. Аксельрода (*R. Axelrod*), оказываются невыгодными в условиях вза-

Это интересно!

Пытаясь посредничать в конфликте между Аргентиной и Великобританией по поводу Фолклендских (Мальвинских) островов, государственный секретарь США А. Хейг в течение пяти дней преодолел расстояние, равное в общей сложности 34 тыс. миль.

Dunn D. How Useful is Summitry // Diplomacy at the Highest Level / Ed. by D. H. Dunn. L.; N.Y., 1996. P. 247–268.

имозависимости и постоянного взаимодействия, так как немедленно вызывают ответную реакцию. Поэтому в настоящее время информативно-коммуникативная функция дипломатии направлена прежде всего на формирование диалога.

Идеи диалога, диалогичности общения, разработанные в свое время отечественным литературоведом М. М. Бахтиным, становятся актуальными применительно к дипломатии. *Дипломатический диалог* предполагает признание того, что у другой стороны есть собственные интересы и цели. Это является не только естественным и закономерным, но и продуктивным фактором с точки зрения развития отношений. Отсюда главным в коммуникативно-информационной функции оказывается не директивное навязывание собственной точки зрения, а стремление через диалог искать взаимоприемлемое решение проблем.

Идеи развития межгосударственного диалога нашли отражение и в теоретических работах по переговорам. На смену концепции жесткого *торга*, когда каждый участник заботится лишь о собственных интересах и подает свою позицию как крайне закрытую, приходит концепция совместного с партнером анализа проблемы. Она предполагает ориентацию на взаимное удовлетворение интересов и достаточно открытый характер переговоров.

Ориентация на диалог в современном мире обусловлена необходимостью именно совместными усилиями искать решения возникающих проблем, связанных с экологией, борьбой с терроризмом, урегулированием конфликтов, развитием интеграционных процессов и т.п. В результате решение международных проблем объективно становится главной функцией дипломатии.

Сказанное не означает, что дипломатия лишается своих классических функций и форм деятельности, связанных с обеспечением национальных интересов, реализацией внешнеполитического курса и т.д. Они

реализуются дипломатией с момента образования национальных государств, однако сегодня, в силу глобализации, по сути не противоречат, а, напротив, совпадают с необходимостью решения наиболее актуальных мировых проблем. Другое дело, что на практике государства пока нередко исходят из краткосрочных интересов в ущерб долгосрочным.

Ключевые термины

Внешняя политика

Дипломатия

Выработка и принятие внешнеполитических решений

Теория рационального выбора

Психологическое направление в исследованиях принятия решений

Лица, принимающие решения

Групповое мышление

Сдвиг в выборе

Институциональное направление в исследованиях принятия решений

Стандартные операционные процедуры

Сравнительное изучение внешней политики

Лоббирование

Группы интересов

Коррупция

Интеракционистское направление в исследованиях принятия решений

Системное направление в исследованиях принятия решений

Переговорный процесс

Многосторонняя дипломатия

Открытость дипломатии

Первое направление дипломатии (официальная дипломатия)

Второе направление дипломатии (неофициальная дипломатия)

Многосторонние переговоры

Дипломатия на высоком и высшем уровне

Секция интересов

Дипломатический диалог

Торг

Вопросы для обсуждения

Что такое внешняя политика и дипломатия?

Какие существуют подходы к анализу процесса принятия внешнеполитических решений?

Почему исследователи и политики много внимания уделяют процессу принятия внешнеполитических решений?

Каковы основные положения теории рационального выбора?

Какие психологические факторы воздействуют на процесс принятия внешнеполитических решений?

Какие основные государственные структуры заняты разработкой и принятием внешнеполитических решений?

Что представляют собой группы интересов?

Какова роль переговоров в дипломатической практике?

В чем проявляются особенности современной дипломатии?

Какие существуют формы многосторонней дипломатии?

Что такое дипломатия на высоком и высшем уровне и какова ее роль сегодня?

Практикум

Используя теорию рационального выбора, определите приоритеты внешней политики современной России. Опишите ситуацию, вычленив альтернативы, выберите наиболее оптимальные из них. Сравните плюсы и минусы в случае их реализации, а также результаты, полученные в академической группе разными авторами.

Рекомендуемая литература

- Зонова Т. В. Современная модель дипломатии: Истоки становления и перспективы развития. М., 2003.
- Зонова Т. В. Новые проблемы дипломатии // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 467–493.
- Израэлян В. Л. Дипломаты лицом к лицу. М., 1990.
- Ковалев Ан. Азбука дипломатии. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
- Колобов О. А., Корнилов А. А., Макарычев А. С., Сергунин А. А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. Нижний Новгород, 1992.
- Лебедева М. М. Современная дипломатия как средство регулирования международных отношений // Современные международные отношения. 2-е изд. / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000. С. 260–278.
- Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941.
- Салмин А. М. Внешнеполитический механизм Российской Федерации // Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. С. 743–773.
- Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1944.
- Фельтхэм Р. Дж. Настольная книга дипломата / Пер. с англ. Минск, 2001.
- Фишер Р., Юри У. Путь к согласию. Или переговоры без поражения. М., 1990.

Интернет-ресурсы

- МИД России: <http://www.mid.ru>
- Журнал «Foreign Affairs»: <http://www.foreignaffairs.org>
- Журнал «Foreign Policy»: <http://www.foreignpolicy.com>

Глава 16

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

16.1. Подходы к пониманию глобального управления

Множественность акторов на современной мировой арене и изменение политической структуры мира (об этом речь шла в первой части), с одной стороны, и наличие сложнейших мировых проблем (о них говорилось во второй части учебника) — с другой, логически подводят к вопросу о том, как и кем должны решаться все эти проблемы, а также каковы новые правила взаимодействия участников.

В XX столетии стало очевидным, что традиционные международные отношения, которые формировались как результат взаимодействия отдельных государств или их союзов на мировой арене, требуют большей упорядоченности и четких правил поведения. Толчком к этому послужили две мировые войны, кризисы и конфликты конца прошлого столетия, появление на мировой арене негосударственных акторов. Впрочем, идеи совершенствования управления миром, создания некоего единого мирового сообщества высказывались и ранее, в том числе И. Кантом, который писал, что торговля не может сосуществовать с войной и рано или поздно дух торговли овладеет всеми людьми.

В начале XX в. основные надежды возлагались на более четкое правовое регулирование международных отношений, а также создание межправительственных организаций. После Второй мировой войны, когда стали намечаться интеграционные процессы в Европе, встал вопрос о глобальном правительстве (англ.: *global government*), или мировом правительстве, как некоем едином органе во всемирном масштабе, являющемся подобием организации государства.

К концу XX столетия появилось новое понятие — глобальное управление (англ.: *global governance*). В широкий оборот оно было введено В. Брандтом и его коллегами из Комиссии ООН по глобальному управлению (*Commission on Global Governance*). Комиссия была создана для обсуждения того, как можно совместными усилиями решить такие глобальные проблемы, как экология, борьба с бедностью, болезнями и т.п. Окончание холодной войны также поставило вопрос о выработке новых правил поведения на мировой арене. Как результат, проблема глобального управления становится популярной в 1990-е годы. Выходят журналы «Global Governance», «Global Society». Данная тематика оказывается центральной и во многих других изданиях.

В настоящее время выделяют несколько подходов к пониманию того, что представляет собой глобальное управление. Например, немецкий исследователь Д. Месснер указывает четыре основных. Столько же, но несколько иных, выделяется в докладе Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) России, представленном в 2001 г.

Первый подход фактически повторяет то, что звучало задолго до окончания холодной войны, — идею формирования единого мирового правительства. Его представители, как и ранее, исходят из того, что оно создается по образу и подобию государства. Так, Л. Филькенштейн (*L. Finkelstein*) пишет, что мировое правительство должно заниматься тем же, чем занимается у себя дома национальное. Проблема лишь в том, чтобы наделить его соответствующими властными полномочиями. Но эта точка зрения в настоящее время не получает особой поддержки со стороны ни политических, ни научных кругов. Главное возражение здесь в том, что при столь большом разнообразии политических систем, традиций, уровней экономического развития и тому подобного это выглядит просто нереальным.

Суть второго подхода: провести реформирование международных организаций, и прежде всего ООН, которая становится центральным звеном управления, а ее институты начинают выполнять роль своеобразных «министерств» и «ведомств». Например, Совет Безопасности — функции правительства, Генеральная Ассамблея — парламента; МВФ превращается в центральный банк и т.д. Однако и в отношении этого проекта также немало возражений. Указывается, в частности, на невозможность слишком сильной централизации в рамках международной организации. Высказываются также опасения, что ООН мало подвержена реформированию: ее структура отражает реалии прошлой эпохи, а наличие в Совете Безопасности в качестве сверхдержавы США сведет на нет все усилия по организации демократического управления миром. В связи с последним соображением Дж. Галтунг (*J. Galtung*) даже предложил проводить глобальное управление без участия великих держав.

Третий подход связан с идеями однополярности мира и управления им Соединенными Штатами в качестве главного актора. Иными словами, речь идет о гегемонии США. Данного подхода придерживаются авторы, ориентированные на концепцию реализма. Одним из наиболее активных сторонников однополярности мира во главе с США выступает Зб. Бжезинский, выделяющий четыре основные области, в которых они лидируют: военно-политическую, экономическую, технологическую и массовую культуры.

Интересно, что иногда сторонники идеи «американского варианта» управления миром, как аргумент в свою поддержку, приводят теорети-

ческие построения своих противников — неолибералов. Например, они ссылаются на теорию гегемониальной стабильности (англ.: *hegemonic stability theory*), которая развивалась в 1970—1980-е годы такими авторами, как Ст. Краснер (*St. Krasner*), Р. Кохэн (*R. Keohane*), и некоторыми другими. В исследованиях, выполненных в русле международной политической экономии, изучалась взаимосвязь стабильности экономического режима с наличием некоего государства-лидера. Это позволило утверждать, что при существовании такого государства-гегемона устанавливается стабильный экономический режим, так как лидер вырабатывает правила и нормы поведения, которые принимаются другими.

Однако необходимо иметь в виду, что теория гегемониальной стабильности показывает возможность лидерства лишь в одной из областей — экономической. Одновременное навязывание правил поведения во всех сферах политической, экономической, культурной жизни вызывает, как правило, резкое неприятие со стороны других участников международного взаимодействия.

Как и предыдущие подходы, идея гегемонии США вызывает большое число критических откликов, в том числе и тех, которые обсуждались в связи с представлениями об однополярности мира (гл. 7). Дж. Най (*J. Nye*) убедительно демонстрирует невозможность реализации данного подхода в книге, вышедшей в свет в 2002 г., которая так и называется «Парадоксы американской мощи: Почему единственная мировая сверхдержава не может действовать в одиночку» (*The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*). Главный аргумент: в современном мире нельзя уже не учитывать цели, интересы и активность других акторов.

Наконец, четвертый подход состоит в том, что глобальное управление исходит из полицентричности мира и предполагает участие в управлении не только государств и межгосударственных образований, но и других акторов. Именно их включенность в глобальное управление составляет главное отличие данного подхода от предыдущих.

Идея важности вовлечения различных групп в глобальное управление существовала давно. Так, функционалисты одними из первых обратили внимание на то, что сотрудничество может вести к политическим изменениям и в итоге — к созданию мирового сообщества (англ.: *world society*). Об этом основатель функционализма Д. Митрани (*D. Mitrany*) писал еще в 1943 г., подчеркивая, что сотрудничество на уровне отдельных организаций заменит в итоге политические институты прошлого, в том числе и национальное государство. Впоследствии идеи мирового сообщества в том или ином контексте прослеживаются в работах Э. Хааса (*E. Haas*), Дж. Грума (*J. Groom*), Дж. Бёртона (*J. Burton*) и многих других авторов.

Для понимания проблем глобального управления важными были работы, проведенные в рамках конструктивизма в конце 1980-х годов такими авторами, как А. Вендт (*A. Wendt*) и Дж. Рагги (*J. Raggie*). Они заметили, что по мере развития мира человечество создает не только материальные, но еще и единые социальные структуры, которые представляют собой значимый фактор дальнейшего развития. Связи и отношения разного уровня становятся важнейшей проблемой в исследованиях международных отношений и мировой политики.

Значительным толчком к развитию последнего из названных подходов послужила вышедшая в 1992 г. под редакцией Дж. Розенау (*J. Rosenau*) и Е.-О. Шемпеля (*E.-O. Szepiel*) книга «Управление без правительства: порядок и изменение в мировой политике» (*Governance without Government: Order and Change in World Politics*). В ней обсуждаются возможные механизмы такого управления. В работе «Турбулентия в мировой политике» (*Turbulence in World Politics*), появившейся на два года раньше, Дж. Розенау пишет о том, что управление — это система правил, типичная для всех видов человеческой деятельности. В его понимании оно охватывает деятельность различных правительств, но включает множество других структур и групп.

В научной литературе 1990-х годов появляется еще один термин — новая многосторонность (англ.: *multilateralism*). В отличие от классического понимания многосторонности как сотрудничества нескольких государств, новый термин, пишет немецкий автор Фр. Нушелер, гораздо шире и включает:

- ♦ усиление правовой базы и цивилизационного начала в международных отношениях;
- ♦ совместное решение глобальных проблем посредством использования регулирующих механизмов регионального или глобального масштаба;
- ♦ укрепление системы Организации Объединенных Наций как совещательного мирового форума, инстанции для решения вопросов войны и мира, инициатора и организатора решений по глобальным проблемам;
- ♦ повышение взаимодействия государственных и негосударственных акторов, которые все более организуются в рамках транснациональных глобальных сетей.

Таким образом, Фр. Нушелер фактически объединяет два подхода к глобальному управлению, обусловленные, с одной стороны, реформированием ООН, с другой — вовлечением негосударственных акторов в совместную деятельность с государствами, МНО по решению актуальных проблем.

Возвращаясь к вопросу о взаимодействии различных акторов при решении мировых проблем, следует сказать, что в современной политической практике можно найти множество примеров такого успешного сотрудничества.

Одной из наиболее развитых сфер здесь является урегулирование конфликтов. Американский исследователь Дж. Монтвилль (*J. Montville*) выделил три взаимосвязанные области деятельности, которыми занимается неофициальная дипломатия. Первая направлена на проведение семинаров между представителями конфликтующих сторон с целью улучшения их взаимопонимания; вторая предполагает влияние на общественное мнение, с тем чтобы на уровне общественного сознания иметь благоприятную почву для разрешения конфликтов мирными средствами; третья ориентирована на совместное экономическое развитие. Все три сферы являются неким дополнением к тому, чем занимаются государственные структуры и неправительственные организации при урегулировании конфликтов.

Более того, как отмечают американские исследователи Г. Келман (*H. Kelman*) и С. Коэн (*S. Cohen*), которые проводили неофициальные семинары с представителями конфликтующих сторон, такие встречи и вообще неофициальная дипломатия не могут и не должны рассматриваться как замещающие дипломатические и политические переговоры. Это, скорее, подготовка к подобного рода переговорам.

Важным оказывается и еще один момент. Разные акторы не только взаимодействуют между собой на фоне других изменений (совершенствования работы ООН и т.п.). Происходит при этом и перераспределение управленческих функций от государства к другим участникам международного взаимодействия. Довольно наглядно этот факт демонстрирует Дж. Най, используя схему (рис. 16.1), где все участники распределены в зависимости от того, на каком уровне (наднациональном, национальном или внутринациональном) и в каком секторе — частном, публичном (англ.: *public*) или третьем (общественных организаций) — они действуют.

Интересно, что одними из первых, кто заметил, что государства не смогут удержать монополию на управление в своих руках, были специалисты в области международной политической экономии. Так, С. Стрэндж в начале 1990-х годов писала, что все государства, независимо от территории, размеров, моши, слабеют перед лицом происходящих технологических и финансовых изменений, а также ускоряющейся интеграции национальных экономик в единый мировой рынок. Курьезность ситуации заключалась в том, что, как пишет Й. Фергюсон, начинала С. Стрэндж свои исследования с целью показать государствам суть происходящих процессов для того, чтобы те могли их регулировать.

	Сектора		
	Частный	Публичный	Третий
Наднациональный	ТНК (IBM, Shell и пр.)	Межправительственные организации (ООН, ВТО и т.д.)	Неправительственные организации (Oxfam, Greenpeace и др.)
Национальный	Национальные корпорации (American Airlines и пр.)	 Государства XX столетия	Национальные некоммерческие организации (American Red Cross и др.)
Внутринациональный	Местный бизнес	Местные органы власти	Местные группы

Рис. 16.1. Перераспределение управленческих функций от государства к другим акторам в XX столетии

Источник: Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford, 2002. P. 46.

Вслед за исследователями в области международной политической экономики о перераспределении управленческих функций заговорили и специалисты, занятые изучением международных неправительственных организаций.

Итак, государства, изменяя свои функции и передавая их частично другим акторам, тем самым отдают им отчасти и управление. Это, как не без пафоса пишет немецкий исследователь Т. Риссе (Th. Risse), является концом межгосударственного мира, который мы знали ранее.

Как управленческие функции в конечном итоге могут быть перераспределены? Ответ на этот вопрос фактически дает представление о будущей политической структуре мира.

16.2. Проблемы и перспективы глобального управления

Первое, что выделяется при анализе современной структуры глобального управления, — большая ее пестрота. В отличие от *Вестфальской системы*, в которой равный правовой статус различных государств закреплен международными нормами, проявляющаяся новая система этого не предполагает. *Управленческий ресурс* современных участников мировой политической системы крайне разнообразен. Это могут быть политический голос государства при принятии решений в ООН, финансовые возможности ТНК или доверие общественного мнения определенным неправительственным организациям. Ресурсы такого рода сложно сопоставимы, а значит, последствия их различных сочетаний трудно просчитываются. При этом государства сохраняют за собой монополию в качестве субъектов международного права.

Второй важный момент заключается в том, что складывающиеся глобальные управленческие связи мира не являются иерархическими, как они существуют внутри государства (хотя и там жесткая иерархия размывается). В то же время они уже и не анархичны, как предполагается классической Вестфальской системой. Об этом пишут Дж. Розенау, Д. Месснер и многие другие авторы.

Современная политика основана на выработке коллективных решений через множество различных согласований разного уровня. Для понимания складывающейся системы глобального управления эвристичным может оказаться подход российского исследователя В. М. Сергеева, который видит в демократии и, следовательно, в демократическом управлении согласование интересов различных групп путем переговоров. На глобальном уровне это могут быть многосторонние межгосударственные формы, открывающие возможности, как пишет В. Б. Луков, для «коллективного управления взаимозависимостью». Это могут быть и совместные встречи представителей государств и негосударственных акторов. Одним из примеров последнего может служить Конференция по устойчивому развитию, прошедшая в Йоханнесбурге в августе 2002 г., которая продемонстрировала идеи партнерского взаимодействия правительств, бизнеса и НПО при решении глобальных проблем.

Правда, серьезной проблемой остается не только поиск решения, но и возможностей его выполнения. Иными словами, если координацию

действий разных акторов удастся как-то наладить, то исполнительные функции пока плохо реализуются даже в тех случаях, когда путем совместных усилий согласие все же достигается. Один из примеров — сложности, связанные с выполнением Киотского протокола.

Третья особенность: в глобальном управлении уже используются различные формы и методы и, по-видимому, эта тенденция будет усиливаться. Государства, НПО, межправительственные акторы, ТНК встречаются на совместных форумах, где и принимают решения (в частности, на Конференции по устойчивому развитию в Йоханнесбурге). В других случаях акторы действуют параллельно, имея в виду общую цель, например регулирование конфликтов. Тогда функции разделяются. Государства, межправительственные организации могут вводить миротворческие силы для разведения противоборствующих сторон, налаживать контакты на уровне политических элит участников конфликта. А НПО могут одновременно работать на уровне населения, стараясь смягчить негативные стереотипы в отношении противника, доставлять гуманитарную помощь и т.п.

Важной является здесь согласованность действий. Именно это часто не достигается в силу различных причин, в том числе из-за слишком большого числа вовлеченных в процесс акторов. Однако, несмотря на все сложности, в настоящее время все-таки довольно отчетливо проявляются следующие параметры глобального управления:

- ♦ участие разных акторов;
- ♦ отсутствие иерархичности связей между ними;
- ♦ множественность форм и методов взаимодействия;
- ♦ использование переговоров для согласований.

Одним из ключевых остается вопрос о дальнейших путях распределения управленческих полномочий между акторами в складывающейся политической структуре мира.

Первый путь хаотичный, плохо управляемый, с «перетягиванием каната» между различными государствами, а также другими участниками международных отношений, возможным применением силы и т.п. Он состоит в том, что государства ведут себя реактивно и пытаются ограничивать негосударственных акторов в реализации управленческих функций, заставляя их действовать под своим жестким контролем. В принципе для этого у государства имеются довольно большие политические и правовые ресурсы, благодаря которым оно и остается главным актором на мировой арене. Несколько хуже обстоят дела с финансовыми и экономическими ресурсами, а также ресурсом, обусловленным поддержкой на уровне общественного мнения.

В рамках этого плохо управляемого пути возможен и вариант, когда государства без особого сопротивления будут передавать управленческие функции другим акторам. В любом случае минусом при выборе данного пути является то, что система глобального управления выстраивается в значительной степени стихийно. В своем крайнем выражении такой подход может привести к неожиданному и потому болезненному распаду государственно-центристской системы мира. В каких конкретно формах такой распад может осуществляться, предсказать сложно. Очевидно только, что независимо от того, какими будут долгосрочные последствия такой резкой перестройки, сама она вызовет значительные социальные и психологические потрясения.

Второй путь заключается в том, что государства, используя имеющиеся ресурсы, совместно с другими акторами «выстраивают» новую архитектуру мира. Это путь кризисного управления и формирования новых структур, создания нового мироустройства с учетом новых реалий и интересов различных участников — государств, межгосударственных организаций, неправительственных объединений, крупнейших финансовых и бизнес-структур и т.д.

Проблем на этом пути немало. Во-первых, сами государства должны действовать достаточно скоординированно, что не просто, если принять во внимание их многообразие. Во-вторых, необходимы договоренности со многими, крайне «разношерстными» негосударственными акторами. Сложность и разнообразие их интересов делает подобные договоренности маловероятными. В то же время следует принять во внимание, что в истории были примеры сложного согласования интересов. Так, подобные задачи стояли перед участниками переговоров по заключению Вестфальского мира. Не менее сложные согласования, причем с учетом общественного мнения, позиций неправительственных

Информация к размышлению

В свое время политическая модель внутригосударственного устройства, а также взаимодействия между государствами, получившая названия Вестфальской системы, была принята в Европе, а затем получила распространение по всему миру.

Вопрос для размышления

Как вы думаете, может ли ЕС быть прообразом будущей политической системы мира?

организаций, бизнеса, внутригосударственных регионов, проходили на протяжении ряда десятилетий в рамках Европейского союза. Конечно, и в том и в другом случае согласования ограничивались лишь одним регионом мира.

Говоря об увязках интересов государств с негосударственными акторами, следует иметь в виду, что последние нередко ведут себя достаточно агрессивно и вовсе не обязательно ориентированы на отношения сотрудничества с государственными структурами. Кроме того, существует проблема, с какими именно неправительственными акторами сотрудничают эти государственные структуры. Так, в последнее время аналитики все чаще обращают внимание на опасность, которая исходит от возможного использования наркобизнесом и другими видами нелегального бизнеса государственных структур, в том числе дипломатических каналов. Наконец, интересы государства в отношении негосударственных акторов зачастую противоречивы. Например, с одной стороны, государства заинтересованы в крупных зарубежных инвестициях, с другой — занимаются протекционизмом в отношении национального бизнеса.

В связи с этим встает вопрос, на который обращают внимание ряд авторов, в частности О. Н. Барабанов: нет ли опасности, что будущее глобальное управление окажется авторитарным? Основанием для такой боязни служит и то, что ряд НПО, ТНК и государств построены далеко не на демократических принципах. Тем не менее, большинство исследователей все же дают отрицательный ответ на данный вопрос, аргументируя это тем, что возникновение авторитарного глобального управления противоречило бы одной из ведущих тенденций развития современного мира — его демократизации, выражающейся и в увеличении числа демократических государств в мире, и в той возрастающей роли, которую играют неправительственные организации, общественное мнение, и главное — в новом типе взаимодействия, формирующемся на мировой арене.

В целом же адаптация и ассимиляция государств к меняющейся действительности идет сложно. При этом они никогда не выбирают один путь. Обычно, действуя разными методами, государства сотрудничают с неправительственными акторами и одновременно стремятся к ограничению их властных устремлений. Й. Фергюсон полагает, что скорее всего перераспределение управленческих функций будет проходить методом проб и ошибок с большой вероятностью случайных действий. Вопрос заключается лишь в том, будут ли государства, прежде всего ведущие, стремиться организовать этот процесс, постоянно направляя его в определенное русло. Кстати, некоторые исследователи и политики, в том числе пред-

ставители Совета по внешней и оборонной политике, видят в «подталкивании» ведущими странами мира мировое развитие в нужном направлении один из возможных путей организации глобального управления. В этом смысле следует, правда, скорее говорить (по крайней мере, на первом этапе) не о глобальном управлении, а о глобальном регулировании.

16.3. Россия в глобальном управлении

Россия вступила в процесс перестройки политической системы мира, сохранив за собой огромные возможности, которые были крайне важны для классической Вестфальской системы мира и еще не потеряли своего значения сегодня: военный потенциал, территория, сырьевые ресурсы. В связи с этим она особенно болезненно переживает эрозию этой системы. Существует и еще целый ряд причин, которые обусловлены как последним периодом развития России, так и ее историей, побуждающими страну воспротивиться отмеченным изменениям.

Классическая Вестфальская система мира предполагает сильную государственную власть с довольно строгими правилами соподчинения (иерархиями) внутри государства (отсюда и другое название данной модели мира — государственно-центристская). Для России всегда, как замечает Л. Шевцова, была характерна нерасчлененность власти, которая упрощала ее конструкцию и в рамках унаследованных представлений рассматривалась как своеобразная иерархия — вертикаль с акцентом на подчиненность и субординацию.

В российской политике, как и в практике дореволюционного, а также советского периодов, это выразилось в стремлении к централизации государства, в негативном отношении к компромиссам, которые рассматривались лишь как временные уступки и т.п. Тенденция к централизованному управлению достигла своего «пика» в советский период, на что обращали внимание многие исследователи, в том числе и Ф. Фукуяма, который пишет, что в Советском Союзе нашел воплощение веберовский тип государства. Именно поэтому он, как прежде царская Россия, хорошо «вписывался» в систему отношений, которые сложились в Европе после подписания Вестфальского мира и предполагали сильное государство, стремящееся к тому, чтобы занять ключевые позиции на международной арене. Отход от этой системы для современной России оказался весьма трудным. К этому добавилась распад биполярной системы международных отношений, где она возглавляла один из двух полюсов.

Надо сказать, что положение России здесь не уникально. США, может, в меньшей степени, но тоже сложно переживают кардинальные пе-

ремены постбиполярного мира. Однако в России положение осложняется еще и тем, что в более чем 10-летний период происходил процесс политической, экономической и социальной трансформации. Трудный сам по себе, он еще сопровождался и множеством негативных моментов, появлением новых проблем, которых не было ранее, в частности открытых этнических конфликтов, безработицы и т.п.

Все эти процессы прошли на фоне ослабления вертикали государственной власти, что обусловлено как объективными (переход к рыночной экономике, демократизация), так и субъективными причинами (ошибки при проведении реформ, частые кадровые перемены и т.п.). Все это и обострило проблему управления. В обществе стала формироваться потребность в «наведении порядка», укреплении государственности, усилении позиций на международной арене. По этой причине крайне позитивно воспринимались решительные действия, в которых демонстрируется сила государства, его мощь.

В общественном настроении, согласно опросам, к концу 1990-х годов формируется выраженная потребность в укреплении государственности, порядка и т.п. (об этом, в частности, писали Л. Седов, Т. Кутковец, И. Клямкин и другие исследователи), а во внешнеполитической сфере крайне остро переживалась потеря статуса великой державы. В этом плане показательно, что, по данным опроса РОМИРа, в январе 2000 г. среди ответов на вопрос: «Что вы ожидаете от президента, за которого будете голосовать?» — на третьем месте по степени значимости оказался ответ: «Вернуть статус великой державы». Примечательно, что данный ответ выделялся на фоне множества других проблем, касающихся военных действий в Чечне, экономических, социальных проблем и т.д.

Означает ли сказанное, что Россия объективно не готова к новым мировым реалиям и совместной с другими государствами деятельности по глобальному управлению? Разумеется, нет. Прежде всего Россия обладает достаточно большим политическим потенциалом в современном мире. Она — постоянный член Совета Безопасности ООН, член «Большой восьмерки» и многих других международных организаций. Учитывая тот факт, что в современных условиях государства остаются ключевыми акторами, которые и могут определять направления дальнейшего политического развития, это положение России оказывается весьма значимым.

Вторым важным российским ресурсом являются образовательные и научно-технические возможности. Опираясь на свой интеллектуальный потенциал, Россия могла бы стать инициатором процесса кризисного управления и формирования новой политической структуры мира. Она способна предложить разработку комплексной программы развития, которая

предусматривала бы возможность проведения серий переговоров по будущему устройству мира с приглашением широкого круга участников, в том числе негосударственных. Можно указать и еще на один ресурс России — дипломатический опыт решения проблем, накопленный отечественной дипломатией за многие десятилетия в условиях сложного переплетения интересов.

Альтернативная возможность — пойти по пути сохранения Вестфальской системы мира — окажется для России в лучшем случае тупиковой в силу объективных тенденций мирового развития. Наконец, выбор пути, связанного с ориентацией на «отстранение» от внешнего мира, сосредоточение на внутренних проблемах, чтобы затем, уже с иным экономическим и политическим потенциалом, вновь вступить в международные отношения, неоправдан по ряду причин. Во-первых, это практически невозможно сделать из-за сильной экономической, технологической и другой взаимозависимости мира, современного этапа глобализации. Во-вторых, темпы развития в настоящее время настолько велики, что любая изоляция или самоизоляция неизбежно приведет к тому, что избравшее этот путь государство окажется в стороне от исторического процесса.

Ключевые термины

Глобальное, или мировое, правительство
Глобальное управление
Однополярность мира
Теория гегемониальной стабильности
Полицентричность мира
Мировое сообщество

Новая многосторонность
Второе направление дипломатии
Вестфальская система
Управленческий ресурс
Кризисное управление
Глобальное регулирование
Биполярная система

Вопросы для обсуждения

- Каковы основные подходы к пониманию глобального управления?
- В чем различие понятий «глобальное правительство» и «глобальное управление»?
- Что представляет собой «новая многосторонность»?
- Почему одно государство, даже самое сильное, вряд ли может управлять миром?
- Какие черты глобального управления проявляются уже сегодня?
- Какие сложности возникают в связи с глобальным управлением?
- Какой может быть роль государств в глобальном управлении?
- Каковы возможные пути распределения управленческих полномочий между акторами в новой складывающейся политической структуре мира?
- Какова возможная роль России в глобальном управлении?

Практикум

Предположим, вы получили задание подготовить международный форум по глобальному управлению (регулированию). Как представили бы вы себе организацию и проведение такого форума? Кто мог бы войти в инициативную группу по его подготовке? Какими виделись бы вам позиции России, других государств и международных акторов? Распределите роли и подготовьте деловую игру «Международный форум по глобальному управлению».

Рекомендуемая литература

- Барabanов О. Н.* Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 31–53.
- Грум Дж.* Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998. С. 222–239.
- Лебедева М. М.* Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития / Ред. М. В. Ильин, В. Л. Иноземцев. М., 2001. С. 152–169.
- Месснер Д.* Архитектура мирового порядка: стратегии решения глобальных проблем // Internationale Politik, 1998. Вып. 11, ноябрь (на русском языке).
- Нушелер Фр.* Новая мировая политика. Многополярность вместо мира по-американски // Internationale Politik, 1998. Вып. 11, ноябрь (на русском языке).
- Сергеев В. М.* Демократия как переговорный процесс. М., 1999.
- Фергюсон Й.* Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998. С. 195–221.

Интернет-ресурсы

<http://www.worldcitizen.org>

<http://www.wfs.org>

Журнал «Internationale Politik»: <http://www.germany.org.ru>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События последних 15 лет, происшедшие на мировой арене, заставили во многом по-иному взглянуть на такие привычные понятия и политические процессы, как национальные интересы, конфликты и войны, терроризм, национальный суверенитет и внешняя политика. В мировой политике стали появляться новые области исследования, в том числе связанные с образованием, развитием новых технологий.

В конце XX столетия становление мировой политики в качестве научной и учебной дисциплины, которая занимается изучением существующей и вновь складывающейся политической системы мира, ее структуры, институтов и процессов. Более четко определились и предметные области других дисциплин, в том числе классических международных отношений, не случайно получил развитие неоклассический, или, как он еще иногда называется, неотрадиционный, реализм, которые фокусирует внимание именно на анализ межгосударственных отношений и внешней политики различных стран, проблем разоружения и гонки вооружений. Эти вопросы в настоящее время вовсе не сняты с повестки дня.

Мировая политика — дисциплина, в поле зрения которой сегодняшние политические реалии и тенденции будущего развития мира. Это составляет определенные сложности для ее изучения. Каждый день приносит новые факты о развитии событий в мире, некоторые из которых не совпадают с прежними представлениями и побуждают к переосмыслению тех или иных закономерностей. Так, во многих отношениях поворотными моментами в развитии мировых политических процессов оказались такие события, как распад Советского Союза и окончание холодной войны. Серьезным вызовом международной безопасности стали террористические акты в США 11 сентября 2001 г., а также в других странах, в том числе и России. Какие-то события, может быть, и не имеют (или пока не имеют) столь существенного влияния на тенденции мирового развития, но могут оказаться важными с фактологической точки зрения. Для мировой политики как научной дисциплины все это означает одно: она никогда не может быть «дописана».

Если говорить о тенденциях развития мировых процессов, то пока, хотя еще и несколько робко (поскольку доминирует военно-политическая и экономическая тематика), начинает заявлять о себе «человеческий фактор». Человек с его проблемами, возможностями, знаниями и умениями все в большей степени выходит на передний план исследований по мировой политике.

Писать учебники всегда сложно. Делать это в условиях, когда наука является молодой, особенно в России, и к тому же занимается изучением проблем настоящего и тенденций, которые в полной мере заявят о себе только в будущем, сложно вдвойне.

Во-первых, многие понятия и подходы, разработанные в других странах и ставшие там уже привычными (например, уровни анализа, международная политическая экономия, теория гегемониальной стабильности и др.), далеко не всегда оказываются таковыми в отечественной науке. Даже в современную эпоху бурного развития информационных и коммуникативных технологий требуется определенное время для знакомства с ними отечественного читателя.

Во-вторых, новизна предмета исследования побуждает к введению новых понятий, хотя очевидно, что делать это нужно крайне осторожно. Представляется, что одной из таких категорий является понятие *политическая система мира*, означающая подход к политике с целостных позиций, без жесткого разделения на внутреннюю и внешнюю. Политическая система мира позволяет анализировать политические институты и процессы глобального уровня; показывать, как этот уровень «задает коридор» функционирования более низких политических уровней — регионального, национального и локального.

В-третьих, мировая политика — крайне динамично развивающаяся дисциплина. Она требует внимания к каждодневным фактам и событиям, постоянного интереса к новостям. Поэтому любой, даже самый идеальный учебник не может быть единственным в учебном процессе. Научные статьи, монографии и данные информационных агентств позволяют постоянно сопоставлять новые явления с теми интерпретациями, которые имелись ранее. Мы можем только приближаться к раскрытию тайны, делать свои прогнозы на будущее и смотреть, насколько они оправдывают себя. Но политическое развитие постоянно и ускоренными темпами идет вперед, ставя перед нами все новые научные и практические вопросы. В этом великая притягательная сила мировой политики и ее изучения.

Автаркия (англ.: *autarky*) — национальная самодостаточность в экономической, политической и других сферах.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, АТЭС (англ.: *Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC*) — форум для обсуждения и переговоров по вопросам торговли и другим проблемам между странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Россию, США, Японию и Китай, а также многие другие страны этого региона.

Баланс сил (англ.: *balance of power*) — концепция в рамках реализма, которая описывает, как государства решают проблемы национальной безопасности. Балансирующая система создается путем противопоставления одних национальных интересов в противовес интересам других государств. Мир между государствами понимается как равновесие в распределении сил между государствами в рамках этой системы.

Баллистическая ракета подводных лодок (англ.: *submarine-launched ballistic missiles, SLBM*) — ракета, расположенная в открытом море на подводной лодке, способная доставлять ядерные заряды.

Биполярная система (англ.: *bipolar system*) — система международных отношений с двумя центрами силы. Примером биполярной системы международных отношений была холодная война.

Блоки (англ.: *blocs*) — группы государств, которые объединяются или создают ассоциации для какой-то цели. Примерами могут служить такие военно-политические блоки, как НАТО, Организация Варшавского Договора, или торговые блоки, например НАФТА.

Бреттон-Вудская система (англ.: *Bretton Woods System, BWS*) — система, охватывающая политические и экономические отношения; создана по результатам встречи ряда государств в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гэмпшир, в июле 1944 г. Участники встречи исходили из необходимости стабилизировать обменные курсы валют; активизировать международную торговлю; оказать помощь странам, экономика которых в значительной степени пострадала в результате Второй мировой войны. Тогда же созданы такие институты, как МВФ и Всемирный банк.

Валовой внутренний продукт, ВВП (англ.: *gross domestic product, GDP*) — мера измерения экономического производства в стране. В отличие от ВВП, ВВП оценивает производство внутри страны. ВВП принят как международная мера измерения показателя национальной экономики.

Валовой национальный продукт, ВНП (англ.: *gross national product, GNP*) — общая стоимость товаров и услуг, произведенных в стране за год. ВНП — это размер экономической активности страны.

Валютный союз (англ.: *monetary union*) — установление единой валюты на территории двух или более государств.

* В подготовке словаря под руководством М. М. Лебедевой и Р. И. Снегура принимали участие С. Т. Адамянц, Р. А. Большов, Д. В. Голубенко, Ю. Г. Зиновский, М. В. Лебедев, В. О. Молчанова, А. А. Панкратова, Е. А. Сафронова, Н. А. Сычева.

Венский конгресс (англ.: *Congress of Vienna*) — мирная конференция 1815 г., завершившая этап наполеоновских войн и создавшая систему международных отношений, которая получила название «Европейский концерт». Результатом конференции стало также установление четких правил, регулирующих дипломатические отношения между странами.

Версальский договор (англ.: *Treaty of Versailles*) — мирное соглашение, подписанное 28 июня 1919 г. в Версале (Франция), которое завершило Первую мировую войну.

Вестфальский мир (англ.: *Peace of Westphalia*) — договор, который был подписан по окончании Тридцатилетней войны в Европе в 1648 г. Он положил начало формированию системы национальных государств и государственно-центристской модели мира.

Взаимозависимость (англ.: *interdependence*) — взаимосвязь государств и других акторов, в результате которой поведение одного влияет на других и мировую ситуацию в целом.

Внешняя политика (англ.: *foreign policy*) — система приоритетов, принципов и действий, реализуемая правительством во взаимоотношениях с миром за пределами государственных границ.

Военная интервенция (англ.: *military intervention*) — использование вооруженных сил одного государства для оказания влияния на власти другого, ставшего объектом интервенции.

Военно-промышленный комплекс, ВПК (англ.: *military-industrial complex*) — термин, подразумевающий тесную взаимосвязь между производителями вооружений, военнослужащими, высокопоставленными лицами в государственных структурах, которые занимаются военно-политической проблематикой и заинтересованы в получении военных заказов, усилении военной мощи и т.п.

Возобновляемые ресурсы (англ.: *renewable resources*) — такие, например, ресурсы, как воздух, запас которых неограничен или постоянно возобновляется в естественном (природном) процессе.

Восстановление мира (англ.: *peacebuilding*) — создание условий, в том числе институтов гражданского общества, способствующих укреплению мира.

Всемирная организация здравоохранения, ВОЗ (англ.: *World Health Organisation, WHO*) — специализированное учреждение ООН, занимающееся проблемами здравоохранения.

Всемирная торговая организация, ВТО (англ.: *World Trade Organisation, WTO*) — организация, созданная по результатам Уругвайского раунда ГАТТ. Функции ГАТТ и сферы его деятельности расширились. В результате ВТО стала охватывать новые области — сельское хозяйство, сервисные услуги, торговлю интеллектуальной собственностью.

Встреча на высшем уровне (англ.: *summit*) — встреча глав государств.

Гарантированное взаимное уничтожение (англ.: *mutual assured destruction, MAD*) — доктрина устрашения, в соответствии с которой ни одна сторона не начнет ядерную войну из-за страха самой быть уничтоженной.

Гендерное неравенство (англ.: *gender inequality*) — неравенство между мужчинами и женщинами в экономической, социальной, политической сферах, выражающееся в неравной оплате за одинаковую работу, меньших возможностях в получении образования, продвижении по службе, ограничении участия в политической жизни и т.п.

Генеральная Ассамблея ООН (англ.: *General Assembly*) — главный совещательный орган Организации Объединенных Наций, представляющий всех членов ООН и уполномоченный Уставом решать широкий круг политических, экономических и социальных вопросов.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле, ГАТТ (англ.: *General Agreement on Tariffs and Trade, GATT*) — межправительственная организация, образованная в 1947 г. как глобальный форум для многосторонних переговоров, нацеленных на снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле.

Геноцид (англ.: *genocide*) — намеренное и систематическое уничтожение расовой, этнической или племенной группы.

Геополитика (нем.: *Geopolitik*) — по ряду параметров также может рассматриваться как одно из направлений, исходящих из основных положений реализма. В геополитике мощь государства рассматривается исходя из его территории, географического положения, климата, топографии, демографии, ресурсов, наличия выхода к морю и т.п. Главная задача государства, согласно точке зрения геополитиков, заключается в расширении и увеличении этих ресурсов. Сам термин «геополитика» активно использовался в Германии на службе агрессивным целям Третьего рейха.

Глобализация (англ.: *globalization*) — процесс, в результате которого все более прозрачными становятся границы национальных государств в различных областях — экономике, социальном взаимодействии и т.п.

Глобальное управление (англ.: *global governance*) — процесс, с помощью которого различные акторы стараются выработать общие для мирового сообщества правила поведения на мировой арене.

Гонка вооружений (англ.: *arms race*) — наращивание вооружений, к которому прибегают две или более страны с целью достигнуть безопасности и защиты друг от друга.

Горизонтальное распространение ядерного оружия (англ.: *horizontal nuclear proliferation*) — увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием.

«Горячая линия» (англ.: *hot line*) — линия телефонной связи между Москвой и Вашингтоном, позволяющая двум лидерам связываться друг с другом напрямую, установленная после Карибского (Кубинского) кризиса.

Государственно-центристская модель мира (англ.: *state-centric model*) — политическая система мира, образованная в результате Вестфальского мира (отсюда ее другое название — Вестфальская модель мира), центральным звеном которой является государство.

Государство (англ.: *state*) — политическое образование, которое включает в себя территорию населяющих ее людей; легитимное правительство, признание другими государствами.

Группа восьми государств, «Большая восьмерка» (англ.: *Group of Eight (G-8)* — восемь наиболее крупных государств: США, Япония, Германия, Франция, Ка-

нада, Италия, Великобритания и Россия. Лидеры этих государств проводят регулярные встречи для обсуждения важнейших проблем развития современного мира.

Групповое мышление (англ.: *groupthink*) — социально-психологические феномены, связанные с принятием политических решений в малой группе.

Движение неприсоединения (англ.: *Nonaligned Movement, NAM*) — движение, образованное в период холодной войны группой стран, в большинстве развивающихся, которые объединились с тем, чтобы избежать втягивания в конкурирующие блоки сверхдержав и отстаивать общие интересы.

Девальвация (англ.: *devaluation*) — снижение ценности национальной валюты по отношению к валютам других стран.

Дипломатический иммунитет (англ.: *diplomatic immunity*) — принцип, в соответствии с которым дипломаты пользуются определенными изъятиями из-под юрисдикции страны пребывания.

Дипломатия (англ.: *diplomacy*) — методы и практика, с помощью которых государства проводят свою внешнюю политику.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ДВЗЯИ (англ.: *Comprehensive Test Ban Treaty, CTBT*) — договор 1996 г., ограничивающий дальнейшие разработки в области ядерных вооружений.

Договор о нераспространении ядерного оружия, ДНЯО (англ.: *Non-Proliferation Treaty, NPT*) — международное соглашение о нераспространении ядерного оружия и запрещении торговли, приобретения или его производства.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Договор по ПРО (англ.: *Antiballistic Missile Treaty, ABM*) — договор, подписанный в 1972 г., направлен на ограничение возможности каждой из сторон: США и СССР/России — использовать противоракетную оборону для отражения ядерного удара.

Договор о РСМД (англ.: *Intermediate Nuclear Forces Treaty, INF*) — договор между СССР и США о ликвидации ими ракет средней и меньшей дальности, подписанный в 1987 г. Он ограничивает количество ракет средней и меньшей дальности, а также пусковых установок, которое каждая сторона может разместить в Европе.

Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений, ОСВ-1 и ОСВ-2 (англ.: *Strategic Arms Limitation Treaty, SALT-1, SALT-2*), соответственно 1972 и 1979 гг. — двусторонние соглашения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, подписанные в 1970-х годах, ограничивающие число и типы стратегических ядерных вооружений, находящихся во владении этих стран.

Договоры о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, СНВ-1 и СНВ-2 (англ.: *Strategic Arms Reduction Treaty, START I, START2*), подписанные Россией и США соответственно в 1991 и 1993 гг. и предусматривающие сокращение стратегических ядерных потенциалов этих стран.

«Европейский концерт» (англ.: *Concert of Europe*) — система международных отношений, созданная по окончании наполеоновских войн на Венском конгрессе 1815 г. Россией, Великобританией, Пруссией и другими европейскими

державами, которая была призвана решать международные проблемы и препятствовать перерастанию спора в войну.

Европейский союз, ЕС (англ.: *European Union, EU*) — организация образована в 1993 г. на основе Маастрихтского договора, подписанного в 1992 г. и объединившего изначально 12 европейских стран: Бельгию, Великобританию, Германию, Грецию, Данию, Ирландию, Испанию, Италию, Люксембург, Нидерланды, Португалию, Францию. За прошедшие годы к ЕС присоединились и другие европейские страны. Входящие в ЕС государства поставили перед собой ряд целей, в частности: создание экономического и валютного союза и замена национальной валюты единой валютой; введение общей внешней политики и политики в области безопасности, а впоследствии и общей политики в области обороны, учреждение системы межгосударственного сотрудничества в области внутренних дел и юстиции; принятие общего свода прав и свобод личности на территории ЕС; проведение реформы институтов ЕС и др.

Европейское объединение угля и стали, ЕОУС (англ.: *European Coal and Steel Community, ECSC*) — организация основана в 1951 г. с целью объединить угольные и стальные ресурсы западноевропейских стран.

Европейские сообщества (англ.: *European Community, EC*) — общее название трех западноевропейских организаций — Европейское объединения угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейское сообщество по атомной энергии (ЕВРАТОМ). Эти сообщества образованы в период 1951—1957 гг. и прошли несколько этапов развития — от установления общих принципов до совместной экономической деятельности.

Европейское экономическое сообщество, ЕЭС (англ.: *European Economic Community, EEC*) — создано на основе Римского договора 1957 г. в целях формирования единого экономического пространства. Первоначально в него вошло шесть европейских государств: Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, ФРГ.

Женевский Протокол 1925 г. (англ.: *Geneva Protocol of 1925*) — соглашение, подписанное в 1925 г. в Женеве, предусматривающее запрещение применения на войне удушливых, ядовитых или подобных газов и бактериологических средств.

«Зеленая революция» (англ.: *green revolution*) — внедрение научных разработок в сельское хозяйство во второй половине XX столетия. Они позволили резко повысить урожай зерновых (производство зерна стало опережать темпы роста населения) в развивающихся странах и справиться с голодом.

Зона свободной торговли (англ.: *free trade area*) — стадия экономической интеграции, при которой устраняются тарифные барьеры между странами-участницами.

Идеализм (англ.: *idealism*) — школа в международных отношениях, получившая распространение в первой половине XX столетия. Отводит главенствующую роль в международных делах международному праву, международным организациям, а также морали.

Изоляционизм (англ.: *isolationism*) — государственная политика, ориентированная на ограничение отношений (политических, экономических и т.д.) с другими государствами.

Импортные квоты (англ.: *import quotas*) — ограничение на количество импортируемого в страну товара.

Индекс физического качества жизни (англ.: *Physical Quality of life Index, PQLI*) — включает показатели продолжительности жизни, уровня детской смертности, грамотности и т.д. Определяет степень удовлетворения основных человеческих потребностей в разных странах.

Индекс человеческого развития (англ.: *Human Development Index, HDI*) — индекс, основывающийся на таких показателях, как продолжительность жизни, уровень грамотности, средняя продолжительность получения образования, уровень доходов и др.

Иностранная помощь (англ.: *foreign aid*) — предоставление одним государством другому ссуд, экспортных кредитов, а также технической и военной помощи.

Интеграция (англ.: *integration*) — процесс сближения, объединения на межгосударственном уровне.

Интервенция (англ.: *intervention*) — военное, экономическое или дипломатическое вмешательство одной страны во внутренние дела другой, а также вторжение на ее территорию.

Исследование проблем мира (англ.: *peace research*) — одно из направлений в международных исследованиях, которое занимается изучением вопросов причин возникновения вооруженных конфликтов, а также их предотвращения, урегулирования и разрешения.

Киотский протокол (англ.: *Kyoto protocol*) — соглашение, подписанное в Киото (Япония) в 1997 г. Подписавшие его стороны обязывались сократить выбросы в атмосферу газов, которые вызывают парниковый эффект, во избежание глобального потепления и изменения климата.

Коллективная безопасность (англ.: *collective security*) — система мирового порядка, в которой мировое сообщество коллективно выступает против государства-агрессора.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, КБО (англ.: *Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stocking of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction, BWC*) — Конвенция 1972 г., запрещающая как применение, так производство и накопление бактериологического оружия.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении, КХО (англ.: *Chemical Weapons Convention*) — подписана в 1993 г. в Париже. Предусматривает запрет на производство химического оружия, а также строгие санкции в отношении тех, кто нарушает данные договоренности, включая страны, которые не присоединились к Конвенции.

Контроль над вооружениями (англ.: *arms control*) — соглашения по поводу ограничения, усовершенствования, накопления и применения определенных видов вооружений в ряде сфер.

Конференция ООН по торговле и развитию, ЮНКТАД (англ.: *United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*) — постоянный орган Генеральной Ассамблеи ООН, созданный в 1964 г. и ориентированный на решение экономических проблем развивающихся стран. Это постоянно действующий международный институт, который проводит встречи примерно раз в четыре года; его членами на начало 2002 г. было 191 государство.

Конфликт низкой интенсивности (англ.: *low-intensity conflict*) — вялотекущий конфликт, при котором столкновения между противоборствующими сторонами не приводят к полномасштабным боевым действиям.

Концепция ограниченного развития (англ.: *limits to growth school*) — исходит из надвигающейся угрозы нехватки ресурсов и резкого ухудшения окружающей среды. Согласно этой концепции, экономический рост необходимо приостановить, если человечество хочет выжить.

Кризис (англ.: *crisis*) — острая политическая ситуация, ставящая под угрозу главные интересы. Для кризиса характерно лавинообразное развитие событий, что предъявляет требования к принятию политических решений.

Кризисное решение (англ.: *crisis decision*) — внешнеполитическое решение, принимаемое в ситуациях, которые характеризуются серьезной угрозой или потенциальной опасностью, неожиданностью, нехваткой времени, вовлеченностью должностных лиц высших дипломатических рангов.

Либерализация торговли (англ.: *trade liberalization*) — устранение тарифных и нетарифных барьеров международной торговли.

Либерализм (англ.: *liberalism*) — одна из основных школ в исследованиях международных отношений. Исходит из представлений о стремлении человека к сотрудничеству, миру; ориентации на справедливость и мораль. В первой половине XX столетия известен как «идеализм».

Либеральный институционализм (англ.: *liberal institutionalism*) — неолиберальный подход в международных исследованиях. Делает акцент на изучение формирования глобальных институтов в современном мире.

Маастрихтский договор (англ.: *Maastricht Treaty*) — подписан в 1992 г. 12 европейскими странами: Бельгией, Великобританией, Германией, Грецией, Данией, Ирландией, Испанией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Португалией, Францией в городе Маастрихт (Нидерланды). Стал основой создания Европейского союза. Договор был ратифицирован в 1993 г.

Международная и внутренняя политика (англ.: *intermestic politics*) — термин, введенный в научный оборот для обозначения политики государства, которая одновременно имеет как внутренних, так и международный аспект.

Международная организованная преступность (англ.: *international organized crime, IOC*) — понятие, включающее организованные преступные синдикаты, которые взаимодействуют друг с другом по всему миру.

Международная политическая экономия (англ.: *international political economy*) — область исследования, которая изучает взаимодействие политики и экономики в сфере международных отношений.

Международное агентство по атомной энергии, МАГАТЭ (англ.: *International Atomic Energy Agency, IAEA*) — специализированное учреждение ООН. Отвечает за поддержание безопасности использования ядерного топлива и размещения ядерных отходов в соответствии с Договором о нераспространении и другими соглашениями по контролю над ядерным оружием.

Международные неправительственные организации, МНПО (англ.: *international nongovernmental organisation, INGO's*) — не учреждены на основании межправительственных соглашений и действуют не только в рамках одного государства (поэтому их иногда называют еще транснациональными). При этом их деятельность не направлена на извлечение прибыли.

Международные режимы (англ.: *international regimes*) — принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений. В отношении них ожидания участников мирового сообщества в той или иной сфере международных отношений и мировой политики (например, в области тарифов и торговли, финансовой политики, использования космоса и т.п.) совпадают.

Международный валютный фонд, МВФ (англ.: *International Monetary Fund, IMF*) — специализированное учреждение ООН. Основные функции: поддержание денежно-кредитной стабильности государств-членов путем восполнения дефицитов их платежных балансов; обеспечение международного валютного сотрудничества, стабилизации валютных курсов; создание фондов иностранной валюты для нуждающихся стран с целью максимизации объемов мировой торговли.

Международный Суд (англ.: *International Court of Justice, ICJ*, или *World Court*) — создан в 1945 г. в качестве судебного органа ООН. Призван разрешать возникающие споры между государствами. Его местонахождение — Гаага, Нидерланды. В Суде заседают 15 судей, которые избираются абсолютным большинством голосов Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН на девять лет. Каждые три года состав судей обновляется на $\frac{1}{3}$.

Межконтинентальные баллистические ракеты, МБР (англ.: *Intercontinental Ballistic Missiles, ICBM's*) — ракеты, способные доставлять боевой заряд на другой континент.

Межправительственные организации, МПО (англ.: *intergovernmental organisations, IGO's*) — институты, учрежденные на основе международных договоров государствами, которые являются их членами.

Меркантилизм (англ.: *mercantilism*) — научное направление и соответствующая ему политика, которые исходят из представлений о необходимости усиления экономической мощи государства, развития национальной экономики.

Миграция (англ.: *migration*) — переселение из одного места проживания в другое.

«**Мирный дивиденд**» (англ.: *peace dividend*) — сбережения, полученные от сокращения вооружений, которое оказалось возможным благодаря окончанию холодной войны.

Миротворческие операции (англ.: *peace operations*) — широкое понятие, включающее различные действия, в том числе с участием военных, для урегулирования конфликта.

Миротворчество (англ.: *peacemaking*) — посредничество, переговоры и другие формы дипломатической деятельности, направленные на достижение мирного соглашения.

Мир-системная теория, или теория мир-системы (англ.: *world-system theory*) — один из наиболее известных вариантов неомарксизма. Исходит из представлений, что мир делится не только на государства, но и на более важные структурные единицы — классы. В результате развития капитализма произошло расслоение стран в зависимости от экономических показателей на три части: центр (ядро), периферию, полупериферию. Страны, оказавшиеся в центре, имеют значительно более высокий жизненный уровень и доминируют среди остальных. Развитие ядра осуществляется за счет остальных стран, что ведет к конфликтам.

Многополярная система (англ.: *multipolar system*) — система международных отношений, которая характеризуется множественностью центров силы.

Многосторонняя дипломатия (англ.: *multilateral diplomacy*) — охватывает одновременно несколько стран.

Модернисты (англ.: *modernists*) — исследователи международных отношений, которые основывают свой анализ на методах, построенных на принципах естественных наук.

Наднациональный уровень (англ.: *supranational level*) — уровень действий, политических решений и т.д., выходящий за пределы отдельного государства, например уровень межправительственных организаций.

Наименее развитые среди развивающихся стран (англ.: *The Least Developed of the Less Countries, LLDCs*) — те страны, где средний доход на человека составляет около одного доллара в день, а товарно-денежные отношения заменяются натуральным обменом. Иногда используется термин «четвертый мир».

Национализм (англ.: *nationalism*) — идеология, которая рассматривает национальность как основу политической идентификации. Часто используется в современном мире в политической борьбе, в том числе в вооруженных конфликтах.

Национальные интересы (англ.: *national interest*) — одно из основных понятий в (нео)реализме. Эти интересы определяются государством, и для их достижения используется внешняя политика. Понятие обычно включает в себя обеспечение безопасности, независимости, а также экономическое благополучие страны.

Национальный суверенитет (англ.: *national sovereignty*) — одно из основных понятий в теории международных отношений и международном праве. Оно подразумевает, что государство обладает властными полномочиями на принадлежащей ему территории и оно самостоятельно в международных делах. Вместе с тем суверенитет не освобождает государство от ответственности за предпринимаемые действия.

Невозобновляемые ресурсы (англ.: *nonrenewable resources*) — сырье, находящееся в ограниченном количестве, которое может быть исчерпано.

Негосударственный актор (англ.: *nonstate actor*) — участник международного взаимодействия. В этом качестве могут выступать транснациональные корпорации, неправительственные организации, внутригосударственные регионы и т.д.

Нейтралитет (англ.: *neutrality*) — официальная позиция государства, связанная с отказом вступать в различные военно-политические союзы и организации.

Неоколониализм (англ.: *neocolonialism*) — теоретический подход, согласно которому развитые государства продолжают эксплуатировать развивающиеся страны экономическими средствами.

Неомарксизм (англ.: *neomarxism*) — одна из ведущих школ в международных отношениях. Подчеркивает экономическое неравенство в современном мире и расслоение населения по экономическому параметру, происходящее не по линиям границ национальных государств, а главным образом по оси «Север—Юг».

Неореализм (англ.: *neorealism*) — современное направление реализма. Государства остаются основной и практически единственной единицей анализа международных отношений. Однако они стали рассматриваться не только сами по себе, но прежде всего с учетом структур, которые образуют, включая союзы и межправительственные организации.

Неофункционализм (англ.: *neofunctionalism*) — базируется на основных посылах функционализма. Приоритет отдается таким областям, которые способствуют межгосударственному сотрудничеству, как здравоохранение, новые технологии и др. При этом подчеркивается важность политических решений.

Новые индустриальные страны, НИС (англ.: *Newly Industrialized Countries, NIC's*) — те страны, что в период с 1970 по 1980 г. показывали высокие темпы экономического роста, промышленного развития и перешли из категории развивающихся в группу стран со средним уровнем национального дохода.

Новый международный экономический порядок (англ.: *New International Economic Order, NIEO*) — меры, предложенные развивающимися странами в 1970-х годах. Предусматривают введение новых правил торговли, помощи, инвестирования с целью иного распределения благ между развитым «Севером» и отстающим «Югом».

Организация Объединенных Наций, ООН (англ.: *United Nations, UN*) — универсальный межправительственный орган, созданный в 1945 г. с целью поддержания мира и международной безопасности, а также сотрудничества в экономической и социальной сферах.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, ЮНЕСКО (англ.: *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, UNESCO*) — специализированное учреждение ООН. Создана с целью содействия повышению уровня грамотности населения менее развитых стран; интенсификации научных и культурных обменов, распространению информации и т.п.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ (англ.: *Organisation for Security and Cooperation in Europe, OSCE*) — многосторонний институт, объединяющий европейские страны, а также США и Канаду. Главная его задача — обеспечение безопасности и развития сотрудничества в Европе.

Организация Североатлантического договора, НАТО (англ.: *North Atlantic Treaty Organisation, NATO*) — военно-политический союз, созданный в 1949 г. 15 странами Северной Америки и Западной Европы.

Организация стран—экспортеров нефти, ОПЕК (англ.: *Organisation of Petroleum Exporting Countries, OPEC*) — содружество государств, на долю которых приходится основная часть мирового экспорта нефти.

Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (англ.: *Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD*) — объединение наиболее развитых в экономической области стран. Основная цель — способствовать взаимному экономическому сотрудничеству.

«Основная мощь» (англ.: *hard power*) — способность осуществлять влияние на мировой арене вследствие наличия таких ресурсов, как военная сила.

Относительное бремя военных расходов (англ.: *relative burden of military spending*) — соотношение военных расходов и валового национального продукта.

Пакт Бриана—Келлога (англ.: *Kellogg—Briand Pact*) — многостороннее соглашение, подписанное в 1928 г. в Париже, согласно которому война не является методом разрешения межгосударственных конфликтов.

Pacta sunt servanda (лат.) — принцип в международных отношениях, согласно которому условия договора необходимо соблюдать (досл.: «Соглашения не должны нарушаться»).

Парниковый эффект (англ.: *greenhouse effect*) — повсеместное повышение температуры на Земле из-за накопления углеродистого диоксида.

Пацифизм (англ.: *pacifism*) — мировоззрение, которое отвергает право на убийство и направлено на поиск бескровных путей разрешения конфликтов.

Периферия (англ.: *periphery*) — термин, обозначающий в неомарксизме развивающиеся страны. Периферийные государства зависимы от «центра» и, согласно данному подходу, менее развиты в силу неравных отношений.

План Маршалла (англ.: *Marshall Plan*) — американская программа помощи государствам Западной Европы с целью восстановления их экономики, разрушенной во время Второй мировой войны.

Платежный баланс (англ.: *balance of payments*) — финансовый отчет по результатам экономического взаимодействия страны с остальным миром, учитывающий как приток, так и отток денежных средств.

Поддержание мира (англ.: *peacekeeping*) — ввод вооруженных сил различными государствами и/или межправительственными организациями для разъединения противоборствующих сторон. Осуществляется только при согласии государств, на территорию которого они вводятся.

Политика высокого уровня (англ.: *high politics*) — относящаяся к национальной безопасности.

Политика низкого уровня (англ.: *low politics*) — экономическая, социальная политика, а также другие ее виды, которые не затрагивают военно-политические аспекты.

Посредничество (англ.: *mediation*) — процедура урегулирования конфликта, в рамках которой третья сторона налаживает переговорный процесс и участвует в поиске мирного решения проблемы.

Постмодернизм (англ.: *postmodernism*) — подход в международных отношениях, сформировавшийся в 1980-е годы, с одной стороны, как реакция на классические теории (неолиберализм и прежде всего неореализм), с другой — под влиянием неомарксизма в поисках иной теоретической альтернативы.

Права человека (англ.: *human rights*) — политические права и гражданские свободы, признанные международной общественностью как неотъемлемые, которыми обладают люди во всех странах мира. Определены в различных международных соглашениях и декларациях, в том числе во Всемирной декларации по правам человека.

«Право войны» (лат.: *jus belli*) — право суверенного государства использовать военную силу для защиты своих интересов.

«Право договора» (лат.: *jus tractatum*) — право суверенного государства подписывать договоры с другими государствами.

Превентивная дипломатия (англ.: *preventive diplomacy*) — дипломатические действия, предпринятые заранее, до развития насильственных форм проявления конфликта.

«Принуждение к миру» (англ.: *peace enforcement*) — военные действия, предпринимавшиеся для принуждения к мирному урегулированию, перемирию или принятию предложения о сдаче воюющих сторон для прекращения начатой ранее войны.

Проблема отношений «Север—Юг» (англ.: *North-South problem*) — проблема, заключающаяся в значительной поляризации мира по оси «Север—Юг», в результате чего в странах, находящихся в северном полушарии (развитые государства), общий социально-экономический уровень жизни существенно выше, чем в развивающихся странах.

Программа ООН по окружающей среде (англ.: *United Nation Environmental Program, UNEP*) — создана по итогам Стокгольмской конференции 1972 г. по охране окружающей среды. Призвана стимулировать международное сотрудничество в области охраны окружающей среды.

Протекционизм (англ.: *protectionism*) — политика, направленная на защиту национального рынка путем ограничения импорта. Включает в себя различные (тарифные и нетарифные) методы.

Противоракета (англ.: *Anti-Ballistic Missile, ABM*) — один из элементов системы противоракетной обороны, который отражает ядерный удар путем уничтожения атакующих баллистических ракет до того, как они достигнут цели.

Развивающаяся страна (англ.: *Less Developed Country, LDC*) — характеристика государства с относительно низким уровнем доходов и промышленного производства.

Разделяющаяся головная часть с боеголовками индивидуального наведения, РГЧ ИН (англ.: *multiple independently targetable reentry vehicle, MIRV*) — технология, установленная на межконтинентальной баллистической ракете (МБР), доставляющая от трех до десяти боеголовок (разделяющиеся головные части), каждая из которых имеет свою цель.

Разоружение (англ.: *disarmament*) — решение одного или более государств о сокращении, выводе, уничтожении определенных видов (или вида) оружия.

Разрядка (фр.: *detente*) — ослабление напряжения между противостоящими сторонами.

Распространение вооружений (англ.: *arms transfers*) — акты продажи и дарения за пределы национальных границ систем вооружения, запасных частей и чертежей.

Рациональный выбор (англ.: *rational choice*) — подход к процессу принятия решений, предполагающий четкое определение ситуации, постановку целей, рассмотрение альтернатив и выбор оптимальных путей достижения цели.

Реализм (англ.: *realism*) — одна из основных школ международных отношений. Она рассматривает их как борьбу за господство государств, выступающих в качестве единственных акторов анархичных по своей природе международных отношений.

Репарации (англ.: *reparations*) — полное или частичное возмещение материального ущерба, причиненного войной. Выплачиваются государству-победителю побежденной страной.

Риалполитика (нем.: *Realpolitik*) — теоретический подход в международных отношениях. Основывается на предпосылке, что государства должны готовиться к войне для сохранения мира. В более «мягком» варианте подразумевает принцип политической деятельности, согласно которому особое внимание следует уделять тому, что необходимо ориентироваться на действительные интересы соперника, а не на то, что он декларирует; быть готовым применить силу только в том случае, если все прочие варианты воздействия исчерпаны.

Римский договор (англ.: *Treaty of Rome*) — подписанный 25 марта 1957 г. Бельгией, Францией, ФРГ, Италией, Люксембургом и Голландией («шестерка»). Он создал Европейское экономическое сообщество и стал предшественником Европейского союза.

Рычаги власти (англ.: *tools of statecraft*) — термин, используемый для обозначения инструментов влияния и власти государства.

Североамериканское соглашение о свободной торговле, НАФТА (англ.: *North American Free Trade Agreement, NAFTA*) — заключено между США, Канадой, Мексикой и предусматривает установление зоны свободной торговли.

Североатлантический Совет по сотрудничеству (англ.: *North Atlantic Cooperation Council, NACC*) — структура в НАТО, которая была предложена в 1991 г. для развития партнерских отношений между НАТО и странами Центральной и Восточной Европы.

Сравнительный анализ внешней политики (англ.: *comparative foreign policy analysis*) — одно из направлений исследования, при котором изучаются модели внешнеполитического поведения государств, а также обуславливающие их факторы.

Стратегическая оборонная инициатива, СОИ (англ.: *Strategic Defense Initiative, SDI*) — план, выдвинутый США в начале 1980-х годов, для создания системы вооружения космического базирования.

Таможенный союз (англ.: *customs union*) — образование, создаваемое государствами, которые согласились упразднить торговые барьеры между собой и принять единую систему торговых барьеров.

Тариф (англ.: *tariff*) — импортная пошлина, которой облагают ввозимые в страну товары.

«Теневая экономика» (англ.: *informal economy*) — все виды экономических отношений, которые официально не отслеживаются и не просчитываются. Это могут быть незаконные операции (торговля наркотиками или запрещенными товарами), а также продажи «из-под прилавка».

Теории интеграции (англ.: *integration theory*) — объясняют, каким образом государства объединяются и передают часть своего суверенитета наднациональным образованиям.

Теория гегемониальной стабильности (англ.: *theory of hegemonic stability*) — согласно ей при существовании государства-гегемона устанавливается стабильный экономический режим, так как лидер вырабатывает правила и нормы поведения, которые принимаются другими участниками.

Теория зависимости (англ.: *dependency theory*) — в рамках неомарксизма модель международной экономики и политики, основанная на утверждении, что экономики менее развитых стран эксплуатируются промышленно развитыми. В этих условиях менее развитые государства оказываются зависимыми от капитала, технологий и товаров развитых стран, которые, согласно представителям данной теории, используют такую зависимость.

Терроризм (англ.: *terrorism*) — в самом общем виде может быть определен как применение или угроза применения насилия в отношении мирного населения с целью политического вымогательства, принуждения или пропаганды.

Терроризм эпохи постмодерна, или постмодернистский терроризм (англ.: *postmodern terrorism*) — современный терроризм, который обладает рядом таких новых черт, как использование технологий XXI в., стремление к привлечению государственных структур для реализации террористических операций и т.п.

Торговый баланс (англ.: *balance of trade*) — ежегодный подсчет торгового профицита или дефицита страны. Основан на разнице между стоимостью совокупного экспорта и совокупного импорта за отчетный период.

Традиционалисты (англ.: *traditionalists*) — исследователи международных отношений, которые основывают свой анализ на традиционных методах: историко-описательных и интуитивно-логических, ориентированных на научный труд в виде эссе. Термин возник в 1960-х годах, когда прошла дискуссия между двумя направлениями по поводу методологии и методов исследования.

Транснациональная корпорация/многонациональная корпорация, ТНК/МНК (англ.: *multinational corporation / transnational corporation, TNC/MNC*) — корпорация, которая имеет предприятия за пределами одного государства.

Транснациональные акторы (англ.: *transnational actors*) — участники, действующие за пределами одного государства на мировой арене, например ТНК, НПО и др.

Устойчивое развитие (англ.: *sustainable development*) — подразумевает использование природных ресурсов для удовлетворения потребностей проживающего в настоящее время населения, без нанесения ущерба последующим поколениям.

«Утечка умов» (англ.: *brain drain*) — выезд специалистов, инженеров, ученых в более развитые страны.

Финансовая автономия (англ.: *monetary autonomy*) — способность страны посредством своего центрального банка определять собственную финансовую политику, несмотря на международные соглашения или ограничения.

Функционализм (англ.: *functionalist school*) — теоретическое направление, исходящее из представлений, что сотрудничество государств в экономической, технической и других сферах ведет к приобретению опыта, распространяемого затем и на политическую область.

Химическое оружие (англ.: *chemical weapons*) — газы и другие химические соединения, способные уничтожить войска противника или мирное население.

Холодная война (англ.: *Cold War*) — термин характеризует военную и политическую конфронтацию между Западом и Востоком после Второй мировой войны. Впервые появился в конце 1940-х годов.

Экономический и социальный совет ООН, ЭКОСОС (англ.: *Economic and Social Council, ECOSOC*) — орган ООН, занимающийся подготовкой рекомендаций, докладов и т.п. по международным вопросам в области экономики, социальных отношений, здравоохранения и т.п.

Экономический либерализм (англ.: *economic liberalism*) — подход, согласно которому страны развиваются наилучшим образом, когда участие государства в экономической жизни минимально.

Эмбарго (англ.: *embargo*) — решение правительства о запрете коммерческих связей с определенным государством.

Этнические чистки (англ.: *ethnic cleansing*) — преследования, переселения или убийства граждан на этнической или расовой основе.

Эффект CNN (англ.: *CCN effect*) — давление, оказываемое СМИ на государства, международные организации и т.д., с тем чтобы побудить их предпринять те или иные шаги.

Ядерное нераспространение (англ.: *nuclear nonproliferation*) — неразработка ядерного оружия или технологий по его производству, а также средств доставки этого оружия странам, которые им не обладают.

Ядерное сдерживание (англ.: *nuclear deterrence*) — доктрина, основанная на том, что сама возможность применить ядерное оружие сдерживает противника от агрессии. Исходит из посыла, что участники международных отношений ведут себя исключительно рационально и стараются избежать тех разрушительных последствий, которые несет с собой применение ядерного оружия.

Ядро (англ.: *core*) — в неомарксизме наиболее промышленно развитые страны.

Использованные зарубежные учебные и справочные издания

- Allen J. L.* Student Atlas of World Politics. Mansfield, 2002.
- Amstutz M. R.* International Conflict and Cooperation. Boston., 1999.
- Brown Ch.* Understanding International Relations. N.Y., 2001.
- Buzan B., Little R.* International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford, 2000.
- Caldwell D.* Word Politics and You. N.J., 2000.
- Duncan W. R., Jancar-Webster B., Switky B.* World Politics in the 21st Century. N.Y., 2002.
- Evans G., Newnham J.* Dictionary of International Relations. L., 1998.
- Goldstein J. S.* International Relations. N.Y., 2001.
- Handbook of International Relations / Ed. by W. Carsnaes, T. Risse, B. A. Simmons. L., 2002.
- Holsti K. J.* International Politics: A Framework for Analysis. N.J., 1995.
- Hughes B.* Continuity and Change in World Politics: Competing Perspectives. N.J., 2000.
- Issues in World Politics / Ed. by B. White, R. Little, M. Smith. L., 2001.
- Kegley Ch. W., Wittkopf E. R.* World Politics: Trend and Transformation. N.Y., 2001.
- Kegley Ch. W., Raymond G. A.* A Multipolar Peace? Great-Powers Politics in Twenty-first Century. N.Y., 1994.
- Lamborn A. C., Leggold J.* World Politics into the 21st Century. N.J., 2002.
- Magstadt Th. M., Schotten P. M.* Understanding Politics: Ideas, Institutions, and Issues. N.Y., 1999.
- Mingst K.* Essence of International Relations. N.Y., 1999.
- Nicholson M.* International Relations: A Concise Introduction. N.Y., 1998.
- Nossal K. R.* The Patterns of World Politics. Scarborough, 1999.
- Person F. S., Rochester J. M.* International Relations. N.Y., 1998.
- Rourke J. T.* International Relations and World Politics. Second Ed. McGraw-Hill/Dushkin, 2001.
- Rourke J. T., Boyer M. A.* World Politics: International Politics on the World Stage. Mansfield, 2000.
- Russett B., Starr H., Kinsella D.* World Politics: The Menu for Choice. Boston.; N.Y., 2000.
- Snow D. M., Brown Eu.* International Relations: The Changing Contours of Power. N.Y., 2000.
- Viotti P. R., Kauppi M. V.* International Relations and World Politics. N.J., 2001.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Часть первая

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 1. Краткий очерк развития мировой политики	9
1.1. Мировая политическая система: предыстория	9
1.2. Заключение Вестфальского мира и формирование государственно-центристской политической системы мира	13
Глава 2. Теоретические школы в международных исследованиях	27
2.1. Реализм и неореализм	28
2.2. Либерализм и неолиберализм	35
2.3. Неомарксизм	40
2.4. Постмодернизм и другие теоретические подходы	43
2.5. Частные теории в международных исследованиях и специфика некоторых национальных школ	49
Глава 3. Множественность транснациональных акторов современного мира	59
3.1. Государства в политической системе мира	59
3.2. Межправительственные организации в политической системе мира	66
3.3. Международные неправительственные организации, транснациональный бизнес и другие ТНА	73
Глава 4. Трансформация системы международных отношений и политической системы мира	86
4.1. Современная система международных отношений	86
4.2. Множественность политических акторов как фактор изменения политической системы мира	94
4.3. Контуры новой политической системы мира и сценарии перехода к ней	100
Глава 5. Мировая политика как научная дисциплина	108
5.1. Формирование мировой политики как науки и ее взаимосвязь с другими дисциплинами	109
5.2. Развитие мировой политики в конце 1990 — начале 2000-х годов и ее современное состояние	119
5.3. Особенности отечественных исследований по международным отношениям и мировой политике	125
5.4. Уровни анализа и методы исследования в мировой политике	129

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Раздел I. Тенденции развития современного мира

Глава 6.	Глобализация мира	140
6.1.	Подходы к проблеме глобализации	140
6.2.	Проявления глобализации	146
6.3.	Развитие новых технологий — ведущий фактор процесса глобализации	150
6.4.	Неоднозначность и неравномерность процессов глобализации	155
Глава 7.	Интеграция и демократизация мира как тенденции современного этапа его развития	161
7.1.	Интеграционные процессы в современном мире	161
7.2.	Демократизация мира	172

Раздел II. Вызовы современного мира

Глава 8.	Проблемы безопасности и контроля над вооружениями в современном мире	182
8.1.	Основные подходы к пониманию безопасности	182
8.2.	Гонка вооружений и контроль над вооружениями	184
8.3.	Поставки оружия и торговля оружием	195
8.4.	Проблемы организованной преступности, наркобизнеса и терроризма	197
Глава 9.	Конфликты в современном мире	205
9.1.	Особенности конфликтов в конце XX — начале XXI в.	205
9.2.	Формы и методы воздействия на конфликт с целью его предотвращения и мирного урегулирования	214
Глава 10.	Проблема отношений «Север—Юг»	224
10.1.	Параметры неравномерного развития стран «Юга» и «Севера»	224
10.2.	Причины различий между «глобальным Севером» и «глобальным Югом» и возможные пути их преодоления	231
Глава 11.	Проблемы демографии и экологии	238
11.1.	Население земного шара	239
11.2.	Экологические проблемы современного мира	246

*Раздел III. Новые измерения современных международных
отношений и мировой политики*

Глава 12.	Экономическая составляющая мировой политики	256
12.1.	Важнейшие подходы к мировой политической экономии ..	256
12.2.	Основные проблемы международной политической экономики второй половины XX — начала XXI в.	263
Глава 13.	Право и мораль в мировой политике	274
13.1.	Правовая составляющая мировой политики	274
13.2.	Моральные аспекты мировой политики	286

Глава 14.	Образование как фактор в мировой политике	293
14.1.	Роль и значение образования в современном мире	293
14.2.	Тенденции и политика в области образования	299
14.3.	Интеграция образовательного пространства в Европе	307

*Раздел IV. Регулирование мировых политических процессов
в современном мире*

Глава 15.	Внешняя политика и дипломатия	314
15.1.	Выработка и принятие внешнеполитических решений	314
15.2.	Дипломатия	320
Глава 16.	Глобальное управление	331
16.1.	Подходы к пониманию глобального управления	331
16.2.	Проблемы и перспективы глобального управления	337
16.3.	Россия в глобальном управлении	341
	Заключение	345
	Словарь терминов	347
	Использованные зарубежные учебные и справочные издания	362

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна — доктор политических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующая Кафедрой мировых политических процессов факультета Политологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет). Член постоянной рабочей группы по международным отношениям Европейского консорциума по политическим наукам (ЕСРР). Автор более 180 работ, в том числе изданных в США, Великобритании, Нидерландах, Южной Африке, Франции, Германии, Латвии, Румынии. Член редакционных и научных советов ряда российских и зарубежных научных журналов.

М. М. Лебедева — председатель Научно-методического совета по политологии Министерства образования и науки РФ, сопредседатель Учебно-методического совета по международным отношениям Министерства образования и науки РФ.

«МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» — второе издание первого отечественного учебника, подготовленного в соответствии с общероссийской программой учебной дисциплины «мировая политика». В нем рассматривается политическая система современного мира, те изменения, которые она претерпевает за последние годы. Приводятся и анализируются взгляды отечественных и зарубежных ученых на проблемы мировой политики и тенденции ее развития. Рассматриваются мегатренды политического развития мира, такие как глобализация, интеграция, демократизация и противоположные им тенденции. Обсуждаются проблемы мирового политического развития, связанные с конфликтами, терроризмом, экологией, демографией, миграцией, развитием новых технологий и др.

ISBN 978-5-7567-0428-0

9 785756 704280